

ЗВЕЗДА ВОСТОКА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ
УЗБЕКИСТАНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С 1932 ГОДА

№ 9

1990 ГОД

Ташкент. Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма

В номере:

ПРОЗА

НОДИР НОРМАТОВ. Если человека ужалит змея... Повесть. Перевод с узбекского Г. Немирко	23
ЕВГЕНИЙ БЕРЕЗИКОВ. Вхождение в полтергейст. Э т ю д ы о н е п о з н а н н о м . О к о н ч а н и е	57
ГАЛИМЬЯН ЗИНАТУЛИН. Поездка к брату. Р а с с к а з	87
ВЛАДИМИР СИДОРОВ. В лес по ягоды. Р а с с к а з	96
БРУТТ КИМ. Когда рассеется туман. Р а с с к а з	103

ПОЭЗИЯ

ОЛЬГА МАЗУРОВА. «Хаос...». Июль. «Я ничего не успеваю...». «Однажды, я возьму и полеку...». «Как холодно...». «Ах, Боже мой...»	18
МАРГАР МАРГАРЯН. «Я пальцы свои, словно свечи, зажгу для тебя...». «Стоя в затылок друг другу, гуськом, впрытык...». Я иду. Круги. Дознание. Перевод с армянского Г. Галимовой	20
САБИТ МАДАЛИЕВ. Рубаи	50
ВИКТОР ТИХНЕНКО. «Соразмерна ширью речка Лета...». «Осень...». «Пойманный поймою вечер...». «Греет шар земной бока...». «Сколько шума...». «Под рубашкою нет спины...». «Усохла речка...»	54
ШАВКАТ РАХМОН. Из ранних стихов. Хлопок. Колдунья. Касыда гранату. Ночь падения звезд. «Растущее, сильное дерево я...». «Я видел...». Океан. Перевод с узбекского А. Исмаили	85

ПЕРЕСТРОЙКА: ИДЕИ И ПРАКТИКА

А. ГОЛОВАНОВ. «Эх ты, масса, масса...». Окончание	3
---	---

РУССКИЕ ПОДВИЖНИКИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

БОРИС ЛУНИН. Еще одна замечательная жизнь	112
---	-----

К 80-ЛЕТИЮ ХАМИДА АЛИМДЖАНА

МЕЛИ НОРМАТОВ. Светлая юность моя... О т р ы в к и и з п о в е с т и . Перевод с узбекского А. Силеенкова	119
ХАМИД АЛИМДЖАН. Невеста в неволе. Не прошу. Перевод с узбекского Н. Красильникова	128

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ЮРИЙ МУРАДОВ. Двойники Насреддина	129
---	-----

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

В. СУМИН. От Арала до «Бизнеса на «любви»	132
З. ТУМАНОВА. «В мир ребяческих чудес...»	134
Д. АБДУЛОВА. Вернуть время из эмиграции	135

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

П. МИРЗА-АХМЕДОВА, Д. РАШИДОВА. Джадиды: кто они?	137
---	-----

РЕЗОНАНС

ХУРШИД ДАВРОН. Завоеватель не может быть героем. Перевод с узбекского З. Хасановой	142
--	-----

КОРАН

Сура 12. Йусуф	154
Сура 13. Гром	158
Сура 14. Ибрахим	160
Комментарии	162

ПРИКЛЮЧЕНИЯ. ФАНТАСТИКА

ВАДИМ ДОНСКОЙ. Айси. Фантастическая повесть	165
---	-----

К НАШЕЙ ВКЛАДКЕ

Н. ГЛАЗКОВА. Многообразное единство	204
---	-----

САТИРА. ЮМОР

Улыбка художников. Рисунки В. Уборевич-Боровского. Ш. Субханова. Р. Ахмедова	205
О наших авторах	207
«Звезда Востока» в 1991 году	208

Главный редактор **С. П. ТАТУР.**

Редакционная коллегия: **В. А. АЛЕКСАНДРОВ, И. М. АЛЯБЬЕВА** (отв. секретарь), **А. Ф. БАУЭР, А. Р. БЕНДЕР** (зам. главного редактора), **Е. Е. БЕРЕЗИКОВ, С. А. БРЫНСКИХ, Г. П. ВЛАДИМИРОВ, Н. К. ГАЦУНАЕВ, М. М. МИРЗАМУХАМЕДОВ, Ю. А. МОРИЦ, И. Ф. РОГОВ, Р. А. САФАРОВ, Н. В. СТРИЖКОВ, А. А. УДАЛОВ, Ш. ХАЛМИРЗАЕВ, Н. ХУДАЙБЕРГАНОВ.**

А. Голованов

«ЭХ ТЫ, МАССА, МАССА...»

ВРЕМЯ НАДЕЖД

Передают по радио указ,¹
Переменяя музыкой и плачем:
«Один светильник разума угас.
Другой светильник разума назначен».

Народный фольклор

Март 1953 года породил надежды на обновление, на растопление мутной толщи льда, железным панцирем сковавшего страну.

Инициатором и главным вдохновителем новой линии выступил Н. С. Хрущев. Он хорошо понимал, что со времен коллективизации сельское хозяйство не оправдывало даже тех призрачных вложений, которые ему доставались. Несмотря на некоторое укрепление материально-технической базы села, на то, что к началу 50-х годов машин в деревне использовалось больше, чем до второй мировой войны, продукция сельского хозяйства сократилась и в целом по стране ее производилось меньше, чем даже до первой мировой войны.

Плодом раздумий стала программа, предложенная на сентябрьском Пленуме. Сформулированные в ней меры были всем понятны: больше платить колхозам и колхозникам, дать им хоть немного воли, снизить налоги. Особую поддержку селян вызвали предложения о повышении материальной заинтересованности тружеников полей и ферм. Ведь до сих пор власть в основном не интересовывала, а погоняла. Пленум же нацелил внимание партийных и хозяйственных органов прежде всего на уменьшение административного вмешательства в экономику, на использование экономических рычагов подъема сельскохозяйственного производства. Он призвал уже в ближайшее время повысить денежные и национальные доходы колхозников и аграрных рабочих не менее чем на 40 процентов. И действительно, вскоре было принято несколько постановлений, направленных на реализацию этих решений.

Наряду с продукцией хлопковых полей, в годы потепления были повышены заготовительные цены на овощи, шелковичные коконы, каракуль. Среднегодовая заработная плата одного совхозного рабочего возросла за период 1954—1959 годов на 21,4 процента. Особенно существенно возросла зарплата механизаторов — на 45 процентов.

Внимательно отнесся сентябрьский Пленум к решению вопроса о сельских подворьях, находившихся практически в загоне. С личных приусадебных участков сельских жителей была списана вся задолженность прошлых лет по обязательным поставкам, снижен сельхозналог, уменьшены размеры обязательных госпоставок. Одновременно

Окончание. Начало в № 8.

была намечена широкая программа по созданию необходимых условий для содержания личного скота.

Подлинно историческое значение приобрели меры по ликвидации уродливой системы оседлости крестьян, возвращение им паспортов.

Были предприняты шаги по развитию демократических начал в жизни деревни. В частности, провозглашался принцип планирования снизу. Колхозы получили право вносить изменения в свои уставы с учетом местных условий.

Усилилось внимание к решению насущных проблем социально-культурного развития села. Здесь больше, чем прежде, стало строиться больниц, школ, жилья, стали вводиться пенсии.

Заметный импульс процессам обновления придали решения XX съезда КПСС. Провозглашенный партий курс на демократизацию общественной жизни, на преодоление отживших форм руководства, развернувшаяся реабилитация жертв сталинского террора, в том числе депортированных в Среднюю Азию народов, вызвали небывалый рост политического сознания масс. Значительно возросла роль рабочих и крестьян в повседневной деятельности Советов, в работе партийных и массовых общественных организаций.

Наметилось ускорение темпов развития производительных сил деревни. Начался процесс оздоровления экономики колхозов и совхозов. К примеру, в Узбекистане за годы шестой пятилетки производство зерновых культур возросло более чем в 1,5 раза, хлопка-сырца — примерно в 1,2 раза. Ощутимо выросли объемы картофеля, бахчевых, фруктово-ягодной продукции, винограда. Увеличилось стадо крупного и мелкого скота. Производительность труда возросла в 1960 году по отношению к 1950 году в колхозах на 188 и в совхозах на 172 процента. Люди впервые, может быть, за много лет всерьез ощутили, что работают на себя.

Однако реального прорыва достичь не удалось. Болезнь была лишь подлечена, но не вырваны корни, ее питающие. Свежий ветер перемен весны 1953 года постепенно угасал, а затем и задул в другую сторону. Вновь в сельском хозяйстве с нарастающей тенденцией стали восстанавливаться командно-административные формы управления, упрочался бюрократический стиль деятельности. Усилилось неоправданное вмешательство в деятельность колхозов и совхозов, навязывание им из центра различного рода указаний, проведение надуманных реорганизаций.

До сих пор, например, с иронической усмешкой вспоминается в народе «кукурузная» кампания. Печальный след оставила в сознании масс реорганизация машинно-тракторных станций. В процессе продажи сельскохозяйственной техники были допущены серьезные ошибки. Численность колхозов, финансовые возможности которых позволяли купить сельскохозяйственную технику в короткие сроки, была весьма ограниченной. Общая задолженность отстающих колхозов Узбекистана на 1 июля 1958 года составила 358,8 миллиона рублей. И тем не менее под административным нажимом уже к 1 мая 1958 года 78 МТС полностью продали технику более 700 обслуживаемым колхозам. В результате сельхозартели израсходовали на оплату приобретаемой техники не только предназначенные для этого средства, но и значительную часть неделимых фондов. Подобная вакханалия административного насилия наблюдалась по всей стране. И зачинщиком ее был Н. С. Хрущев. Уже на декабрьском (1958 г.) Пленуме ЦК КПСС, спустя лишь несколько месяцев после публичных призывов к разумности и планомерности при осуществлении реорганизации машинно-тракторных станций, Хрущев потребовал продать технику и слабым колхозам, чтобы не развивать у них иждивенческих настроений.

Подобная поспешность принесла значительный ущерб колхозному производству. Хозяйствам пришлось потратить громадные суммы денег не только на покупку техники, но и на строительство помещений для ее хранения и ремонта, закупку горючесмазочных материалов.

К сожалению, этим не ограничились отступления не только от разумных экономических, но и собственно нравственных норм. Опять-таки под давлением колхозы вынуждены были покупать не только новую технику, но и откровенное старье. Мало того, за 1958 год на нее была дважды повышена цена. Заметно подорожали запасные части, бензин.

В который раз государство попыталось поправить свое экономическое положение за счет крестьянства. Реформа 1958 года убедительно показала, как верная по мысли и направлению акция в результате торопливости, субъективизма, непродуманности может принести в конечном счете не пользу, а немалый вред народному хозяйству страны. Проводя реорганизацию МТС, целесообразно было не только продавать технику с учетом возможности сельхозартелей, с дифференциацией цен по степени ее износа, но и вообще безвозмездно передавать машины и оборудование. Тем более, что ранее хозяйства практически уже заплатили за них через систему поставок МТС. В действительности же все произошло наоборот. В результате вместо оздоровления

наметился кризис. Кризис экономический и нравственный. Усугубилось отчуждение крестьянства от собственности и власти.

Нарастанию кризисных явлений способствовала и политика «совхозизации». Поскольку колхозы не давали ожидаемых результатов, был сделан вывод: колхозы, как институты хозяйствования, исчерпали свои возможности. В результате сельскохозяйственные артели, имевшие хоть чуточку свободы, преобразовывались в совершенно бесправные совхозы, причем, нередко против воли колхозников. В 1957 году в Узбекистане на базе 479 колхозов было организовано 82 совхоза. К началу 60-х годов численность сельскохозяйственных артелей по отношению к 1950 году сократилась более чем в три раза — с 3316 до 978.

Однако бурный рост совхозного производства нес в себе метастазы негативных явлений. Обобщающим показателем явилось падение производительности труда совхозных рабочих. Так, если в 1958 году в колхозах Узбекистана она возросла по отношению к уровню 1950 года на 39 процентов, то в системе совхозов республики снизилась до 86 процентов. К рубежным показателям 1953 года отмеченное соотношение выглядело как 130 и 89 процентов.

Усилилось огосударствление самих колхозов. Уже через несколько лет после сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС колхозы вновь были лишены всякой самостоятельности в планировании, даже в решении текущих задач. Районные комитеты партии по существу узурпировали право колхозников избирать руководителя правления. Председатели, как правило, не избирались, а назначались. Сложился «анкетный» механизм подбора кадров. Колхозная собственность вновь стала существовать скорее лишь в ее юридической форме.

Серьезное беспокойство сельских жителей вызвал курс на бездумное увеличение хлопкопроизводства. Во имя «богатырских» темпов его развития приносились в жертву травопольная система, «чистые пары». Хлопковые поля заливали ядохимикатами. Все это в конечном итоге привело к истощению земли, снижению урожая хлопка. Значительно оскудел дастархан крестьянина, резко поднялась кривая роста инфекционных заболеваний, нарастала детская смертность.

Курс на хлопковую монокультуру неизменно пробивался при всех режимах. Его не изменил ни сентябрьский (1953 г.) Пленум ЦК КПСС, ни XX съезд партии. Напротив, при Хрущеве процесс «хлопкоизации» приобрел особую мускулиность. Придя к руководству партией и страной, он неоднократно призывал узбекское дехканство, партийную организацию республики резко расширить площадь отводимых под хлопок земель. При этом местное руководство не пыталось хотя бы робко противиться этим призывам. Лидеры республиканской партийной организации — С. К. Камалов, Ш. Р. Рашидов, стремясь упрочить свое вельможное положение, первыми с безудержным восторгом принимали хрущевские предложения, хотя, вероятно, и понимали их пагубность.

Настоящий кризис доверия к власти, и как следствие — рост общественной апатии, вызвало возобновление в конце 50-х годов волюнтаристских установок на сокращение у сельских жителей подсобных хозяйств, скота и приусадебных участков. Захвативший идеей скачка в коммунизм, Н. С. Хрущев развязал тогда по существу административную войну с «частнособственническими» пережитками селян. Хрущев и его окружение полагали, что эта акция поможет увеличить свободное время крестьян, расширит возможности для их духовного совершенства. Сельские жители, по мысли идеологических стратегов тех лет, отойдут от тяжелых забот по уходу за скотом, работе на огороде. Их возьмет на себя государство. Не случайно в обеспечении поставленных целей планировалось существенно расширить общественные огороды, резко увеличить фонды общественного питания. Но эксперимент не удался. На практике сложилось все иначе. Не хватало ни средств, ни материальных возможностей полного продовольственного обеспечения из этих фондов сельского населения. Установки на замену личного подворья общественными фондами остались лишь на бумаге. Однако под воздействием директивного нажима предпринялись широкие закупки колхозами и совхозами скота у сельского населения. И без того испытывая острую потребность в помещениях и кормах, они не могли обеспечить надежного ухода за ними. Начался падеж скота. Все это на длительное время подорвало продовольственную базу страны, вызвало каскад негативных последствий, эхо которых доносится и до наших дней.

Набирал силу процесс «раскрестьянивания», истоки которого восходили еще к сталинской коллективизации. И хотя в Узбекистане он не приобрел столь выраженного характера, как, например, в РСФСР, на Украине, в Белоруссии, но и здесь ощущалось его смертоносное дыхание. И здесь на смену работнику крестьянского типа приходил поденщик, равнодушный к процессу и результатам труда.

Различные мероприятия по подъему сельского хозяйства, ускорению научно-технического прогресса, перестройке территориального управления так и не сложились в единую экономическую политику. Бросаясь от одного к другому, латая дыры то здесь, то там, проводя одну кампанию за другой, политическое руководство во главе

с Н. С. Хрущевым постепенно утрачивало целостное восприятие экономической ситуации, и она выходила из-под контроля. Иначе и быть не могло: сами принципы построения хозяйственного механизма воспринимались исключительно как «правильные», нуждающиеся лишь в поправках, совершенствовании, но никак не в коренной перестройке. Хрущев искренне считал, что стоит только ограничить масштабы администрирования, устранить культ личности, дополнить это некоторыми экономическими рычагами, и можно успешно решать все проблемы будущего.

К моменту прихода к руководству партией и страной в облике, в поступках и действиях Хрущева ярко проявилась его врожденная демократичность, простота обращения. Но в обстановке неограниченной власти, холуйства и своекорыстного пресмыкательства он все больше стал переоценивать собственную роль. Словно библейский пророк, Хрущев попытался один вырвать народ из пустыни нищеты и подарить ему «коммунистический рай». Но благими намерениями вымощена дорога в ад. Со второй половины 50-х годов в широком масштабе стали насаждаться отношения, не соответствующие реальной зрелости общества. Не имея прочной научной основы, постоянно подхлестываемая звонкими волонтеристскими лозунгами, перестройка все активнее утрачивала дух обновления. Перестроечные мероприятия принимали надуманный характер, в них все отчетливее проглядывали темные лики сталинизма.

Негативный опыт перестройки 50-х годов призывает нас быть особенно осторожными в практике революционного обновления наших дней. Ведь и сегодня есть реальная опасность утопить дело перестройки, принять намерения за дела, изменения формы — за перестройку сущности. Время «хрущевской оттепели» дает в этом отношении богатую пищу к размышлению.

Надо сказать, что Хрущев, предпринимая усилия по внедрению экономических реформ, попытался опереться на ленинское указание о том, что прочные мосты, ведущие к новому обществу, необходимо строить «не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете...»

Но даже в самый расцвет «оттепели» в сельском хозяйстве продолжалось активное использование военно-коммунистических методов стимуляции труда. Только страх стали заменять верой. Хрущевской администрации удалось внушить массам, что вот завтра, в худшем случае послезавтра, все решительно изменится, и нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме. Эта вера, построенная, как и прежде, на спекуляции социалистическими идеалами, использовалась для разжигания энтузиазма, выступала важным средством манипуляции сознанием масс. Причем, по мере упрочения позиций Н. С. Хрущева в партии и правительстве линия на приоритетное использование факторов энтузиазма все больше превалировала над применением экономических и духовных стимулов труда. Среди партийных функционеров руководящего звена вновь возобладало мнение, что только организаторской работой можно успешно достичь заветной цели.

Это нашло отражение и в деятельности республиканской партийной организации Узбекистана, что вполне естественно для тех лет. Ведь в силу сложившейся в условиях авторитарного режима и сохранившейся даже при наивысшем проявлении «хрущевской оттепели» чрезмерной централизации государственной и партийной власти Центр державно определял все аспекты жизнедеятельности общества. Суверенитет на местах был крайне ограничен. Разрешалось лишь покорно одобрять директивные указания. В результате инициатива уже на республиканском уровне глохла или сводилась лишь к восхвалению мудрости московских «стратегов». Такая ситуация дублировалась по нисходящей до самых до окраин. Это способствовало, с одной стороны, проявлению «вождизма», когда руководитель чувствовал себя по отношению к подчиненным «непогрешимым божком», а с другой — снижению чувства ответственности, нежеланию высказать собственное мнение, отстоять его, особенно если оно в чем-то противоречило мнению начальства. Считалось, что Центр всегда прав. Лишь он может предложить достойные решения. Задачей же местных партийных и государственных органов является их безусловное претворение. Зачем придумывать нечто новое, альтернативное, если за него можно заплатить постом и положением? Инициатива наказуема!

Такой подход обуславливает зарождение многих негативных процессов и явлений. Так, несмотря на попытки оживить материальное стимулирование сельскохозяйственного труда, в республике, как и в центре, в начислении заработной платы сохранялась уравниловка. В немалом числе хозяйств процветали обшчеты, невыплаты, поборы. К примеру, только в 1955 году в хлопкосовхозе «Баяут» № 4, совхозе № 16 им. И. В. Сталина и «Гульбах» недоплаты рабочим превысили один миллион рублей. Сотни тысяч рублей составила сумма обшчета чабанов каракулеводческих совхозов и совхозов Бухарской области.

Грубые ошибки «хрущевской» администрации, ее постоянная оглядность на кумира недавнего прошлого не могли не привести к закономерному финалу. Осенью 1964 года люди с радостью восприняли сообщение о том, что внеочередной Пленум

ЦК КПСС удовлетворил просьбу т. Хрущева Н. С. об освобождении его от обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС... Среди широких масс вновь затеплилась надежда на улучшение. И вновь, в который раз, она была раздавлена тяжелым сапогом реальности. Октябрьский (1964 г.) Пленум ЦК КПСС, утвердивший новым лидером Брежнева, открыл позорную главу застоя и стагнации. «Наш уважаемый Леонид Ильич» углубил деструктивные процессы, повернул руль управления к тупику. Опираясь на широкий слой партийных работников и представителей государственного аппарата, тоскующих по «сильной руке», уставших от бесчисленных преобразований, он стал проводить курс на последовательную реабилитацию Иосифа-Строителя и его методов руководства. Леониду Ильичу не терпелось примерить сталинский френч и маршальскую шинель. Но время изменилось. Страна не смогла бы в очередной раз пережить вальпургиеву ночь «железного диктаторства». Семена демократии и вольнодумства, брошенные Хрущевым, дали плодоносные ростки. Поэтому сталинизм возвращался в подреформированном виде. Он сбросил свои кровавые одежды, приукрасил неприглядную наготу бархатным платьем современной терминологии. Однако тошнотворный запах «упрятанного трупа» постоянно пробивался.

Определенные надежды на изменения породил мартовский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС, попытавшийся обосновать новаторскую программу крутого подъема аграрного производства. Сформулированный в его документах курс нацеливал на высвобождение плановой инициативы колхозников и рабочих совхозов, органическую увязку оплаты труда сельчан с конечными результатами их производственной деятельности. В соответствии с ними были осуществлены некоторые меры по перераспределению национального дохода в пользу сельского хозяйства. Были повышены закупочные цены на сельхозпродукты.

Эти меры встретили поддержку крестьянства, в чем-то оживили хозяйственную деятельность деревни, однако ощутимого прорыва обеспечить не смогли. Мартовский курс не нацеливал на базисные изменения: коренную переделку сталинской системы землепользования, качественную перестройку экономических отношений. К тому же в скором времени он был серьезно деформирован. Многие прогрессивные идеи либо были отменены вообще, либо воплощены в усеченном виде.

Новую попытку вывести сельское хозяйство на авангардные рубежи предпринял майский (1982 г.) Пленум ЦК КПСС, выдвинувший развернутую Продовольственную программу СССР. К сожалению, и его решения обеспечили лишь отдельные подвижки. Крестьянин, как и прежде, оставался отторженным от земли. Земля принадлежала всем и никому. Отчуждение производителей от земли, от общественной собственности определяло нестабильность хозяйствования. В нем истоки многих негативных явлений как в экономической, так и в нравственной, духовной жизни села.

Серьезно сдерживало развитие сельскохозяйственного производства непонимание специфики действия в аграрной сфере общих экономических законов и принципов. Еще со сталинских приснопамятных дней сельское хозяйство неизменно рассматривалось всего лишь одним из «частных случаев» хозяйствования вообще. При его развитии упускалось из виду, а по существу игнорировалось активное влияние биологических факторов производства на формы организации и оплаты труда работников земли. В результате аграрная экономическая теория, начиная со второй половины 20-х годов, все в большей мере стала формироваться на ошибочных методологических основах. Были абсолютизированы и распространены на сельское хозяйство не только многие общие экономические закономерности, но даже специфические для индустриальных отраслей принципы и формы организации труда. В аграрной теории возобладало представление о социалистическом сельском хозяйстве как обязательно высококонцентрированном, крупномасштабном, характеризующимся высоким уровнем обобществления производства.

Считалось, что чем крупнее хозяйство, тем оно должно эффективнее вести свои дела. Шел непрерывный процесс укрупнения хозяйства, при этом укрупнение проводилось на экстенсивной основе. Зарождалась гигантомания. Действовал стереотип крупного производства в городе, под него подтягивались и размеры сельскохозяйственных предприятий. Между тем В. И. Ленин, рассматривая проблемы концентрации, отмечал, что и в промышленности «закон превосходства» крупного производства вовсе не так абсолютен и так прост, как иногда думают... В земледелии же, которое отличается несравненно большей сложностью и разнообразностью отношений, применимость закона о превосходстве крупного производства обставлена более строгими условиями».

Опыт прошлого наглядно подтвердил это ленинское положение. Крупные хозяйства по размерам посевов, наличию средств производства, трудовых ресурсов имели низкие результаты хозяйственной деятельности. Специфика сельского хозяйства диктовала иные подходы, определяла необходимость сочетания крупных, средних и мелких форм организации труда. Однако нежелание и неумение применять диалектику к определению направлений развития организационных форм труда и производства

в сельском хозяйстве, классовая настороженность к использованию в условиях социализма даже отдельных элементов системы организации сельскохозяйственного производства капиталистических стран и собственного опыта развития сельского хозяйства в дореволюционный период не позволили реализовать всю палитру малых форм производства и организации труда и прежде всего таких, как семейные фермы, арендный подряд, небольшие сельскохозяйственные кооперативы.

Сама стратегия социально-экономического развития СССР даже в измененном в середине 60-х годов варианте сохранила утопически-консервативные черты. Жизнь требовала коренных изменений во всей системе общественных отношений, резкого повышения уровня демократизма и социальной активности каждого члена общества. На словах такая необходимость признавалась, но на практике дело ограничивалось лишь морализаторскими призывами. Вместо подлинного решения сложных проблем экономики и политики, и идеология, и пропаганда сосредотачивали усилия на схоластической и мертворожденной концепции «развитого социализма».

Правда, данная концепция отражала попытку отойти от утопий «скачка в коммунизм». Однако и в ней таилось не меньше опасности. Настоячиво внедрявшееся понятие о качественно новом этапе социалистического общества предполагало фиксацию его качественных отличий и критериев. Но поиск того, чего еще не было в жизни, вел лишь к апологетике существующего.

«Отец развитого социализма» Л. И. Брежнев осыпал приближенных все новыми и новыми наградами за мифические достижения. Ему в ответ пелась «осанна» за мудрое руководство. А в это время под прикрытием красивых лозунгов об экономике, которая должна быть экономной, расцветали коррупция, взяточничество, кумовство. Буйно прорастали сорняки — алиевщины, кунаевщины, медуновщины, рашидовщины, чурбановщины. Повсюду утверждалась атмосфера самовосхваления. В чести были подхалимы. Новаторы, социально-активные граждане, хозяйственные руководители становились жертвами бюрократического произвола. Все это порождало социальную апатию и конформизм. Резко упал уровень ответственности и дисциплины.

Рельефно проявились болезни «развитого социализма» в Узбекистане. Здесь под покровительством Ш. Рашидова грубо нарушались партийные нормы, мораль, законы.

Рашидовщина, опирающаяся на фундамент сталинизма и брежневщины, способствовала проявлению в республике уродливого симбиоза феодализма с отсталыми формами социализма. И она укреплялась не в последнюю очередь силами местного руководства. Парадокс брежневской системы управления состоял в том, что лишь по видимости республики управлялись из центра. На самом деле в Москву отсылались угодные центру отчеты и обещания, а реальная власть на местах принадлежала не Москве и, разумеется, не народам, живущим в республиках, а бюрократической республиканской элите.

Чтобы сохранить и нынче свои позиции, она пытается снять с себя всякую ответственность отговорками о решающем значении «голоса Москвы», подпустить яд национализма. Бюрократия интернациональна и порождена системой государственно-монополистического социализма. Однако паразитирует она на теле собственного народа. Отбеливание какой-либо ее части по национальному признаку означает замену одной неправды другой.

Рашидовщина оставила глубокие отметины в памяти трудящихся Узбекистана. Особенно пагубной она оказалась для узбекского кишлака. В результате экономического грабежа сельского населения, поборов, массовых приписок, откровенного насилия жизненный уровень сельчан не рос, а понижался. Среднемесячный доход на душу населения в кишлаках Узбекистана составляет лишь 70 рублей.

Зримым символом рашидовщины стала всеохватная хлопковая монокультура. Ее безраздельная вотчина составила в начале 80-х годов 3 миллиона гектаров. Хлопковая скособоченность узбекской экономики обострила болезненные процессы во всех сферах общественной жизни. Хлопок, бывший богатством узбекского народа, обернулся черной бедой. Новоявленному идолу — «белому золоту», из которого избранные чеканили себе звезды на грудь; принесены в жертву десятки тысяч судеб взрослых и детей. Во имя его у дехканских детей «счастливое детство» — на полях, залитых бутифосом.

Но «пушистый властелин» калечил не только здоровье. Уродовались души. Все знали, или по крайней мере догадывались, что рекордные урожаи — блеф, однако молчали: одни из-за боязни, другие от равнодушия, третьи — корысти ради. Ведь немало людей получали ощутимый навар за «нарисованную» липу. Мутный источник несправедливых доходов притягивал рядовых хлопкоробов и ответственных работников, членов партии и беспартийцев. Чтобы денежными купюрами вспучивались его родники, шли на подлог, убийства. Народ беднел, но жирела коррумпированная часть общества.

Естественно, деформация экономики, нравственности не могла не отразиться на процессах проявления социальной активности. В условиях застоя попытки активности

вновь, как и при Сталине, стали затаптываться в зародыше. Чурбановские и яхъяевские молодчики физически расправлялись с непокорными. Тюремны пухли от избытка неудобных. В то же время резко пала отдача традиционных стимулов. Брежневское время характеризовалось самоисчерпанием военно-коммунистических стимулов трудовой активности. В этот период было реабилитировано личное «хочу». Но только в быту. На работе «надо» не заменили, здесь по-прежнему господствовали уравниловка, потолочное планирование от достигнутого, разворачивалось мумифицированное соревнование; пытались реанимировать выморочный энтузиазм. И потому за порогом квартиры всем стало все безразлично. Люди хотели всего, но видели, что честным трудом достичь желаемого невозможно. Произошла девальвация ценности трудовой инициативы. И хотя идеологические трубадуры повсеместно безудержно восхваляли колоссальные успехи, достигнутые под мудрым руководством «дорогого Леонида Ильича», все понимали, что это обман. Одряхлевший генсек все нагляднее символизировал старческую немочь господствующих псевдосоциалистических производственных отношений. В этих условиях среди широких масс последовательно нарастало понимание сути происходящего. Зрела потребность в крупных переменах.

Надежда обновления с особой ясностью вспыхнула в ноябре 1982 года. Умер Л. И. Брежнев. Генеральным секретарем ЦК КПСС был избран Ю. В. Андропов. С первых шагов его деятельность стала вызывать симпатии простых трудящихся. Он призвал к решительной борьбе с коррумпированными слоями общества, потребовал ревизии работы проворовавшегося руководства МВД СССР, предпринял усилия по восстановлению ленинских принципов социальной справедливости.

Особое внимание уделил Андропов искоренению противоправных действий Ш. Р. Рашидова. Будучи долгое время Председателем КГБ, он не понаслышке знал о приписках, о стиле руководства самозванного «отца» узбекского народа. Его сейф был забит жалобами о несправедливости и насилии, творимых в Узбекистане рашидовской кликой. По поручению Ю. В. Андропова формируется специальная комиссия, перед которой была поставлена задача — изучить реальное положение дел в республике. Только тяжелая болезнь Андропова и смерть Рашидова не позволили довести дело до конца.

С приходом к руководству партией и страной Ю. В. Андропова наметился трудовой подъем в ведущих отраслях народного хозяйства. Заметно возросла производительность труда, определились позитивные подвижники в экономике. Они, безусловно, отражали изменения в общественном сознании, выступали материальным выражением доверия масс к новой власти. Но в целом стратегия экономического и политического руководства не претерпела заметных перемен. Наметившиеся сдвиги в экономике выступали в значительной мере результатом административного нажима. Перспективы развития Андропов видел не в радикальной реформе всего хозяйственного и политического механизма, а в усилении администрирования, в подтягивании дисциплины. Классическим образчиком такого реформаторства явились санкционированные им печальной памяти милицейские облавы на прогульщиков. Феномен популярности Андропова объясним ностальгией широких народных масс по твердой руке в осточертевшей всем расхлябанности и разболтанности.

Вероятно, в последующем Ю. В. Андропов пересмотрел бы свои взгляды. К сожалению, время не дало ему такую возможность. В феврале 1984 года ЦК КПСС возглавил К. У. Черненко, старый, больной, совершенно посредственный человек. Сообщение о его назначении повергло народ в недоумение и уныние.

К счастью, судьба недолго испытывала терпение народа. Спустя год руководство сменилось, и апрель 1985 года обозначил новую точку отсчета в истории страны.

ВЕСНА ОБНОВЛЕНИЯ

Все не так, как задумано было,
все не то, все не то, все не то.

И. Кохановский. Ностальгия.

Весна 1985 года стала судьбоносной. Страна словно пробудилась от оцепенения. Ожили и задвигались многие части ее общественного организма. Однако вскоре перестройка стала пробуксовывать. Немалую роль сыграло то, что облегченное представление о ней было характерным не только для «низов», но и для «верхов», в том числе самих ее инициаторов. Ни М. С. Горбачев, ни его ближайшие сподвижники не имели стройной концепции намечаемых реформ. Программа преобразований носила в основном «размораживающий» характер. В ней не было подлинной революционности. Перестройка не выдвинула еще принципиально новых конструктивных идей. Она сво-

дидась лишь к экономическому и социальному ускорению, повороту от количественного, экстенсивного экономического роста к интенсивному развитию. При этом большая часть экономистов, политиков, хозяйственных и партийных работников поняла новую политику не как призыв к глубоким преобразованиям, а традиционно: ускорение посредством интенсификации усилий, подтягивания дисциплины.

Инерция мышления проявилась и в оценке факторов торможения. Казалось, что основным тормозом на пути к обновлению являются кадры, противившиеся перестройке, неэффективное управление, слабый государственный контроль и низкая дисциплина. Поэтому на первых порах и был сделан упор на эти звенья. Иными словами, начальный этап перестройки отличался привычным командно-административным подходом к решению назревших проблем. Зачинатели апрельского движения искренне верили, что, укрепив дисциплину, поднатужившись, мы сможем в короткий срок в приоритетных отраслях выйти вровень с передовыми странами и тем самым достичь резкого повышения жизненного уровня. Ключ к социально-экономическому ускорению виделся в «оседлании» научно-технического прогресса и коренном обновлении его материальной базы — машиностроения. Предстояло сделать небывалый рывок. Согласно плановым наметкам, 90 процентов продукции, выпускаемой отраслью в 1990 году, должно было соответствовать мировому уровню. Основной силой, способной заставить машиностроителей исполнить это, как предполагал М. С. Горбачев, могла стать «требовательность и еще раз требовательность».

Однако планы повисли в воздухе. В условиях сложившейся самоедской экономики ускорение машиностроения вело к увеличению средств производства и снижению потребительского сектора. Уже в 1985 году, как отмечает В. Селюнин, «менее четверти промышленной продукции составили товары для народа», свыше трех четвертей — «несъедобное».

Подобный курс вел к обострению положения на потребительском рынке, что, в свою очередь, вызывало социальную напряженность.

В такой обстановке провозглашенное ускорение утратило всякий смысл.

Не дала ожидаемого эффекта программа ускорения и в аграрном секторе. Главным инструментом реализации планов и здесь оставалась «требовательность и еще раз требовательность». Материальные стимулы оставались незадействованными. Для подстегивания производства вновь, уже в который раз, ставка была сделана на энтузиазм. Но это горючее оказалось израсходованным до последней капли.

Сложным положением было в Узбекистане. Зарождающаяся перестройка натолкнулась на упорное сопротивление многих работников высшего эшелона власти. Здесь шла не перестройка, а подстройка под нее, переокраска. И это при том условии, что очистительные процессы начались в Узбекистане в начале второй половины 80-х годов внешне гораздо ярче, чем в других регионах страны. Примерно за год до апреля 1985 года здесь был проведен пленум республиканской партийной организации, где впервые было сказано о коррупции, взяточничестве, о нарушениях принципов социальной справедливости, творимых в рашидовские времена. XXI съезд коммунистов Узбекистана углубил линию пленума, предпринял попытку дать развернутую оценку негативным явлениям, определить меры по оздоровлению морально-психологической обстановки. Но, как показала последующая практика, работа по их осуществлению носила исключительно декларативный характер. Ведь у руководства республиканской партийной организации оставались люди, тысячами нитей связанные с прошлым, с миром рашидовщины. Прикрываясь признаниями о невероятной силе гипноза своего бывшего наставника, они продолжали заниматься приписками, взяточничеством, заботливо охраняли неофеодальную систему отношений. В некоторых областях и районах сложился конвейер перемещения руководителей из кресла должностного лица на нары исправительно-трудовых колоний.

Упорное нежелание усманходжаевской администрации реально обеспечить дело перестройки, утверждающая практика пострашидовщины вели к углублению кризиса экономики республики, снижению уровня жизни населения. Так, производство национального дохода в расчете на душу населения в Узбекской ССР по отношению к общесоюзному показателю снизилось с 63 процентов в 1975 году до 52 процентов в 1987 году, уровень заработной платы рабочих и служащих — соответственно с 93,7 до 82,3 процента, оплата труда колхозников — с 101 до 78 процентов. В результате за эти годы душевой объем фонда потребления в Узбекской ССР по отношению к общесоюзному снизился с 66 до 58 процентов. Несмотря на постоянные декларации, красноречивую риторику, производительность общественного труда неуклонно снижалась. Все это подрывало веру людей в перемены. Менялось отношение к перестройке и ее инициаторам.

Можно с полным основанием сказать, что апрельское движение лишь с того момента стало приобретать подлинно революционное звучание, когда оно вскрыло деформации социализма при Сталине. В то же время оно позволило критически осмыслить истоки искривлений, заложенные еще в досталинский период. Перестройка

объективно поставила вопрос о надежности изначальных проектов социалистического строительства.

Теоретическое переосмысление маршрута обновления содействовало переходу к новому этапу революционного преобразования. Хронологически его можно ограничить серединой 1987-го — мартом-июнем 1989 года. На этом этапе перестройка сверху встретила наконец с перестройкой снизу. Начался и прямой диалог отдельных групп населения с правительством страны — вплоть до подписания совместных протоколов. Однако по-прежнему все рычаги управления оставались в руках обособившихся от интересов трудящихся ведомств, бюрократизированного советского и партийного аппарата, обладающих монопольными правами и минимумом гражданских обязанностей. Антиперестроечные силы стремились уйти от бурной стремнины демократического половодья в привычные воды застоя. Росло противоречие между процессами демократизации, стремительным ростом политического сознания масс и попытками втиснуть растущее движение народа в прокрустово ложе брежневского благочиния. Особенно рельефно это проявилось в реакции партийных и государственных органов на набирающие силу неформальные организации. Возникающие в ходе перестройки демократические движения воспринимались официальными органами поначалу чрезвычайно болезненно, чуть ли не как чуждые и даже враждебные советскому обществу силы, а их требования в защиту демократических прав и свобод, контроля над бюрократией, соблюдением законности, экологической безопасности, развития национальных языков представлялись в виде экстравагантной моды, занесенной из-за рубежа.

Мартовские выборы и I съезд народных депутатов стали высшей точкой перестройки на ее втором этапе. Они положили начало реальной передаче всей полноты государственной власти в руки Советов. С 1989 года начали создаваться правовые предпосылки глубоких структурных изменений в экономике, социальной и культурной сфере.

Отличительной чертой третьего этапа перестройки явилось реальное осмысление ситуации, сложившейся в сельском хозяйстве, и выработка нетрадиционных подходов вывода его из кризисного состояния. Благодаря решениям мартовского (1989 г.) Пленума ЦК КПСС, развернувшимся на I и II съездах Советов дискуссиям, все в основном уже четко осознали: повысить эффективность сельскохозяйственного производства можно только на путях радикального изменения системы землепользования, обеспечения многообразия форм хозяйствования и видов собственности, внедрения подлинно экономических отношений в деревне.

Зримые перемены произошли в ходе углубления перестроечных процессов в Узбекистане.

Реальные подвижки обозначились в аграрном секторе, в социальном переустройстве села. Они проявились, например, в разрешении болезненной проблемы преодоления монокультуры хлопчатника. За последние три года план сбора хлопка-сырца снижен примерно на миллион тонн. На 1990-й и последующие годы план производства хлопка-волокна установлен на уровне 1,5 миллиона тонн волокна.

Наметился прогресс во внедрении арендных отношений. С благодарностью встретили дехкане решение о том, что каждая семья, живущая в сельской местности, начиная с 1989 года, будет иметь в личном пользовании до 20—25 соток.

В настоящее время в обеспечение программы расширения приусадебных участков выделено уже более 100 тысяч гектаров земли. Эта мера позволяет надеяться на улучшение продовольственного положения. Ведь занимая ныне всего 3 процента пашни, личные приусадебные участки дают республике треть картофеля, половину мяса, свыше 50 процентов молока и шерсти.

Итоги хозяйственно-производственной деятельности в 1988—89 годы дают основание сказать, что наметилась тенденция выхода республики из состояния депрессии. И все-таки, говоря о проявлении отдельных подвижек, радости особой не чувствуешь. За пять перестроечных лет не достигнуты результаты на магистральном направлении — в повышении жизненного уровня населения. Более того, он стал снижаться. По величине произведенного национального дохода в среднестатистическом исчислении республика все более отстает от общесоюзного уровня. Так, среднемесячный доход на душу населения в кишлаках Узбекистана составляет меньше 70 рублей, в стране — 115. Средняя заработная плата колхозников и рабочих совхозов почти на 20 процентов ниже, чем по стране. По Союзу она составляет соответственно 170,2 и 201,3 рубля, а в Узбекистане — 132,1 и 160,1 рубля.

Ожидания на улучшение потребительского и материального положения, таким образом, не сбылись. Прилавки пусты. Дастархан чрезвычайно скуден. В запущенном состоянии находится социальная сфера. Почти половина сельских населенных пунктов и по сегодняшний день не имеет школ, три четверти — детских садов. Половина кишлаков не имеет надежного водоснабжения.

Обострение ситуации на потребительском рынке и в социальной сфере вызывает

падение доверия к перестройке. Растет сомнение в эффективности предпринимаемых реформ. У людей зреет представление, что если политика обновления после первых двух лет начала «пробуксовывать», то теперь она просто остановилась, и даже начались обратные процессы.

Недовольство масс прорывается в волне забастовок, в поиске ближних и дальних врагов, в обострении межнациональных отношений, проявлении сепаратистских настроений, падении дисциплины.

Сложившееся положение остро поставило вопрос о дальнейшем углублении перестроечных процессов. Время высветило потребность глубокого осмысления ориентиров, средств и методов обновления на новом этапе перестройки. По существу речь идет о магистральных путях развития. Сегодня страна напоминает былинного витязя, с тревожной думой стоящего у развилки дорог. Наступает момент истины. Но овладение ею происходит противоречиво. Одни считают, что вывести страну из кризисного состояния способен только капитализм. Другие, размахивая миноандреевским флагом, предлагают вернуться к приснопамятным сталинско-брежневским временам. Третьи рецепт излечения болезни видят в осуществлении реформ на путях реализации социалистического идеала.

Ширится поляризация сторон, множится число группировок. Лидер обновления, М. С. Горбачев, предлагает объединение на платформе ускорения перестройки. И он, безусловно, прав, только думается, что формула ускорения должна быть дополнена идеей радикализации перестройки. Границы нынешних реформ изначально заданы политическим императивом: «от наших завоеваний мы не откажемся». Эта заданность отсекает возможность «копнуть глубже» как в осмыслении истоков наших социальных и экономических бед (списав все на сталинско-бериевский террор и брежневский застой), так и в отношении самих преобразований.

Курс на обновление принесет полновесные плоды лишь в случае, если мы скинем с себя истлевший мундир классического марксизма, откажемся от окаменелых догм, сбросим оковы старого мышления. Чтобы их нейтрализовать, нам необходимо внутренне измениться. Время настойчиво требует утверждения нового мышления не только на внешнеполитической арене, но и внутри страны. Оно все активнее призывает сбросить опостылевшие идеологические фетиши, избавиться от всевластия кумиров, в какие бы одежды они ни рядились: вождя, золотого тельца, воинствующего националиста или экстремиста.

Особое значение в этом отношении имеет развенчание иллюзий, что у нас построено социалистическое общество, пусть даже в деформированном виде. Мы еще, или — точнее сказать — уже, не знаем, что собой представляет социалистическое общество. Мы более или менее четко осознали общие контуры социалистического идеала, только подходим к осмыслению сути социализма. Правда, и этих знаний достаточно, чтобы понять ошибочность чертежей, по которым построен наш дом. То, что мы соорудили и уничтожительно называем командным, бюрократическим, феодальным социализмом, представляет лишь карикатуру на социалистическое общество. Его с большой долей условности можно отнести лишь к ранним, примитивным формам незрелого социализма.

Естественно, боль за прошлое остра. Не может не вызывать сожаления напрасно загубленный жертвенный труд миллионов советских людей. Но сколько можно жить психологией страуса? Ведь на протяжении всей более чем семидесятилетней истории страны Советов мы нещадно подхлестывали естественно-исторический процесс, неизменно стремились, двумя прыжками перепрыгнув пропасть проблем, свершить рывок в коммунизм.

Мы и сегодня пытаемся натянуть на себя сюртук гораздо большего размера. Нам следует отказаться от явно устаревших, не подкрепленных практикой, завышенных оценок. Безоглядная вера в истинность застывших постулатов должна, наконец, уступить место трезвой, научно-практической оценке.

Реальная оценка состояния советского общества дает возможность вернуть нашу страну в русло общечеловеческой цивилизации, возвратиться из алогичного мира Зазеркалья в нормальный мир нормальных человеческих отношений.

Важное значение имеет подобная оценка и для судеб деревни. Пока здесь лишь иллюзия движения. Апрельское обновление охватило только внешнюю сторону. Таланты землепашцев, их ум и предприимчивость остаются невостребованными. Крестьянин не утратил статуса государственного работника. Продолжает расти дефицит заинтересованности в результатах труда.

Четкое осознание реального состояния нашего общества позволяет найти надежный ключ к решению болезненных проблем оживления экономики села. Способствуя соединению разорванной в послеоктябрьский период нити естественно-исторического процесса, оно дает возможность выйти на меры, опирающиеся на объективные законы и факторы.

Необходимой предпосылкой установления подлинных экономических отношений

в деревне является восстановление утраченного плюрализма собственности и форм хозяйствования, создание условий их подлинного равноправия и объективной состязательности. Однако плюрализм собственности и форм хозяйствования несет пока бумажный характер. Чтобы аграрные законы активно включились в жизнь, необходима широкая земельная реформа. Нужен новый кадастр (описание земель), разработка обоснованных цен на землю, определение механизма рационального сочетания крупных и мелких хозяйств. Но главное — следует предпринять решительную деидеологизацию экономики, особенно преодолеть предвзятое отношение к частной собственности.

Вопрос о частной собственности приобрел сегодня принципиальную остроту. Разброс суждений чрезвычайно широк. Но группы родственных мнений уже обозначились. Как показывают, например, результаты опроса, проведенного академиком Т. Заславской, в сельской местности лишь 5 процентов жителей считают нецелесообразным передавать землю в индивидуальное пользование, 15 процентов решили, что следует отдавать за плату в долгосрочную аренду, 40 процентов высказались за бесплатное наделение людей землей, но без права ее продажи, 21 процент — за то, чтобы государство продавало землю всем желающим, и 7 процентов затруднились ответить. Таким образом, у участников опроса идея передачи земли в индивидуальное пользование находит широкую поддержку. Высок процент выступающих в пользу восстановления права на частное владение землей. «За» высказался каждый пятый из числа опрошенных. Хотя, следует признать, люди боятся брать землю, опасаясь повторного раскулачивания. По социологическим данным Академии общественных наук при ЦК КПСС, ее возьмут не более 4—6 процентов.

Менее популярна мысль о введении частной собственности среди работников партийно-государственного аппарата, руководителей сельского хозяйства. С завидной настойчивостью они утверждают: «Частная собственность несовместима с социализмом. Она несет эксплуатацию».

В ответ хотелось бы вспомнить энергичный призыв, брошенный на II съезде Советов депутатов Н. И. Травкиным: «Давайте станем реалистами».

Опыт нашей страны показал, что наивысших масштабов, наиболее полной и завершенной своей формы эксплуатация достигает при тотальном господстве государственной собственности. Это эксплуатация личности аппаратом, «общественными организациями», хорошего работника плохим...

Государство как совокупный эксплуататор намного эффективнее отдельно взятых. Извлекаемая порой норма прибыли и не снилась обычному капиталисту. Как показывают сравнительный анализ доли заработной платы и других выплат в валовом национальном продукте СССР и развитых капиталистических стран, «у нас» от работника отчуждается в 2—2,5 раза большая часть производимого продукта, чем «у них». Это, естественно, отражается на реальном уровне жизни. Так что все демагогические разговоры о том, что мы ни в коем случае не должны допускать эксплуатации при том ее царстве, в которое превратилась огосударствленная экономика, может вызвать лишь горькое недоумение.

Жизнь требует трезво взглянуть на реалии сегодняшнего дня. Она подталкивает к необходимости переосмысления многих, казалось бы, еще вчера незыблемых истин. К их числу относятся и вопросы об эксплуатации, найме рабочей силы «частником», наличии частной собственности при социализме.

Частная собственность — не буржуазная «штучка», а общечеловеческая ценность, одно из достижений цивилизации, надежное средство борьбы с монополизмом, стагнационными процессами.

Человек потому труженик, что он собственник. И потому собственник, что он труженик. Соединение труженика и частной собственности обещает плодотворные результаты. Крестьянин, владея землей, не будет вредить себе. С нежностью добросовестного работника он будет оберегать ее и холить, станет настоящим хозяином.

Правда, для полноценного использования потенциалов частной собственности важно юридически грамотно сформулировать ее понятийное содержание. Пока, применительно к миру социализма, оно носит расплывчатый характер. Не определена она и в законе о собственности. Пытаясь соблюсти идеологическую невинность, его авторы предлагают ввести термин «собственность граждан СССР». При этом сталкиваются личная, индивидуальная и семейная собственность. Хотя, надо сказать, при обсуждении закона выдвигалась разумная альтернатива. В частности, в проекте, разработанном Комитетом Верховного Совета СССР по вопросам экологии, было сказано, что частная собственность — это «индивидуальное владение средствами производства с возможностью отчуждения и правом передачи по наследству». Но этот проект не был учтен. Он «застрял» из-за роковых мировоззренческих противоречий.

Одним из последствий идеологического подхода к оценке частной собственности является суженность ее восприятия. Она сводится лишь к эксплуатации. Между тем, уже давно известно, что данная форма собственности существовала и существует в двух формах: трудовой, основанной на личном семейном труде (при возможности

применения и наемного труда), и капиталистической, при которой труд и собственность отчуждены (даже если капиталистическая собственность становится акционерной). Трудовая частная собственность сегодня не доминирующая: развитие производительных сил привело к повышению степени обобществления производства... Однако, исходя из мирового опыта, можно сделать вывод, что она не сдает, а даже усиливает свои позиции в ряде сфер человеческой деятельности (фермерское хозяйство, мелкая и средняя торговля, обслуживание, производство комплектующих деталей), а часто и процветает, взаимодействуя с более крупными кооперативными или акционерными фирмами.

Такой же процесс, по всей вероятности, будет происходить и в нашей стране. При этом нельзя исключить применение в определенных рамках наемного труда. А почему бы и нет?! Ведь заключая договор с государственным предприятием, работник также продает свою рабочую силу. Так пусть он имеет свободу ею распоряжаться, пусть сам делает выбор. Принцип добровольного найма человека устраняет из социальной и хозяйственной жизни общества возможность грубого физического принуждения работника.

Разумеется, ратуя за свободу найма, необходимо увязывать ее проявление с опорой на надежную правовую основу социальной защиты наемного труда, охраны работников от крайних форм эксплуатации. Капитализм накопил в этом отношении богатейший опыт. Не секрет, что социальная защищенность, жизненный уровень трудящихся в капиталистических странах выше, чем у нас. И когда мы по привычке утверждаем, что «у них» по-прежнему царят произвол собственника и эксплуатация человека человеком, то искренне заблуждаемся. Мы упрощаем и где-то искажаем феномен частной собственности при капитализме. Мы сделали ее синонимом вечных баррикад: с одной стороны — капиталист, эксплуататор, хищник, думающий только о собственной выживе; с другой — забытые, полунищие, бесправные работники, думающие только о том, как бы отнять у собственника плоды присваиваемого им наемного труда. В жизни все иначе. Сегодня на большинстве капиталистических предприятий основополагающая философия труда и стимулов такова: наше производство существует лишь постольку, поскольку мы выпускаем то, что нужно потребителю. Значит, нам, работникам, платит не владелец, а потребитель! И благосостояние каждого зависит от того, понравится ли продукт потребителю, захочет ли он его купить или предпочтет конкурента. Отсюда упор на качество продукции, ее новизну. Работник знает, что более высокая индивидуальная и коллективная производительность труда всегда принесет более высокий заработок.

Конечно, в признании частной собственности было бы ошибочным видеть панацею от всех бед. При отсутствии должных стимулов к высокопроизводительному труду оно может превратиться в пустую декларацию. Жизнь убеждает: никакие экономические механизмы сами по себе не могут обеспечить прорыв. Но, признав частную собственность, мы делаем первый и, вероятно, главный шаг к спасению, ибо реформа экономики невозможна без создания настоящего рынка, а рынок невозможен без конструирования частной собственности — наряду с государственной, общественной, кооперативной. Рыночная экономика и частная собственность диалектически взаимосвязаны. Ведь для возникновения рынка — в истинном значении слова — нужно, как минимум, чтобы экономические субъекты обладали четко определенными правами собственности. Эти права обеспечивают не только свободу и независимость, но и экономическую ответственность, что, в конечном счете, и создает настоящие рыночные отношения. С другой стороны, опыт высокоразвитых стран показывает: наделение правами собственности дает человеку свободу выбора тех форм реализации своих способностей, которые в наибольшей мере отвечают его складу и потребностям.

Проблема признания или непризнания частной собственности имеет ключевое значение в выборе рациональных путей развития. Это первейшая экономическая и политическая проблема. Решая ее, мы должны определиться в главном; будем ли мы и дальше упорствовать в биполярном, идеологизированном видении мира, ориентируясь на донельзя упрощенные представления о социализме и капитализме, либо мы, как и в сфере внешнеполитической, сделаем упор на общечеловеческие ценности, на развитие общественных и экономических механизмов, выработанных современной цивилизацией.

Разумеется, признание необходимости восстановления частной собственности не означает автоматического отменения иных форм собственности. Социалистический рынок будет дееспособен, если станет опираться на экономическое многообразие. Каждый член общества должен иметь право взять в аренду, купить или продать землю, вступить в акционерное общество, создать новое предприятие или коммерческий союз, начать новый инвестиционный проект на собственные или заемные средства, проводить самостоятельную коммерческую стратегию. Правда, низкая политическая культура, повальная экономическая неграмотность, плещущая через край нетерпимость не позволяют многим осознать эту истину, привычную для большинства граждан

земли. Размахивая дубинкой единомыслия, они пытаются подходить к решению социально-экономических проблем лишь с позиций «или-или», забывая о разумном «и-и». Если раньше признавались только колхозы и совхозы, теперь предлагается искать путь к продовольственному изобилию лишь через фермерские хозяйства и частное владение землей. Повсеместно раздаются настойчивые требования: отказаться от колхозов и совхозов, передать землю арендаторам, фермерским и крестьянским хозяйствам. Как первый этап предлагается расформировать тринадцать тысяч низкорентабельных и убыточных колхозов и совхозов, снять с государственного хозяйств дотацию, прекратить политику бездумного их кредитования.

Конечно, со многими пунктами этих требований можно согласиться. Фермерские и малые кооперативные хозяйства позволяют прочно сочетать индивидуальный и общественный интерес. Их развитие не требует колоссальных дотаций. Ведь в настоящее время «мясо-молочная» дотация сельскому хозяйству превысила 60 миллиардов рублей в год. Дотация — это плата за бесхозяйственность, неумение организовать производство. Дотации не лечат, не учат работать. Они способствуют росту иждивенческих настроений.

Другими подпорками, сдерживающими рост эффективности колхозно-совхозного производства, являются, по существу, безвозмездные кредиты, финансовые инъекции низкорентабельным хозяйствам. В условиях, когда заработки земледельцев, уровень их жизни прямо не связаны с итогами работы, это ведет к парадоксальным ситуациям. Как убеждает практика, доходы работников в экономически сильных колхозах и совхозах, где грамотно ведется работа, зачастую ниже, чем в слабых хозяйствах, живущих в значительной мере в долг, за счет государственных кредитов и дотаций. Понятно, что такая социальная несправедливость вызывает обоснованное возмущение. И потому, конечно же, целесообразно как можно скорее прикрыть «дотационный» кислород, нагнетаемый в легкие хилых хозяйств. Необходимо создать обстановку здоровой конкуренции, состязательности всех хозяйств на единой стартовой основе. Но нельзя рушить все единым махом, лишать шанса колхозов и совхозов. Мы и так уже в революционном нетерпении достаточно наломали дров.

Мировая практика подсказывает: выигрыш там, где многоцветие экономических форм. Подобный подход особенно желателен в Узбекистане. В отличие от многих регионов страны, здесь сельская местность перенаселена. При скудости земельных ресурсов и высоком приросте населения это ведет к безработице. Уже в настоящее время на одного трудоспособного колхозника пашни приходится 1,31 гектара при нормативе 6—7 гектаров. Необходимо также учесть трудоемкость выращиваемых в республике традиционных сельскохозяйственных культур. Например, если на производство 1 центнера сельхозпродукции в среднем по стране трудовые затраты составляют 1,6 человеко-дня, то аналогичный результат в хлопководстве достигается при их 22-кратном увеличении. К тому же, земледелие в республике преимущественно поливное. Это требует крупных ирригационных сооружений. В таких условиях мелкое частное владение вряд ли имеет достаточно весомую базу роста, здесь чаша весов склоняется в сторону коллективных хозяйств. Важно лишь изменить в сельскохозяйственных артелях и советских хозяйствах закостеневшие производственные отношения. Колхозники, рабочие совхозов обязаны стать совладельцами средств производства. Колхозы и совхозы должны трансформироваться в кооперативы, ассоциации арендаторов, акционерные общества и другие формирования — по желанию самих товаропроизводителей. В свою очередь, это позволит им вступать в систему интегрированных связей — через объединения, агрофирмы, агрокомбинаты, агроконсорциумы, которые также будут исполнять волю своих учредителей.

Отрадно, что в Узбекистане в этом направлении уже сделаны некоторые шаги. Здесь ширится процесс внедрения арендных отношений в колхозах и совхозах, идет поиск их обновления на принципах кооперации. Показателен в данном плане опыт совхоза «50 лет Октября» Душликского района Сырдарьинской области. В 1988 году коллектив этого совхоза одним из первых в республике применил внутрихозяйственную аренду. Переход к арендным отношениям позволил заметно сократить управленческий аппарат, снизить материальные затраты, повысить производительность и качество труда. В результате хозяйство в 1988 году получило рекордную за все время существования прибыль — более 3 миллионов рублей.

Но, подводя итоги, коллектив решил отказаться от, казалось бы, эффективной формы организации производства. Попытались пойти дальше. В 1988 году арендное поле совхоза делилось на 13 бригадных наделов в 300—400 гектаров, а внутри каждого — еще на дюжину позвеньевых «лоскутов», от которых в ряде случаев отделялись еще и полоски семейных участков. Спору нет, каждый хозяин-арендатор на своем поле изо всех сил старался, но полагался больше на свои руки, чем на технику: совхоз был не в состоянии обеспечить каждого арендатора набором необходимых машин и орудий, да и самому арендатору невыгодно выкупать у совхоза на весь сезон трактор, комбайн и прочее — платить надо сполна, а загружена будет эта техника всего 2—

3 дня в месяц. Идти на семейную, индивидуальную аренду означало отказаться в известной мере от преимуществ механизации.

Ни пропаганда, ни большой доход не застали глаза хлопкоробам и механизаторам, совхозным экономистам и директору Норбеку Каюмову. И с крестьянским рационализмом они принялись искать путь, как соединить преимущества аренды с выгодами механизированного производства. И то, что произошло в начале 1989 года, можно кратко определить как «коллективизацию»: прежние индивидуальные и семейные арендаторы — арендные звенья и бригады — объединились в семь хлопководческих кооперативов, в распоряжении каждого оказалось в среднем по 800—1000 гектаров земли. Такому мини-колхозу по карману взять в аренду, а со временем и выкупить необходимое количество тракторов, комбайнов, сельхозорудий и использовать всю эту технику с полной отдачей, а стало быть, окупать затраченные деньги.

Но этим перемены не были исчерпаны. Они коснулись и сферы финансовых отношений. В 1988 году арендаторы получали от арендодателя-совхоза обусловленную часть прибыли. Остальную передавали в общий котел. Нынче каждый кооператив оставил себе львиную долю заработанных средств и сам решил, сколько истратить на приобретение новой (и какой именно) техники, какие средства вложить в развитие производственной базы, улучшение земли и т. д. и что останется на раздачу в качестве заработка.

Именно так: не гарантированная доля, а что останется после раздачи всех долгов, всех обязательных выплат и расходов. В сущности, это и есть реальный хозрасчет, который достал, наконец, непосредственного производителя.

Многие предприятия пошли по другому пути. В частности, растущую популярность приобретает модель, предложенная председателем колхоза им. Орджоникидзе Акушинского района Дагестанской ССР М. Чартаевым. В руководимом им хозяйстве основные фонды, или так называемые неделимые фонды, были разделены между колхозниками.¹ Нет, не каждому поровну, а по паям, в зависимости от реального вклада человека в создание этих фондов за последние 15 лет. И, начиная с 1988 года, на каждый пай стали выплачиваться дивиденды. В среднем в 1989 году они составили 1,3 тысячи рублей, весомая прибавка к зарплате. Но самое главное, таким путем — впервые за всю историю колхоза — каждый колхозник на деле стал подлинно заинтересованным совладельцем основных фондов хозяйства. А стало быть, и сумма этих фондов для каждого теперь не безликая цифра, а его собственность, ежегодно дающая реальный доход.

Принципиальным условием повышения эффективности коллективных хозяйств является качественный рост уровня колхозной и совхозной демократии. Как убеждают результаты социологического анализа, около 40 процентов колхозников и рабочих совхозов страны, в том числе Узбекистана, не удовлетворены ходом демократизации. Например, среди опрошенных жителей Ташкентской области — 47 процентов считают, что процесс демократизации еще не начат. Несмотря на энергичную риторику, призывы «Не смей командовать», вмешательство партийных органов продолжается. Крестьянин еще не стал субъектом земли. Не приобрел он и права добровольного вхождения и выхода из колхоза с возвращением своего надела и причитающейся доли основных средств. В колхозах и совхозах преобладает авторитаризм, рядовые крестьянские массы все еще остаются объектом управления.

По-прежнему правит бал консервативная система показателей, нужная лишь для того, чтобы дать работу огромной армии чиновников.

Работа на показатель была и остается до сих пор сутью колхозно-совхозного строя. Никого не волнует, что в общественных сусеках шаром покати. Не так давно, казалось бы, открыли двери: тридцать процентов от сверхплановой продукции разрешили использовать по собственному усмотрению. Но буквально тут же увеличили хозяйством по многим показателям годовые планы.

Явно не стимулирует труд сельчан практика государственных заказов. Нет, в принципе она нужна. Ведь и в США лишь 40 процентов сельскохозяйственной продукции реализуется через открытый рынок, остальное проходит по каналам конкретной и кооперативной интеграции. Но госзаказ должен быть разумен. А о какой разумности можно говорить при его стопроцентном охвате? Между тем, в Узбекистане такой заказ установлен на хлопок, шелковичные коконы, другое ценное сырье. И несмотря на то, что общественность республики неоднократно ставился вопрос перед правительством Союза о снижении госзаказа, хотя бы до уровня 70 процентов, оно, как проинформировал на встрече с депутатами СССР от Узбекистана тов. Н. И. Рыжков, в ближайшее время не предусматривается.

Острым вопросом больной сельской экономики остается несбалансированность закупочных цен и несовершенство системы ценообразования. Системой цен сельское

¹ Чартаев М. Колхозное — значит мое. Известия, 28 августа 1989 г.

хозяйство практически на протяжении всей колхозно-совхозной истории разорялось. Цены на продукцию для сельского хозяйства росли быстрее цен на продукцию сельского хозяйства. Прибавочный продукт перекачивался из него в промышленность, а потом оказывалось, что аграрное производство не обеспечивает население продуктами питания, а перерабатывающие отрасли промышленности — сырьем.

Взять тот же самый хлопок: за последние 25 лет цены на него выросли в два раза. Оплата человеко-дня повысилась с 3,4 до 7,1 рубля. Но за это же самое время значительно выше поднялись цены на технику, удобрения, горючее. Да и стоимость товаров народного потребления росла быстрее, чем заработная плата сельчан. В результате реально снизились доходы сельских тружеников. В 1987 году их уровень составил лишь 95 процентов к 1970 году. Закупочная цена на хлопковое волокно остается поэтому неприемлемой для дехкан и сегодня.

Проблема установления обоснованных цен на сельскохозяйственную продукцию уже вышла за чисто экономические рамки, она приобретает острое политическое, а применительно к Узбекистану, буквально жизненное значение.

Нуждается в глубоком обновлении система управления сельским хозяйством. Косметический ремонт, предпринимаемый в предшествующие годы, ничего не дал. К сожалению, линия на внешнюю перелицовку оказывается живучей. Так, недавно мы обвиняли РАПО во всех бедах села и с чистой совестью сменили табличку на его дверях. Но функции у этой конторы оставили прежние — быть контролером продрозверстки. В его распоряжении остался кислород колхозов и совхозов: снабжение материалами и техникой.

Чтобы дать деревне подняться, мы, наконец, должны отказаться от продрозверстки в сельском хозяйстве, от валовых и натуральных показателей в планировании. И, самое главное, реальностью должен стать лозунг, выдвинутый на заре Советской власти: «Земля крестьянам!» Приняв Закон о земле, введя в товарооборот понятие «цена на землю», необходимо передать ее местным органам власти — сельским Советам. Пусть сельский сход определяет сам, кому какую дать землю. Колхозу, который, возможно, разорил это поле, или зарекомендовавшему себя кооперативу. В этом случае все — хозяйства, организации, отдельные крестьяне — будут иметь равное право на землю и нести равную за нее ответственность. Наряду с этим необходимо создать реальную почву для здоровой конкуренции, социалистической предприимчивости. На селе, в конкретных условиях, должна побеждать та форма организации производства, которая обеспечит наиболее высокий уровень производительности.

Важно также сформировать механизм защиты крестьянства. Больно признать, у Советской власти до последнего времени такого механизма не было. Люди больше не хотят быть людьми будущего. Они должны стать хозяевами сегодняшнего дня.

Другой действенной силой, способной выступить последовательным защитником интересов широких крестьянских масс, призвана стать общественная политическая организация. Необходимо восстановить историческую справедливость и дать сельчанам возможность сформировать свой политический авангард. Кое-что уже сделано в этом направлении. В частности, создается ассоциация крестьянских хозяйств. Но ее функции специфичны, а речь должна идти о создании Крестьянской партии. Особенно актуально это звучит применительно к республикам Среднеазиатского региона, в том числе Узбекистана, где большую половину составляют сельские жители.

Рабочий класс и поныне рассматривается как гегемон, а крестьянство — как сопутствующий, предназначенный к вымиранию класс. Преимущественная ориентация на рабочий класс неизбежно вызвала перекосы в социальной и аграрной политике, деформацию союза рабочих и крестьян. Крестьянство, как правило, приносилось в жертву. Это вело к отчуждению широких сельских масс от социалистической идеи. Создание Крестьянской партии, безусловно, будет содействовать преодолению взращенных временем заторов, наполнит новым содержанием союз рабочих и крестьян, придаст аграрной политике целительный характер.

Надо дать крестьянству на деле почувствовать себя полноправным партнером в экономике и политической жизни, вернуть ему достоинство и гордость кормильца, хранителя вековой народной мудрости. Крестьянство из века в век считалось столпом Отечества, истоком и будущим нации. Да проснутся в нем богатырские силы!

Ольга Мазурова

* * *
Хоас.
Нагромождение звуков,
Гармония печали и тоски,
И светлой грусти
волны...

О, музыка,
Как сладко и как больно,
Ты властвуешь над
Миром и людьми.

Июль

Войти бы в лед ручья,
Обжечься.
Провести ладонью
По воде,
И, расплескав ударом
Быстрое течение,
Вернуться в лес,
В сияющий июльский
Полдень.
В траве густой,
Набрать прохладных ягод
И, ощутив вкус лета
Кисло-сладкий,
Лежать,

И ни о чем не думать,
Смотреть на облака,
Лохматые подобия чудовищ,
На толстого шмеля,
Качающегося на ромашке,
На паука, плетущего,
Меж двух травинок паутину,
Смотреть на мир,
На гениальную картину,
Безвестного художника,
Который первым создал
Цвет и форму,
Вдохнул,
В свои творенья — жизнь.

* * *
Я ничего не успеваю,
В чем дело?
Я не понимаю.
Все — суета, дела и спешка,
Любовь с картошкой вперемежку.
Послушать музыку — проблема,
Никак не вырваться из плена
Пеленок, щей, субботних стирок,
Уйти от мелочных придирок,
От раздраженья, от упреков,
Никак не вырваться от горьких,

Пустых и надоевших слов,
От жизни мелочных основ,
Чтобы спокойно, без надлома,
Вдруг оказаться просто дома,
И просто посидеть с детьми...
И оценить, что мы одни,
Одни лишь мы — нужны друг другу,
И в непривычной тишине,
Ты ничего не скажешь мне,
А лишь сожмешь сильнее руку,
Даруя счастье мне и муку.

* * *
Однажды я возьму и полечу!
Я так хочу.
И вызову необычайный бум!
— Смотрите, женщина летит!
— Парит?!
— Летит, летит, как птица.
Мир удивится,
И заговорит,
Прорвется пресса.
Через все заслоны,
И обо мне в корпунктах телефоны
Трезвонить будут
День и ночь,
В очередях досужие старушки,
Крестясь, поманут: — Сатанинска дочь!
Ученый мир

Скептически отвергнет
Сей факт,
И в доказательство,
Напомнят об Эйнштейне,
И все-таки отыщется чудак,
Который выразит любовь и восхищенье
К «летающей» и победившей
Теорию земного тяготенья.
Но это все останется внизу,
Там на земле,

И вера, и сомненье,
А я-то непременно — полечу,
Я так давно мечтаю,
Так хочу — полетов наяву,
Не в сновиденьях.

* * *

Как холодно,
Включи обогреватель.
Дождь растянулся
На четыре дня,
Так хочется тепла,
Красивых платьев,
И чтобы снова
Он любил меня.

Так хочется
Бездумного покоя,
Отдохновенья
От суетных дел,
Чтоб кто-нибудь,
Поговорил со мною,
И помолчал,
И просто — посидел.

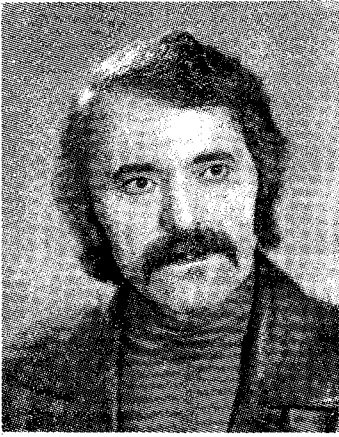
Так хочется цветов —
Тюльпанов и сирени,
И голубых туманных вечеров,
Так хочется весны
И откровений,
Случайных встреч,
И неслучайных слов.

Как холодно,
Наташа, что же дальше?
Ждать счастья
У холодного окна?
Как много в жизни
Холода и фальши,
Наташа, пожалей меня!

* * *

Ах, Боже мой,
Как хорошо,
Что есть еще,
Такие же — другие,
Мерцающие души в темноте,
Ростки космического братства,
Любви вселенской
И богатства,

Так незаметного,
Среди давящей
Над ними биомассы.
Товарищи — по духу,
Не по — классу...
Да, сохрани, Господь,
Их в вечности своей,
Среди — времен,
Среди — людей.

Маргар Маргарян

. . .

Я пальцы свои, словно свечи, зажгу для тебя,
и я осветю твою долгую душную ночь,
и снова пойму, как сто раз я уже понимал,
что этого мало, о мати моя.
Я в темную заводь твою, как в огромный садок,
все звезды сманю, пусть сойдутся и светят тебе,
и млечным мерцаньем окутаю плечи твои.
И этого мало, о мати моя.

Я северных гор синеватый возьму гребешок
и южных — курчавую, с зеленью, шапку возьму,
и в красный кувшин океаны и реки солью.
... и все-таки мало, о мати моя.
Я вспомню, о мати, всех мертвых и вспомню живых,
их шелест стозвучный в крови на слова разберу
и выдохну в слове едином — тебе, для тебя...
Я знаю, что мало, о мати моя.

Земному — всему и всегда — обозначен предел.
Лишь море любви безгранично, и только любовь
способна возлюбленных тени у мрака отнять...
Всего будет мало, о мати моя.
Я знаю, не нужно тебе ни звезды, ни горы,
а только, чтоб тьма с головой накрывала, но смерть
лишь новую жизнь вынуждала явиться из тьмы,
чтоб смерть умирала, а жизнь бесконечно жила...

* * *

Стоя в затылок друг другу, гуськом, впритык,
округлив рты
и глаза округлив,
крикливо оспаривали глупцы
Истину у мудрецов.

Что из того, что кричали истово —
Истина жалась к ногам мудрецов.

Те, с хитрецей в глазах, молчали, —
чего, мол, зря жевать мочало.

Желая дело свести к лущовке,
один из глупцов
реготнул, засмеялся,
гыгыкнул потешно, —
и со вспотевшими лбами
замерли мудрецы
соляными столпами.
Лишь один
языком прищелкнул: «Ц-ц!»
Ибо цену смеха глупцов,
ибо убойную силу смеха глупцов
ведают лишь мудрецы...

Я иду

Войско готово мое.
Оперены нетерпением стрелы.
Дико храпящих коней я сам подковал.
Сестры мои нежнорукие вышили стяги,
хлеб испекла моя мать.
Пламенем алым объят я —
на плечах моих плащ полыхает.
Войско готово мое.
Я собираюсь на Русь.

Мысли мои непокорные — вы мое войско,
жадно глотают пространство глаз моих стрелы,
мчатся крылатые кони — желанья мои.
Хлеб прижимаю к груди — доброту моей матери.
Ветер плащ развернул — это дерзость моя.
Я иду за победой.
Я на Русь иду за победой.
Я иду за возлюбленной,
за россиянкой моей.

Круги

Я толкал эту дверь.
Я ногами ходил по вздыхающей глине,
зеленил свои руки весенней травой.
Я смотрел на небесную твердь
снизу, сбоку, со скоростью ласточки
и с высоты орлиной,
уходя в синеву по незримой кривой.

Я качал этот мост.
Я дразнил, добираясь к друзьям, эту жадную реку,
я морскую пучину собой соблазнял —
отправляясь к врагу. Настороженный мозг
да изнывшее сердце: вот все, что мне — век и я — веку.
Есть ли что-нибудь кроме? О, если б я знал.

Я носил этот груз —
в мои плечи навеки впечатались ляжки —
поглотка родниковой студеной вины,
и лому в зубах, и веселую грусть,
и монету без решки — для самой последней орлянки,
и настырный, клубящийся запах войны.

Я любил эту жизнь.
Я любил в этой жизни любовь и надежду.
Я доверил своим неумелым рукам
их лепить и беречь. Я им дал падежи —
я люблю, я надеюсь... Ты любишь? надеешься? где ж ты?..
Я кружу и кружу по моим сумасшедшим кругам.

Дознание

Я, это я —
не признан, не опознан,
не схвачен за руку, не уличен,
когда родился, жив ли — неизвестно,
зовусь —
не установленным лицом.

Я, это я.
И вместо ФИО — прочерк.
Все сведенья вполне недостоверны —
За это я ручаюсь головой.
Поступки все мои —
не объяснимы.
Особенно — конечная их цель.

Я, это я.
И возраст мой загадка.
Не то чтобы волнующая многих, —
но кто по долгу службы должен знать...
Найти хотя бы хоть одну мою анкету!..
В порочащих знакомствах —
не замечен.

Я, это я.
Каков мой мир духовный,
какую исповедую я веру —
а может, я и вовсе атеист —
покрыто мраком.
Трудно догадаться.
(Недоглядели и не уследили)
А я — не выдал и не наследил...

Я, это я.
...а также принадлежность
к союзу, партии, какой-то тайной ложе —
не удалось пока что доказать.
Ни абонентов и ни адресатов —
что также вызывает подозренье...
(На чью же он защиту уповаешь?)

Я это! Я!
Я — ! Я !
Единогo с другими образца —
в единственном, однако, экземпляре!
Я есть любовь!
И вера!
И надежда!

И — ваше утешенье и опора,
и места нет отчаянью во мне!
...Рожден из праха — и уйду во прах.
Но как же вы останетесь —
без ТАЙНЫ?..

Перевод с армянского Галины Галимовой

Нодир Норматов

Перевод с узбекского Ганны Немирко

ЕСЛИ ЧЕЛОВЕКА УЖАЛИТ ЗМЕЯ...

ПОВЕСТЬ

1

Она погрузила спецовку в тазик с мыльной водой и услышала, как что-то лязгнуло. Снова вытащила ее, пошарила в мокрых карманах. Разжала ладонь. На ладони блеснули две золотые монеты...

Золото? Откуда? Ей не верилось. В детстве, когда она пасла корову возле Даулкурмана, ей посчастливилось найти в траве такую же монетку. Сколько полезных вещей купила тогда ее мать! Колябельку, серп, еще что-то.

Но откуда оно тут? Она опять взяла в руки спецовку своего мужа. Обыкновенная, не очень поношенная спецовка, сшитая из черного сатина. Ее вместе с радиоприемником подарили мужу, когда он выходил на пенсию. Она еще удивилась тогда — вот странный подарок! Но Эргаш объяснил ей причину. Он очень любил корчевать пни, расчищать землю. В школе он работал сторожем. А в спецовке ходил постоянно, потому что все свободное время, все силы отдавал любимому занятию — корчевал пни, подрезал и расчищал сад. Благодаря его трудам школьный сад стал самым роскошным в кишлаке. Вот и подарили ему эту сатиновую куртку, оказывая дань уважения его заслугам. Сегодня она, убирая кладовую, обнаружила эту куртку случайно и решила постирать. Но откуда в кармане золото?

Монетки целый день лежали у нее в кармане. Каждый раз, касаясь их пальцами, она вспоминала обо всем, но ничего понять не могла. Хорошо помнила лишь одно: в последний раз муж надевал эту спецовку, собираясь идти работать во двор к Ойхол-Склочнице. Оттуда он живым не вернулся, его принесли. Он умер от того, что его укусила змея. Там ли он нашел эти монетки, или где-нибудь еще — неизвестно.

«А зачем это теперь тебе знать, Майрам Бархатные ресницы?» — спросила она себя. — Ведь его уже нет». И все-таки продолжала ломать себе голову. Почему муж не сказал ей о находке? Он же никогда и ничего не скрывал от нее...

Спецовка высохла. Она положила золотые монеты в тот же карман, пусть лежат там. Ей они не нужны. Дома все есть. И сын, и она сама работают. Зубы золотые вставлять ей не надо — свои еще, слава аллаху, белые и здоровые. Она убрала спецовку в сундук и почувствовала облегчение.

На другой день к ней зашла Ойхол-Склочница. Майрам удивилась: зачем эта бесстыжая пришла к ней? Она ведь не была тут со дня смерти Эргаша. И пока Майрам думала и гадала, Ойхол выложила все свои новости. Оказывается, ее старшая сестра, портниха Банат, хочет посоветоваться с ней, с Майрам Бархатные ресницы, выдавать ли ей замуж свою дочь.

Майрам слушала равнодушно, продолжая стегать одеяло. Что хорошего услышишь? Уже по прозвищу ясно: склочница она и есть склочница. Тысячу лет будет жить — тысячу лет будет склочницей... ничего в ней не изменится. Стоп! Что-то в ней изменилось. А, у нее теперь золотые зубы! Полный рот...

— Поздравляю, у тебя, кажется, золотые зубы?

— Да, спасибо. Дорого они достались мне. Зубной врач, пока ставил, так измучил меня, что думала, умру прямо там... у него в кресле.

— Они что, из чистого золота?

— А как же! Стала бы я размениваться...

Майрам удивилась. Где эта бесстыжая раздобыла золото? И вдруг вспомнила про две золотые монеты, которые нашла в кармане мужниной спецовки.

Едва проводив Ойхол, Майрам достала из сундука монеты и стала тщательно их рассматривать. Да, зубы Ойхол сделаны точно из такого же золота... По цвету монеты были точно такие же...

И ведь это она сама уговорила мужа тогда поработать в том доме! Эргаш целую неделю корчевал у них в саду пни. Кто теперь знает, что там произошло за эту неделю? Может быть, это муж подарил Ойхол-Склочнице монету, чтобы расположить ее к себе? А эти две оставил до следующего раза? Что стоило этой бесстыжей сказать: «Эргаш-ака, вы, кажется, думаете, что ваша жена безгрешна? Просто вы ничего не знаете...» И раскрыть ему тайну Майрам, никому не известную тайну. Майрам всю жизнь этого боялась.

А несчастье, скрытое от всех, произошло с Майрам в годы войны, когда Ойхол была ее соседкой. Шел третий год войны, Майрам поняла, что больше не выдержит. Чем кормить детей? Пока была в доме пшеница, рассыпала она каждый день по пригоршне перед детьми, жарила и рассыпала, и это хоть как-то спасало их. Но скоро не стало и пшеницы. Она не могла уже слышать голодного детского рева, он гнал, гнал ее прочь из дома. Что же делать-то ей? Придумала: пойдет она на поклон к глухонемому мельнику, хоть и тяжело на это решиться. Ведь наступит же срок, когда долг и возвращать надо. Но выбора нет. Отзывчивым оказался мельник. Видя ее состояние, дал ей полпуда пшеницы. Не отказал и во второй раз. Но когда она пришла в третий раз, сказал, что сам занесет пшеницу. Тревожное чувство родилось в ее душе. Она и прежде замечала, что более приветлив с ней мельник, чем с другими женщинами. Ей-то он был не нужен вовсе, но пришлось уступить: не умирать же детям с голоду. К несчастью, забеременела. Чего только она не делала — и тяжести носила, и поясницу грела — не помогало. Но вот однажды, уже на шестом месяце, она рвала абрикосы, забравшись на дерево. Ветка обломилась, она упала, и выкинула. Когда пришла в себя, увидела стоящую рядом склочницу Ойхол. Как Майрам умоляла ее никому не говорить о том, что тут увидела! Ойхол, наконец, согласилась, но при условии, что ей отдаст Майрам все, чего бы она ни пожелала.

Они обошли весь дом, и Ойхол остановилась возле старинного резного сундука, который достался Майрам от отца. Пришлось отдать этот сундук. Когда Эргаш вернулся с фронта, спросил о сундуке. «Обменяла сундук на пшеницу», — сказала Майрам, опустив свой бархатные ресницы.

А склочница Ойхол запросто, свободно, по-хозяйски приходила в их дом, была в курсе всех событий. И постоянно Майрам жила в страхе оттого, что тайное может стать явным.

Один за другим у Эргаша и Майрам рождались дети, и все — мертвые. Видно, аллах не мог забыть ее греха. К тому же возникла мысль о причастности Ойхол к ее бедам. «Не могу больше жить в этом злосчастном доме!» — плакала она по ночам. Пошли навстречу в кишлачном совете, выделили один из пустующих домов на краю кишлака. После войны таких домов в кишлаке было много.

Ойхол-Склочница тут же заняла их дом — как-то ей все легко удавалось. Сад к своему присоединила. А расстояние — для нее не препятствие: она по-прежнему посещала едва ли не каждый день их новое обиталище. И лишь после смерти Эргаша ее визиты прекратились.

«Зачем же она пришла сегодня? Ведьма, с нее начались все мои несчастья...» Майрам сидела, глубоко задумавшись, и рассеянно смотрела на монетки, лежащие на ладони. И вдруг словно два раскаленных уголька обожгли ей ладони. Она поспешила сунула монетки в спецовку и вышла во двор. Тяжелые мысли гнули плечи. Нет, никогда одному человеку до конца не понять другого. Вот ее муж, например. Тридцать лет они прожили вместе, а она не знала всей правды о нем — так же, как он, скорее всего, — о ней. Эх, Эргаш, Эргаш! Ему-то она всегда верила. И если бы не это золото, никогда бы и не усомнилась в его верности. Зачем же судьбе было угодно, чтобы нашла она эти монеты? Чтобы страдать? Ведь должен же, должен был он сказать ей о золоте? Может, хотел сказать, но забыл? Нет, это же не пустяк какой-нибудь, а золото все-таки.

Наступил вечер. Сын вернулся с работы. Майрам чувствовала себя очень плохо.

За ужином, когда сын, по обыкновению, посетовал на дорогу, которая способна и танк вывести из строя, уже не говоря о том, что дважды за год у него рессоры лопались, она промолчала. Обычно же она отвечала ему в тон: «Уж конечно, сынок, это не дорога в Соляные копи...» Или говорила что-нибудь вроде этого. Нусрат удивился молчанию матери. Глянул на нее, увидел бледность, страдающие глаза.

— Мама, вам плохо?

— Да нет, нет... Обычная головная боль, — поспешила успокоить она.

Но сын понял, что дело не в этом. Он торопливо доел свой ужин и вышел из дома.

Она знала, куда он отправился. За бабушкой Мерган. Когда Майрам прихварывала или просто ей было тоскливо, стоило послушать ей рассказы ласковой бабушки Мерган, как все у нее быстро проходило.

«Но на этот раз у меня совсем другая боль, сынок,— вздохнула украдкой Майрам Бархатные ресницы.— Если бы ты только знал... Но не дай тебе бог, чтобы ты когда-нибудь узнал об этом; дитя мое...»

Нусрат вернулся быстро. Но принес одни только лекарства от головной боли.

— Бабушки Мерган дома нет,— сказал он.— Завтра она обязательно зайдет к нам.

2

Бабушка Мерган заходила к ней как раз в тот самый день, когда Майрам затеяла эту злосчастную стирку. Она сидела во дворе, спиной к калитке, и вошедшую старуху не заметила. Впрочем, вряд ли она в ту минуту заметила бы ее, даже если бы сидела к ней лицом— она была так рассеянна.

Старуха, видя, что Майрам Бархатные ресницы сидела в глубокой задумчивости со спецовкой мужа в руках, пожалела ее: «Грустно, наверно, бедняжке. Надо бы ее немножко развлечь». И подошла поближе.

И вдруг увидела на ладони у женщины золотые монеты.

Старуха знала хорошо, чего стоят такие монеты. Когда-то она была активисткой, участвовала в раскулачивании, в конфискации имущества, и своими руками сдавала государству такие вот золотые монеты.

Бабушка Мерган ушла незаметно, Майрам ее не увидела. И направилась в сторону ручейка. В ручье она хотела найти плоский камень. У внука живот расстроился, надо было разогреть на солнце этот камень и полечить внука. Да еще отваром сухих диких груш неплохо бы полечить. Вот за этими грушами она и хотела зайти к Майрам.

«Ладно, попрошу завтра,— подумала она,— а сегодня буду лечить горячим камнем».

Она выбрала один, ровненький, плоский, и вернулась домой. Жила старушка в большом дворе. В разных концах этого двора двое ее сыновей жили со своими большими шумными семьями. Ей не нравились большие дома, такие модные теперь. Ей там не хватало воздуха. Поэтому жила она одна в старом домишке, который достался ей от мужа. Домик был простой, прихожая и комната, которая служила и спальней и гостиной.

«Соскучитесь — приходите в мою хибарку. В ваших дворцах жить не могу»,— говорила она детям.

Внуки по очереди ночевали в ее домишке. Если кто-нибудь ночевал целый месяц — получал от нее зарплату «сторожа». А если не выдерживал месяц — ничего не получал. На этот раз именно «сторож»-то у нее и заболел.

Бабушка подогрела камень на газовой плите, которая прямо тут, в прихожей, и была установлена. Затем заставила внука положить его на живот. Внук всячески противился и согласился только после того, как она обещала повесить ему «зарплату». Такой уж у нее был метод лечения. Теперь, когда камень прогреет кишечник, она еще даст больному толченые сухарики, и все пройдет.

Ей захотелось есть. Вскипятила воду в старом медном чайнике, размочила кусок черствой лепешки. Поела. Пососала леденец. Для себя она не готовила. Ее по очереди содержали сыновья. И сменяли друг друга каждый месяц. Сама она никогда и ничего не просила у своих невесток, довольствовалась тем, что ей приносили. Сегодня, кажется, про нее забыли. «Ну что ж, есть у нее, слава аллаху, хлеб и чай»,— утешала себя старушка.

Внуку надоело лежать с камнем. Он ныл, просился встать, но бабушка Мерген строго объяснила, что если он не будет слушаться ее, то его отведут к докторам, положат в больницу, будут каждый день колоть уколы, да еще продержат там не меньше чем сорок дней.

Со двора послышались громкие вопли. В тоске посмотрела она из окна, оперевшись рукой о подоконник. Под вязом, сидя на корточках и закрыв лицо руками, плакала ее старшая невестка Онорхол. Возле нее стоял сосед Нигмат-ака, который зашел к ним за колодезной водой. Рядом с ним стояли старинные медные ведра.

А у колодца с большим кухонным ножом в руках подпрыгивал и бесновался ее старший сын Холмирза.

— Убью-ю!— кричал он жене.— Уйди с глаз моих долой! Убью! Бабушка Мер-

ган заспешила во двор. Сын раздраженно рассказывал соседу, что у них тут произошло.

— Хорошая ли, плохая ли — но она мне мать! Старенькая она у меня, понимаете? Я велел этой... отнести матери обед, а она стала мне перечить!

Поняв, что ссора разгорелась из-за нее, старушка отступила за ореховое дерево. Сердце защемило. Наклонилась, стала шарить в сухих листьях — не сбили ли вороны последние орехи?

— Я и так собиралась нести ей этот обед, без напоминаний, — разъяряла Онорхол соседу. — Может быть, я и виновата, что возразила. Но если бы вы знали, как он обращается с моими родителями! Они же из-за него вообще скоро перестанут приходить ко мне! Мне же обидно. Он такой из-за своей скупости. Вот я, например, купила недавно в магазине полкило чая. Он меня за это так ругал, так оскорблял, что пришлось мне продать этот чай жене Кузибая-ака. Он дрожит над каждой копейкой! Хотите верьте, хотите нет, но у меня даже второго платья нет. Не дает денег! Дети все в заплатках. Ладно уж, пусть мальчики, но и девочки тоже...

— Вон с моих глаз! — завизжал Холмирза.

— Сосед, дорогой сосед, — заторопилась Онорхол, — скажите ему, пусть он хоть оставит нам то пособие на детей, которое я получаю! Не надо мне ничего от него, ни его зарплаты, ни других заработков!

Она вытерла слезы кончиком платка и скрылась, убралась от греха подальше.

— Зачем же вы, сосед, так обижаете жену? — спросил Нигмат-ака.

Холмирзе тоже надо было излить душу.

— У этой женщины шарики совсем не работают! Попробуйте-ка содержать семью, в которой двенадцать детей! К тому же две старших дочери со своими четырьмя детьми тоже у меня на шее!

В прошлом году оба зятя Холмирзы, возвращаясь со свадьбы пьяные, врезались на мотоцикле в машину, которая выезжала из гаража. Один из них скончался тут же. Второй остался жив, но сел в тюрьму, как виновник всего случившегося. И дочери со всеми своими детьми вернулись в отцовский дом.

Дальше Холмирза стал жаловаться соседу, что часть зарплаты у него уходит постоянно на покупку запчастей для машины.

— А сыновья-то подрастают! — с жаром говорил он. — Надо же приберечь деньги на их свадьбы! А эта безмозглая женщина способна думать только о сегодняшнем дне!

Мерган знала, о чем дальше будет говорить ее сын. Слушать не хотелось. Расстроенная, вернулась к себе. Хоть немножко бы покоя на старости лет. Нет же, вечно скандалят в этом доме. А умри она — эти скряги и не похоронят ее как человека... Как, например, похоронили родственники бабушку Жаркин.

Неделю назад она ходила на кладбище, на могилу своего старика. Рядом, на могиле бабушки Жаркин, она увидела серую мраморную плиту! Нет, ну вот как такое пережить? Посмотрите-ка, какой почет этой Жаркин, которая всю жизнь только и знала, что торговать жвачкой да конфетами. Ясно, что дети бабушки Мерган не поставят на ее могиле такой плиты. А разве не стоит она того? Ведь Мерган была первой трактористкой в районе. Первой вступила в комсомол! Скажут люди: «Вот, торговке сыновья вон какой памятник отгрохали, а могилка честной активистки Мерган выглядит жалкой». И кто тогда поверит, что на этом свете есть справедливость!

Когда Жаркин была жива, они все время спорили.

— Ты вредительница! — говорила ей бабушка Мерган. — И детей своих воспитала вредителями. Таких, как ты, давно-давно надо было всех пересагать! Наше государство терпеливое. Но придет время — оно и за вас возьмется.

— А чего ты сама-то хорошего сделала для государства? — возражала Жаркин. — Ну и что, подумаешь, первой залезла на трактор! И что ты получила от этого? И чем тебе не нравятся мои дети? Что тут плохого, что один в буфете работает, а другой на складе? Ты, наверное, хочешь, чтобы мои сыновья ездили на таких же скрипучих старых драндулетах, как твои? Скажи уж — завидно тебе просто, и все.

А какие роскошные поминки устроили сыновья этой Жаркин! Сколько всего было наготовлено, сколько баранов зарезано! Только на похороны, говорили, истрачено было три тысячи.

На нее нахлынуло горькое и сложное чувство. А ее сыновья и невестки? Не прочь они отнять у нее даже те немногие гроши, которые она сама скопила на свои похороны.

Пенсия у нее шестьдесят рублей. Часть она откладывала на похороны, остальное тратила на своих внуков. А их было так много! Хоть бы клад какой-нибудь найти, что ли? Тогда она сделала бы такое завещание: «Большую часть клада я завещаю моему сыну Холмирзе, у него много детей. Остальное — Каримбою». Вот

тогда сыновья пожалели бы, что так мало уважали ее при жизни, часто грубо с ней обращались. Пришли бы тогда к ее смертному одру, расплакались бы. «Ладно,— сказала бы она им,— я вас прощаю. Простите и вы меня...» И умерла бы спокойно. И тогда сыновья поставили бы на ее могиле еще лучшее надгробие, из чистого мрамора!

Тут старуха ярко представила себе и само надгробие, и даже как люди читают написанные на нем слова:

«Нашей глубокоуважаемой и любимой матушке Норгул от ее сыновей, невесток и внуков». Ведь Норгул — это ее имя, а «Мерган» — меткая, ловкая — прозвище. На памятнике надо бы высечь и то и другое. Тогда люди сразу вспомнят ее историю и расскажут другим, кто еще не знает. Они будут рассказывать примерно так:

«Эта старуха очень рано вышла замуж. Едва только ей исполнилось тринадцать лет. Вскоре ее мужа отправили в далекие края, откуда он не вернулся. Шли годы. Умерла свекровь. Молодая невестка осталась одна в большом доме со свекром. Положение было безвыходное: она не могла бросить на произвол судьбы своего пожилого свекра, но и оставаться с ним в одном доме по законам шариата тоже не могла — люди осудили бы ее. И вот тогда она нашла выход — женила своего свекра! На женщине, у которой был сын. И едва только этому сыну исполнилось семнадцать лет, он в знак благодарности женился на Мерган, которой к тому времени исполнилось уже тридцать! И никто этому не удивляется — он ведь просто обязан был это сделать по законам шариата. Вот почему ее прозвали Мерган — ловкая. И свекру жизнь устроила, и сама не прогадала.

И вдруг она поняла, что ей надо теперь делать: надо завладеть золотыми монетами Майрам Бархатные ресницы! И решила сходить она к ней не завтра, а послезавтра. Вообще-то вчера приходил ее сын Нусрат, звал бабушку Мерган, но старшая невестка Онорхол пристала со своими делами: Онорхол собиралась стегать одеяло и попросила заготовить ей кайму. Мерган пыталась отделаться от нее, сказав, что ее зовут к Майрам Бархатные ресницы. Но невестка обиделась и ответила: «Что это вы туда зачастили? Клад, что ли, там нашли?»

Онорхол, конечно, сказала это случайно, просто к слову, но старуха пришла в замешательство. Неужели невестка прослышала о кладе, который нашел Эргаш? Не могло этого быть.

А удивление невестки имело под собой почву. При жизни Эргаша свекровь редко ходила к Майрам: Эргаш ее недолюбливал. Например, однажды, собирая яблоки в яблоневом саду, она рассказывала девушкам историю о том, как она стала первой трактористкой. Все почтительно слушали, а Эргаш вдруг перебил ее: «Да хватит вам хвастаться, тетушка Мерган! Вам это уже не к лицу. К тому же не все было замечательно, как вы рассказываете теперь».

«Муж у тебя вообще-то неплохой человек, но большой грубиян!» — говорила она потом Майрам Бархатные ресницы.

Не хотелось признаваться Мерган, как она когда-то раскулачила родного дядю Эргаша, который кулаком-то и не был. Встретила она его однажды и задорно так спросила: «Как дела, Туракул?» Ну, приставка «кул» означает «раб», «ничтожный», «смирный». А он ей и говорит: «Мое имя не Туракул, а Турабай!» — «Ах, так ты бай? Вот мы тебя и раскулачим!» Вот активистка Мерган взяла сторяча и устроила так, что его раскулачили. Удивительные тогда были времена. Одно слово могло изменить судьбу человека. Было из-за чего недолюбливать старуху Мерган, не верил ей Эргаш. Но старуха его уважала. И когда он умер, она очень помогла Майрам, ухаживала за ней, утешала.

На следующий день, уступив невестке, Мерган осталась дома: щипала хлопок, готовила кайму для одеяла. И вот, сидя за работой, вдруг сообразила: а не помочь ли Майрам соткать ковер для ее сына к свадьбе? Ведь он должен скоро жениться, и ковер, сотканный вручную, будет им кстати. Если Майрам согласится, она будет ткать этот ковер у них во дворе. Вот тогда она доберется до клада.

3

Майрам обрадовалась старухе.

— Ты искала меня, дочка? Вот, хоть и с опозданием, но я пришла, — приветливо сказала бабушка Мерган, входя во двор.

Майрам расстелила курпачу, усадила гостью на почетное место.

— Ах, это мы должны навещать вас, уважая вашу старость.

Майрам ни словом не обмолвилась о том душевном смятении, которое возникло у нее после прихода Ойхол-Склочницы. Только пожаловалась на тоску, которую ничем не заглушить.

— Тебе надо женить Нусрата, — посоветовала бабушка Мерган. — Если рядом с тобой будет невестка — тоска твоя пройдет. А потом внуки пойдут...

Майрам и сама этого хотела. Но почему-то Нусрат медлил, просил не торопить его. Но вот прошел уже год со дня смерти отца, и Нусрат недавно намекнул ей, чтобы она готовилась к свадьбе. Услышав это, бабушка Мерган обрадовалась: «Ну, значит, все в порядке... женится он теперь. И ковер понадобится!»

— Это хорошо, это очень хорошо... Знаешь что, моя дорогая? А не соткать ли мне ковер для твоего сына? Глядя на этот ковер после моей смерти вы, может, иногда вспоминали бы обо мне... — сказала бабушка Мерган дрогнувшим голосом.

Майрам растрогалась. До чего же отзывчивая эта бабушка Мерган! Знает, что человеку нужно. Для свадебного подарка не хватало именно такого ковра! Как это кстати! А к тому же ковры бабушки Мерган очень ценятся, когда-то она была одной из лучших ковровщиц в кишлаке. Теперь, когда она постарела, никто не мог заставить ее соткать ковер, ткала она редко.

Майрам так растерялась и обрадовалась, что тотчас же хотела показать, какие нитки заготовлены у нее для ковра, но бабушка Мерган поспешила остановить ее. Ах, в доме у нее нет покоя. Ах, голова идет кругом — столько народа... толчется постоянно. К тому же скандалы каждый день. Сын с невесткой скандалят, а давление поднимается у нее. Какой уж тут ковер! Конечно, ей очень хотелось бы соткать ковер... но как в такой обстановке? И тут бабушка Мерган вздохнула и виновато посмотрела на Майрам:

Но Майрам просто не могла упустить такой случай. Если бабушке Мерган будет удобно, она может ткать ковер прямо здесь, двор большой. А Майрам будет даже приятно, если бабушка будет работать у них в доме.

— Ну что ж, — вздохнула старуха, — наверно, по-другому и не получится. Хорошо, буду тебе я и сторожем и ткачихой.

Через несколько дней установила она свой ткацкий станок в доме Майрам Бархатные ресницы. Майрам не могла нарадоваться на длинные радужные нити будущего ковра, а мягкий стук станка казался ей приятной мелодией.

— Какой узор ты выберешь? — спросила бабушка Мерган.

Майрам ответила, что ей нравится узор «иттовон» — «следы собаки». И добавила, что в день свадьбы выставит этот ковер на самое видное место среди подарков, в знак уважения к трудам бабушки Мерган.

Услышав это, бабушка Мерган заулыбалась:

— Ну что ж, хочешь «иттовон» — сделаю «иттовон». Ты, наверно, мечтаешь, чтобы твоя невестка была предана твоему сыну, как этот друг человека, чьи следы будут на ковре?

Такая мысль и в голову не приходила Майрам, просто ей нравился этот узор, вот и все. Но, зная дотошность соседки, она сразу решила ответить утвердительно. Эти старухи такой народ, что от них не отделаешься, не объяснив причину всего, что их заинтересовало. Наверное, Майрам и сама будет такой, когда постареет. Дай бог ей в такие-то годы так же хорошо себя чувствовать. Старухе уже за семьдесят, а энергии у нее еще много. Вот уже несколько дней она ткет ковер, каждый вечер бодро встречает уставшую после работы Майрам. И двор подметен к ее приходу, и ужин готов, и чай заварен. И как бы ни уговаривала Майрам бабушку Мерган не беспокоиться, старуха делает это каждый день. А иногда, если они заговорятся, бабушка Мерган и нечевать у них остается. А сколько она знает интересных историй! Но рассказывает не все подряд, а только что-нибудь подходящее к случаю. Прежде всего она рассказала историю, в которой участвовал Нусрат.

— Нусратбай, а ты помнишь историю про «чалги» и «чалгу»¹?

Нусрат отрицательно покачал головой.

— Не помнишь? Неужели? — Она обернулась теперь к Майрам Бархатные ресницы.

— Майрам, сколько ему было лет, когда ты выдавала замуж старшую дочь? Тринадцать? Так вот, в разгар этой самой свадьбы моему старику вдруг захотелось поиграть на чалгу. Он позвал Нусрата, который в чайниках разносил чай гостям, и попросил его: «Сходи-ка ко мне домой и попроси тетю Мерган, пусть она пришлет мою чалгу». Нусрат не расслышал толком, о чем его просят, а может быть — перепутал, что старик просил чалги. Ну я и отдала ему косу вместо музыкального инструмента. Конечно, вся свадьба хохотала, а старик был сильно сконфужен. Тут же вернулся домой и впервые в жизни поколотил меня. Конечно, я могла бы оправдаться. Но я не сопротивлялась. Потому что чувствовала свою вину. Но почему я не задумалась, зачем моему старику на свадьбе понадобилась коса, да еще зимой? Он не ругал меня, когда я вступала в комсомол, не возражал, когда я стала первой

¹ Чалги — коса. Чалгу — музыкальный инструмент.

трактористкой. А вот за несообразительность дал мне хорошую взбучку. С тех пор я и взяла себе за правило искать смысл во всем, о чем говорят люди.

Нусрат от души смеялся, слушая рассказы старухи. Но прошла неделя, и он стал уклоняться от таких бесед под тем предлогом, что забарахлил телевизор и надо его чинить. На самом деле ему просто надоели расспросы старухи по поводу женитьбы. Тянуть не надо, советовала она. Ведь все самые прекрасные девушки кишлака выходят замуж и уезжают в дальние кишлаки. Но он отвечал ей: «Не беспокойтесь обо мне, бабушка Мерган, моя суженая подождет».

— Сын у тебя застенчивый, не в отца, — сказала старуха, повернувшись к Майрам Бархатные ресницы. — Эргаш в молодости был шустрее. Да что я тебе рассказываю, ты-то это знаешь лучше меня. Помнишь, как Эргаш угощал тебя яблоками в Каттабаге?

И все-то знает эта милая бабушка. Даже то, что Эргаш и Майрам обнимались в том большом саду. Всего один раз они и встретились тогда, возвращались из райкома вдвоем после шестимесячных курсов для учителей — тогда учителей так готовили. И как раз шли мимо этого сада. Только что созрели ранние яблоки. Так им захотелось попробовать первых яблочек, жарко было. Эргаш забрался на дерево и потряс его. И небо и земля — все было в яблоках. А какой аромат! Головокружительный! Эргаш тогда поднял девушку на руки, прижал к своей груди. Разве можно забыть те мгновения? Вот тогда-то, скорее всего, эта пронырливая старушка и увидела их. Место встречи она указала верно.

Там, в этом саду, с одной стороны был крутой пригорок. И весь он порос высокими яблонями. Почему-то этот сорт люди прозвали «ослиные яблоки». Яблочек было много, и все крупные. Никто теперь не мог вспомнить, кто их сажал и когда. Но кто бы это ни был, видимо, знал, что делал, спасибо ему. А в прошлом году, когда Майрам Бархатные ресницы уезжала, яблони эти срубили. Уезжала в санаторий лечить свою больную поясницу. Как увидела она голые пни вместо любимых яблонь, так и опять заболела. Уж потом узнала, что это, оказывается, директор хлопкового завода задумал построить там для себя резиденцию, но потом передумал и выбрал другое место. В горах Етимтаг. А в прошлом году этот директор повесился в той своей новой резиденции. Майрам его не пожалела. Бабушка Мерган тоже считала, что жалеть его не стоит. И даже добавила еще несколько слов в его адрес. А затем повернула разговор в прежнее русло:

— Так вот, на другой день после того, как я вас там видела, я встретила Эргаша и спросила, не собирается ли он снова зайти в яблоневый сад. Он серьезный парень был, — с улыбкой вспоминала старуха, — бедняга долго умолял меня никому не рассказывать, что я вас там видела. Боялся запятнать твое имя. А я нарочно стала дразнить его, что обязательно всем расскажу. Он так растерялся! Совсем не знал, что делать. Ну, потом я успокоила его, пообещала, что буду молчать.

Да, Майрам помнит все это. Эргаш был горячим, решительным парнем. Тогда в саду он навсегда решил ее судьбу. Поженились они позже. Он был беден. Когда накопил немного денег, они сыграли свадьбу. До войны оба работали учителями. Но после войны поняли, что их знания не очень глубоки, оба стали садоводами.

4

Говорят, если человек летает во сне — значит, ему повезет. Вчера во сне Майрам летела над горами Октог. По-русски — Белые горы. Впереди раскинулись бесконечные хлопковые поля. А по другую сторону гор — только голые холмы, словно та сторона была проклята. Девять месяцев в году места эти томились от безводья. За холмами начиналась Гора-сирота. И на склоне ее расположился большой цветущий сад. Орошали этот сад кяризы — сеть подземных колодцев, которые кто-то когда-то, видимо очень давно, выкопал. Сейчас они ветшают и все больше обваливаются и осыпаются. Сад этот все знали, он был знаменит на всю округу. Майрам Бархатные ресницы работает бригадиром в этом саду. И вот во сне она поднялась высоко в небо и полетела над Октогом к своему саду. Но на деревьях почему-то висели не яблоки, а золотые монеты.

Когда Майрам рассказала свой сон бабушке Мерган, старуха, тонко улыбаясь, растолковала его:

— Ну, дочка, это к добру. Наверно, в этом году у тебя будет особенно хороший, богатый урожай!

Слова старухи сбылись. Осенние яблоки поспели. Ветви клонились к земле, как туго натянутая дуга лука. Майрам несколько раз брала с собой бабушку в сад, и до чего же бабушка Мерган была рада этому! Ее платье так пропиталось запахом яблок, что, сидя за станком, она продолжала чувствовать себя так, будто была все

еще в саду. И работа ее пошла веселее. Она уже заканчивала первую полосу ковра. Зато почему-то совсем не спорилась работа у Майрам Бархатные ресницы. Старуха почувствовала это и стала ее расспрашивать:

— Что с тобой? Почему ты такая озабоченная?

Но что толку говорить об этом старухе? Из-за этих забот Майрам чуть ли не заболевает каждую осень. Больно видеть, когда пропадает твой труд. Не дает директор людей собирать урожай. Ответ у него каждую осень один и тот же: «А наш совхоз не садоводческий, а животноводческий. Нет у меня людей яблоки собирать!»

И в этом году три дня назад состоялся тот же диалог между нею и директором:

— Директор, яблоки пропадают! Дайте рабочую силу!

Директор нахмурил брови. Майрам наперед уже знала ответ: нам, дескать, в первую очередь надо запастись фуражом, часть людей отправили на помощь хлопководческим совхозам.

Майрам стала умолять:

— Ну хотя бы людей из моей бригады отзовите с сенокоса! Нам ведь и надо-то всего неделю, за неделю все яблоки можно собрать.

Но директор уперся.

— Эти люди работают не в моей личной усадьбе!— сказал он с заметным упреком.

Майрам Бархатные ресницы вышла из себя:

— Значит, пусть пропадает весь урожай?

— Пока собирайте имеющимися силами,— уже мягче ответил директор.

— О ком вы говорите, о каких силах? Я и сторож? Больше никого нет.

— Ладно, поможем как-нибудь,— ответил директор, торопясь от нее отделаться.— Только подождите немного...

До сих пор она ждет. А яблоки все пропадают. Директор считает, что яблоки— это копейки, какой с них доход? Наверно, поэтому и не заботится о саде. Конечно, на заготпункте за них дают гроши. Но людям-то нужны яблоки, они же полезные, их все любят. Верно, что их район специализированно-хлопководческий. Но кто сказал, что хлопкоробы не любят яблок? А на базаре килограмм яблок — во-он сколько стоит! Дорого. А у нас эти яблоки гниют зря. И прекрасно знает все это директор, только почему у него об этом голова не болит?

И Майрам попыталась уйти от расспросов бабушки Мерган.

— Да ничего, ничего особенного не случилось, это я так...

Тогда старуха зашла с другой стороны:

— Что ты за человек, не понимаю. Ни о чем у тебя душа не болит. Я думала, что Эргаш женился на деловой серьезной женщине. Видно, я ошибалась. И как он жил с такой мямлей?

Пришлось Майрам все рассказать. Старуха о чем-то подумала и вдруг сказала:

— Ты принеси-ка мне завтра ведро яблок. А дела твои скоро наладятся, вот увидишь!

Майрам подумала: «Наверно, для внуков». И на следующий день принесла целое ведро. Старуха унесла яблоки. А Майрам отправилась в школу и обратилась за помощью к директору:

— Для работы в совхозном саду?— переспросил ее молодой директор.— Но ваш директор не обращался ко мне по этому вопросу.

— Считайте, что это моя личная просьба, дорогой.

Директор школы задумался.

— Майрам-апа, но вы же знаете, что все наши старшеклассники на хлопке! Нельзя же малышей гонять на совхозные работы!

— Нам хватило бы десяти человек! Ведь яблоки пропадают зря!

Нехотя директор согласился. А когда она выходила, бросил ей вдогонку:

— А яблоки-то у вас спелые?

Странно, почему он так спросил. Ведь сейчас осень, самая пора.

— Я пришлю вам ящик. После этого вы целый год сахара не захотите!

Директор просиял.

«Хоть бы прямо попросил, без обиняков»,— с грустью подумала она.

Несмотря на усталость, она сегодня была радостной. Расцеловала бабушку Мерган и сказала, что «она не имеет себе равных в коврикатчестве и вообще она ей как родная мать». И к тому же хорошая гадалка.

— Что с тобой, Майрам,— удивилась старуха.— Ты расхваливаешь меня, будто

на базаре продаешь. А может, клад какой-нибудь нашла? — пытливо спросила бабушка Мерган.

— Клад — не то слово! Представляете, сам первый секретарь райкома спросил нашего директора: «Вы почему скрываете, что у вас есть такой чудесный яблоневый сад? Немедленно собрать весь урожай и отправить хлопкоробам!» А с другой стороны, явились сегодня сотрудники заготпункта — отдай им все яблоки!

— Еще бы! — засмеялась старуха. — После того, как секретарь райкома их отведал!

Майрам разинула рот.

— Так вы те яблоки в райком отнесли?

Оказалось, вчера бабушка Мерган прямо с ведром не домой пошла, а отправилась в райком. Секретаря на месте не оказалось. Сидя в приемной, бабушка угощала каждого, кто заходил туда по делу. Секретарша сказала, что бесполезно ждать, первый может и не прийти, а если даже и придет, то все равно не примет ее.

Старуха рассердилась:

— Пусть только посмеет не принять первую активистку колхоза, первую комсомолку и коммунистку Мерган!

Короче, она ждала в приемной до самого позднего вечера. И дождалась-таки. Секретарь был человеком лет сорока пяти, высоким, красивым. Удивился, увидев рядом со своей секретаршей старуху. Поздоровался.

— Я принесла вам яблочки, попробуйте! — прямо начала старуха. Достала из ведра румяное наливное яблоко и протянула ему. То ли из-за чудного аромата, то ли из уважения к старости, секретарь взял яблоко и, улыбаясь, надкусил.

— Ну? — спросила бабушка Мерган. — Хорошее яблочко, сладкое?

— А вы знаете — очень! — ответил секретарь и пригласил ее в кабинет. Усадил.

— А теперь рассказывайте. Откуда эти яблочки?

— Из Маржона. Там есть старинный сад. Яблок много, они пропадают зря, гниют. Я пришла к вам за помощью.

Все внимательно выслушав, секретарь позвал своего шофера и поручил ему отвезти старуху в Маржон. И обещал, что такие чудные яблоки не пропадут.

— Вот так-то, Майрам-ой, — закончила свой рассказ старуха, — а домой я вернулась на машине первого секретаря райкома!

— Ну вот видите, — засмеялась Майрам, — не зря же я хвалила вас.

Старуха налила ей супу. Но сама ничего не ела.

— А вы почему не едите? Сыты похвалами?

— Да. Для нас, стариков, похвала важнее еды. Не обращайтесь на меня внимания. Я на ночь не ем, а то сон тяжелый.

Убирая дастархан, Майрам спросила:

— А что вы стали бы делать, если бы секретарь ответил иначе? Сказал бы: «Вы, бабушка, топайте домой и занимайтесь своим хозяйством. У нас сейчас разгар хлопковой кампании, нам сейчас не до ваших яблок».

Старуха примолкла. Потом твердо ответила:

— А разве таких недалеких людей ставят на высокие посты?

Майрам молчала. Разве бывший секретарь райкома не такой был? Слушал кого-нибудь? Однажды при всех напустился на Майрам, когда ее бригада не выполнила индивидуальный план по сдаче шерсти. Она тогда прямо ему ответила:

— У меня садоводческая бригада. Где же нам взять шерсть?

Он сказал, что за эти слова ее следует строго наказать, но, учитывая, что она женщина, ей дали только выговор.

И еще был случай. На каком-то собрании она выступала как депутат районного Совета. И рассказала о судьбе таких древних кишлаков, как Маржон. Она давно над этим думала. Таких кишлаков в районе много. Но благоустраиваются только новые совхозы. А в кишлаках много рабочей силы. Почти все женщины — домохозяйки. Они, конечно, не пойдут с маленькими детьми работать в поле. Но ведь можно организовать цех ковровых изделий или прядильные цеха. В Ферганской долине этот вопрос давно решили. Вот все это она и изложила с трибуны. Ох, как не понравилась ее речь секретарю райкома! Он бросил ей реплику:

— У нас не хватает людей в поле работать, а вы нам тут еще дополнительные трудности создаете! Какую-то ерунду городите!

Ну и конечно, все тут же забыли о ее предложении.

«Надо бы теперь поговорить об этом с новым секретарем», — подумала Майрам, играя бахромой своего белого шелкового платка.

Когда она вернулась с работы, старуха, как всегда, сидела за станком. И сообщила, что приходила Ойхол-Склочница, приглашала Майрам зайти. С любопытством бабушка Мерган ждала, что Майрам ответит.

Майрам все поняла, но ничего не сказала. Стала собирать высохшее белье с веревки, натянутой между курятником и абрикосовым деревом. Выбрала среди белья крепдешинового платье новое, в мелкий цветочек, очень скромное. «А, все равно, что ни надень — портниха Банот обязательно обнаружит какой-нибудь недостаток. Такова уж ее природа», — думала Майрам.

Идти туда не хотелось. Но все равно придется, иначе эта Ойхол ее в покое не оставит.

А как хочется вообще их никогда больше не видеть! Сказать бы ей: «Хватит с меня! Мне надоели твои подлые угрозы. Иди, рассказывай людям мою тайну, если хочешь!» И давно бы она так сказала, если бы не сын. У дочери доброе сердце, она поняла бы. Но как воспримет это сын? Будет ли, как прежде, ходить с гордо поднятой головой?

Заметив, что она собралась в гости, старуха нахмурила брови:

— Лучше бы ты навестила свою дочь.

— К дочке я схожу на следующей неделе, — ответила Майрам Бархатные ресницы, едва скрывая раздражение. — С Ойхол мы долго были соседями. Если я не приду сегодня — скажут, загордилась!

Старуха больше ничего не сказала и вышла.

По дороге Майрам вспоминала тот день, когда впервые оказалась в доме Ойхол. Свекровь тогда сказала ей: «Келинджан, соседка Банот брала наши ножницы и до сих пор не вернула. Сходите-ка к ним, принесите».

Ворота в их двор были распахнуты, поэтому она вошла без стука.

Около тандыра сидел старик. Он закучивал табак в самокрутку, слюнявил газетку и от удовольствия щелкал пальцами. Увидев перед собой Майрам, он вынул самокрутку изо рта, выпустил клуб дыма и завопил изо всех сил:

«Ах, как же я пьян в эту ночь!

И могуч и силен в эту ночь!

Но если ты не придешь в эту ночь,

Я высохну, как былинка!»

Майрам знала, что старик курит анашу. И все-таки, увидев его таким, испугалась не на шутку. Хотела сбежать, но тут появилась мать Банот, стала бранить старика. И увела Майрам в дом. Показала ей усадьбу, угостила тутовыми ягодами. За домом, где-то между сарайчиками, Майрам увидела незнакомое растение, похожее на хлопчатник. Она спросила старуху, что это такое. «Это анаша. Старик, будь он проклят, посеял».

А потом, во время цветения, к соседям пришли из милиции и вырвали все до единого куста. Но старик каждый год упрямо продолжал сеять анашу. Его арестовывали, потом выпускали под расписку. Наконец он твердо пообещал никогда больше не сеять это зелье.

Однажды Майрам у себя во дворе забралась на яблоню и рвала яблоки. Взгляд ее упал на сарай в соседском дворе, который раньше был колхозной конюшней. Через распахнутые ворота сарая Майрам увидела, что теперь анаша растет прямо в сарае.

На другой день, работая в поле, она поделилась с кем-то из подружек о том, что видела вчера. Слова ее облетели весь кишлак. Опять пришли к соседям из милиции, заставили отпереть сарай и вырвали всю анашу. Старик пришел в такое буйство, что его было не унять. Решили, что он сошел с ума. Увезли в психиатрическую больницу.

Выйдя оттуда, старик совсем сник, стал безучастным, оживлялся только, если видел Майрам. Он тогда снова приходил в неистовство, кричал и поносил ее последними словами. А старуха была благодарна Майрам за то, что та избавила ее от тяжелой заботы.

Старик вскоре умер.

И конечно уж, все его три дочери обвинили Майрам в смерти старика. Они ругали ее и поносили повсюду. Скоро и старуха с аппендицитом попала в больницу. А недели через две скончалась. По словам старшей дочери, мать лет шесть тому назад ходила к гадалке. Та будто бы ей предсказала: «Через шесть лет заболеешь и уйдешь в мир иной». Ну вот, мать вспомнила эти слова и к вечеру скончалась.

Но Ойхол-Склочница не упустила случая, написала в область заявление, что

в смерти матери виноваты врачи, что это они ее зарезали. Из области приехала комиссия, было предложено раскопать могилу. Но две другие дочери старухи — Банот и Кирмиз — не позволили делать этого. Ойхол-Склочница, которая не ожидала такого оборота, пришлось взять назад свое заявление.

Хотя Майрам и не любила всех троих — Банот, Кирмиз и Ойхол, но в дни траура выполнила свой добрососедский долг — и готовила у себя на кухне, и помогала кормить тех, кто пришел выразить сестрам соболезнование.

Вскоре после смерти матери портниха Банот вышла замуж за парня из соседнего кишлака. Но он не увез, как полагалось бы, девушку с собой, а сам поселился в их доме, хотя весь кишлак смеялся над этим. После этого Майрам Бархатные ресницы могла уже не заходить к сестрам, неприлично женщине ходить в дом, где есть молодой мужчина.

Муж Банот, Абдусалом, оказался большим любителем выпить. Считался он рабочим в лесхозе. Но больше всего времени проводил дома. К нему ходили трое его приятелей, и вчетвером они частенько кутили до утра. Попойки нередко кончались пронзительными воплями и драками.

Тогда Эргаш пропитывал маслом комок старого тряпья, клал его на лопату, зажигал и кидал через дувал. К соседям. Это средство приводило их в чувство. На несколько дней Абдусалом успокаивался, но потом все начиналось сначала. Приятели его были такие же бездельники, как и он сам. Это два сына старухи Жаркин — один работал в районном буфете, а другой — на складе колхоза, тогда еще в Маржоне был колхоз. А третий — музыкант из Октоша. Вот этот музыкант между делом и соблазнил толстую Кирмиз. И даже потом женился на ней. Но она быстро развелась с ним и вышла замуж за одного из руководителей района. После войны он с ней развелся, потому что детей у нее не было. И вот из трех сестер только Ойхол-Склочница осталась ни с чем. Собирался было на ней жениться буфетчик, сын бабушки Жаркин, но он был хромым, а разве Ойхол пойдет за хромого? Долго она выбирала себе жениха. А после войны и выбирать стало не из кого. А потом и вообще было уже поздно.

Теперь все три сестры жили в доме отца.

С войны Абдусалом вернулся другим — поумнел. Пирушки и побоища кончились, он принялся за благоустройство дома.

Как-то у него гостил знакомый из Ташкента. Он был восхищен великолепием дома, двора, хозяйства, но сделал одно замечание: уборная совсем разваливается. Много раз Абдусалом рассказывал людям эти слова гостя. И каждый раз кончал свой рассказ жалобами на то, что никак до сих пор не может достать стройматериалы для постройки нового туалета. Никто, конечно, ему не верил. Лишь для виду все выражали ему сочувствие, понимая, что это он так страшется от доносов, выдавая себя за бедняка. Но не уберется. Кто-то все-таки написал, что у Абдусалама большая усадьба, что маленькая семья занимает два гектара земли. И была комиссия, которая все проверила. Оказалось, усадьба принадлежит не Абдусалому, а трем сестрам, и каждая из них зарегистрирована отдельно в документах сельсовета. Поэтому дело закрыли. Только тогда поняла Майрам, почему усадьба перегороджена низенькими, в полметра, заборчиками. Она, как и все, думала, что три сестры — это члены одной семьи.

После того, как Ойхол-Склочница завладела ее тайной, Майрам опять стала изредка заходить в этот дом. Эргашу не нравилась эта дружба, он несколько раз говорил: «Зачем ты к ним ходишь?» Но Майрам боялась, что если она порвет с ними отношения, то Ойхол раскроет ее тайну. К Абдусаламу Эргаш чувствовал еще большую неприязнь, чем к сестрам. Однажды в школе, на торжественном вечере в честь Дня Победы, Абдусалом выступил как ветеран войны. Эргаш тоже был на этом вечере. И слышал, как Абдусалом одурачивал всех небылицами о том, сколько фашистов он застрелил лично, сколько взорвал танков своими руками, за что был награжден орденами и медалями, которые, к сожалению, потерял в поезде по дороге домой. На самом деле он служил в трофейной команде — зрение у него было слабое. Его ложь так возмутила Эргаша, что он после вечера подошел к Абдусалому и сказал ему прямо в лицо: «Не стыдно обманывать детей? Все предатели и вышли из такой породы, как ты».

С тех пор и Абдусалом не мог спокойно видеть Эргаша.

Майрам пыталась как-то примирить их. Возвращаясь от трех сестер, говорила мужу: «Абдусалом-ака говорил, что вы очень правдивый, честный человек. И вообще герой». Но слова ее не оказывали ожидаемого действия. Упорно Эргаш не хотел иметь ничего общего с этой семьей. Однако последние дни своей жизни он провел у них. Уступив настойчивым просьбам Майрам, он каждый день ходил к ним в сад выкорчевывать пни. «Ну ладно уж, пойду, — сказал он однажды, — я ведь там буду среди пней, а это намного приятней, чем общаться с Абдусаломом».

Почему он-то терпеть не мог соседей? Предчувствовал что-нибудь? Он ведь не

брезговал общаться с самой знаменитой скандалисткой в кишлаке — Дунди. А с соседями знаться не хотел.

Подходя к дому, Майрам вспомнила тот самый ужасный день, когда случилось несчастье. Это было в середине весны. Она варила суп, бросила в котел несколько зеленых абрикосов и только хотела закрыть крышку, как вдруг у нее задергалось левое веко. И тут вбежал внук бабушки Мерган — Бекмурад. Запинаясь от волнения, он прошептал, что Эргаша-ака укусила змея. Душа у Майрам ушла в пятки, так и не помнит она, как после этого очутилась в саду у трех сестер. Только помнит, как увидела Эргаша, лежавшего без дыхания на глиняном возвышении посреди двора. Поняв, что он уже не дышит, она без сознания рухнула на землю.

О подробностях несчастья узнала после поминок от бабушки Мерган. Оказывается, когда его укусила змея, рядом никого не было, Ойхол принесла ему чай и увидела, что он лежит на земле, корчась от боли и крепко прижимая к животу колени. Широко раскрытыми глазами он взглянул на нее и едва только успел произнести: «Змея, змея» — и тут же скончался. Вот и все, что удалось узнать Майрам Бархатные ресницы о внезапной смерти своего мужа.

Перед домом она замедлила шаги, но взяла себя в руки и вошла во двор.

Банот, как обычно, сидела в своей комнате за шитьем. Она лишь привстала с едва заметной улыбкой. Так она приветствовала Майрам: Она со всеми держалась высокомерно, а уж особенно с теми, кто обращался к ней с просьбой. А женщины часто просили ее о чем-нибудь. В магазине готовое платье не купишь — они привыкли носить платья с широкими рукавами, с длинным подолом, как принято в их кишлаке. Ателье не было. Портниха, которая умела шить по фигуре, ценилась очень высоко.

Не отрываясь от работы, Банот стала беседовать с Майрам. Как всегда, она жаловалась на жадность и скаредность своих клиентов. Вот старшая невестка бабушки Мерган. Сшила четыре платья, а заплатила совсем пустяки! Майрам все это пропускала мимо ушей, внимательно стала слушать лишь тогда, когда Банот заговорила о своей дочери Барфин.

Дочь ее сватают за одного парня, который согласился жить у них в доме. Майрам вежливо улыбнулась. И даже не спросила, как зовут этого парня. Пусть Банот сама назовет, если захочет. Но можете себе представить, Барфин отказывается выходить замуж за этого парня!

— Уговорите ее! — снизошла до просьбы Банот. — Вас она послушается.

Майрам ничего не ответила, а только спросила, где девочка сейчас. Барфин плакала у себя в комнате. И очень обрадовалась, увидев Майрам. Оказалось, целый час до этого Барфин отбивалась от натиска отца, который решил заставить ее дать согласие на этот брак. И даже угрожал проклясть, если она откажется.

Вытирая глаза ладонями, Барфин спросила:

— Хожон, объясните моему отцу...

— Что надо ему объяснить? — напрямик спросила Майрам.

Конечно, она знала, что имела в виду девушка. Майрам теперь должна объяснить Абдусалому, что девушка хочет выйти замуж за ее сына!

— Ну хотя бы скажите ему, — дрогнувшим голосом произнесла Барфин, — что я сама буду решать, за кого мне выходить замуж!

— Я попробую, девочка моя. Но боюсь, он меня не послушает.

Слезы снова ручьем полились из глаз девушки.

Майрам предвидела этот разговор. Девушка любила Майрам, потому что любила ее сына. И часто, ласкаясь к ней, говорила: «В моей судьбе вы будете самым главным человеком». Ласковая, как котенок, добрая Барфин нравилась Майрам. Она звала ее «Барчиной», потому что имени своего Барфин стеснялась. Как-то раз она гостила у родственников в Таджикистане. Дочери тех родственников смеялись над ней: «Барфин — это по-таджикски «белая, как снег». А Барфин была смуглая, как индианка. Узнав об этом, Майрам сказала: «Я буду звать тебя «Барчин» — «статная». Барчин-ой!»

Вчера Майрам беседовала с бабушкой Мерган об этой самой девочке. Бабушка жалела Барфин. Эта девушка казалась чужой в своей семье. А Майрам опасалась, что придется породниться с этой семьей, потому что подозревала, что ее сын равнодушен к Барфин. Когда-то давно, когда дети были маленькие, между соседями был такой уговор, чтобы поженить их. Но как все-таки сейчас утешить девушку, Майрам не знала.

Ойхол пригласила к ужину. Барфин проводила гостью к столу, но сама за стол не села, ушла к себе. Хотела Майрам Бархатные ресницы ужинать дома, да не решилась отказать. Как-то раз она отказалась есть у них, так Банот не упустила случая съязвить: «Ну, разве Майрамхон будет кушать у нас? Она же заразиться боиться...»

— Ну и что вам сказала эта упрямецка? — спросила портниха Банот.

— Это ваша дочь. Разве можно кому-нибудь в это вмешиваться? — задумчиво ответила Майрам.

Сестры многозначительно переглянулись.

— У каждой девушки свои капризы, — решительно вступила толстуха Кирмиз, — стоит ли обращать на это внимание? Ты, Банот, просто слишком избаловала ее.

— Да уговорим мы ее! — воинственно пообещала Ойхол. — Что же вы ничего не кушаете? Кушайте!

Больше к этой теме не возвращались. О чем только не болтали сестры, перебивая друг друга! Как радостную весть, сообщила толстуха Кирмиз, что глухой Раим разводится со своей женой.

— Но у них ведь дети... — заметила Ойхол.

— Э, — махнула рукой Кирмиз, — кто сейчас думает о детях?

Полчаса они обсуждали эту тему. Толстуха Кирмиз считала, что каждая супружеская пара должна хоть раз да развестись! Банот считала всех мужчин кобелями. «А, пока он тебя добивается, он закутает тебя в бархат, — повторяла она непристойную поговорку, — а как добьется своего...» И только Ойхол горой стояла за мужчин.

Майрам стало не по себе.

— Этот глухой Раим, — говорила Ойхол, — стоит десятка мужчин. Тут во всем виновата жена. За собой не следит, позавчера вечером иду, встретила ее с ведрами. Так у нее, знаете, шаровары были надеты наизнанку!

— Да не может быть! — поразилась Кирмиз.

— Что? Ты не веришь? — вскинулась Ойхол. — Ну ясно, я не стала ей говорить: «Знаешь, Донохол, переодень-ка штаны, они у тебя наизнанку!» Не буду же я ее конфузить!

«Ну, теперь Донохол пропала, — подумала Майрам. — Толстуха Кирмиз разнесет эту сплетню по всему кишлаку».

— Как ты можешь, Ойхол, заступаться за глухого Раима? — спросила Банот. — А знаешь ли ты, что он каждую ночь заставляет жену спать с ним, хотя самому уже шестьдесят стукнуло?

Майрам едва прикоснулась к еде. Просто встать и уйти в то время, когда остальные не кончили ужина было неприлично.

Худое туловище Банот было сгорблено. Лицо бледное, отечное. Жевала медленно, долго. Рядом — толстуха Кирмиз. Подходящая у нее кличка. И бесплодная потому, наверно, что слишком уж толстая. Всегда жалуется на боль в ногах. Еще бы не болели у нее ноги, как они вообще такую тушу носят? Правда, из всех сестер Кирмиз самая красивая. Черные брови — как ласточкины крылья изогнуты, а волосы и до сих пор густые. Интересно было то, что самая младшая из всех, Ойхол, выглядела старше своих сестер. А ведь все дела свои делает в основном языком. Лентяйка и болтливая.

Толстуха Кирмиз искренне считает, что очень много хорошего делает людям. Она всегда может вам достать любой дефицит. Не бесплатно, конечно, деньги — это ее бог. Как-то раз бабушка Мерган сказала ей: «Кирмизхон, подумайте о завтрашнем дне. Нельзя же так жить. Усыновите ребенка, возьмите кого-нибудь на воспитание, в старости ухаживать будет, а умрете — похоронит с почетом». Толстуха Кирмиз скривилась презрительно и ответила: «А ухаживать за мной будут и похоронят меня мои деньги!»

Ойхол бабушка Мерган посоветовала: «Ну что же ты, так и уйдешь девкой на тот свет? Вышла бы замуж хоть за кого-нибудь». Ойхол лицемерно ответила: «Я уже не в том возрасте, чтобы любить мужчину». На самом же деле, хоть ей уже и было пятьдесят пять лет, она не теряла надежду выйти замуж. Об этом говорили ее глаза.

Обе сестры почему-то побаивались Банот. Очень уж она была злой, ядовитой. И скрягой к тому же. Не раз замечала Майрам, как она высчитывала с младших сестер на хозяйственные расходы. Однажды даже кинула Ойхол-Склочнице ее деньги в лицо, за то, что та дала на рубль меньше положенного.

Сейчас они дружно трепали языком, почти не обращая внимания на гостью. Зная ее молчаливость, они и не пытались вовлечь ее в разговор. Им нужен был слушатель, свеженький слушатель. Майрам это понимала. Поэтому всячески делала вид, будто слушает их внимательно. Три сестры казались ей одним огромным драконом, трехглавым чудовищем из сказки.

После чая она сразу засобиралась. Прощаясь, предложила свою помощь: ведь скоро свадьба. Ойхол-Склочница вышла ее провожать. У ворот бывшего своего дома Майрам приостановилась. «Хочется взглянуть...» — шепнула она. Подошли к дому. Дом был недавно побелен, рамы выкрашены, а двери были вообще новые. «Теперь это наша кладовая», — пояснила Ойхол. На дверях висел тяжелый замок.

Майрам подошла к окну и заглянула внутрь. Ящиками с отборными яблоками завален пол.

— Откуда у вас столько яблок? — удивилась Майрам. — У вас же нет яблоневого сада.

Ойхол громко засмеялась:

— Аллах милостив к нам.

В окрестностях в саду Маржона, в саду, где работала Ойхол, росли такие яблоки. Но нельзя же было наворовать столько! Сторож — человек верный. Шофер Мамат и заготовитель Рустамбек тоже честные люди. Откуда же?

— Да перестань ты мучиться, — сквозь зубы процедила Ойхол. — Я могу открыть тебе секрет. Сам директор послал нам эти яблоки!

Майрам остановилась как вкопанная. Так вот почему... вот почему директору всегда не до сбора яблок!

— Что, не веришь? — вскипела Ойхол. — Да если надо будет — он еще пришлет. Мы же берем по госцене. А потом Абдусалом вывозит их хлопкоробам и продает в розницу. Не задаром же директор нам посылает эти яблоки, он тоже с этого имеет.

Майрам затрясло. Так вот в чем дело!

Она взглянула на Ойхол. Та настороженно смотрела на Майрам — не забыла ли та о своей тайне?

Нет, никому не сможет Майрам Бархатные ресницы рассказать об этой афере... Потому-то Ойхол так бессовестно откровенна.

7

С тех пор Майрам ломала себе голову — как дать отпор? Почему они такие? Их мать была добрым, милосердным человеком. Отец, конечно, наркоман. И все-таки, сколько ни думала — ответа на эти вопросы не рождалось в ее голове.

Сегодня, вернувшись с работы, Майрам подумала: отчего же бабушка Мерган уже два дня не приходит? Майрам-то уже привыкла к ней за это время. Решила пойти к старухе и узнать.

Оказалось, бабушка Мерган у своей младшей невестки. Она примеряла сверкающее платье, купленное в тридорога, — поспособствовала этому толстуха Кирмиз.

— Пропади она пропадом, эта обжора, эта ненасытная Кирмиз! У нее совсем не осталось совести! — кричала бабушка Мерган.

На секунду Майрам показалось, что все только и говорят об этих трех сестрах. Неужели на свете не существует никого, кроме них?

Сидя за чаем, Майрам спросила:

— Бабушка Мерган, почему они такие? И ведь все три стремятся сделать вид, что очень счастливые, а на самом деле несчастны: одна больна, вторая бесплодна, третья — старая дева.

— Они прокляты. Это проклятие Книги! — Старуха сказала это с глубоким убеждением.

— Книги?

— Помнишь, у них был дядя? Он был оклеветан, арестован и сгинул.

Майрам не знала его.

— Ты была тогда совсем молода. Этот их дядя был очень умный и красивый парень. Весь кишлак собрался у него, чтобы послушать Хофиза, Бедия, великого Навои. После его ареста остался полный дом книг. Мать хранила эти книги, как зеницу ока. Но после ее смерти эти бессовестные женщины пустили книги на растопку. А что-то сгнило в сарае от сырости. Словом, ничего не осталось. Я им прямо и сказала: «Это ведь Книга прокляла вас!» Они тогда только посмеялись надо мной. Они не знали наверно, что проклятие Книги хуже, чем проклятия Аллаха.

Старуха сказала это с такой странной уверенностью, что Майрам тоже захотелось поверить в это. Может, и права старуха, кто знает. В кишлаке много неработающих женщин, но не ведут ведь они такую жизнь.

— Да, а к таким людям только и идут деньги! — сказала невестка, убирая платье. Старуха рассердилась на нее.

— Нашла кому завидовать! Муж у тебя есть, и детьми судьба не обидела... И дом, и в доме... А у них что? Деньги? Деньги — это грязь на руках.

Младшая невестка рассмеялась, попросила прощения. И перевела беседу на другую тему. Разговор пошел о курах, которых в прошлом году украли портниха Банот.

— Вот ты говоришь — богатые они, — рассказывала бабушка Мерган. — Я не понимаю, у Банот действительно все есть, зачем ей надо было красть наших кур?

В прошлом году зима была суровая. От бескормицы в степи погибла большая часть скота. Старший сын бабушки Мерган принес из инкубатора три десятка цыплят и решил откормить их на мясо для семьи. Курятник их находился на краю сада, который примыкал к усадьбе трех сестер. Однажды, загоня своих кур в курятник, бабушка Мерган заметила, что двух кур не хватает. Пересчитала. Да, двух кур не было. Она спросила невесток, не сварили ли их? Обе ответили, что нет. Тогда бабушка Мерган вошла во двор к трем сестрам и заглянула в курятник. И увидела, что к пяти курам Банот прибавились еще две белые курицы.

«Этих двух кур, — нагло ответила Банот, — я привезла вчера с шерабадского рынка. А ваших кур я не видела».

Но на рынке не продаются инкубаторские куры! Банот упорно стояла на своем: «А вчера продавали!»

Пожаловалась старушка Мерган соседке Сарви. Та удивилась: «Я же вчера ехала с ней в автобусе с шерабадского рынка! Никаких кур у нее не было». И все-таки: не пойман — не вор.

Банот не выпускала этих кур из сарая около месяца. Но однажды, давая своим курам зерно, бабушка Мерган увидела, что с ее двора несутся к ней две белые курицы.

Вечером бабушка покрасила краской крылья каждой своей курицы.

Появилась Банот. Она искала пропавших кур.

— У нас все куры помечены, — ответила бабушка. — Не видала я твоих. Посмотри сама, если не веришь.

«Вот, мои дорогие! Иногда можно и прочить, и обойтись без скандала», — заключила старуха.

Молодые женщины посмеялись.

8

В выходной день Майрам поехала навестить свою дочь и внука, который заболел желтухой. Несколько лет дочь уже жила в поселке совхоза, в степи.

Прежде чем идти к дочери, свернула на поселковый рынок. Рынок был маленький, но фруктов было много. Она купила фиников из Денау и карабахских гранатов. Пошла по рядам, выбирая, чего бы еще купить. И вдруг увидела Абдусалома, который весело торговал яблоками. Отвернулась и быстро ушла. Но, выйдя с рынка, призадумалась. Свернула к дверям, где было написано: «Милиция». Дверь была закрыта. Все-таки она постучалась. И только собралась уходить, как изнутри щелкнул ключ и оттуда вышел молодецкий милиционер, протирая глаза.

— Заходите, — сказал он приветливо.

Судя по тому, как она была одета и с каким достоинством держалась, он решил, что она учительница.

— Как поживаете, уважаемая учительница, — вежливо спросил милиционер. — Вы, наверно, из двенадцатой школы, по делу учителя Рузыева? Теперь уже все в порядке. Бригадир, который его оскорбил, сегодня должен прийти к вам в школу и попросить прощения у Рузыева и у всего коллектива.

— Я не из школы, — перебила его Майрам. И сообщила, что тут на рынке орудует спекулянт, который втридорога продает колхозные яблоки.

Участковый сразу потерял к ней интерес. Но все-таки выслушал.

— Я, как депутат районного Совета, прошу вас проверить, — закончила она решительно.

Участковый засиял, пригласил ее присесть, подвинул ей тарелку с оставшимися шашлыками.

— Как было бы хорошо, если бы у нас все так болели за общее дело! — сказал он.

— Идемте, я покажу вам его. Но только издали. Этот человек приходится мне дальним родственником. К тому же мы из одного кишлака.

Милиционер поспешил туда, куда указала Майрам, но вернулся очень быстро и протянул Майрам листочек бумаги.

— Товарищ депутат, у нас порядки строгие! — сообщил он, по-прежнему радостно улыбаясь. — Этот человек привез яблоки из своего собственного сада. Вот документы, читайте!

Удостоверение выдано было сельсоветом.

— Но я же знаю, у них в саду не растут яблоки! — беспомощно попыталась она возразить.

Участковый пожал плечами.

— Ну мы же не можем ездить по стране и проверять каждого? Это не наше дело. Я пошел. Дел, знаете, много.

Он оставил ее в растерянности.

Она отправилась к дочери. Вечером, когда в саду за чаем беседовала со своим зятем Хонтурой, вдруг к ним с хурджуном на плече вошел Абдусалом. Поздоровался. И перед тем, как сесть, достал из хурджуна яблоки.

Хонтура обрадовался, как ребенок.

— До чего же хороши маржонские яблоки! Я специально привозил оттуда саженцы, но здесь они не прижились.

— Да, такова жизнь, мой дорогой, — сказал Абдусалом невпопад. — Хочешь хорошо есть — надо уметь делать деньги. Плохо сегодня торговля шла. Завтра отвезу яблоки в Шерабад. Нельзя ли у вас переночевать?

— Пожалуйста, милости просим! — любезно ответил Хонтура. — Говорите, плохая торговля? Так это потому, что все ведь на хлопке! А яблоки — просто чудо!

Майрам недовольно посмотрела на зятя и ушла в дом. Сославшись на усталость, она легла рано. Но долго не могла уснуть.

Утром Абдусалом остался на завтрак. Перед уходом он позвонил к себе Майрам. Широко улыбаясь, торжествуя, он сказал:

— Чудная ты, землячка... Донесла, значит... На меня. Участковому! Нехорошо. Мы же с тобой односельчане.

И ушел, не дожидаясь ответа.

Она смотрела ему вслед. «На этот раз победителем вышел ты. Но, погоди, придет время».

9

Пока Майрам гостила у дочери, бабушка Мерган не ковром была занята. Все ее мысли были обращены на поиски золотых монет. У порога дома она ломала голову: в какой из комнат надо искать их? Ключи у нее были от всех комнат, за это время она стала как член семьи.

Ну ясно, что в комнате Нусрата Майрам не стала бы их прятать. Не потому, что она не доверяла сыну, а потому, что характер у Нусрата — как у отца: никому ни в чем отказать не может. В гостиной тем более их нет. Стало быть, начинать надо с комнаты самой Майрам.

Она вошла в эту комнату. Постояла, подумала. Напротив двери стояли два сундука. Может быть, там? Старуха огляделась по сторонам. Кругом было тихо. А может, в той медной чаше на полке? Принесла стул, залезла, перевернула чашу. Чаша была пустая. Выбрала из связки ключ от сундука. Открывался он спереди, а не сверху, старинный был сундук. Не вынимая вещи, сложенные в нем, она рассматривала содержимое. И вдруг услышала стук в калитку, испуганно закрыла сундук и побежала во двор.

Во дворе уже стояли двое — счетовод совхоза и какой-то незнакомый человек. Нездешний. Молодой, но отпустил бороду. И волосы у него были слишком длинные. «Как поживаете, бабушка? Давайте поздороваемся!» И, раскрыв объятия, незнакомец шагнул к ней. Старуха шарахнулась от него. Ей показалось, что он сумасшедший.

Главный счетовод расхохотался:

— Не бойтесь, бабушка, это же сын мастера Мурада.

— Какого Мурада?

Гость посмотрел бабушке в глаза и спросил, как-то странно выговаривая слова:

— Вы не знали хозяина этого дома? Я — его сын.

Только теперь сообразила Бабушка Мерган: «Э, да это же говорят о его отце, Мурде, мастере, который строил дувал... Бывший хозяин этого дома... Он умер до войны. У него было двое сыновей. Видимо, это один из них».

Счетовод пояснил, что гость — художник, приехал посмотреть дом, в котором родился. И спросил, где Майрам.

— К дочери она поехала, — недовольно буркнула старуха.

Поднялся ветерок, повеяло райхоном.

— О! — прознес гость, широко развел руки и всей грудью вдохнул этот аромат. Прощелся по двору. А увидев ткацкий станок, тут же развернул свой альбом.

— Встаньте-ка сюда! — пригласил он к станку старуху.

Ей не понравился его тон. «Что это он мне приказывает? Кто он такой?»

Бабушка Мерган, упрямо сжав губы, не двинулась с места. Поняв ситуацию, счетовод поспешил объяснить ей:

— Это гость хочет нарисовать ваш портрет. Он ведь художник!

Но бабушка Мерган не поддалась.

— Если ему хочется меня нарисовать, пусть он приходит ко мне домой! У меня дома много медалей, я приколю их к груди, вот пусть тогда и рисует! Тогда он увидит, кто я такая! А ковер любая женщина может соткать.

Гость был озадачен. Попробовал пошутить: «Ладно, зайдем. Барана вы нам зарежете?»

Шутка эта совсем не понравилась старухе. С нескрываемым нетерпением ждала она, когда же гости уйдут.

Но они, кажется, и не собирались уходить. Главный счетовод попросил заварить чай. И они с художником пошли в сторону развалин в глубине сада. Там они задержались. Заварив чай, старуха пошла за ними.

Счетовод под деревом ел яблоко. А гость как-то подозрительно присматривался к развалинам. В руках у него были бумага и карандаш. Может, он молится за упокой души своих родителей? Нет, оказалось, он срисовывал эти развалины! Отец его не был богатым человеком, но мастером был хорошим. И человеком прижмитым. Может быть, он тут спрятал золото? А сын теперь пришел за кладом? Так вот, наверно, какое золото нашел Эргаш в своей усадьбе!

Как только гости ушли, старуха побежала к развалинам. Прошлась, подняла обломки глиняных сосудов, отодвинула кусок глины. И тут увидела Майрам.

— Что это вы тут делаете, бабушка? — изумилась Майрам.

— Да вот собираю комочки сухой глины, — нахмурилась старуха.

Майрам засмеялась.

На следующий день, как только Майрам ушла на работу, старуха открыла второй сундук. Но не нашла того, что искала. Углы комнаты были пусты. Целый день крутилась бабушка Мерган в доме, но не смогла обнаружить даже признаков клада. И работать не работала, и золота не нашла. Она уже близка была к разочарованию.

Майрам вернулась с работы. У входа во двор она споткнулась.

— Говорят, на том месте, где человек спотыкается, зарыт клад, — сказала старуха и пристально взглянула на Майрам. Но лицо женщины было безмятежно.

— Вот как? — радостно улыбнулась Майрам. — Ну, если мы найдем клад, я его подарю вам. Раскопаем?

Старуха ответила ей в тон:

— А если я найду клад не на пороге, а где-нибудь в другом месте?

— Все равно! Что найдете, то и ваше!

У старухи опять проснулась надежда.

За чаем бабушка Мерган принялась рассказывать историю:

— В одном селе жили двое соседей — бедный и богатый. Однажды богатый сосед пахал землю. К нему подошел бедняк и сел на бугорок. Как раз на тот самый, где богатый закопал свое золото. Бедный посидел-посидел да и говорит «Сосед! У вас красавица-дочь, у меня сын — парень не из последних! Вот уже много лет живем добрыми соседями, не ссоримся. Даст аллах хороший урожай — ведь им я могу разбогатеть...» На другой день бедняк снова пришел к богатому соседу, снова уселся на тот же самый бугорок и говорит:

«Сосед! А ведь если я разбогатею, тогда мы вашу дочь просватаем за моего сына, а? Сыграем свадьбу, да такую, что все ахнут! После этого мы с вами можем и паломничество совершить, отправимся в далекие страны. Когда будем возвращаться, на пороге нас будут ждать уже внуки. Ну можно ли представить себе большее счастье, чем это?» Богатый, конечно, покивал, поулыбался, а сам занервничал: «Неужели бедняк пронюхал, где я прячу свое золото?» И как только сосед ушел, богач выкопал золото и перепрятал его в другое место. А через день бедняк пришел, снова уселся на тот бугорок, но заговорил вдруг совсем по-другому: «Эх, сосед! Куда уж мне тягаться с вами! Между нами такая большая разница... Не суждено, конечно, нам породниться». И тогда богач догадался, что сначала бедняк говорил смело потому, что его поддерживала магическая сила золота. Вот какую страшную силу оно имеет!

Бабушка Мерган закончила свой рассказ, но на Майрам эта история не произвела впечатления.

— Выдумка это, бабушка! Не верю я в эту историю. А вы верите?

— Об этом надо спрашивать того, кто золото имеет! — многозначительно сказала старуха.

В следующие два дня она внимательно осмотрела все те места, где предполагала найти клад. Но его нигде все-таки не оказалось. Снова и снова рылась в сундуках. Закрывая один из сундуков, она вдруг заметила сложенную спецовку. И вспомнила, что в тот день, когда впервые увидела в руках Майрам золотые монеты, на коленях у нее лежала эта спецовка. Порывшись в карманах, она вытащила две монеты. Больше ничего в карманах не было. Спецовку положила обратно,

сундук закрыла. «Значит, монет было только две, — заключила старуха. — И на том спасибо».

Вышла во двор и принялась ткать.

Но работа почему-то не пошла. Ничего не получалось и на следующий день. Она допускала ошибки в каждом ряду и сильно нервничала. Заметив это, Майрам сказала ей: «Да отдохните вы немножко, ну пропустите несколько дней, не горит ведь, успеете еще».

Но старуха упорствовала. И все-таки получалось очень плохо.

Наконец она решила положить монеты на прежнее место. Работа сразу продвинулась. И бабушка Мерган решила не трогать золото до тех пор, пока ковер не будет готов.

Через месяц ковер был соткан. Плату за работу она взять отказалась. «Это будет на память от меня твоему сыну». Майрам решила, что отблагодарит ее на свадьбе, подарит ей хорошее платье и обувь.

Закончив работу, бабушка Мерган снова взяла монеты и понесла их домой. Она считала, что это и будет ей платой за труд, и очень радовалась, что все так хорошо получилось. Решила подарить по монете сыновьям перед своей смертью. Самой ей ничего не надо. Ей хватит того, что люди после ее смерти будут говорить о ней: «Бабушка Мерган оставила своим сыновьям в наследство золото!»

10

Вечером Нусрат привел домой Барфин. Майрам в это время чистила стекло керосиновой лампы. Сердце у нее дрогнуло, будто предчувствуя неладное.

Барфин работала в совхозе на центральной усадьбе. Возвращаясь с работы, она иногда навещала Майрам Бархатные ресницы. Иногда они приходили вместе с Нусратом. Вместе они ходили часто. То ехали в район по какому-нибудь делу, то возвращались оттуда. Оба были секретарями комитета комсомола, он — в Соляных коях, она — в совхозе. Но сегодня было что-то странное.

В руках Барфин держала узел. В походке, вообще во всем облике девушки не было обычной уверенности в себе комсомольского вожака. Нусрат снял с гвоздика замок, висевший на столбе, и тщательно запер калитку изнутри.

«Ясно. Барфин убежала из дома», — поняла Майрам и разволновалась. Вышла им навстречу. У Барфин глаза были полны слез, а губы дрожали. Майрам тихо притронулась к ее руке: «Проходи». Проводив их до комнаты Нусрата, быстро удалилась, боясь сказать нечаянно какое-нибудь неуместное слово. Дочистила стекло, подлила керосина и зажгла лампу. Вчера был очень сильный ветер, провода оборвались, и не предвиделось, что сегодня их починят. Отнесла лампу в комнату Нусрата. Барфин поднялась ей навстречу, глаза ее сияли, а на губах играла виноватая улыбка. Майрам хотела сразу выйти, но Нусрат остановил ее.

— Мама, почему вы ни о чем не спрашиваете? Я привел вам невестку. Вы на нас не сердитесь?

Услышав это от своего сына, Майрам испугалась не на шутку. Значит, он и вправду привел девушку без согласия ее родителей. Боже, какой будет скандал! Похитил. Но что она могла сказать ему в ответ?

— Что я могу вам сказать? Вы ведь и сами все знаете, все понимаете.

Нусрат расслабился, теперь он улыбался виновато. Барфин не отрывала глаз от его вьющихся волос.

«Дитя ты глупое, — с обидой подумала Майрам, — хоть бы посоветовался. Ведь скажут теперь: «У Майрам один сын, а и того не сумела женить по-людски».

Она ушла в свою комнату, поплакала.

И вдруг услышала стук в калитку. Вздрогнула. Но разобрала, что это мычит перед калиткой ее собственная корова, и немного успокоилась. Дожили, боимся открыть ворота. Сердце колотилось. Ведь ясно, что скоро явятся родители Барфин. Она взяла ключ у Нусрата и впустила корову.

А тревога все росла. Как хорошо было бы, если бы родственники девушки не спохватились сегодня! Лишь бы эта ночь прошла спокойно. Завтра утром они уже не будут настаивать, чтобы дочь вернулась домой. Но если они придут сегодня — позора не оберешься.

Возвращаясь из хлева, она невольно засмотрелась на освещенное окно. Девушка, которая только что в три ручья пролиwała слезы, сидела, прижавшись к Нусрату, и с увлечением что-то читала ему из толстой тетради. А он сиял, слушал ее и ласково поглаживал ее руку. Стихи она ему читает, что ли? Барфин ведь писала стихи. Все выпуски газеты «Животновод» готовила сама Барфин. К каждому празднику она писала статью за Майрам, и в каждом выпуске можно было про-

читать ее стихи. Как-то раз к ним приехал журналист, поэт из областной газеты. Прочел ее стихи, познакомился с ней, поговорил и сказал, что из нее получится поэтесса.

Поэт этот после своего визита в совхоз напечатал стихотворение, посвященное Ойхол-Склочнице. Майрам не может, конечно, судить о качестве этого стихотворения, но она рассердилась на поэта. Зачем же лгать? Он писал, что Ойхол потому не вышла замуж, что хотела навсегда сохранить верность своему возлюбленному, который не вернулся с войны. Но разве можно называть поэтом человека, который так лжет? Конечно, Майрам не говорила об этом вслух. И даже поздравила Ойхол-Склочницу. И каждый раз, когда она вспоминала это свое поздравление, ей было стыдно. Хорошо, Эргаш не узнал об этом: Он бы ее не ругал, но обиделся бы на нее на десять дней. А вот стихи Барфин нравились Эргашу.

Мысли Майрам вдруг оборвались. Барфин прильнула к Нусрату. И не было людей счастливее их в это мгновение. Им казалось, что они одни в целом мире. И видно было, что она уже забыла, что только что убежала из родного дома, а он — что похитил ее.

Показалась луна. Майрам прошла на террасу. Стало как-то полегче.

И тут послышался стук в калитку.

«Ну вот!» — содрогнулась Майрам.

На цыпочках направилась в сторону своей комнаты, но по пути споткнулась о пустое ведро. Ведро загромыхало на весь двор.

Стук усилился. Барабанили в калитку не то камнем, не то железом: Майрам услышала крики и ругань. Конечно, через дувал, сложенный таким мастером, как Мурод, никто не перелезет. Никто не сломает и арчовые ворота. Остается только калиточка, которая выходит на тропинку за домом. Но тропинка идет вдоль оврага и вряд ли кто-нибудь полезет туда в такую темень.

В ворота бухали уже с таким ожесточением, что отмалчиваться было невозможно.

— Кто там? — спросила Майрам и подошла ближе. За воротами все затихло. И тут же голос Ойхол-Склочницы на визгливых нотах возвестил, что если девушку не выпустят из дома тотчас же, то дело закончится очень печально для хозяйки этого дома.

— А бычка твоего мы в тюрьму упрячем! — послышался голос Банот.

Майрам ответила, что девушка пришла сюда по своей воле. И если захочет уйти, Майрам выпустит ее. Но если Барфин не захочет уходить из ее дома, то тут уж она ничего сделать не сможет. А Нусрат на ней женится, пусть родственники насчет этого не беспокоятся.

— Чего? — крикнула Ойхол. Голос ее напоминал злобный собачий лай. — По своей воле? Какая там может быть воля? Родители девушки живы, здоровы. Ее отец пока ничего не знает. Узнает — разнесет тут все в клочья!

— Выпусти мою дочь! Выпусти мою дочь! — орала Банот.

— Позови сюда Барфин! Мне надо сказать ей два слова! — крикнула Ойхол.

Барфин, не сходя с террасы, подала голос:

— Что вы хотите мне сказать?

— Эх, племянница! Как же ты могла нас так опозорить? А ведь тебе было с кого брать пример. Я жила в дальних краях, а и то ни на одного парня не посмотрела! Ни разу!

Лет тридцать тому назад Ойхол-Склочница училась в областном центре на шестимесячных курсах медсестер. Именно это она имела в виду, когда говорила о дальних краях.

— А может, это на вас никто не захотел ни разу посмотреть? — услышала вдруг Майрам бас своего сына. Хоть бы помолчал...

Заметив, что мать недовольна, Нусрат прикусил язык и отошел в сторонку, закуривая.

— Ах ты негодяй! — взвилась Ойхол. — Ты что, сам там был, что ли? Или ты не читал поэта Шайдон, его стихотворение, посвященное мне? Все теперь знают, что я решила остаться верной своему жениху, который не вернулся с войны! Ты, невежда! Газет не читаешь!

— Да брось ты визжать, — вмешалась толстуха Кирмиз, — лучше зови сюда Барфин, если мы еще не опоздали.

За воротами затихли. Банот что-то втолковывала Кирмиз. Опять послышался визгливый голос Ойхол. И вдруг она закричала с новой силой.

— Эй, Майрам! Лучше выпусти девушку, лучше выпусти! Не то, смотри, пожалеешь! Я раскрою твою тайну перед всем кишлаком!

Вот оно то, чего всю жизнь боялась Майрам Бархатные ресницы. Вот он, позор. На улице перед ее домом собралось уже много народу. Шум, гам, взволнован-

ные голоса. Руки ее произвольно зашарили по карманам, ища ключи. Майрам шагнула к воротам.

— Холажон, что вы делаете? — вскрикнула Барфин. — Не открывайте!

Майрам стояла между двух огней. Почему так вскрикнула, так испугалась Барфин?

В ворота с ожесточением снова начали бить чем-то тяжелым.

— Я же сказала вам, пусть девушка решает сама! — упавшим голосом крикнула Майрам. — От меня-то вы чего хотите?

— Рас-кро-о-ю тайну! Рас-кро-о-ю твою тайну! — уже выла Ойхол.

Сколько лет этот голос превращал ее в послушную рабыню! Скрывал ее волю! Вдребезги разбил ее лучшие мечты и надежды! А теперь разрушает счастье ее сына?

Нет. Пусть ее покроют позором, но она не даст в обиду своих детей.

— Барфин не хочет к вам выходить, — спокойно и даже негромко сказала Майрам. — Я не открою вам, не надейтесь!

Банот завопила:

— Продажная тварь! Падаль! Дрянь! Ты сбиваешь с пути мою дочь!

— Эй, Барфин! — взвизгнула Ойхол. — А знаешь ли ты, кто такая твоя будущая свекровь? Так слушай же! До сих пор я одна знала ее тайну. А теперь пусть знают все! Все! Все!

Наступила тишина. Шелестел ветер в колючей изгороди.

Майрам напряглась всем своим существом. Она больше не чувствовала себя жалкой и беспомощной. Пусть эта старая кляча расскажет людям ее тайну. Наверно, тайну нельзя хранить всю жизнь. Но что скажет Нусрат?

— Барфин, слушай! Ты думаешь, Майрам порядочная? Да? В войну, когда ее муж в боях проливал свою кровь, она наслаждалась в объятиях глухого мельника! И была беременна от него. А потом родила от него ребенка. И чтобы скрыть свой позор, задушила его! Задуши-и-ла! А когда закапывала мертвое тело, я поймала ее за руку!

— Неправда! Не ври, Ойхол, побойся аллаха!

— Что же ты теперь вспомнила аллаха? — ядовито спросила Ойхол. — А если я вру, то зачем же ты отдала мне свой старинный резной сундук, который достался тебе от отца? Зачем свой дом мне оставила и сюда переехала? А? Молчишь? Ты боялась, что я все это расскажу!

Майрам в оцепенении стояла посреди двора. Ей показалось, что она сейчас умрет.

Нусрат прошагал мимо нее к воротам.

— Вы лжете! — бросил он Ойхол-Склочнице.

— Да? А ты спроси у своей матери! Было это? А? Было?

Нусрат растерянно посмотрел на свою мать.

— Это правда?

— Я объясню тебе все потом, сынок... — едва слышно произнесла Майрам. Он раздраженно тряхнул головой и повторил свой вопрос. Ему сейчас, немедленно, надо было все знать.

У Майрам перехватило дыхание. Она не смогла вымолвить ни слова. Через мгновение, справившись с собой, она тихо прознесла:

— Я не могу сейчас объяснять тебе все...

Но он стоял уже перед ней, дрожащий, взъерошенный, и требовал:

— Выйдите к людям и скажите, что это подлая ложь! — В его голосе просьба смешалась с угрозой.

— Но что же я могу сказать, дитя мое? — заплакала Майрам. — Шла война, голод был... Ты ведь ничего не помнишь... Я вынуждена была сделать то, чтобы ты не умер с голоду.

Нусрат отшатнулся от нее и прохрипел:

— Значит... все-таки... правда?

Он повернулся и кинулся в дом.

— Ты тварь! — кричала Ойхол. — Продажная тварь! Сама такая, а еще хочешь испортить нашу девочку! Это не пройдет тебе даром!

Майрам опустилась на землю, ноги больше не держали ее.

Сын вышел из дома. Он накинул на плечи пиджак, и взял за руку Барфин, которая все еще стояла, прислонившись к столбу террасы.

— Пошли, Барфин, — сказал он тихо, убитым голосом. — Бери свой узел. Мы с тобой теперь не можем оставаться в этом доме.

Девушка смотрела на него с ужасом. Он взглядом показал ей на тропинку за домом.

В ворота продолжали стучать.

— Сынок!

Стоявшие за воротами затихли, услышав ее вопль. Почувствовали, что в доме что-то происходит.

Последние силы покидали ее по мере того, как затихали шаги ее детей. Наконец все стихло.

— Нусрат! — опять позвала Майрам Бархатные ресницы. Но ей никто не ответил.

За воротами снова поднялся шум. Сейчас сын направится к какому-нибудь своему приятелю-шоферу. Попросит у товарища машину и уедет с девушкой в Соляные копи. На это уйдет час. Она не откроет ворота, пока не кончится этот час.

Ночь она провела лежа на постели в пустом доме. Помертвевшая, безучастная. Разве она не ждала этого часа всю свою жизнь? Сколько раз ее охватывало жгучее желание освободиться от преследований Ойхол-Склочницы? Но не хватало решимости. Не в этом ли и была главная ошибка? И теперь ушел сын. Он не вернется — везь в отца, горячий, гордый.

Она вспомнила один случай. Нусрату тогда было двенадцать лет. Невестки бабушки Мерган разводили тутовых шелкопрядов. И попросили Нусрата помочь им резать ветки тутовника. Тутовник рос в саду у портнихи Банот. Нусрат влез на дерево и резал ветки, когда подошла Банот и заорала:

— Эй, мальчик! Что же ты так коротко обрезаешь, размером со свой... Ты же дерево совсем кургузым сделаешь!

Запыхавшись, он прибежал домой, схватил отцовское ружье и собрался бежать, чтобы застрелить Банот. Отец с трудом поймал и остановил его. А теперь Нусрат женится на родной дочери этой самой Банот. Интересно, дал бы на эту свадьбу свое согласие Эргаш? Задумчиво она посмотрела на его портрет.

Утром Майрам зашла к бабушке Мерган. Уныло слушала ее старуха. Майрам поплакала, рассказывая вчерашнее, отвела душу.

Оказывается, старуха давно знала эту тайну. А Майрам-то думала, что никто, кроме Ойхол, этого не знает! Оказалось, бабушка Мерган не только все знала, но как только ей все стало известно, она тут же пошла к глухому мельнику и уговорила его переехать отсюда. «Не жди, пока Эргаш вернется и сделает из тебя котлету», — объяснила она ему. Вот почему он переселился в другой кишлак!

Услышав все это, Майрам сжалась в комок от смущения, опустила голову, сиротливо обняла свои колени.

— Твой муж так ничего и не узнал, — сообщила старуха. — Конечно, Ойхол давным-давно расстрепала бы это по всему кишлаку, но она боялась меня. Я ей сказала, что если она это сделает, то я ее тоже опозорю. Однажды я застала эту бесстыжую, когда она миловалась с Абдусаломом; с мужем своей сестры! Вот поэтому она больше никому и не посмела рассказать о тебе! А теперь, видно, не вытерпела.

Многое теперь стало ясно Майрам. Но какой толк из этого? Жаль было только, что она оказалась одуроченной. Старуха, видя, как мучается Майрам, попыталась утешить ее:

— Потерпи. Пройдет время, и Нусрат поймет тебя. Надо только, чтобы прошло время!

11.

Получив судебную повестку, Майрам Бархатные ресницы поняла, что Абдусалом подал заявление в суд. В назначенный день Абдусалом и все три сестры сели в один автобус. На другой остановке в тот же автобус села и Майрам. Увидев ее, сестры нахохлились, а Абдусалом кинул на нее злобный взгляд.

Народу в автобусе было мало. Майрам поздоровалась со своими односельчанами, но разговаривать ни с кем не стала. Рядом с ней плюхнулся на сиденье какой-то корреспондент и стал было ее спрашивать о ходе полевых работ в совхозе. «Мне нездоровится», — ответила она. Корреспондент обиженно нахмурил брови, пересел на переднее сиденье и начал терзать кого-то другого.

А Майрам была занята своими мыслями.

Вчера сын бабушки Мерган рассказал, что Нусрат собирается сыграть свадьбу в Соляных копиях. Пригласит ли он ее на свадьбу? Она представила себе накрытый дастархан, нарядных и счастливых Нусрата и Барфин. О, если бы она могла им дать в этот день свое родительское благословение! Тогда желать больше было бы нечего. Но когда же сбывается то, чего желаешь всей душой? Это бывает так редко.

И вдруг она вспомнила и тот самый сад, и ту первую встречу с Эргашем, аромат спелых яблок и первый в жизни поцелуй. «Ты мой праздник, Майрам...» — сказал ей тогда Эргаш. И слова эти он повторял ей в течение всей жизни. В тот день, когда

он сказал это впервые, его звали Эргаш-Сирота. Потом он стал Эргаш-Молодец. А Майрам все была его праздником. Потом мужа стали величать Эргаш-баем. И тогда он не переставал говорить ей: «Ты мой праздник, Майрам». А для всех она была Майрам Бархатные ресницы. Ее прозвали так за удивительно длинные, пушистые ресницы.

Да, когда ты любима, то для любящего ты и праздник, и Солнце, и Луна. Вот Барфин теперь будет праздником для Нусрата. Наверно, Эргаш все-таки дал бы свое согласие на эту свадьбу.

И вдруг взгляд ее упал на Ойхол-Склочницу. Какое мучение целый час ехать с ними в одном автобусе! Им тоже тошно. Вон как морщатся каждый раз, стоит им только взглянуть на нее! Теперь она не волновалась, не смущалась. Ей просто хотелось бы избежать скандала в автобусе. Поэтому она ехала молча, глядя в окно.

Банот о чем-то громко говорит со своим мужем. Ругает, наверно, своих клиентов, которые мало заплатили ей за шитье. Майрам напрягла слух и отчетливо услышала разговор. Они говорили о постройке нового хлева. Обсуждали, кто может это сделать лучше и дешевле. Кого-то Абдусалом назвал, но она не одобрила его выбор: «Нет, он жадный, много запросит!»

Майрам удивилась: единственная дочь ушла из дома, а они вон о чем беспокоятся!

Водитель автобуса, лысый Бужур, остановил машину на Гультепа, стал продавать билеты. Отрывая билет Абдусалому, он пошутил:

— Ну что! Дело о свадьбе идет? Судя по тому, что родственники жениха и невесты сели в один автобус...

«Так. Сейчас начнется», — подумала Майрам. — «Эх ты, лысый Бужур! Балда ты... И как все жители Маржона, любишь допытываться, лезть, куда тебя не просят...»

Портниха Банот не дала мужу и рот раскрыть:

— О какой свадьбе вы спрашиваете нас, Бужурбай? — сдвинула она брови. — Не надо с нами так шутить!

Если бы лысый Бужур не держал в руках руль автобуса, эта семейка взяла бы его в оборот!

— Ладно, Бужур, — перебил жену Абдусалом, — дай лучше шепотку насвая... — Сам-то ты как поживаешь?

Лысый Бужур с большой неохотой протянул ему свою табакерку. Он явно уже сожалел, что начал этот разговор.

— Вы только не отсыпайте себе половину моего насвая, как сделали это в прошлый раз, Салом-ака, — предупредил он. — Ну и манера у вас — кланчить у людей табак.

— Ты выговаривай мое имя как следует! Я не Салом, а Абдусалом! Это значит — божий слуга!

— Божий? — переспросил Бужур. — В наше время лучше быть слугой народа. Верно, ака? — И снова прицепился: — Но вы так и не сказали мне, когда же свадьба?

— Я никогда не выдам замуж свою дочь за этого бешеного быка! — выкрикнула Банот на весь автобус. — А его посажу!

— Тише, тише, — лукаво смеялся лысый Бужур, — ведь здесь сидит мать жениха. Она может обидеться. Зачем же заранее портить отношения.

«Ну что он делает!» — с досадой подумала Майрам.

— Пусть слышит! — бросила Ойхол-Склочница. — Ей следовало бы привязывать своего ишака вовремя!

— Разве это люди? — торопилась Банот. — Будь они людьми, сыграли бы свадьбу по-человечески, кто им отказывал? А вместо этого, они нас опозорили.

Толстуха Кирмиз тоже не промолчала:

— Да просто они не хотели лишних расходов! Они же нищие! А сыночек ее и до сих пор не вернул мне свой долг!

Стиснув зубы, Майрам молчала. Какой толк возражать им? Только подольешь масла в огонь. Ничего не был должен ей Нусрат. Прошлым летом он привез машину угля для бабушки Мерган. Окно толстухи Кирмиз, в котором был установлен кондиционер, смотрело как раз на эту узкую улицу. Кузовом своей машины Нусрат чуть-чуть задел кондиционер и немного помял. Какой скандал устроила ему Кирмиз! Едва успокоил он ее, отдав ей шестьдесят рублей. Больше у него не было. Но она требовала еще... Это она и имела в виду, говоря, что он ей должен.

— Да разве это мужчина? — ругалась Кирмиз. Их просто бесило молчание Майрам. Они изощрались снова и снова, и наконец терпение у Майрам лопнуло. Какая же мать выдержит, когда при ней поносят ее сына?

— Кирмиз, ты бы прежде завела своего ребенка да вырастила бы его, а потом уж моего бы ругала.

— Лучше уж не иметь никакого ребенка, чем такого! — бросила Кирмиз.

— Как же нам не ругать твоего сына, если он соблазнил девушку? — вступила Ойхол. — Погоди, мы его еще в тюрьму загоним!

— Он напоил мою дочь водкой, а потом соблазнил! — вопила Банот. — Это преступление!

«Мой сын напоил твою дочь водкой? — молча, про себя возмутилась Майрам. — Что ты несешь? Его ведь и не было на той вечеринке. Барфин пошла на день рождения к своей подруге Норбиби. А он пришел ее встречать». Но ответила мягко:

— Конечно, молодые немного поторопились и поступили необдуманно. Но, посоветовавшись, мы с вами могли бы и поправить дело.

Зря она так сказала. Нельзя было говорить с этими людьми в таком тоне, по-человечески. Больше всех разбушевался Абдусалом:

— За советами иди теперь к своему сыну, потаскуха! Нашла время советовать-ся! Раньше-то ты где была? Погоди, я теперь весь твой род изведу!

Они готовы были вцепиться в нее.

Наконец автобус приехал.

Комната, где должны были расследовать это дело, оказалась тесной. Ей пришлось сесть с ними лицом к лицу.

Следователь был молод, но оказался опытным и сообразительным человеком. Перебивая друг друга, семейство Абдусалома принялось вопить.

— Имейте в виду, — тихо сказал следователь, — если будете оскорблять, я сразу вас арестую...

И внимательно посмотрел на нахохлившегося Абдусалома.

— Больше всего это касается вас. Вы ведь должны прийти к нам еще по одному вопросу, вы знаете, о чем я говорю.

Майрам не поняла, на что намекает следователь. Только удивилась, как быстро ему удалось их успокоить.

Из соседней комнаты он пригласил Нусрата и Барфин. Видно, они приехали раньше.

Нусрат и Барфин сели на те места, которые указал им следователь. И вдруг Банот взметнулась и вцепилась Нусрату в волосы. Он не успел даже отшатнуться. И тут все услышали, как Барфин властно крикнула:

— Прочь руки! — и отвела руки своей матери.

Следователь сидел спокойно. С плачем Банот опустилась на свое место.

— Лучше вам оставить меня в покое! — резко сказала Барфин своим родителям. Майрам с изумлением смотрела на все это. Неужели это говорит та самая Барфин? Барфин, которая раньше умела только плакать?

Следователь ознакомил присутствующих с объяснительным письмом девушки. Затем стал задавать вопросы молодым. Выяснилось, что на вечернику Нусрата пригласила Барфин. Он пришел ее встречать, когда вечеринка уже кончилась. План побега тоже предложила девушка. Оказывается, Нусрат не одобрил этот план — не хотел оставлять мать одну. И сказал Барфин: «Пойдем лучше к нам, обсудим все с мамой».

— Все это слышали? — спросил следователь. — Какие еще будут жалобы, заявления?

— И все-таки она не имела права так поступать! — ответила Банот. — Эта бесстыдница должна была посоветоваться с нами.

Барфин так взглянула на мать, что та умолкла.

— Ну а что все-таки плохого в том, что девушка сама выбрала, с кем ей жить всю жизнь? — спросил следователь.

Никто не сказал больше ни слова.

— Вы теперь можете идти, — обратился следователь к Нусрату и Барфин. Майрам надеялась, что сын подойдет к ней. Но он даже не взглянул в ее сторону. Взял девушку за руку и вышел с ней из комнаты.

Следователь раздал бумагу и велел всем написать объяснения. А Абдусалому еще и расписку о том, что он не имеет больше претензий к Нусрату. Но Абдусалом отказался это сделать.

— Как хотите, — сказал следователь. — Только девушку вам теперь все равно не вернуть. Не лучше ли сыграть свадьбу?

После этих слов Абдусалом написал расписку.

Наступил канун Нового года. Майрам решила сидеть дома. Не потому, что ей некуда было идти. Утром приходили женщины из ее бригады, предлагали встре-

чать Новый год вместе. «Извините меня, — сказала им Майрам, — на этот раз я обещала дочери, что приеду к ней». Но и к дочери она не поехала.

Не хотелось ей встречать Новый год. Раньше она любила этот праздник. На прошлой неделе приехал зять. «Возьмите, — говорит, — отпуск, я отвезу вас в Хорезм». «Зачем же мне ехать в Хорезм?» — удивилась Майрам. «А там объявилась девушка-табиб, Муяссар. Глаза ее видят лучше рентгена, а руки лечат все. Про нее даже в газетах писали».

Чудак. Будто сам не знает, чем больна его теща. Не нужна ей Муяссар, ей помириться с сыном нужно!

«Съездим попозже», — сказала она зятю.

В самой глубине души она надеялась, что сын придет к ней к Новому году. С утра поставила варить шурпу, заготовила все для плова. Сходила в магазин за вином на всякий случай, вдруг он придет с товарищами. Продавец Карим попытался: «Что, сестра, гостей ждете?»

«Нет, это на всякий случай», — ответила Майрам Бархатные ресницы.

По пути она встретила младшего сына бабушки Мерган, который шел к ней. Может быть, известие о сыне?

— Я взял отпуск, — печально сообщил он.

— Случилось что-нибудь?

— Маме плохо. Я за вами пришел.

— Ладно. Я сейчас приду.

Оставив дома покупки, она поспешила к старухе.

Бабушка Мерган лежала на спине неподвижно, но говорила довольно четко. Когда вошла Майрам, она о чем-то разговаривала со своей старшей невесткой.

— Оставьте нас одних, — попросила она невестку. Анорхол вышла, бросив на Майрам странный взгляд. Бабушка Мерган достала из-под подушки марлевый платок, кончик которого был завязан узелком, и протянула его Майрам.

Та развязала платок. Увидев две золотые монеты, с удивлением перевела взгляд на бабушку Мерган.

— Узнаешь?

— Где вы их нашли? — спросила Майрам. Она хорошо помнила, что тогда положила их в карман спецовки. Может, они выпали во дворе, когда она относила спецовку в дом?

— Прости меня, дочка, — прошептала старуха, и Майрам впервые увидела у нее на глазах слезы. — Я ведь украла их из твоего сундука.

Майрам не поверила. Не могла этого сделать бабушка Мерган!

— Не думай, я еще в трезвом уме. Я тебе правду сказала. Вот такой грех случился на старости лет. А теперь вот лежу и ни выздороветь не могу, ни умереть. Сколько раз мне хотелось признаться тебе в этом! Но, оказывается, ошибки старости еще труднее поправлять, чем ошибки молодости.

— Зачем же вы себя так мучили из-за этих паршивых монет, бабушка? Они ваши, я их не возьму.

Старуха слабо замотала головой:

— Нет, возьми, — сказала она, еще больше удивляя Майрам. — Где-то есть клад. Но он не у тебя, я знаю.

И старуха сказала то, что никогда не приходило Майрам в голову. Видимо, Эргаш выкопал клад, когда он корчевал пни в саду у трех сестер. Но он умер, не успев сообщить этого никому. Откуда вдруг взялось столько золота, что Ойхол вставила себе челюсть?

— Это моя последняя к тебе просьба. Отнеси эти монеты в милицию. Я бы и сама это сделала, да видишь...

Старуха замолчала, закрыла глаза. Майрам положила монеты в карман и встала.

— Простила ли ты меня? Смерть моя близко...

— Не говорите так, бабушка! Вы еще поправитесь, встанете на ноги.

Старуха ничего не ответила. Только тяжело вздохнула.

Во дворе к Майрам подбежала старшая невестка. О чем старуха так долго говорила с ней?

— Бабушка простилась со мною, — ответила Майрам. И чуть не рассказала обо всем. Но сдержалась.

Домой она явилась растревоженная. И бабушку жалко, и золото это теперь не выходило из головы.

Услышав стук в ворота, она подняла голову с подушки. Но одеваться не стала, хотя на улице крупными хлопьями шел снег. Лишь накинула на голову большой платок. Сильно колотилось сердце: неужели сын?

Открыла калитку, не спрашивая, кто там. Перед ней стояла Барфин с узелком в руке.

Они обнялись, расцеловались. Лед в душе Майрам растаял, по щекам покатились быстрые слезы:

— Холажон, не плачьте! Простите нас.

«Разве ты виновата в чем-нибудь, дитя, — думала Майрам, ведя ее в дом, — Это я сама во всем виновата».

Барфин подарила ей новогодний подарок — бухарские бархатные тапочки, расшитые золотом. Сама надела на ноги свекрови, заставила пройтись по комнате. Майрам была очень рада, но мысли о сыне не выходили из головы.

Барфин угадала это.

— Он уехал в командировку, в Ташкент. А мне захотелось встретиться Новый год с вами.

Майрам стало немного легче. Она решила тоже сделать подарок невестке. Сунула руку в карман, чтобы достать ключи от сундука. Пальцы нащупали золотые монетки.

— Вот тебе от меня свадебный подарок! — улыбнулась Майрам и протянула Барфин монеты.

Увидев их, Барфин побледнела и застыла на месте.

— Что с тобой, доченька? Тебе плохо?

Барфин стояла неподвижно. Она отвела девушку на постель, уложила ее.

— Ты была легко одета, может быть простудилась? — недоумевала Майрам, прикладывая ладонь ко лбу Барфин. — У тебя температура? Сейчас я сбегая за врачом. — И она стала одеваться.

— Не надо, холажон, — обессиленно произнесла Барфин, — ничего не надо... Простите меня.

— За что? Ты ни в чем не виновата. Наоборот. Ты осчастливила меня. У меня была одна дочь, теперь две.

Барфин покачала головой:

— Я не об этом.

— О чем же ты?

Но девушка молча лежала на постели с закрытыми глазами.

— Не пугай ты меня, невестушка, давай лучше я позову врача.

— Нет, не надо.

— Ну тогда прими хоть таблетку.

Достала из тумбочки коробку с медикаментами, вынула жаропонижающее. Барфин проглотила таблетку.

«Почему она прячет от меня глаза?» — подумала Майрам.

И вдруг Барфин тихо спросила ее:

— Где вы взяли эти монетки?

Тут только до Майрам дошло, что Барфин стало плохо не случайно. Сердце заныло от предчувствия чего-то страшного.

— Я их нашла в спецовке отца Нусрата. А что?

Не отрывая своего взгляда от висящих под потолком гранатов, Барфин призналась:

— Они из того самого кувшина, который я видела тогда дома.

Майрам схватила девушку за плечи:

— Что? Что ты говоришь? Объясни же мне толком, доченька.

— Сейчас... только подождите, что-то плохо с сердцем. У меня в сумке есть валидол, достаньте, пожалуйста.

«Такая молоденькая, а уже сердце... Боже мой, как мне ее жалко!»

Барфин положила валидол под язык и залилась слезами.

Оказалось, случилось вот что: однажды ночью Барфин проснулась, испугавшись чего-то. Мать все еще шила, сидя в соседней комнате. Она хотела подойти к матери, но остановилась на полпути, услышав обрывок странной беседы между матерью и теткой Кирмиз. Тетка была недовольна, не так разделили какое-то золото. «Смотри, если не дашь то, что мне причитается, я и вообще донесу в милицию!» — угрожала она матери.

В ответ Банот только рассмеялась. Тогда тетка сказала, что если бы она вызвала врача вовремя, Эргаш остался бы жив и золото не досталось бы никому. Поэтому

именно она, Кирмиз, больше всех виновата в его смерти, ей и должны дать большую долю золота.

Мать в ответ напомнила, что ведь Кирмиз пошла к доктору, и не пустили ее именно они, сестры, и Абдусалом, так что всем полагается золота поровну. И напомнила, как Абдусалом произнес: «Да брось ты этого идиота, лучше тащи сюда кувшин с золотом!» Вот только после этого Кирмиз и позабыла о своем глупом желании вызвать врача.

«Да, твой муж не велел мне звать врача, значит, он один и виноват в смерти Эргаша! Вот пусть и пеняет на себя, если не отдаст мне мою долю полностью!» — настаивала Кирмиз.

Ясно стало, что мать испугалась, потому что пообещала тете добавить еще немного золота.

Как только тетка вышла, Барфин подошла к матери и открыто спросила: «Почему вы так сделали?»

— Но Эргаш был идиот! Весь его род ненормальный! И себе не возьмут, и другим не дадут!

— Зачем вы так говорите? Я хочу выйти замуж за сына этого человека.

— Ни на том, ни на этом свете, я не дам тебе выйти за него замуж!

И вот тогда, в полном отчаянии, Барфин пообещала матери, что просто расскажет обо всем в милиции.

Мать упала в обморок. Барфин испугалась и позвала тетку на помощь. Вдвоем они привели мать в чувство. Десять дней после этого Банот лежала в постели и все твердила дочери, что они это сделали только ради нее. Если же все откроется, то в тюрьму упрячут всю семью. И лучше она отравится и умрет, чем выдержит такой позор. «Я-то умру, но ты на всю жизнь будешь проклята! И все твои дети», — сказала ей мать.

Рассказав все это, Барфин снова заплакала. Вместе они решили, что все-таки Барфин сообщит обо всем куда надо.

Майрам подняла валявшиеся на полу золотые монеты и задумалась. Как они оказались в кармане у мужа? Он хотел показать их Майрам? Или хотел оставить след о случившемся? Последнее предположение, на которое указывала и бабушка Мерган, показалось ей наиболее вероятным.

Они ничего не успели сообщить. Абдусалом был пойман, когда продавал золото одному зубному технику.

На прошлой неделе умерла бабушка Мерган. На ее поминках женщины причитали:

Вот и ден отцвел, звезды слезы льют,
Нас покинула наша бабушка.
Как мы любили вас, бабушка!

А племянник, ваш, Сирота-Эргаш,
Раньше вас ушел, ничего не сказал.
Как мы любили вас, бабушка!

Он не сам ушел, а убили его,
Загубили его, укусили его
Четыре змеи из Маржона!

После этих слов Майрам увидела, как от женщин, которые оплакивали покойницу, отделились три темные фигуры и с опаской удалились прочь. Это были три сестры, три головы дракона. Народ проклял их. Что может быть страшнее?

По обычаю между причитаниями делался перерыв. В перерыве тетушка Сарви рассказала женщинам о завещании покойной. Бабушка просила положить на ее могиле два синих камня из ручейка Ифорли. «Больше никаких памятников мне не ставьте», — сказала она, умирая. Почему два камня и почему именно синие? Майрам вспомнила: однажды старуха растолковывала ей: синий цвет — мужской, а зеленый — женский. Значит, два синих камня на могиле — это двое ее сыновей.

Поняв это, все расплакались.

Странно. Кто поверит сейчас, если рассказать, что старуха украла золото, а потом вернула его обратно? «Разве бабушка Мерган могла бы сделать такое?» — сказали бы все. Неужели все-таки золото имеет ту магическую силу, о которой говорила старуха? Почему же тогда Майрам ее не почувствовала?

Говорят, что Абдусалом отбыл срок, вышел из тюрьмы. Возвращаясь, он сел в автобус лысого Бужура. Лысый Бужур повел такую беседу:

— Абдусалом-ака, теперь вам все равно, скажите мне правду. Почему вы не помогли Эргашу, когда его укусила змея?

— Э, дорогой мой, — ответил Абдусалом, — на моем месте и ты так же бы поступил. Мы ведь ненавидели друг друга.

— А почему?

— Ну просто мы были слеплены из разной глины.

— Зачем вы теперь лжете? Вы ведь это сделали из-за золота.

— Когда мне сказали, что его укусила змея, я, знаете, не расстроился. Подумал даже: «Так ему и надо! Зачем звать врача — пусть помучается! Конечно, я не думал, что он умрет, я думал: помучается — и все. Но его, оказывается, укусила кобра, да еще в шею.

— А почему вы не сдали золото государству?

— Э, браток... Ты сделал бы то же самое на моем месте. Моя жена совсем не годилась для супружеской жизни. А для того, чтобы завести любовницу, деньги нужны! Нет, ты бы и сам на моем месте сделал то же самое.

Тогда лысый Бужур остановил автобус прямо посреди дороги и говорит:

— Абдусалом-ака мне надо посоветоваться с вами. Давайте выйдем на минутку.

И сделал вид, что сам выходит.

А когда Абдусалом вышел из автобуса, Бужур захлопнул дверь и дал газу.

— На моем месте вы поступили бы так же! — крикнул он Абдусалому, который бежал вслед за автобусом.

Те же вопросы лысый Бужур задал и трем сестрам, каждой в отдельности, которые имели неосторожность сесть в его автобус. Вот их ответы:

Портниха Банот: «Я не могла ничем помочь Эргашу, так как сама лежала в постели и нуждалась в помощи! Ну а что касается золота, то есть же пословица: «Дают — бери, бьют — беги».

Ойхол-Склочница: «Видите ли, я очень растерялась, увидев сразу столько золота. Ну и забыла, что его укусила змея. Да и Абдусалом не велел звать доктора. Зачем мне золото? А я еще надеюсь на лучшую жизнь. Ну вот умрет у кого-нибудь жена, вдруг и возьмут меня замуж! Во времена моей молодости было мало мужчин. Разве это моя вина, что я осталась одинокой?»

Толстуха Кирмиз: «Во всем виноваты Ойхол и Абдусалом. Это они не пустили меня к врачу! Абдусалом сразу сообразил, что если Эргаш останется жив, то сразу сдаст все золото государству. И мы останемся ни с чем. Ойхол загородила мне дорогу и давай орать, что я обеспеченная, что мне от мужа богатство досталось, поэтому, мол, я и пренебрегаю этим золотом. Но я ведь все-таки отправилась за врачом! Просто опоздала. Что поделаешь, я очень толстая, быстро бегать не могу».

Было так или не было — это уж на совести лысого Бужура. Потому что именно так он рассказывал людям об этом. Однако вследствие этих рассказов три сестры насмерть сцепились друг с другом. Был грандиозный скандал и потасовка.

Но с лысым Бужуром ничего не поделаешь — он не может не добраться до самой сути.

Итог этого скандала тоже обнародовал он. Ойхол-Склочница после этого перебралась жить в город. «Ноги моей больше не будет в Маржоне», — сказала она на прощанье.

Толстуха Кирмиз больше всех пострадала в той потасовке. И попала в больницу. Но еще больше пострадали ее соседки по палате. Днем они спят, а ночью читают книжки. Потому что ночью Кирмиз храпит так, что спать не может никто.

Молчал Бужур только о портнихе Банот. Но все и так знали, что месяц назад туберкулез ее осложнился и она умерла.

Майрам Бархатные ресницы тоже все это слышала. Но какой толк в слухах? Так или иначе, все мы в жизни расплачиваемся за свое зло. Ее интересовал другой вопрос: если человека ужалит змея, то сколько времени действует яд? А если человека ужалит человек?

Сабит Мадалиев

Рубаи

* * *

Я не умру. Я, как морской прибой,
вернусь однажды с новой волной.
Есть на земле лишь вечное рождение,
а смерти нет. Есть временный покой.

* * *

Болят душа... Наедине с собою
сам от себя я ничего не скрою:
спрошу с себя за черные слова,
за светлые — не сказанные мною.

* * *

Ты любила меня? Ты дала мне урок.
Я в тебе до конца разобраться не смог.
Прочитала меня до последнего слова,
Я читал то, что видел, а ты — между строк.

* * *

Ночью горе твое, словно стон урагана.
Ночью пропасть меж нами страшнее обмана.
Покидая сердца, оставляет любовь
два печально потухших вулкана.

* * *

Вновь томится душа на причале,
днем молчит она, стонет ночами.
Хоть длинна эта зимняя ночь,
и она — не страшнее печали.

* * *
Вновь по жизни своей, словно туча по небу, скитаюсь.
Что на сердце моем?— Самомнение, боль или зависть?
Я, творящий добро, приближаюсь к себе самому,
умножающий зло, снова сам от себя отдаляюсь.

* * *
Уж если осуждать — то днем, а вечером прощать,
и если размышлять — то днем, а по ночам летать.
И если слабым сострадать, то улыбаясь,
как над больным ребенком без слез умеет плакать мать.

* * *
В небо взгляд устремлен, только чаще опущен,
то в цветеньи мой сад, то надолго забыт и запущен.
Слишком быстро бегущий сжигает себя самого,
но сгорает и тот, ожиданием вечно живущий.

* * *
Я был слепцом среди слепых, глухим среди глухих,
я полагался на себя, а больше на других.
И был превознесен людьми, и позабыт был ими,
но все равно их не делил на близких и чужих.

* * *
Не получилась жизнь моя. Все чаще
твержу, что надо помнить уходящих,
но снова на чужих похоронах
оказываюсь по себе скорбящим.

* * *
Я жил, как будто вечен. Птицы крик
успел услышать только, и поник...
Бывало, в миг я вкладывал столетье,
но чаще век разменивал за миг.

* * *
Было прошлое скопищем бед —
то несчастье, то боль, то навет.
Но приходишь тайком любоваться
на развалины прожитых лет.

* * *
Ночью больше для себя горишь,
больше сам с собою говоришь.
Скажешь днем — тебя услышит птица,
ночью — стены, очертанья крыш.

* * *
Осталось недолго мне жить,
и стал я о жизни тужить;
лучше получше подумать,
чем хорошо говорить.

* * *
Сыплют сомнения то реже, то гуще,
и знобко от них мне, дорогой идущему.
Но я осознал — лучше плакать о прошлом,
чем сомневаться в своем же грядущем.

* * *
Я говорю душе своей: гори
и в поздний час и в ранний час зари.
Тончайшей напряженностью своею
разрушить можешь и создать миры.

* * *
Ударит в спину ветер. Темный след
на мартовском снегу сойдет на нет.
Душа почует смерть и содрогнется,
и ветер принесет дыхание планет.

* * *
Когда меня не сковывает страх,
когда не дрожь — улыбка на губах,—
и отходя ко сну, и просыпаясь,
о самых дальних помню я мирах.

* * *
Не рвется она, эта нитка времен,
ты в кружево космоса тонко вплетен.
Одной только жизнью себя ограничив,
из вечности ты выпадаешь, как сон.

* * *
Чтоб не гасить пылающих огней,
я должен быть уверен: в сонме дней

прекрасней дня, который наступает,
в прошедшей жизни не было моей.

* * *

Как мотыльки, летящие на свет,
едва возникнув, не оставив след,
сгорают мысли мелкие... Придется
однажды и за них держать ответ.

* * *

В тиски тоскою взят в чужих краях,
быть может, и пойму не на словах:
как много закопченности и пыли
в привычных и насиженных местах.

* * *

Слез не стыдись, душа, глаза тебе не лгут,
обманывать себя способен только плут.
Звенит пустой кувшин, оставленный, забытый,
но бережно несут наполненный сосуд.

* * *

Не вел бы счета лживым я словам,
обидам безобидным и грехам,
но зреет жатва ядовитых мыслей,
где каждое зерно посеял сам.

* * *

Развеюсь, как ветер, нахмурюсь, как тьма,
печаль не разгонят ни сон, ни сума.
Гнется по-своему дерево каждое,
каждый по-своему сходит с ума.

* * *

Под холодным покровом обид и утрат
я накапливал горечь — смертельнейший яд.
Обложил грозowymi я тучами душу,
Там то ливень прольется, то выпадет град.

* * *

Чужие изучаю лица —
открытых книг страницы.
Кто лжет, тот и клянется,
а тот, кто прав, — стыдится.

Виктор Тихненко

* * *
Соразмерна ширью речка Лета
расстоянью до моей звезды.
Столько к ней и лёту, и езде,
что ничтожна даже скорость света.

В небе тоже казусы не редки:
то туман, то черная дыра...
Добрались ли с тысячью пра-пра
до звезды заветной наши предки?

Может быть, они еще в дороге,
и еще столетия трясти
по ухабам Млечного Пути
будут их немасляные дроги.

А возможно, что уже и дома.
И, лучом припавши до земли,

смотрят, как мы с вами довели
время до Гоморры и Содома.

Как ни грустно думать о финале,
со звезды, сроднившейся со мной,
я б хотел взглянуть на шар земной,
где меня любили и пинали.

Не спеши, небесный мой диспетчер,
плоти и души разъять бином:
это не в судьбе, а за окном
зажигает звезды синий вечер.

Наслаждаюсь жизнью втихомолку.
Только скоро Бог и для меня
светового выпасет коня
и сколотит наспех одноколку.

* * *
Осень. Окна и дали заплаканы.
Стихли птиц голоса.
Кое-где голубеют заплатами
между туч небеса.

День минувший причислю к утрате я,
что без песни потух.
Птиц небесная аристократия
отлетает на юг.

То отчизна магнитит, то вотчина
их дыханьем морей.
Перелетами их укорочена
песня жизни моей.

Хоть из племени я поределого,
но с течением лет

не придется мне в ней переделывать
ни припев, ни куплет.

Допою ту, что на душу выпала
в разнозвении птиц,
словно тему извечного выбора
журавлей и синиц.

Сколько песне ни длиться,
а тоники неминуем черед.
И синица в два высвиста тоненько
в ней финал подчеркнет.

Снова осень... И снова за окнами
птичий щебет иссяк.
Надо мною две тучи захлопнули
журавлиный косяк.

* * *
Пойманный поймою вечер
голубизною глубок.
А под лягушачье вече
грунт разгребает грибок.

Иволга в желтой жилетке,
грусть свою звонко излив
в ивовых веток извив,
канула в кроне, как в клетке.

Палками в листья опалые
у переката реки
тычаты в усмерть усталые
сгорбленные грибки.

В палевую лесополосу
падает солнца печать.
С ветром положится по лесу
певчей пичуги печаль.

* * *
Греет шар земной бока,
на оси ворочась.
А поэзии река
где-то строчкой глубока,
где-то — междустрочием.

Не постигну на веку
«тонкую» науку,
по руке ль иметь строку,
по строке ли — руку?

Время — золото. Звеня,
канул день монетою.
Сам себя во всем виня,
сетую, что у меня —
ни того, ни этого.

С надлежащей глубиной
строк и междустрочий
стих слагать — что шар земной
одному ворочать.

То ль Фортуна не верна,
То ли Муза робкая,
но причина не одна:
то строка моя длинна,
то рука короткая.

Но сжимается строка
явно и воочию.
Участь строчек нелегка,
но надежда есть, пока
греет шар земной бока,
на оси ворочаясь.

* * *
Сколько шума
и слез, и ругани?!
Мир вселенский — на волоске!
Вы подумали — судьбы рухнули?
Нет — два домика на песке.

Да — как домики,
так же рухнули две судьбы.

Их полемика —
как без тоники
грохот тубы и визг трубы.
Вы подумали...

Мир прекрасен
и прост по внешности,
да по сути не так-то прост.
Сколько гнева в нем?
Сколько нежности?
Вот — песочница. Вон — погост.

* * *
Под рубашкою нет спины —
хрящик с дужками.
Мы — осколки большой войны,
только с душами.

По ущелью бежит, звеня,
речка к пасеке.
Витькой звали, как и меня,
одноклассника.

Ежевика по берегам —
ешьте, Витеньки!
Хоть и больно босым ногам
в ежевичнике.

Раз — в ведро, а пара — в рот
сыплет жменями.
Удивительный мы народ,
тем не менее:

под глазами своей с лихвой сини налито —
ежевичною синовой
красим на лето.
Не от сытости пьем потом,
где заужена,
воду синюю синим ртом
вместо ужина.

Все в порядочке,
все путем, синеротые.
Мать — природа нам. А растем
мы сиротами.

* * *

Усохла речка...
Кочками — порог.
Болотцем — заводь.
В русле — осыпь глины...
С ладошки на ладошку ветерок
пересыпает огоньки калины.

Ликуй, двадцатый век, —
твоя взяла.
Не ты ль мечтал с природой побороться?
Потрескались речушек зеркала.
Теперь от них —
осколками болотца

И гарь, и копоть, и ... немудрено,
что ледники в ущельях оскудели.
А времени жужжит веретено
и тянет нить из солнечной кудели.

А ведь делила,
и не так давно,
речушка даль своим зеркальным клином.
...Закапано сухого русла дно
горючими слезинками калины.

Евгений Березиков

ВХОЖДЕНИЕ В ПОЛТЕРГЕЙСТ

ЭТЮДЫ О НЕПОЗНАННОМ

ЭТЮД ДЕСЯТЫЙ. ЗУБ БУДДЫ.

Покинув Индию, мы оказались в не менее райском уголке земли.

Чудо-остров Цейлон. Это поистине «пряный» остров, — так его многие называют. Ароматы цветущего половодья пьянят голову. Все создает впечатление гармонии, ибо природа не загублена человеком и существует в первозданном виде. Еще раз хочется сказать, и даже воскликнуть: чудо-остров! богоугодное место!

Не случайно с этим островом связывается легенда о том, что Бог создал человека именно на Цейлоне. Всем путешественникам непременно показывают невероятной красоты гору Айнвуд. Ее называют Библейской горой. Она расположена вдали от дороги и напоминает величественный постамент для какого-нибудь сверхъестественного изваяния. Так вот на этой горе, по библейским сказаниям, Бог и создал праотца человечества Адама.

А за шесть столетий до Рождества Христова родился в индийском городе Капила Будда, в миру Шакья Муни. Родился он в царской семье, но по достижении совершеннолетия отрекся от престола и стал пророком. В одном из прекраснейших архитектурных сооружений острова Цейлон — Золотом Храме, Храме пророка Будды — хранится под золотым колпаком Зуб Будды. И все посещавшие святой буддийский храм его, конечно же, видели.

Его учение провозгласило равенство всех людей, а главными заповедями стали: «не убей», «не укради», «не живи греховно», «не лги», «не прибегай к напиткам и веществам, затемняющим разум». Он призывал беречь природу. «Не рубите деревья, не мните траву из-за жертвоприношений, не закалывайте овец и быков, не лишайте жизни ни одно живое существо. Пусть пасутся они на свободе и находят свежий воздух, свежую траву для еды и воду для питья. Не убивайте животных и птиц, не употребляйте их в пищу. Они и без того полезны, принося яйца, молоко, шерсть, помогая в работе, удобряя землю. Это ли не есть полезное и доброе дело природы и живых существ по отношению к человеку?»

Шакья Муни понимал, что нести свет людям может только свободный человек. И ушел из дома. И стал пророком Буддой. И перед тем как уйти, сказал: «Связанный человек не может освободить, слепой не может показывать дорогу». Я должен набираться мудрости у людей, чтобы отдавать ее людям».

По преданию, Будда ходил сначала по земле, набираясь мудрости, а потом дал обет одиночества до поры, пока не постигнет истину. Долгие годы ушли у него на постижение истины. А уже умудренный знаниями жизни, Будда говорил последо-

вателям своего учения: «В чем причина страдания для Души? Причина эта в подчинении телу. Откуда происходит подчинение телу? От страсти. Откуда страсть происходит? От гордости. А гордость? От недостатка размышления. А недостаток размышления происходит от невежества. Нужно черпать силу для внутренней работы души на пути добра и истины, и таким образом освободишься от страданий, принесешь счастье себе и другим».

Ну что же, легенда это или действительность, человечество всегда приветствует деятельность любого сына земли, направляющего свои помыслы и дела на благо людей, земли, Вселенной. И в честь просветленного будды во многих странах воздвигнуты храмы. Будда нес человечеству светлое, и миллионы людей поклонялись ему как святому, который своими поступками сделал жизнь свою святостью. Ученикам, которых было у него множество, он говорил: «Идите к людям. Несите им пользу и радость. Учите закон, проповедуйте совершенную мудрость. Не ходите вдвоем по одной дороге, расходитесь в разные стороны, повсюду провозглашая истину».

Читая изречения Будды, поражаешься, насколько он мудро предвидел и превосходил те поступки, к которым, по его мнению, был предрасположен человек. Почти за две с половиной тысячи лет Будда сказал:

«Кто отступает от закона природы, подвергается страданиям и мучениям при жизни». Это ли не есть прочтение нашей сегодняшней жизни, когда от варварского отношения к природе, от вольного обращения с окружающей средой стал страдать сам человек.

Кто-то отвергает учения пророков, в том числе и Будды. Ну что ж, это право каждого. Но никто не вправе отвергать то доброе, что творит человек на земле. Ведь по заповеди пророков добро порождает добро. И мы чтим любого, кто делает добро. А кто, к тому же, зовет к этому других, чтим многократно.

Так вот, девятнадцатого мая тысяча девятьсот восемьдесят второго года мне предоставилась возможность посетить Золотой храм и воочию увидеть дошедшую до нас частицу Будды.

Я решил воспользоваться тем, чем обладал: пас рукой, когда я впервые ощутил прилив магнетизма на надгробии шаманки Ойи в сибирском селе Буланиха, затем в городе Туркестане, где захоронен исламский святой Ахмад Ясави.

Проходя мимо хрустального саркофага, я протянул правую руку по направлению к золотому ларцу. Старался задержаться около него подольше.

Между моей вытянутой рукой и ларцем расстояние было примерно полтора метра. Я ждал импульса, а сам в это время, не спуская глаз, рассматривал хрустальный саркофаг и обозревал всю обстановку, которая в этот момент складывалась в центральной части зала, где был помещен ларец с зубом Будды. Естественно, мне хотелось как можно больше получить впечатлений, потому что такого случая, я полагал, у меня больше не будет. Закончив обзор центральной части зала, я зафиксировал, что никакого импульса от золотого ларца не поступило, и где-то у меня даже мелькнула мысль: а не является ли все это бутафорией? И я уже начал отходить от центральной части, где размещался саркофаг, проследовал примерно четыре-пять метров и уже опустил руку, встал в стороне так, чтобы можно было, не мешая процессии, остановиться и понаблюдать за тем, что происходит в храме.

Мысль моя работала в одном направлении: почему я не получил импульс?

И вдруг я ощутил в центре тыльной части правой ладони удар, который, как мне показалось, просверлил ладонь насквозь. Я вздрогнул и с удивлением посмотрел на свою ладонь. Ладонь порозовела, а в центре было белое пятно. Мощный поток энергии буквально сверлил мне руку, и весь мой организм пришел в возбужденное состояние. Я понял: да, этот импульс идет именно от зуба Будды, потому что только пророк может быть носителем такой энергии, такой силы биополя, носителем эгергетического поля, которое мы пока условно называем биоэнергией, а я назвал энергией космоса. Но так ли это? Да, это был не вымысел, это происходило со мною наяву. Я прикоснулся к мощному энергетическому источнику, который вселял в меня невиданную силу. Так я для себя сделал еще одно открытие: человек, носитель энергии, может излучать ее на протяжении многих столетий. Для меня эта энергия объективно существует. По какому принципу она аккумулируется в одном человеке? Где ее источник? Я часто задаю себе вопрос: а что это за явление — природы ли, Духа ли, Субстанции ли Всемирной.

Впоследствии, примерно через год после возвращения из поездки на Цейлон, я посетил Пайарыкский район Самаркандской области и снова столкнулся с проявлением загадочной энергии.

Естественно, меня заинтересовала мечеть Исмаила ал Бухари, расположенная на территории совхоза Пайарык. Я никогда не упускал случая познакомиться с тем или иным историческим памятником. Я осмотрел ее. Мечеть показалась мне инте-

ресной, ее создание относилось к XIV-XV векам. Имам, настоятель мечети, указал на большое мраморное надгробие.

— Здесь покоится тело святого Исмаила ал Бухари — большого ученого, — сказал он.

Мне не нужно было объяснять, кто такой Исмаил ал Бухари. Я знал, что это один из выдающихся ученых теологов раннего исламского периода, который, родившись здесь, в Самаркандской области, в юношеском возрасте уехал на учебу в Бухару, где в то время находились все знатные учебные заведения исламского Востока, а затем переехал в Аравию, посетил Мекку, Медину и провел там многие годы, изучая ислам. Произведения ал Бухари составляют восемь объемных томов и являются фундаментальными трудами, которые изучаются во всех теологических учебных заведениях исламского Востока. Во всем мире известный как толкователь Корана, под конец жизни имам Исмаил ал Бухари, уже к тому времени будучи знаменитым человеком, вернулся к себе на родину. И здесь в родном кишлаке вскоре скончался, где был похоронен. На месте захоронения в его честь была воздвигнута мечеть — мечеть Исмаила ал Бухари.

После революции это святое для мусульман место было предано забвению, моление здесь не осуществлялось. Памятник архитектуры пришел в упадок. Но в тысяча девятьсот пятьдесят четвертом году к этой мечети было обращено внимание как властей, так и духовенства. Причиной послужил официальный визит в Советский Союз президента Индонезии Сукарно, который после Москвы собирался посетить мечеть Исмаила ал Бухари. Власти не могли отказать президенту страны исламского Востока, была дана команда спешно привести мечеть и надгробие в порядок. Мечеть Исмаила ал Бухари приняла президента Сукарно. Вслед за ним в Советский Союз прибыл президент Сомали Мадиба Кейта, который тоже выразил желание посетить могилу святого имама. И к его приезду что-то подреставрировали, но все это было лишь латанием дыр. Правительство осознало, что по мере налаживания отношений со странами исламского Востока интерес к мечети возрастет, и было решено произвести большие работы по восстановлению всего комплекса. Его передали в ведение Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана. Мраморное надгробие с надписью из Корана обозначило титулы имама ал Бухари и годы его рождения и смерти. Мечеть стала действующей, ее активно посещали верующие и иностранные делегации.

С тех пор до момента моего приезда в Пайарыкский район прошло более двадцати лет. Знакомясь с исторической достопримечательностью, я попросил разрешения у настоятеля мечети осмотреть гробницу. Когда подошел к огромному мраморному надгробию и сделал пас рукой, чтобы проверить, присутствует ли здесь загадочная энергия, характеризующая святого, я удивился, что положение захороненного тела, как мне указывал импульс энергии — а он был довольно мощным, — находилось почти поперек надгробия. Я об этом тут же сказал настоятелю мечети:

— Уважаемый имам, мне кажется, что надгробный камень несколько смещен по отношению к телу.

Настоятель мечети с удивлением посмотрел на меня и спросил:

— А как вы это узнали?

Не стал я раскрывать свои секреты, только еще раз подтвердил сказанное. Я знал, что от сердца обычно исходит сильный импульс энергии. И такой же силы импульс, как правило, исходит от головы.

Имам, настоятель мечети, с удивлением посмотрел на меня и спросил:

— А как вы это узнали?

Не стал я раскрывать свои секреты, только еще раз подтвердил сказанное.

Имам, настоятель мечети, премного удивившись моему заявлению, рассказал о том, что могила долгие годы была в запущенном состоянии и что надгробие это — не то реставрированное историческое, а совершенно новое, и что, устанавливая эту мраморную глыбу, ее положили так, чтобы она красиво смотрелась по отношению к центральным воротам, которые, в свою очередь, сориентировали на дорогу, проходящую по центральной усадьбе совхоза. Значит, ларчик-то просто открывался.

Покидая Пайарыкский район и эту мечеть, я думал о том, что носитель мощной энергии Исмаил ал Бухари был создан для больших свершений, это в нем было заложено природой, и даже векам эта энергия неподвластна. Но главным во всем этом для меня было то, что я еще раз убедился в правильности своего поиска.

Вскоре мне представилась еще одна возможность засвидетельствовать концентрацию энергии в человеке. Это произошло в тысяча девятьсот восемьдесят пятом году, в июле месяце, когда я поехал в служебную командировку в Румынию. Наряду с деловыми встречами в нашу программу было включено ознакомление с достопримечательностями страны, в том числе посещение Тисманы. Там находится один из знаменитейших христианских монастырей в Европе, построенный в четырнадцатом веке и явившийся тогда важным культурным и политическим

центром Румынии. Именно здесь была образована первая школа для обучения детей на румынском языке и напечатана первая национальная книга, хранящаяся сейчас в музее Бухареста.

В Тисману, к основателю и духовному наставнику монастыря Никодиму, ездили за советом многие господа и правители княжеств Румынии и близлежащих христианских государств. В последние годы своей жизни Никодим покинул жизнь в миру и ушел в келью, отстроенную на отвесной скале неподалеку от монастыря Тисмана. Там он и кончил свою жизнь как святой, как человек высокой культуры и высокой духовной силы.

Монастырь стоит на берегу горной речки у высокой отвесной скалы. Место живописное. Горный родник источает живительную сладкую воду. Там сейчас женский монастырь. Территорию и все помещения мне показывала настоятельница монастыря мать Евлогия. После осмотра монастырских хоромов она привела меня в главный собор. Показав в правый угол при входе, сказала: здесь было захоронение святого Никодима.

Я спросил:

— Почему вы говорите — было?

Она ответила:

— Во время одного из нашествий Османской империи было совершено надругательство над святым. Тело его, выкопав, кинули за пределы монастыря, а всех обитателей казнили. Чудом оставшийся в живых один монах нашел его палец и принес в монастырь.

Мать Евлогия попросила пройти с ней в другой угол собора, где показала ларец с пальцем святого Никодима.

Я попросил ее проводить меня туда, где было совершено первичное захоронение святого. Она рукой обозначила место захоронения. Я, как всегда в таких случаях, сделал пас, и ко мне пошла энергия даже более мощная, чем в мечети-успальнице Исмаила ал Бухари. И это при том, что время захоронения Исмаила ала Бухари и захоронения святого Никодима разделяли почти семь веков. Да при том еще, что тела Никодима здесь не было. Затем вместе с настоятельницей монастыря мы прошли в ту часть храма, где под образами стоял небольшой ларец из черного дерева, примерно такой же, как ни странно, величины, как тот, что был с зубом Будды в Золотом храме.

Я, конечно, не настаивал, но попросил разрешения осмотреть ларец. И когда, в ожидании необычного, не ощутил энергии, я растерялся, и вид у меня, наверное, был таков, что мать Евлогия спросила меня — тоже растерянно:

— Что-то вас беспокоит?

— Знаете, палец, который находится в ларце, не принадлежит святому Никодиму.

Мать Евлогия среагировала на мое открытие довольно спокойно.

Я не стал обосновывать — палец святого, так палец святого, — а попросил еще раз вернуться к месту первоначального захоронения святого Никодима. И вновь почувствовал огромной силы энергию.

Ну что ж, после трех экспериментов — в Золотом храме на Цейлоне, в мечети под Самаркандом и в Тисмане — я окончательно убедился в том, что космическая энергетическая сила в людях ведет их к духовности, к способности творить великие поступки.

Но не только. Я столкнулся с фактом, указывающим на то, что эта энергия может в определенных случаях нести не добро и святость, но зло. И даже мстить людям.

Перейду к осмыслению факта. На территории Кашкадарьинской области, близ кишлака Каучун в Гузарском районе, есть «святое место». Жители его называют — могила Тахира и Зухры. По сказаниям, Тахир и Зухра пламенно любили друг друга. И когда на пути их счастья встал отец Зухры, правитель Бабахан, молодые влюбленные покончили с собой. И вот в кишлаке Каучун и находится их могила. Метрах в десяти-пятнадцати от проезжего полотна трассы Карши — Шахрисабз возвышается заросший высоким колючим кустарником курган. Весной и летом в дни празднеств сюда приходят жители Каучуна и соседних кишлаков и в знак почтения к усопшим привязывают к кустам кустарника разноцветные лоскутки ткани. Старики рассказывают молодым легенду о великой и прекрасной любви. Но я не стал бы упоминать эту историю, если бы не одно странное обстоятельство.

Именно здесь, около могилы Тахира и Зухры, случается много автоаварий со смертельным исходом. И вроде бы причин для этого нет: место ровное, дорога хорошо заасфальтирована, широкая, в один ряд могут пройти три-четыре автомашины. Нет ни подъемов, ни поворотов. Водители области знают об этом «заколдованном» месте и стараются сбросить скорость, проезжая мимо кургана, и все же

аварии случаются часто. Об этом свидетельствуют захоронения погибших водителей и пассажиров неподалеку от святой могилы Тахира и Зухры.

Здесь же в феврале тысяча девятьсот восемьдесят первого года при загадочных обстоятельствах погиб мой товарищ, работавший заведующим отделом административных органов обкома партии — Раджабов Сергей Эгамбердыевич. Такие странные случаи на этом отрезке дороги не раз после этого регистрировали работники ГАИ. Сюда для выяснения обстоятельств аварий приезжали работники служб Министерства внутренних дел, отдела здравоохранения, партийные и советские работники, приезжал сюда и настоятель Каршинской мечети, и все с удивлением спрашивали друг друга: в чем причина постоянно случающихся автоаварий со смертельным исходом? Но ответа не находили. Моя версия: коль скоро место считается «святым», здесь находится захоронение святого человека. Со временем его настоящее имя стерлось из памяти народной, но люди, любовно относясь к легенде о влюбленных, назвали это место могилой Тахира и Зухры.

Если принять наличие в людях космической энергии за аксиому, то, я думаю, в Каучуне состоялась когда-то захоронение человека, обладающего сильным зарядом энергии, и сейчас эта энергия, пульсируя под толщей кургана, посылает лучи, и они, лучи энергии, охватывают территорию дороги. Водитель, войдя в зону влияния энергии, подвергается ее воздействию.

Но возникает вопрос: почему эта энергия влияет на человека отрицательно, приносит ему зло? Известно, есть люди — носители «белой энергии», энергии добра. И есть люди — носители «черной энергии», энергии зла. Совершая добро или зло, они делают это не по своей воле, а по воле энергии, заключенной в них. Это мои предположения. А факт остается фактом: возле «святого» кургана совершаются автомобильные аварии с тяжелыми последствиями. Об этом в Кашкадарьинской области знают все от мала до велика. Мне кажется, это повод для тщательного изучения происходящих там явлений — к тому же, еще один вопрос требует ответа: отчего же не всякая проезжающая машина терпит аварию?

Оценивая свое маленькое открытие, я сделал для себя вывод, что в природе все имеет свои закономерности. Ведь не может же природа (материя) сама быть слепа и глупа, создав такое чудо, как человек. Высшая Субстанция, как создатель, организованнее человека. Ее формы лежат за пределами нашего восприятия, но очевидно одно: проводником «идей», «дел», «поступков» Субстанции является космическая энергия. И если она сосредоточивается в человеке, то человек этот способен на подвижнические дела. Такие люди остаются в истории либо как просветители, либо как авторы открытий, либо как основоположники целой отрасли наук. Либо — как пророки, которым поклоняется человечество. Но я думаю, что человечеству в своем поиске следует дойти до источника этой энергии, изучить механизм ее воздействия на окружающий мир. И до тех пор, пока человечество это не изучит, оно вправе объяснять все происходящее святостью.

В каждой из трех картин, написанных под впечатлением Золотого храма, мечети Исмаила ал Бухари и монастыря Никодима — «Будда просветленный», «Иисус Христос», «Мухаммед», — я обращаюсь к личности пророка.

Будда просветленный сидит под деревом, где, по преданию, он сидел много лет и набирался мудрости. Сидит в спокойной позе, принимает природные силы. Крона дерева не только позволяет набираться мудрости, но и охраняет от всех невзгод. По левую руку Будды — молодой побег деревца. Кто желает следовать Будде, может сесть под это деревце и принять обет пустытника, но для этого нужно мужество. Человек, который решил посвятить себя бескорыстному служению людям, должен сначала духовно раскрепоститься, ибо, как сказал Будда, «нельзя быть свободным, если у тебя связаны руки».

Иисус Христос — великий мученик, но в то же время он полон веры в то, во имя чего пожертвовал жизнью. В руке у моего Иисуса крест, как знамение. Иисус не блажен, он призывает к активным действиям, но к действиям мудрым.

Пророк Мухаммед в спокойной позе, взгляд его устремлен на тебя; он как бы спрашивает: «Готов ли ты последовать за моим учением?» В руке раскрытый Коран и арабской вязью выведена первая сура «Фатиха», сура, положившая начало священному писанию всех мусульман, которое пришло к Мухаммеду как откровение от Бога.

Все мои пророки, как живые люди, влияют на меня, когда я обращаю на них свой взор. Возможно, в них вселился какой-то дух, какая-то энергия? Возможно, они, как живые, влияют не только на меня, но и на все окружающее?

*не у
все х
созрел
ради
и в
интер*

В тысяча девятьсот восемьдесят третьем году волею судьбы в моей жизни произошли изменения: меня избрали вторым секретарем Самаркандского обкома партии. Я сказал — волею судьбы. Странное обстоятельство: осмысливая свой или чужой жизненный путь, мы не боимся сказать эти слова. Но в то же время, говоря так, мы как бы не верим, что она действительно вмешивается в нашу жизнь. Понятие «судьба» является загадкой для человека, живущего на земле, как и сама его жизнь. И сколько один человек может привести доводов в подтверждение реальности этой категории, столько же с успехом другой приведет доводов в подтверждение ее нереальности. Видимо, это и есть та неуловимая тайна, которая тесно связана с поиском непознанной нами энергии, с поиском смысла и сути возникновения всего живого и неживого в природе.

Тайна судьбы, мне кажется, связана с Банком памяти Вселенной. Но если о судьбе не могу сказать ничего определенного я, то и наука нам не дает определенного понятия. Вот как судьбу трактует «Философская энциклопедия», выпущенная в 1970 году издательством «Советская энциклопедия» в Москве. Там говорится: «Судьба — понятие — мифологема, выражающая идею детерминации, как свободы. От понимания судьбы следует отличать два другие понимания детерминации, оставляющие место свободе: научную, то есть казуальную детерминацию, причинность, идеологическую, то есть смысловую детерминацию. Провидение, предопределение. Судьба она «слепа» и «темна», бессознательна к сознающему субъекту, по самому своему бытию. Судьба не просто скрыта в некоей темноте, но сама есть темнота, не высветленная никаким смыслом; — и притом именно в качестве несвободы».

Вот так трактует судьбу философская наука. Честно говоря, из всего этого я не почерпнул никакого определенного смысла и не пришел ни к какому определенному выводу. Тем не менее, в жизни мы постоянно сталкиваемся с этим понятием.

Я в своей жизни не ставил цели выяснить свое отношение к понятию «судьба», но где-то подсудно существование судьбы допускал. Верить в нее — значит, от незнания ее природы, заходить в тупик понятийности; не верить — значит, что-то отвергать и не учитывать в жизни. Так что в непознанности таится опасность.

Что же касается понятийности, то здесь сокрыто смысловое значение, ибо судьба — это веха, определяющая путь человека. Мне кажется, что смысл сокрыт в той же энергии, в той же предопределенности человека к потаенным силам. Весь вопрос в том; воспользуется ли человек этой предопределенностью, опираясь на силу непознанной энергии. В то же время, я думаю, что судьба определяет не конкретные поступки, а лишь направленность духовного, физического и морального развития. Как, скажем, в меня в подростковом возрасте вселилась энергия, которая наложила отпечаток на весь мой жизненный путь. Внутри этого жизненного пути я мог поступать по своему разумению, но все-таки наличие во мне энергии, способствующей выходу на связь с потусторонним, а затем уже практика, которой я стал обладать, конечно, определяли развитие моей личности и в определенной степени весь смысл моей жизни.

Трижды пришлось столкнуться с такими моментами, когда мне была указана направленность моей судьбы, если так можно отнестись к этому понятию.

Первый раз это было в тысяча девятьсот пятьдесят втором году. Я тогда занимался поденным трудом — ходил по корейским семьям и зарабатывал себе кусок хлеба. В то время о другом думать не приходилось. Корейцы, переселенные еще до войны в Узбекистан с Дальнего Востока, брали у колхозов землю в аренду и засеивали. Народ трудолюбивый, урожай получали они хорошие. Осенью, когда созревал урожай, им требовалась рабочая сила, за эту работу они хорошо платили. Ждать от судьбы манны с неба не приходилось, время было пока еще трудное, жили после войны впроголодь. Я осенью по договору косил рис, обмолачивал зерно вручную. За день удавалось обмолотить килограммов шестьдесят — один мешок. За это я от хозяина получал трехразовое питание в день и натурой полтора-два килограмма чистого риса. Таким образом, за месяц набирался целый мешок, а это было не так уж и мало. Рис относился на базар и сдавался там по цене двадцать пять — тридцать рублей за килограмм, так что оплата за труд была сносной: можно было купить и одежду, и еще какие-то необходимые вещи.

И вот в семью, где я работал, приехал откуда-то издалека кореец. Ему было примерно лет пятьдесят — пятьдесят пять, и, как оказалось, он занимался гаданием. Видимо, он был знаменитый человек, потому что, стоило ему приехать, из окрестных кишлаков сюда стали стягиваться большими группами корейцы, желающие узнать судьбу. Ну, как он там гадал, я не интересовался, потому что времени у меня не было, надо было заниматься конкретной работой. Днем я рушил рис, и в ра-

боте гадальщика не видел. Вечерами же так или иначе приходилось сталкиваться с ним за ужином. Однажды он, посмотрев на меня внимательно, вдруг сказал:

— Слушай, паренек, давай я тебе погадаю.

Я не выразил особого желания, и тогда, видя мое настроение, он сказал более настойчиво:

— Ну давай, давай. — Взял мою левую руку, некоторое время рассматривал ладонь и вдруг воскликнул:

— Знаешь, ты интересной судьбы человек. Ты будешь занимать важное место, но у тебя будут и трудности. Они у тебя будут примерно в двадцать восемь — тридцать лет. Потом у тебя дела пойдут неплохо. В сорок три — сорок пять будут большие трудности. Потом у тебя будут трудности в шестьдесят три — шестьдесят пять лет. Но в принципе ты проживешь бурную и долгую жизнь. — Он назвал мне тот возраст, до которого я доживу. В конце сказал: — Ты будешь писать книги.

В то время я, честно говоря, не придавал сказанному ровно никакого значения. Особенно меня удивили слова о том, что я буду писать книги, потому что предположение к сочинительству не было. Единственно, что было, — большая тяга к чтению книг. Я страшно много и без всякого разбора тогда читал, но читать и сочинять — это занятия, далеко друг от друга отстоящие.

Когда я стал взрослее, я задумался: отчего же гадальщик внимательно и долго смотрел мне в глаза. Глаза — для человека, умеющего их читать, — отражение судьбы, характера. И даже можно определить по глазам, обладает ли человек космической энергией. Но это я понял значительно позже.

Жил я спокойно, о гадании забыл, словно его и не было. Но, видно, так мне только казалось. Подспудно это жило где-то в глубинах моей души, потому что в двадцать восемь лет, именно в двадцать восемь, я о гадании вспомнил. Вспомнил и стал анализировать: все в моей жизни шло нормально и я даже где-то преуспевал. К этому времени я был начальником уголовного розыска одного из районов города Ташкента. И я подумал: «Что же ты, братец, предсказывал мне сложности, трудности! Мне двадцать восемь, а я на руководящем посту и в подчинении у меня почти тридцать оперативных работников — все офицеры. Среди офицеров были люди старше меня по званию. Тем не менее я был назначен начальником. Я успокоился, но это успокоение длилось недолго.

Как ни странно, именно в тридцать лет произошло сильное потрясение, которое надолго выбило меня из активной деятельности. В результате больших физических и нервных перегрузок на работе (а в уголовном розыске, если работать честно, иначе не бывает), к тому же я перенес на ногах грипп, я получил воспаление мозговой оболочки, так называемый менингоэнцефальный синдром. Заболевание оказалось тяжким; оно буквально валило меня с ног и не позволяло работать: я слабел, временами терял сознание. В общем, меня уложили в стационар. Я пролежал там полгода, затем еще восемь месяцев. Но и после лечения я не смог уже работать в уголовном розыске, весь организм был распатан: появилась тахикардия, страшные головные боли. В таком состоянии я пребывал почти два года. Да и после этого в течение трех-пяти лет мне пришлось восстанавливать работоспособность. Следил за режимом питания, отдыха. Естественно, бросил курить. Ранее не злоупотребляя спиртным, теперь избегал даже малых доз. По вечерам не читал, не смотрел телевизор. По совету мудрого лечащего врача Тишина, стал заниматься физическими упражнениями и очень много ходить пешком. Ежедневно я проходил по десяти-пятнадцать километров. В общем, намучился я прилично, пока постепенно не выкарабкался из этой ситуации. Именно в эти годы я, вольно или невольно, часто вспоминал слова корейца, который предрекал мне трудности. После тяжелой болезни я, естественно, не мог вернуться к активной работе в уголовном розыске.

Не стану останавливаться на событиях последующего периода, скажу лишь, что через много лет второе предсказание корейца сбылось — когда мне было сорок три года и я получил черепную травму. Об этом я уже писал раньше. А сейчас только отмечу, что кореец тот был провидцем: и тридцатый год, и сорок третий год моей жизни были трудными и переломными в моей судьбе. Сбылось и предсказание о том, что я буду писать книги. Мог ли я когда-нибудь подумать, что, даже опубликовав сначала повесть, а потом роман, я смогу полностью посвятить себя литературе? Так что же это — судьба? Которую, к тому же, можно предсказать?

С предсказанием судьбы я столкнулся еще не однажды. Я этого не искал, но оно происходило как-то само собой. Это произошло в тысяча девятьсот семьдесят восьмом году, когда я работала в Кашкадарьинском обкоме партии. С работником ЦК Компартии Узбекистана Сабитхоном Курбановым, курировавшим Кашкадарьинскую область, мы выехали в командировку в Дехканабадский район, что на стыке двух областей — Кашкадарь и Сурхандарь. Расположен он в отрогах Гиссарского хребта, то есть в горной системе Памира.

Сделав в течение двух дней все свои дела, мы на обратном пути на ночь остано-

вились в маленькой районной гостинице, разместившейся в полутора-двух километрах от кишлака на берегу речки. Глинобитный дом состоял из трех комнат. От дома к бурной горной речке вели выложенные из булыжника ступеньки. Здесь районное руководство принимало вышестоящее начальство.

Обслуживала гостей пожилая женщина татарка. Она готовила пищу и убирала комнаты. Приехав сюда поздно вечером, мы поужинали, отпустили ее домой, а сами остались на ночлег в этом доме.

Вечер был теплый, тихий — типичный осенний вечер. Почитав газеты, я вышел на улицу. Внизу журчала речка. Небо было волшебное, звездное. Я, зачарованный, смотрел на него и размышлял о мироздании. И вдруг почувствовал — не услышал, а именно почувствовал, что кто-то ко мне сзади подошел и на узбекском языке сказал:

— Сынок, небо разглядываете?

Я обернулся.

Передо мной стоял еще не старый, лет пятидесяти пяти, мужчина. Высокого роста, стройный, на нем был домотканный национальный халат. Такие раньше в этих местах носили суфи-отшельники. Да и головной убор незнакомца — белоснежная чалма, и коротко стриженная посеребренная борода говорили о том, что человек был не из тех, кто состоит на службе в советских или партийных учреждениях. Не походил он и на чабана, хотя район, где я находился, был в основном животноводческий. Его тонкие длинные пальцы не свидетельствовали о трудной физической работе. Но больше всего меня в этом человеке поразила взгляд: он был завораживающе-проницательным и как бы просвечивал меня насквозь, от него я почувствовал дискомфорт.

Незнакомец поздоровался. Я ему вежливо ответил. Мы немного помолчали. Вернее, молчал я, потому что должен был ответить на его вопрос. Но затем, собравшись, я ответил:

— Да, аксакал, вы правы, я смотрю на звезды, на небо, ибо здесь, в горах, оно совершенно иное, и мне хочется спросить у бездны: «Что есть мироздание, кто его творец?»

— То, что вы находите для своего ума такое занятие, — знак неуспокоенности вашей души, знак того, что она подключена к всемирной гармонии. Человек должен понимать: если природа создала его, она не может быть несовершенной. Ваш поиск закономерен. А здесь, в горах, вы ближе к космосу. Памир — это большая антенна, которая позволяет беспрепятственно принимать вселенскую информацию. — Произнеся эти слова, человек в чалме, словно благословляя меня, рукой прикоснулся к моему плечу. От места, где легла его рука, по всему телу прошла волна притока так хорошо узнаваемой мною энергии. Она своим зарядом наполнила все мое тело, все мое сознание, весь мой дух, отчего ум мой стал работать яснее, сердце биться свободнее. После небольшой паузы незнакомец продолжил свою мысль:

— Тайну мироздания человек должен прежде всего искать на Земле, ибо здесь Дух природы проявил себя во всей полноте и многообразии. Вы один из тех, кому доступно проникнуть в таинство природы. Душа человеческая — это составная часть Духа природы. Познание своей души это и есть познание духа природы, нареченного людьми — Бог. Все, что есть в Природе, — есть на Земле, тайну жизни следует искать здесь. Но этому нужно посвятить себя всего. И вы уже идете к этому. Вам нужно жить ближе к горам Памира, Гималаев. Здесь дух космоса открыт для тех, кто готов воспринимать его. Через два года вам суждено здесь, в горах Памира, встать на новую ступень познания Духа природы. Затем придет время, и вы уединитесь для осмысления, но и это будет не последняя ступень, если вы не будете глухи к стремлению своей души. В этом случае вы будете мыслить новой структурой. И вам откроется Астрал! Через это прошли многие, но они сказали людям свое слово. Им не поверили, и это так естественно для людей, не внемлющих душе своей, насильственно отрывающих ее от Духа природы, делающих свою плоть бездуховной, а значит — в поступках непредсказуемой. Остерегайтесь бездуховности, сынок, это самый страшный враг человеческого бытия.

С волнением я слушал тихую, спокойную речь своего ночного незнакомца, и мне вдруг показалось, что я его уже давно знаю и он близок мне. «Да это же Ахмад Ясави! Это его лик явился мне тридцать лет тому назад в Туркестане». Молнией пронеслось у меня в голове. «Но этот человек с аккуратной бородкой и мудрым взглядом чем-то похож и на Рериха, явившегося мне перед заходом солнца в Карши десять лет тому назад». И от этой мысли мне стало светло на душе.

А мой собеседник в это время продолжил наш разговор:

— Вот вы говорите: смотрю на небо, смотрю на звезды. Вы не случайно смотрите на небо, вас оно притягивает. Каждая звезда и каждое созвездие имеют свой

смысл и влияют на жизнь человека, потому что звезда не просто светит людям, она выходит на связь с человеком, и происходит связь нашей планеты с мирозданием.

Я, слушая его, пришел в себя и с заинтересованностью спросил:

— Что говорит вон та звезда? — и указал на интересующую меня звезду.

— Это Сатурн. Это не звезда, а планета. Она, как и все планеты, влияет на человеческие судьбы, на тех людей, кто родился под этой звездой. Планета — это часть космоса. Каждая планета либо уже была населена разумными существами, либо еще будет. Иля же на ней аккумуляруется сам Дух природы и оттуда влияет на людей. У каждого человека своя планета, а каждая планета имеет свою особенность. Отсюда и ее особенное влияние на Душу того человека, который к ней подключен особым каналом со дня своего рождения. Мой собеседник сделал паузу, а затем, мягко улыбнувшись, сказал: — Хотите, назову планету, под которой вы родились?

Я охотно согласился, все больше втягиваясь в настрой этого человека.

— Ваша планета Меркурий. Потому что вы появились на свет тридцатого августа в пять часов утра, и эта планета первой послала вам свой импульс; она в этот отрезок времени была, говоря современным языком, дежурной на небосводе. Человек, родившийся при покровительстве планеты Меркурий, от всех людей требует честности, сам приверженец точности, редко поддается страстям. Его действия всегда плод раздумий. Ему присуща любознательность, он проявляет склонность управлять людьми. Отсюда у вас тяга к космологии, к познанию мироздания. Вам многое открывается. Но, как я уже говорил, все будет зависеть от стремления вашей души к согласованности с Духом природы. Я уверен, вам удастся проникнуть в тайны звезд, потому что вы активно проникаете в тайну Души!

На слове «Душа» незнакомец сделал сильный упор, и от этого мне, честно говоря, стало немного страшновато. Я почувствовал, что по телу побежали мурашки, — это признак того, что энергия страха вкрадывалась в душу. А природа этой энергии мне пока неизвестна.

И я решил снять это напряжение и отвести разговор о моей судьбе. Сказал:

— А вы можете по звездам предсказать, какой будет погода в будущем на Земле?

— Пожалуйста, но только для этого не обязательно сверяться со звездами. Человек погоду планеты творит здесь, на Земле. Хотя и звезды могут подсказать погоду на планете тому, кому подвластно чтение по звездам. Вам, я вижу, этого очень хотелось бы. — И незнакомец вновь легко притронулся к моему плечу и тут же продолжил: — Не волнуйтесь, все это еще у вас впереди, повнимательней глядите в Души и Небо.

Я после его слов тут же еще раз посмотрел на небо, на те планеты и звезды, о которых мне только что говорил этот человек, но когда я вновь хотел к нему обратиться, то почувствовал, что его рядом со мной уже нет. Я обернулся и увидел, как удаляется тот, кто только что со мной разговаривал. Мгновение, и его поглотила темнота. А ко мне направлялся мой товарищ Сабитхон Курбонов. Приблизившись, он спросил:

— Евгений, а что это был за человек? О чем вы с ним говорили?

Оказывается, Сабитхон видел, как мы стояли и разговаривали, но как только он вышел из дома, мой незнакомец удалился. Я ответил товарищу, что это был незнакомый мне аксакал. Станный человек, внезапно тут появившийся, и внезапно ушедший. Разумеется, я не мог раскрывать все, о чем говорил незнакомец; о судьбе моей, о том, что я могу войти в контакт со звездами... Но Сабитхон все же видел, как я с ним разговаривал — значит, я должен был о чем-то рассказать. И я сказал, что аксакал учил меня по звездам определять погоду.

— Слушай, действительно интересный человек. Надо бы завтра попросить местное руководство, чтобы разыскали этого человека, и поговорить с ним.

Я согласился с предложением товарища. Мы спустились к речке, походили там, то и дело в разговоре возвращаясь к незнакомцу.

На другой день, когда приехали представители районного руководства, мы с Сабитхоном принялись расспрашивать их о человеке, который вечером был здесь у нас. Я описал, как он выглядит. Первый секретарь райкома партии Султан Чигибаев сказал:

— У нас такого здесь нет. Кроме Марьям, в этом домике никто не бывает. А до кишлака два километра. В такую позднюю пору вряд ли кто сюда доберется. Да и какая кишлачным жителям в этом корысть.

Но я вновь настаивал на своем, что такой человек здесь был и беседовал со мной. Сабитхон тут же подтвердил сказанное мною:

— Да, я собственными глазами видел этого человека, когда он стоял рядом с Евгением. Но вот когда я вышел из двери и направился к нему, он повернулся

и ушел в ту сторону, откуда заехала сейчас ваша машина. То есть он пошел к дороге.

Дорога, на которую указал Сабитхон, была Большим узбекским трактом Карши — Термез. Вскоре в гостиницу приехали председатель кишлачного Совета и директор совхоза. Выслушав еще раз приметы незнакомца, они так же категорически заявили, что среди их селян такой не проживает. Нет такого человека.

В общем, вот такая странная история произошла с аксакалом, который мне предсказывал судьбу. Подобная встреча с предсказателем судьбы произошла в тысяча девятьсот восемьдесят первом году. К этому времени я работал в Шахрисабзе первым секретарем горкома партии. Как-то в летнее время в город проездом из областного центра Карши в Самарканд прибыла комсомольская делегация. Она сопровождала одного из секретарей ЦК комсомола Болгарии. Я сейчас не помню ни фамилии, ни имени этого человека, но мне позвонили из обкома партии и попросили принять делегацию, что я и сделал аккуратно. Пригласил делегацию в городской комитет партии, рассказал об истории города и поручил сотрудникам горкома показать достопримечательности. А в городе есть что посмотреть. Шахрисабз — это родина Тимура — грозного властелина XIV и XV веков. В городе осталось много исторических памятников его эпохи, в частности, знаменитый дворец Ак-сарай, соборная мечеть Кок-Гумбаз, которую в этом городе построил внук Тимура, выдающийся астроном и правитель Самарканда Улугбек. По программе пребывания делегации, утвержденной где-то там наверху, предусматривалась остановка на ночлег в Шахрисабзе. На следующий день делегация от нас уезжала в Самарканд. Вечером, после осмотра достопримечательностей города, я встретился за ужином с секретарем ЦК комсомола Болгарии и сопровождающим его заведующим отделом ЦК ВЛКСМ из Москвы. Хотя болгарин знал русский язык неплохо, но, видимо, не настолько, чтобы выступать с официальными речами, и его сопровождала наша переводчица. Молодая, комсомольского возраста женщина, невысокого роста, смуглая. Как выяснилось, она знала еще несколько иностранных языков, была эрудитом, но не очень разговорчива. Мне запомнились почему-то ее грустные глаза. Во время ужина вдруг речь зашла о ней. Болгарский секретарь сказал:

— Наша Елена очень интересный человек. Она знаток многих языков, знаток душ, она может предсказывать судьбу. Хотите, Елена погадает вам.

Но я тут же отшутился:

— Мне предсказывать судьбу не нужно, я и так ее знаю.

— Я думаю, что и вам, знающему свою судьбу, будет интересно узнать кое что... — вдруг сказала молчаливая Елена.

— Я к этому отношусь с предвзятостью и никакого гадания мне не нужно, — решил я завершить этот разговор шуткой.

И все-таки на следующий день, когда утром я стоял на улице у машины, чтобы попрощаться с гостями, Елена подошла ко мне и сказала:

— Евгений Ефимович, а все-таки я хочу вам погадать.

— Ну что ж, если вы на этом так настаиваете, то пожалуйста.

Елена легким движением руки развернула мою левую ладонь, мельком посмотрела на нее с удивлением.

— Вы интересный человек!

Я, конечно, допуская, что она от работников горкома партии могла узнать, что я опубликовал роман, что занимаюсь живописью, но, тем не менее, эти слова Елена произнесла с искренней открытостью.

— Вы знаете, — продолжила она, — несмотря на то, что вы всю свою жизнь строите на успехах в партийной работе, вы через три-четыре года с партийной карьерой расстанетесь.

— Неужели? — сыронизировал я. — А причина? — настаивал я, потому что ее слова, честно говоря, меня обидели, даже оскорбили. — Ну и что же будет потом?

— Не могу сказать, знаю только, что у вас будет еще одно продвижение по восходящей, а затем вы покинете партийную работу. — Елена несколько помедлила, сосредоточенно подумала и сказала: — После ухода с партийной работы вы уединитесь и станете знаменитым.

Ну, эти слова я всерьез не принял, я просто не мог их принять всерьез, потому что во мне кипела обида. Все мы люди, все мы человеки. Мы эмоциональны, особенно когда задеть честолюбие. Но это не касается тех немногих счастливицков, которые познали истинный смысл жизни и свободны от амбиций. Теперь-то уж, спустя почти десять лет после этого случая, я могу и себя причислить к счастливицам, которых не очень беспокоят условности. А тогда... тогда я буквально кипел от нанесенного мне оскорбления. Кончится карьера! Как бы не так! Я не согласен! — возмущалось мое необузданное самолюбие.

— А что это за место, где я, по-вашему, уединюсь? — Чуть было не сказал: «Что это за место, куда я попаду?»

— Точно не знаю, что это будет за место, но знаю то, что уже сказала, — на сей раз с раздражением отпарировала она.

Пророчица уехала. Я остался. Честно говоря, я был уверен в себе. В тот период я работал что называется на полную катушку. К тому же и опыт партийной работы, я думаю, не позволил бы мне быть одураченным. Относился я ко всему серьезно, людям делал добро. Не мне об этом судить. Об этом и сейчас, по прошествии стольких лет, говорят жители Шахрисабза и Самарканда. Так вот, в силу этих причин я и не предполагал никаких изменений в отрицательную сторону в моей партийной карьере.

Моя уверенность даже укрепилась, когда через полтора или два года мне вдруг предложили перейти работать вторым секретарем Самаркандского обкома партии. Ради правды следует отметить, что я это предложение встретил без радости, потому что с большой любовью относился к Шахрисабзу. У меня были большие планы по реконструкции города. Я здесь вошел в жизнь, чувствовал понимание людей, отчего многое стало получаться. Когда я возразил Рашидову, он мне шутливо сказал: «Ну что ты цепляешься за этот свой Шахрисабз, даже великий Тимур из Шахрисабза переехал в Самарканд, а ты, дескать, не хочешь туда переезжать». Этой шуткой наш разговор и закончился. Рашидов не стал дожидаться моего согласия. Меня вызвали в ЦК КПСС и утвердили на секретариате.

В это время, честно говоря, даже не вспомнил о приговоре гадалки. Но вот приближалось время, когда истек срок моего пребывания на партийной работе, определенный ею. То есть, те самые три или четыре года. А передо мной вдруг открылась перспектива перейти с должности второго секретаря обкома партии на более высокую. И в этот момент я с сарказмом вспомнил гадалку.

Но к тому времени умер Рашидов, и все в республике встало на другие рельсы, вскрылись и были преданы огласке многие негативные явления, которые и в республике, и в стране проистекали. Я о них, разумеется, в той или иной мере имел представление, так же, как об этом имели представление все, кто в тот период работал на руководящих постах. Я не знал об истинных размерах катастрофы, но об этом особый разговор.

Должен был состояться пленум ЦК Компартии Узбекистана, и тут внезапно один за другим были арестованы несколько секретарей ЦК республики. И пленум ЦК, на котором должна была решаться моя судьба, перенесли на несколько месяцев: вместо ноября тысяча девятьсот восемьдесят пятого года пленум состоялся в феврале тысяча девятьсот восемьдесят шестого года. С этого момента началась новая точка отсчета и в моей судьбе. Моя судьба круто изменилась, но на этом я останавливался несколько позже. А сейчас хочу перейти к тому моменту, когда я в январе тысяча девятьсот восемьдесят третьего года переехал на работу в Самарканд. Временно я поселился в гостинице облисполкома, в одной из небольших комнат, где мне было суждено жить до получения квартиры.

Первые месяцы работы на новом месте для меня оказались трудными. Новая область, большая, почти два с половиной миллиона населения. Область и промышленная, и аграрная, много районов, часто приходилось ездить в командировки. Нужно было знакомиться с новой обстановкой, с новыми людьми. Я с головой ушел в дела.

В Самарканде я испытывал большие перегрузки, но в то же время здесь ко мне пришел какой-то новый импульс со стороны космической энергии, стали частыми видения, которые я получал через каналы потусторонней связи. Бурным потоком шла информация, которая будоражила, иногда ошарашивала своей новизной, глобальностью. Видения, полученные ночью или после выхода на вечерний канал связи, я зарисовывал, как только у меня появлялось свободное время (хотя его у меня было все меньше и меньше). Благо, мои рисунки рождались как бы сами собой. Так было с самого начала. Мою руку всегда вела иная сила, это магическое чудодействие продолжается и сейчас.

Я не могу сказать, что мне в этих видениях являлись сплошь какие-то запретные, отвлеченные от жизни сюжеты, которые бы я не воспринимал своей психикой. Нет, напротив, мне чаще являлись проблемы, которые по-серьезному волновали в реальной жизни.

Все годы пока шли бои в Афганистане, мне казалось, что от каждого погибшего там человека мне поступал посмертный импульс, это страшное по напряжению чувство привело меня к тому, что я написал картину «Плач по убиенному». На ярком поле на распахнутом красном плаще бездыханно лежит юноша. Смерть витает над ним, в груди огромный меч, сразивший его на поле брани. Лик мученический, у изголовья тонкий побег, скорбно склонившийся над погибшим солдатом.

Посвятил я этой тревожащей меня теме еще несколько картин. Одна из них — «Оплакивают». Погибшего солдата оплакивают монахини в черном, с распятием

Христа в руках. Трагичность изображенного в картине отражает трагичность нашей жизни.

Вся обстановка в мире волновала меня, как и всякого живущего на земле. Страшно думать о возможности ядерной войны. Особенно часто приходили мне в голову мысли о ядерной войне после чернобыльского взрыва. В воображении родилась картина «Звездный мир. Дума о вечности». Некий взрывоопасный конгломерат венчается символическим звездным человеком, размышляющим над судьбами своей и человечества. Его голова — земной шар со всеми континентами, а вокруг — космос. Человек обеспокоен, как сохранить то, что дано природой, как сделать свою жизнь логической составной частью вселенского бытия; и эта обеспокоенность судьбой планеты, мне кажется, выводит его на дистанцию духовного марафона.

Раздумья о вселенском все чаще и чаще накачиваются на меня, я каким-то внутренним оком пытаюсь заглянуть в свою душу, оторваться от реальности, словно бы вознестись над нею, и тогда открывается большее, чем в приземленном существовании. На одной из моих картин сидит человек с опущенной головой. Над ним, изогнувшись аркой, растет дерево, на дереве множество разных птиц, среди которых над головой, в самом изломе ветви, птица мудрости. Картину я назвал — «Слушающий птиц». Слушающий птиц умеет слушать Вселенную, людей и самого себя, свою душу, ибо ему покровительствует птица мудрости.

Картина «Слушающий птиц» стала для меня своеобразным ключом, при помощи которого я открывал дверь и всем своим существом проникал в суть вселенского бытия, а размышления о вселенском вновь возвращали меня в жизнь реальную. И вполне реальная жизнь привела меня к картине «Прощание с природой».

На фоне космоса своеобразное животное — нечто среднее между верблюдом, ослом и лошастью. На нем — покоритель природы человек, с телефоном на коленях, задние ноги животного — механические рычаги-штативы, на которые надеты колеса; и круп животного состоит из механизмов и блоков, и к ним подключена энергетическая система; в левом верхнем углу солнце; под ногами оседланного человеком животного скудная растительность, маленький зеленый кустик питает его, отчего жизнь в нем все-таки еще теплится. Сотни миллионов лет все на Земле существовало по законам природы. Человек сознательно нарушает эти законы и попадает в экстремальную ситуацию. Природа предьявляет ему счет полной мерой.

Написана мною картина-предупреждение «Горящий волк». Бегущее в ужасе сильное животное, на спине у него полыхает пламя, но спасения ему нет и бежать ему некуда: он обложен стройками, электролиниями, лесоразработками, химией. Таким же предупреждением мыслью я картину «Идут кислотные дожди». Так и хочется крикнуть: «Остановись, человек! Опомнись!»

Конечно, все сказанное о природоопасной деятельности человека напрямую не соотносится с потусторонними силами, что является главным в моем повествовании, но меня стимулирует космическая энергия, которая привела к этим размышлениям задолго до всемирного экологического бума в прессе. Видимо, внутренняя энергетика подсказала мне, что наступил критический момент, за которым уже только пропасть.

И если существует духовная сила, энергетическая сила, еще не познанная человеком, то на Земле посланник этих сил — наша совесть. Она-то и обращает нас к разуму, а разум — к действительности.

Анализируя обстоятельства, происходящие в последнее время в сфере человеческого общения с Духом природы, я пришел к мысли, что человечество стоит на пороге своего нового этапа. Надвигается переворот в нашем мышлении. Мои видения в Гималаях сказали мне, что глобальная война человечеству не грозит, потому что все разумные силы на земле понимают опасность первого взрыва.

С экологией посложнее. Человечество успело столько зла сотворить на этом поприще, что теперь без разработки всеобъемлющего Экологического Кодекса не обойтись. И взять на себя миссию создания этого кодекса, видимо, должна Организация Объединенных Наций, как самый гуманный форум. Неплохо было бы создать Верховный комитет по экологии, который судил бы государства и нации за содеянное не только теоретически, но и практически, который осуществлял бы всемирную экспертизу. Человек должен использовать свои высшие качества — мыслительную деятельность — для познания законов природы.

На самый активный период моих планетарных размышлений — «о месте человека в природе, о его выходе на связь с потусторонним — приходится одно из сильнейших видений на подсознание видений — явление мне Птичечеловеков, которых я затем запечатлел на картине «Напоминают!»

Птичечеловеки явились мне, когда я однажды вечером — в воскресенье, другие вечера у меня, как правило, были заняты на работе — перед заходом солнца, почувствовав у себя достаточную силу энергии, решил подключиться к каналу косми-

ческого видения. После нескольких минут «настройки» пошла проекция. Птичеловеки на близкое расстояние меня не подпускали, вернее — я сам не решался приблизиться, между мною и видением существовало энергетическое препятствие. Сделав одну попытку приблизиться на максимальное расстояние, я почувствовал сильный поток энергии, сдержавший меня от продвижения вперед. Птичеловеки занимались своим делом, а я был зрителем. А может, мне так казалось? Может, они наблюдали за моим поведением и, настроившись на волну моей души, свободно читали мои мысли? Но вот птичеловеки будто бы собрались на совещание. А может, объединились, чтобы исчезнуть. Видение исчезло, но у меня в организме остался сильный заряд энергии, и я даже не понял, как это получилось, что я нарисовал картину. Ведь нужно же было подготовиться, чтобы рисовать. Картину писал почти всю ночь, не замечая времени, энергия держала меня в бодром состоянии долго. Идут на фоне космической дали два птичеловека, под ними раскаленная магма. На переднем плане два саркофага с птичеловеками. Они будто бы и не мертвые, а получили новую проекцию, расплачиваются за все содеянное людьми на земле своим бездыханным состоянием.

И вот, когда на следующий день я взглянул на ночное творение, я подумал: зачем же мы, вопреки логике, пытаемся превратить старание природы, которая синтезировала уникальное существо — человека. Может быть, птичеловеки — второе наше «я»? Может быть, они из Банка Памяти Вселенной и хотят нам что-то сказать?

Вспоминая период жизни в Самарканде, я отчетливо понял, что я тогда жил двойной жизнью. Днем постоянно находился в круговороте событий, которые сваливались на областную комитет партии, на всю область, Самаркандская область — составная часть всего нашего государства, и все, чем дышало, чем болело государство, отражалось на ней. Да и сама жизнь двухмиллионной области выплескивала такие ситуации, в которых приходилось разбираться немедленно. В общем, дел хватало. Каждый день был насыщен до предела. Выходных почти не было. Если мне удавалось в воскресенье приехать домой в четыре часа дня, чтобы хоть на час-полтора уснуть, то я считал себя счастливым, потому что этого заряда мне хватало на всю неделю.

Я сказал о двойном образе жизни. Так вот, вторая жизнь начиналась тогда, когда я погружался в сон. Я ощущал хранителя, но он ко мне не приближался. Я видел его в отдалении, чувствовал его беспокойство. Он со стороны наблюдал за мной и вселял в меня силы бодрости и тревогу одновременно.

Эти видения я не могу полностью отождествлять со сновидениями, потому что это, скорее, было бодрствование духа и сознания.

Каждый раз после таких видений, придя в себя, я старался вспомнить все, что мне являлось, и пытался переложить на ту жизнь, которая строилась вокруг меня. Сейчас я подхожу к самому сложному из всех ощущений, которые мне пришлось испытать за три десятка лет своего вхождения в новое состояние, во всем мире именуемое «полтергейст».

Это произошло в одно из осенних воскресений. Погода стояла нежаркая. Я, как обычно, приехал в четыре часа дня к себе в номер отдохнуть. Проснулся перед закатом солнца и подошел к окну. Отдохнувший организм, покой одиночества — все способствовало выходу на канал космического видения. Я встал спиной к окну, лицом к зеркалу. Небольшое трюмо стояло в правом углу у окна. Я встаю между окном и зеркалом и вижу одновременно два явления: там солнце уходит, а в зеркале оно появляется. И получилось, что в комнате я сотворил себе Вселенную. Завороженно смотрел в зеркало, и вдруг в мою грудь, словно шаровая молния, ударил заряд энергии, пульсирующей волной прокатился по всему организму. Поток энергии был таким сильным, что мне показалось, будто волосы на голове встали дыбом, а жилы наполнились ртутью; от этого все мое тело, все мышцы стали каменными, на лице я почувствовал маску, щеки и веки глаз отекали. Все это делала энергия, я уже привык к ее чудодействию, хотя всякий раз она проявляла себя по-новому. Вот сейчас она заставила меня раскинуть руки, словно я собирался в полет. В этот момент мне открылся канал космической связи. Над головой я увидел звездное небо, оно овальным столбом уходило ввысь. Все было как обычно, если не считать чересчур мощного заряда энергии, полученного внезапно. Раньше я входил в канал в спокойном состоянии, чаще вызывал это состояние лежа в кровати или сидя в кресле. Во всяком случае, выход в канал связи всегда проходил без потрясений для организма. И вдруг — мощный удар космической энергии внезапно обрушился на мой организм. И еще неведомым для меня чувством было чувство полета в открывшееся космическое пространство, который происходил не во сне, как прежде, а наяву.

Я почувствовал, что меня влечет в какую-то новую сферу. Тело готовилось к полету, но мозг, работавший в этот момент напряженно, сковывал мои действия, удерживая от поступка. Пришел импульс, родивший четкое осознание того, что

я должен войти в такое состояние, когда там, куда меня влечет космическая энергия, буду, как ни странно, в двухтысячном году принимать Конец Света. Но, как разумный человек, не лишенный спокойного размышления, я не мог себе позволить осуществить такую страшную для человечества миссию. Весь разум во мне протестовал: мысль о возможности принятия Конец Света была изложена четко. Кем — сказать не могу. Знаю, что мысль в какой-то момент завладела мной и стала главной. Все это было удивительно интересно и страшно по замыслу.

Космическая энергия покинула меня, и я посмотрел на себя в зеркало. То, что я увидел, меня испугало и заставило поразиться. В зеркале все мое отображение было напряжено, волосы действительно стояли дыбом, глаза горели, были далеки от того спокойного взгляда, который я привык видеть в зеркале. Это, казалось, были не глаза человека, а проекция прожекторов, обладающих мыслью. Взгляд был полон магнетической силы. Весь вид говорил о том, что мне пришлось испытать сильное физическое напряжение.

Я опустил руки, и напряжение стало спадать. В следующую минуту я почувствовал, что постепенно над моей головой стал возникать потолок комнаты; я повернулся к окну. Вокруг была непроглядная тьма. Я снова обернулся к зеркалу — и там было темно.

Все мое тело становится мокрым. Меня прошиб необычной силы пот. Он градом скатывался по лицу, по всему телу под рубашкой. Я чувствовал, как ручки сбегают к ногам. В этот момент мне показалось, будто меня окунули в купель и вытащили из нее. И поставили здесь стоять.

Я отошел от окна, опустился на кровать. Что же произошло? Я отчетливо помнил, что меня звала космическая энергия, мне открывались какие-то новые обстоятельства и все истекшие мгновения были сосредоточены на этом. Я должен был следовать зову космической силы, но отказался следовать. Я готовился к взлету, тело мое было напряжено. Я даже помню момент, когда встал на цыпочки. В это время все во мне гудело и я ждал команды, чтобы оторваться от земли, от реальности. Но я этого не сделал, сознание нормального земного человека оставило меня.

Я сознательно отказался следовать туда, куда меня звали обстоятельства. Мне предлагалось принять Конец Света. Если определять это нормальными человеческими категориями, то это абсурд! Я это прекрасно понимал в трезвой, спокойной обстановке. Но тем не менее не рассказать этого не могу. Может быть, я отказался уйти в неизведанное оттого, что подсознание выдало опасение: если пойду, может быть, действительно придет Конец Света. Я испытал испуг, но в то же время и ответственность. А может, это был отказ-знамение и нам предстоит еще долго жить — жить в новом состоянии. Да будет это так!

Я лег на кровать, и меня как бы покинули все силы. И лишь после этого я ощутил всем своим обмякшим телом, что воздух в комнате был плотный, многослойный, по нему можно было ступать и восходить вверх. И еще одно обстоятельство меня удивило: в помещении стояла могильная тьма. И в это время в распахнутое настежь окно ворвалась стая летучих мышей. Они носились по комнате, делая виражи, и временами пикировали на меня, кружились и вылетали из комнаты, чтобы опять возвратиться. А я лежал недвижно, потому что силы покинули меня. Я был беспомощен и не мог выгнать опустылевших тварей (вакханалия продолжалась почти час), я мог только размышлять.

И вот из глубин памяти пришла мысль: такая же стая летучих мышей кружилась надо мной в спальнице святого Ахмеда Ясави. Я подумал, что во всем существует какая-то связь, и это озадачило меня своим непознанным смыслом.

Может быть, летучие мыши снимали энергию, которая теперь стала ненужной? Или вселяли новую энергию, необходимую в будущем? Видимо, появление мышей не было случайностью.

Но вот я потихоньку, кажется, стал приходить в себя. Собрался с духом, с мыслями, встал и вышел на кухню, налил себе из термоса чашку горячего чая, насыпал в него много сахара. Потихоньку стал обретать силы.

Над событием этого вечера я размышлял не однажды. Я заметил, что стал бояться, не может ли неведомая сила наказать меня за отказ. В предложении ведь был какой-то смысл! Но какой? Это осталось загадкой. Может быть, когда-нибудь мне предстоит испытать это состояние или кто-то другой разгадает тайну этого зова.

После своего отказа войти в новое состояние меня всерьез стала беспокоить еще одна мысль: а не прекратится ли прилив космической энергии и допуск к потустороннему и непознанному? Это меня, честно говоря, сильно волновало. Потому что энергия, которая все эти годы питала меня, она фактически вселяла в меня невиданную силу и побуждала к ставшим для меня необходимыми поискам непознанного.

Человек — уникальное явление природы, к этой мысли я не раз уже обращался. И делал это намеренно, потому что мне кажется, что сама природа проводит эксперимент — как может раскрепоститься мыслящее существо-человек, в какой степени он может свободно развиваться и самостоятельно существовать, не вызывая катаклизмов, не приводя себя к гибели. Не исключено, что Природа эксперимент проводит не впервые, потому что она вечна во времени и бесконечна в пространстве. Мысль о том, что в природе что-то главенствует, руководит процессом мироздания, я думаю, имеет под собой почву. Бог ли это, Верховный Дух, Высшая сила, Мыслящая энергия, Мировой разум, Вселенская Субстанция или закодированное состояние? Важно сказать, что такая организующая сила существует. Мысль привела человека к теории относительности, к квантовой теории, к теории струн, и теперь человек вправе задуматься над тем, что же такое Природа в глобальном смысле.

С моей точки зрения, именно Природа и есть высший Дух — Вселенская Субстанция, — который контролирует процессы, происходящие в материальном мире. Может быть, вот в эту структуру высшего Духа, высшей сферы Природы как раз и вписывается Банк памяти Вселенной, который содержит объем необходимой информации, объем логических структур, по которым развивается Мироздание. Но человек пока еще закрытое природное звено, он не имеет свободного подключения к Банку памяти Вселенной и беспрепятственного получения имеющейся там информации. Но мне кажется, что он уже достиг отправной точки, откуда возможен путь в Вечность. Человечество повзрослеет и твердо вступит на путь логики разума. В этом добрую службу сослужит Банк памяти Вселенной, который допустит человека к своим закодированным каналам — через символику, через игру с духами.

Эта символика, запускаемая в наш живой сообщаемый мир Банком памяти Вселенной, иногда проецируется на людей и втягивает их в игру с духами, то есть с непознанными адептами Природы, подключает их к энергетическим каналам, по которым идет Вселенская информация. Люди, прошедшие «школу» ясновидения, созревшие для нормального восприятия открывшихся им тайнств Природы, свободно владеют теми каналами, к которым подключены. Сеанс одновременного паса по центральному телевидению миллионам зрителей происходит не потому, что «ясный» человек, как я его назвал, может одновременно спроецировать на всех свою особенную энергию — это невозможно. Секрет состоит в том, что в этот момент «ясный» человек для всех, кто его смотрит, открывает на мгновение доступный ему космический канал, и те, кто становится участником коллективной игры, могут подключиться к открываемому им каналу космической связи. Но это подключение зависит от особенностей организма человека и от натренированности Духа, то есть от собственной энергетики, да еще от веры и желания подключиться к космическому каналу связи. «Ясный» человек считает, что он действительно всем, кто смотрит его по телевидению, передает свою энергию на расстоянии. На самом же деле это за него делает Дух Природы, непознанный нами природный механизм. А «ясный» лишь обладатель ключа к открытию этого механизма. Но вольное обращение с законами космоса «ясному» дается не вдруг. Он в течение многих лет, может — десятилетий, проходит своеобразные испытания Духом Природы, подключаясь к космическому каналу постепенно. Иногда подключение человека к космическому энергетическому каналу и к информационному каналу Банка памяти Вселенной происходит в виде неожиданных знамений. Так, совершенно неожиданно я стал обладателем тамги, талисмана, печати, принадлежавшей шейху Богоуддину, основателю ордена Накшбандиев. Этот орден действует и в наши дни. Сам же шейх Богоуддин умер в 1389 году и захоронен под Бухарой, его священная тамга в начале семидесятых годов попала ко мне. Ее принес мне юноша из горного кишлака Яккабагского района. Принес от имени своего деда — восьмидесятилетнего Муслима-бобо.

Взяв печать шейха Богоуддина в руки, я ощутил сильный приток знакомой энергии. Тамга была размером со спичечный коробок. На ее отполированной поверхности выгравированы знаки — которые позволяют расшифровывать жизненный путь человека и даже целого государства — когда в этом возникает необходимость. Я, правда, не прибежал к расшифровке этих закодированных чисел. Так вот, этот юноша, вручая мне тамгу шейха Богоуддина, словно передал слова, сказанные дедом: «Эта святая тамга шейха Богоуддина — ключ к двери, которую должен найти Березиков». Эти слова меня крайне удивили. Однажды, уже через пятнадцать лет после этого случая — я тогда работал в Шахрисабзе, — я получил письмо от почтенного старца Мавляна-бобо. Ему в то время было девяносто два года. Он писал, что очень хотел бы со мною встретиться, но немошен, прийти в горком партии не может, поэтому просит, если у меня будет возможность, зайти к нему домой.

Получив письмо, я поехал к почтенному старцу Мавляну-бобо и нисколько не пожалел об этом. Это был очень интересный человек. Встреча наша произошла в тысяча девятьсот восемьдесят первом году. Еще в период правления эмира Мавлян-бобо закончил медресе в Бухаре, потом обучался в высшем духовном учебном заведении в Аравии и вернулся к себе на родину.

Собеседником он был культурнейшим, увлекался литературой, обладал прекрасной библиотекой. У аксакала оказалось два экземпляра старопечатной книги «Походы Александра Македонского по Средней Азии», он подарил ее мне. Уже перед самым уходом я не выдержал и показал старцу печатку-тамгу шейха Богоуддина, спросив:

— Отец, посмотрите, пожалуйста, что это за вещь?

Взяв в руки печатку и рассмотрев ее внимательно, Мавлян-бобо с удивлением сказал:

— Как она к вам попала? Это же печатка шейха Богоуддина. — Немного помолчав, продолжил: — Да что я спрашиваю, как она к вам попала. Значит, Богом было определено, чтобы она к вам попала. Это святая тамга, она несет заряд энергии шейха Богоуддина. — После этих слов Мавлян-бобо с благоговением приложил тамгу к губам, затем ко лбу и вернул мне ее. — Это ваше знамение.

Оценивая то, как ко мне попала тамга шейха Богоуддина, я думаю, что это одно из звеньев цепи моего общения с шаманкой Ойей, Ахмадом Ясави, Буддой, с останками ал Бухари, святым Никодимом в Тисмане. Может быть, тамга Шейха Богоуддина случайность, но скорее всего — закономерность.

Я думаю, многие открытия на земле являются следствием связей открывателей с мирозданием, с космической энергией, призванной служить человечеству.

Информационный энергетический канал диктует свои правила. После многолетнего опыта я пришел к выводу, что желание поделиться своими видениями и мыслями с кем-нибудь из близких (даже из близких!) всегда оказывается наказуемым. Я это четко для себя зафиксировал: стоит поведать тайну, как тут же я ввергался в ущербное состояние. Не случайно, видимо, узбекская народная пословица гласит: «Если хочешь поведать тайну, то поведай ее воде». Вода унесет твою тайну в небытие, ибо она — сама природа. Не исключено, что одна структура тебя посвящает, другая этому противодействует. Сталкиваются две энергии: белая и черная. Черная энергия заключена не в человеке, а в адептах, которые мы условно называем: черт, дьявол! Я отказался войти в непознанное, когда слышал вечерний воскресный зов — таким образом ослушался и ждал расплаты.

В первые несколько дней после отказа войти в новое состояние, я чувствовал себя не лучшим образом. Пришлось даже обратиться к врачам. Давление было то повышенное, то пониженное. Мне назначили курс успокаивающей терапии, и это меня поддержало. Примерно через неделю мне вновь открылся, еще более мощный, канал видения. Первой картинкой, которую я увидел, был бой быков. Странный бой, когда сошлись два быка — красный и черный. Красный в последнюю минуту схватки как бы ушел в землю копытами. Но устоял! Это видение обрадовало меня, ибо понял я, что не утратил способности принимать видения.

И вот однажды перед моим лицом возник какой-то облик, облик-дух. Сначала это было только лицо, потом я увидел фигуру — объемную, но бестелесную. Это была структура космоса, звездного неба. И вот бестелесный человек как-то странно ко мне приблизился — не вертикально, а горизонтально, лицом к лицу, телом к телу — и как будто завис надо мною. Он вдруг весь засветился. Свечение было голубовато-холодным и исходило от всех частей тела. Глаза у космического адепта были огненно-красные. Наши взгляды встретились, и мне показалось, что он прожег меня своим взглядом насквозь. От этого чувства я вздрогнул. Именно в этот момент адепт стал от меня удаляться, и я почувствовал, что адепт, уходя, уносит с собой что-то мое. Он постепенно из горизонтального состояния перешел в вертикальное и, словно ракета, унесся в открытый космос.

Я закрыл глаза и тут же снова воспроизвел все, что видел, — и звездную плоть, и холодно-синее свечение. Я вновь осознал, что произошло что-то неординарное. Я это явление назвал первоуходом. И вновь стал переживать. Мысленно соединяя события первоотказа и первоухода в единую цепь, я подумал: то, что должно было уйти тогда в космос вместе со мной, теперь ушло без меня. Может быть, это как раз и есть мой сформированный дух?

Я воспроизводил в памяти то состояние и ощущал тоску: мне казалось, что я стал бездуховным. Но скоро убедился, что мне не стоило переживать, так как я после ухода духа получал информацию более разнообразную. Я просто понял, что перешел в новое состояние. Если раньше я видел сны закодированные и мне приходилось разгадывать символы, то на этом этапе они проецировались все, что потом происходило в жизни, наяву. Я их называл «белыми» снами.

Под утро четвертого октября тысяча девятьсот восемьдесят третьего года спро-

ещировалось такое видение. Я оказался на одной из улиц Ташкента у небольшого двухэтажного здания, огороженного бетонным забором. Вдоль забора к зданию движется непрерывный людской поток. Люди подходят к зданию и поднимаются на высокие ступени парадного крыльца и скрываются в помещении. Я влился в поток. То, что я увидел в помещении, меня поразило. Посредине огромного зала стоит гроб с телом первого секретаря ЦК партии республики Рашидова. В моем сознании фиксировалась мысль: неделю назад Рашидов был у нас в Самарканде. Что же могло случиться, что вот сейчас он лежит в гробу, и я вместе со всеми выражаю скорбь?

Когда я вместе с другими вышел из помещения, отошел в сторону, я взглянул на здание: оно было обшарпанным и вроде бы даже аварийным. Боже, как же могли установить гроб с телом Рашидова в таком неустроенном здании?

Я проснулся. Подумал: «Господи, что за чушь приснилась мне?» В это утро раньше обычного ушел на работу. Перед уходом сказал супруге:

— Нея, ты знаешь, я сегодня видел сон: умер Рашидов. Не могу не сказать тебе об этом.

В кабинет пришел в половине девятого. Ну, естественно, первое, что сделал, стал названивать в районы, чтобы узнать, как прошла ночь. Это было обычным делом для секретаря обкома партии. Телефонистка сообщила мне, что, кажется, умер Рашидов.

— Никому в области ни слова, понятно? — сказал я. — Когда точно узнаешь, сообщишь мне.

Положив трубку, я, честно говоря, долго не мог прийти в себя. Я отчетливо вспомнил то, что три-четыре часа тому назад проецировалось мне видением. И, несмотря на то, что я привык к предвидениям, сообщение о смерти Рашидова произвело на меня невероятное впечатление. И я тут же позвонил телефонистке:

— Не подключай районы.

Я почувствовал, мне нужно время, чтобы прийти в себя.

Но вот через несколько минут из Ташкента позвонил один из ответработников ЦК: «Рашидов скончался в пять часов утра от инфаркта».

Так что белые сны стали мне выдавать абсолютно точную информацию. Честно говоря, эта информация меня не всегда радовала, но, тем не менее, я привык к ней и понял, что этого мне уже не избежать.

ЭТЮД ТРИНАДЦАТЫЙ. ПОД БЕЛЫМ САВАНОМ С ЦВЕТКОМ НА ГОЛОВЕ.

Белый саван. Не правда ли, странная символика? Белым саваном обычно покрывают человека, ушедшего из жизни в мир иной. А я в ту ночь в обычные часы приема информации, то есть в пять часов утра, увидел странную картину. Сначала пошла проекция резвящихся, жизнерадостных юношей и девушек. Они танцевали и пели под музыку, увлекая друг друга разговорами, все разделились на пары. Всё веселящееся общество как-то взаимодействовало между собой и вело себя, словно находилось в едином сладострастном процессе. И вдруг на фоне этой веселящейся массы людей я увидел единственную без пары женскую фигуру. Она возникла среди них как холодное извятие и была покрыта белым саваном. Обращали на себя внимание ее глаза. Взгляд холодный, ужасающий, насквозь пронизывающий. Можно даже сказать — уничтожающий. И еще одно странное обстоятельство: на голове у особы в Белом саване был цветок. Как он там держался, трудно сказать, не было ни крепления, ни какой-нибудь подставки. Но цветок ровно, вертикально держался на единственной крепкой ножке. Цветок состоял из большого многоцветного шара, вобравшего в себя многоцветье радуги. Эта фигура возникла среди всеобщего гвалта веселящихся людей внезапно, и ее белое одеяние, которое можно было принять за свадебный наряд, при пристальном рассмотрении оказалось Белым саваном! При пристальном же рассмотрении начинаешь понимать, что на тебя устремлен взгляд судьбоносицы.

Никто из веселящихся будто бы и не замечал появления этой фигуры, не испытывал на себе ее ледящего взгляда. Мне вдруг захотелось каким-то образом обратить внимание этих беззаботных людей на появление дамы в Белом саване с цветком на голове, я почувствовал что-то недоброе, хотел закричать, но сделать этого не смог, потому что окаменел от страха. Я со всей очевидностью почувствовал, что она составляет их чувства, владеет, управляет ими на этом этапе их жизни. Она чаровница, и от ее обольстительных чар может спастись лишь тот, кто способен управлять своими чувствами, кто знает истинную силу этих чувств, кто в любви видит не только мимолетное наслаждение, но и знает, что это великий символ продолжения рода человеческого!

Но где же в людской сутолоке, в массовом порыве чувств, в сладострастии об-

предельно
состоятельные
идеи, а не
идеи, а не
идеи, а не
идеи, а не

рести трезвое понимание величия чувств, которыми наделила нас природа с самого дня рождения?

Дама-рок в Белом саване ходила среди пар, и они не замечали ее, отдаваясь мимолетному влечению. Одни терялись в толпе и вновь появлялись, подбирая себе новую пару. И так продолжалось долго — пока дама в Белом саване не поднялась над толпой и не встала, как изваяние, на высококом холме. Она распростерла руки, будто бы поощряя все, что происходило внизу.

Дама в Белом саване росла на глазах, и люди уже не могли не видеть ее, смотрели на нее, но оргию остановить были не в силах. Они агонизировали. Мне страшно стало за них, и я закричал: «Люди, остановитесь!»

Закричал громко, но понял, что не услышали они моего крика-предупреждения. А дама в Белом саване по-прежнему торжествовала над безумством людей. Я вновь закричал истерично, отчего тут же очнулся и почувствовал себя лежащим на своей кровати. Понял, что это был сон, но, увь, вместе с осмыслением этого не исчезло видение. На расстоянии трех-четырёх метров в углу стояла дама в Белом саване с цветком на голове. Она медленно приближалась ко мне. Я в ужасе вскочил и сел на кровать в надежде, что видение исчезнет. Но оно не исчезало. Дама в Белом саване все ближе и ближе подходила ко мне, и я вновь, сколько было силы, закричал: «Очнитесь, люди! Очнитесь!»

Видение исчезло. Но я оказался в таком состоянии, в каком был, когда не последовал зову в космос. Неведомая сила слепо взвалила на меня огромный груз. Я тут же лег в постель и стал лихорадочно осмысливать то, что произошло со мною. Со страхом вглядывался в темный угол, где только что стояла дама в Белом саване с цветком на голове. Ее образ не давал мне покоя. Время от времени являлся он мне, и это приводило меня в ужас, оттого что вспоминалось сразу людское беснование. А еще оттого, что не мог найти истинного объяснения этому символу — дама в Белом саване с цветком на голове. Одно понял — что символ неотвратим и безжалостен. Он — трагическое предзнаменование. Человек перешагнул грань естества, злоупотребляя природными чувствами, которые заложены в каждом из нас как естество Природы. И я вдруг понял: это было нечто большее, чем видение. Это было отношение Природы к нам. Мысль привела меня в растерянное состояние духа. Разумеется, я тогда не слыхивал о таком понятии, как СПИД. Оно пришло в наше сознание лишь через два года. Но когда я услышал о СПИДе, я вспомнил даму в Белом саване с цветком на голове. Так вот он в чем, смысл видения! И мне стало еще страшней, чем тогда, когда оно явилось мне в предрассветное декабрьское утро.

Потрясение сознания, смятение чувств произошло во мне оттого, что я понял: эта дама не оставит и тени надежды, если человек сам не определит свое место в Мироздании, не осознает себя частью Природы, символом разума.

Мироздание — загадка, но человек непременно придет к рубежу, когда узнает все о Вселенной, узнает все и о Себе. Вот уж поистине природа поставила перед человеком преграду! И природа эта лежит за пределами физического, она — в области духа, мысли.

Весь мир, все человечество, ученые ищут защиту от СПИДа. Ее следует искать, потому что есть больные. Но не проще ли найти это лекарство человеку в самом себе?

Английские ученые предсказали: если СПИД с такой же интенсивностью будет распространяться среди народов большинства стран, то через двадцать лет половина человечества погибнет от этой страшной болезни, она — рок для безумного человечества.

Природа поставила стену перед человечеством, но стена может быть преодолена, если высшее существо Природы — Человек — будет видеть причины всех бед в самом себе, если он соединит физическое существование со своим Духом, со своей истинной Субстанцией. Разлад между физическим существованием и духом не позволит человеку поступать в соответствии с истинным природным назначением носителя Духа.

Природа дала человеку много: каждый человек, по сути, микромир, законченный Космос. Удивительно, что человек преуспевает в познании окружающего мира и так мало знает о себе! Ну, например, знает ли он, что именно зрение не только позволяет воспринимать окружающий мир, но и помогает видеть потустороннее при помощи снов. Николай Константинович Рерих говорил: «Сон — это малая смерть!» Но малая смерть — чего? Вопрос задаю я, и я на него отвечаю. «Это малая смерть нашей физической Субстанции. Но ни в коем случае не Духовной. Вот здесь, видимо, и нужно глубоко исследовать эту способность организма умирать малой смертью, иными словами — видеть сны, проецирующие нашу жизнь. Глаз концентрирует информацию и проецирует ее. Но где видеопленка, где она заряжается, перематывается? Где выдается та или иная информация? Все это вели-

чайшие загадки. Именно через них мы выйдем на такое познание, которое позволит преодолеть кажущуюся сейчас непреодолимой стену. И, может быть, то, что мы собираемся преодолевать с таким трудом, лежит гораздо ближе к нам, ибо каждый человек в состоянии регулировать свои поступки. Здесь сослужит верную службу и сознание, и подзнание, и чувство собственного достоинства, и чувство сохранения вида. Природа, видимо, принципиальна. Она не позволит закодировать такой вид, который окажется несовершенным, авантюрным. Это люди могут допустить лицемерие, обман в своих отношениях. А Природа, она такова, как есть. Она живет по логике, по законам Мироздания. Следовательно, то, что пришло с человеком дурного, с человеком должно и уйти. Природа тут ни при чем. Мы смело внедрялись в нее, делали открытия, обжигались, ошибались, были наказаны. Сейчас стоим перед глухой стеной, о которую можно разбить себе голову и погибнуть или остаться живым, духовно преодолев непреодолимую стену. Об этом нам напоминает дама в Белом саване с цветком на голове. Цветок зовет к жизни, дама прочит смерть.

Природа, создав человека, конечно же, побеспокоилась о его духовной стерильности. Не могла она создать человека без учета своей безопасности. Человек — аналог живой Природы. Он — ее живой добрый компьютер. Но заложено в нем и противное — то, что делает его элементом Антиприроды. Путь — либо совершенно, либо стена, перед которой стоим.

Человек не научился управлять своими чувствами, не научился их кодировать, и я думаю, что существует выход — экранирование мысли. Человек должен иметь возможность в любой момент сэкранировать свою мысль на аппарат, чтобы прочитать, соразмерить и тут же вычислить, какая эмоция в нем срабатывает, чем можно блокировать и что противопоставить самому себе, не навредив организму, но дав пучок эмоций и страстей, которые компенсировали бы зародившееся чувство или влечение. Экранирование мысли сулит человеку еще и неизведанные возможности организма, заложенные в него Природой, способность анализировать, синтезировать, выдавать на экран мысли, проецировать сновидения, которые сейчас мимолетно улавливает. Экранирование позволит встретиться с параллельными силами, существующими в ином измерении. Сейчас мы выходим на них лишь при помощи контактов, о которых я уже пытался рассказать. Но это сложный путь. И в то же время это примитивный путь познания непознанного. Коль скоро способность к таким контактам проявляется, и проявится не в одном человеке, а в сотнях, тысячах людей, значит настал этап обобщений и выхода на эффективный путь познания стихийных проявлений. Мы не имеем права расточать накопленные знания, бессмысленно отмахиваться от них, называя «чертовщиной», «бредом». Случайностей в таком уникальном явлении Природы, как Человек, быть не может.

Что касается СПИДа, хочется верить, что человек наделен разумом, чтобы сохранить свою жизнь. И дай-то бог, чтобы не сбылись предсказания английских футурологов. Этого не должно случиться! На то мы и люди, частица Природы, а Природа всегда борется за самосохранение. Этому, я надеюсь, научит она и нас, разумные существа.

Бесконтрольно на протяжении многих десятилетий человек активно загрязнял воздушный океан, выбрасывая в атмосферу миллиарды тонн вредных соединений. И вот теперь, как бумеранг, как экологический СПИД, над нашей планетой зияет Озонная дыра — бездонный космос, который безучастно и леденяще взирает на землю, угрожая им всеобщей гибелью.

Это ли не есть предвестник того самого ада, который предрекали нам церковные отцы?

Человечество трезвеет. И я думаю, сатанинское отродье преждевременно торжествует над слабостью человека, напрасно старается освоить нашу Землю и превратить ее в сатанинскую колонию — ад. Когда мне явилась дама в Белом саване с цветком на голове, когда я во всей полноте осознал страшное явление СПИД, когда я вместе со всеми разумными людьми через Озонную дыру заглянул в черный бездонный, холодный, пугающий Космос, которая явилась нам как расплата за содеянное по отношению к окружающей нас Природе, я почувствовал себя незащищенным, беспомощным, и именно тогда в мою душу вселилась постоянная тревога. Ведь мы, желая ощущать нашу Землю раем, сами во всем многообразии поступков греховны, постоянно совершаем что-то, противное Природе. Грешник не может жить в раю. Так не потому ли мы творим себе ад на Земле, которую создала Природа как торжество высшего разума?

Под впечатлением этих раздумий пришло ко мне видение — посвящение человека в дьяволы.

Происходило это там, где явилась мне дама в Белом саване с цветком на голове. На холм взошел дьявол, вернее — не взошел, а воспарил над ним; справа от

Кажется
ад

него стоял чертенок, на которого он опирался, а слева — человек коленопреклоненный. Он смотрел на чертенка и, указывая на дьявола, спрашивал: «Кто это дух? Что он сулит мне?» Зеленый чертенок отвечал: «Это твой покровитель! Это дух, под влиянием которого ты будешь главенствовать над Природой! Это то, к чему ты стремился!»

Четырехрогий дьявол смотрел в мою сторону, высунув красный язык от удовольствия, что удалось ему заманить человека и дурачить его, сына Земли. Человек доподлинно хотел знать, куда ведет его чертенок: «Что это за сила такая?» «Это та сила, которую ты многие века звал на помощь, когда творил черные дела, убивал людей, пил зелье хмельное, устраивал оргии. Покровителем твоим во всех делах был наш сатана — князь тьмы, князь ночи». Человек содрогнулся, а дьявол блаженствовал.

Я видел, как человек пытался вернуть свое благоразумие, как сопротивлялся дьявольским чарам. Но вот он склонился все ниже, и дьявол тяжелой рукой на него опирался. Мне вновь захотелось крикнуть, чтоб опомнился человек, выпрямился. Ибо только тогда он почувствует силу, которую вдохнула в него Природа. Кто-то словно сжимал мое горло, но я все-таки крикнул: «Скинь, человек, чары дьявольские!» И тут же я пришел в сознание и увидел, как человек сбрасывал с плеча сатанинскую руку.

Вдали показался мой ангел-хранитель. Вглядываясь в него, я понял, что душа моя пережила дьявольские видения, я стал сильнее, мудрее. Хочу, чтобы каждый человек ощутил нашу земную жизнь как искомую райскую жизнь, ибо иной человеку не дано, — и тогда не поднимется ни у кого рука совершить злодеяние, не овладеет нами сила сатанинская.

ЭТЮД ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ. ВОЗВРАЩЕНИЕ.

На протяжении многих веков человечество изучает планету, на которой живет. Познало оно уже многое, но одно является тайной — это сам человек. Человечество находится лишь в преддверии сложной и сокровенной науки. Именно в ней лежит разгадка тайны Мироздания. Человек является тем самым ключом, который открывает дверь следующей ступени многомерности окружающего мира.

Может быть, первыми к этому подойдут японцы, но не потому, что в учебниках, предназначенных для общеобразовательных школ в этой стране, записано: японцы неземного происхождения, — а скорее всего потому, что их наука поднялась на такую ступень, когда открытия концентрируют мыслительные и физические свойства природы. Путь вхождения в потусторонний, непознанный мир лежит через экранизацию мыслительной деятельности человека, через прочтение тайн, лежащих в подсознании, ибо подсознание — это та кладовая, где происходит накопление всего, что было познано человеком за многомиллионную историю существования. Мы, к сожалению, не знаем даже принципа, по которому работает подсознание. Человек есть тело физическое, биологическое, энергетическое, и в то же время носитель духовного состояния, рецептор непознанной потусторонней энергии, аккумулятор и генератор биоэнергии, преобразующейся в мыслительную деятельность. Он является составной частью всего видимого и невидимого, познанного и непознанного, замкнутого в единый жизненный цикл Мироздания.

Кстати, открытие может сделать любой человек — и американец, и англичанин, и француз, и русский — тот, кто дальше всего продвинется в познании, ибо мы все — творение одной Природы. Шансы у всех одинаковы, но почему я говорю о японцах? Они собираются обеспечить свою страну экологически чистой энергией за счет выведения на околоземную орбиту такой установки, которая преобразовывала бы солнечную или иную космическую энергию в электрическую и передавала бы ее приемникам, установленным на территории страны.

Это пока поиск, но поиск благодатный, ибо экологически чистое производство энергии, так необходимое человеческой цивилизации, не связано, к тому же, с затратами земных ресурсов. Правда, тут следует твердо знать, не принесет ли преобразованная энергия вреда околоземному космическому пространству — такого вреда, который приведет на грань катастрофы. Ученые, думаю, проявят осторожность и все взвесят неоднократно, прежде чем приступить к эксперименту.

После ухода в неизвестность адепта, которому я посвятил целую главу, меня волновал вопрос, не утратил ли я способность контактирования с потусторонним, космическим миром. Ведь тогда бы прервался мой многолетний эксперимент по вхождению в непознанное. На путях познания мы часто упираемся в стенку и понимаем: это нами не познано, это за пределами и дальше пути нет. Наступает состояние, когда мы чувствуем свою неполноценность, оттого что, являясь уникаль-

ным созданием Природы, бессильны перед системой познания того, к чему уже готовы, а именно — к восприятию и познанию космического. Я думаю, что уход моего адепта характеризует новую стадию развития Духа. И в этом я вижу большой смысл. Уход был как бы проторением новой тропинки для моих дальнейших связей с космическим миром, курьером к непознанным многомерностям. Уход в материальном мире предполагает возвращение, а возвращение — это подтверждение цикличности материального мира.

Возвращение адепта, но в иной ипостаси, состоялось в тот момент, когда в жизни нашего общества, государства и в целом планеты был очень трудный период, когда напряженность в мировых отношениях между странами достигла критического накала, когда противостояние двух систем стало опасным и столкновение казалось неотвратимым, словно злой рок правил бал. Но несколько последних лет свидетельствуют о том, что произошло возвращение на нашу землю Духа доброты, который наполнил наши сердца и умы.

Это было на заходе солнца. Заметим, что уход произошел в пятом часу утра, перед восходом солнца — как раз в тот космический просвет, когда силы космоса, видимо, наиболее восприимчивы к выделению энергии, исходящей от земли. С заходом же солнца происходит возвращение космической энергии на землю.

Был воскресный день, я один сидел в своей комнате, и ничто не нарушало потока мыслей о жизни, о том, что происходит вокруг нас и в мире.

Обстановка была очень сложной. У нас в стране чувствовалась неуверенность, неустроенность. Произошла одна за другой смена руководителей государства, это и навредило на грустные размышления. К тому же, задумываясь над обстановкой в государстве и в мире, я все чаще приходил к мысли, что человечество живет в той обстановке, какой заслуживает, потому что, как ни странно, получив от Природы так много и достигнув такой вершины в познании окружающего, оно одурманено каким-то внутренним порывом, который уводит его от осмысления событий. В человеке проявляется как бы обратная сторона его сущности. Природа создала его таким, что он должен был бы делать добро, но он почему-то склонен делать зло. Ну, к примеру, национализм. Ведь все люди планеты — дети Природы. Природа их создала как равных. Под воздействием окружающей среды и жизненных обстоятельств они имеют различный цвет кожи, для общения имеют свой исключительный символ — язык, который позволяет выражать свое «я». Каждая нация тем и сильна, что отличается от других, и не следует воспринимать или не воспринимать людей лишь по расовому и национальному признаку. Это как раз указывает не на превосходство нации, которая себя возвеличивает, а на низкий духовный и культурный уровень, на бедность духа, когда разум помутнен превосходством, которого на самом деле нет и быть не может, ибо только естество позволяет каждой нации занимать свое истинное место. Каждая нация призвана внести неповторимый взнос в мировое сообщество наций, а все вместе они должны составлять Разум, Могущество. И тем более не может быть символом превосходства религия. Не имеет ровно никакого значения, через какую религию человек идет к Богу, к познанию высшей мудрости Природы. Бог, Природа, Вселенная — едины!

Близился закат, солнечный диск в последний раз бросил свой отблеск на стену моей комнаты, и я вдруг увидел проекцию неплотского человекоподобного существа. Я понял, что это добрый Дух. С отливающей золотом стены на меня смотрели спокойные мудрые глаза. Существо-дух медленно приближался ко мне, и я воспринял это с большой радостью. Я ощутил легкое прикосновение, и Дух исчез, растаял. А я испытал прилив силы, вдохновения, внутренне ощутил полноту жизни. Мне не хотелось нарушать благоухание, составившее мой организм, мысли текли плавно. Они рождали самые приятные импульсы в душе. Боже, как же прекрасна жизнь! И как прекрасно, что человек испытывает и радость, и горе, и затруднения. Ради этого и стоит жить. Я понял, что произошло возвращение Духа, который покинул меня, отделившись в виде серебристо-синего клубка, и оставил в угнетенном состоянии.

Ощувив присутствие Духа, я старался посторонними мыслями не нарушить в себе гармоничного состояния, слияние духа и тела. Я пребывал в этом состоянии и чувствовал полноту владения самим собой во всех человеческих ипостасях. Я понял, что Человек — уникальное создание Природы, которое обладает всем, что заложено в Мироздании. Понял, что Человек может управлять своими чувствами. И еще я понял, что люди должны прекратить братоубийственные войны, считая сверхзапретным покушение на жизнь себе подобных. Мне страстно захотелось, чтобы исчезли границы всех государств и все на Земле жили в большой единой стране и общение происходило на едином общечеловеческом языке, как это было до Вавилонского столпотворения.

История помнит Александра Македонского, Ганнибала, Чингисхана, Батю,

Баязета, Тамерлана, Наполеона. Они завоевывали чужие земли, пролив целые моря человеческой крови.

Это было в давние времена. Но мы свидетели того, что и в наш Двадцатый просвещенный век, когда человечество достигло вершин в науках, случаются ужасные, бессмысленные войны. Должна наступить пора отрезвления, потому что атомное и водородное оружие — оружие для гибели всего человечества! В современных условиях библейский Апокалипсис может стать реальностью! Человечество должно вернуться к благоразумию и пойти по дороге, ведущей к храму. Именно в этом логика Природы, в этом логика поступков Человека, созданного для разума, а не для того, чтобы погибнуть от случайности. Ибо война, которую придумал Человек, могущественное вооружение, которое создал он своим умом, приведет к той роковой случайности, которой не заслужила Природа, создавая разумное существо. Мудра она в том, что создала Человека, и, думаю, достанет ей мудрости вернуть его с гибельной стези на стезю совершенства.

В тот самый вечер, вслед за возвращением ко мне солнечного Духа, просветлившего все мое сознание, на стене, которая была сейчас огромным черным квадратом, откуда-то из глубины явился могучий Человек. На левом плече у него восседала птица мудрости, в правой руке был посох, которым он выверял свой путь. Не дойдя нескольких шагов до меня, он остановился. На раскрытой левой ладони он держал белый пульсирующий шар, излучавший голубоватый свет, и от него исходила необычайной силы энергия! Все мое внимание было поглощено этим Человеком и этим Огнем! Ощувив действие энергии, я понял, что Белый огонь — это концентрированный разум Человека, заставляющий творить благоразумные деяния!

Глядя на космического пришельца, который явился вслед за солнечным Духом, я понял: мы не одиноки в своих желаниях сотворить добро на нашей земле, космический пришелец сумеет побудить нас к благоразумным поступкам, которые отличают разумного Человека от Человека-фаната.

Наступил такой этап, когда человек должен осознать, что стоит у последней черты, за которой новый виток в его развитии или тьма на миллиарды лет до возникновения новой Субстанции.

Солнечный Дух на холсте получился точно таким, каким он вошел в меня — побуждающим созидать доброе, свершать дела, прославляющие человека и делающие его достойным сыном мыслящей материи.

Меня же самого этот образ солнечного Духа очищает, вселяя в сознание благонамеренность. После пришествия этого Духа смысл моей жизни приобрел иное значение, на второй план ушло все меркантильное и корыстное. Я стал видеть окружающий меня мир и поступки людей через осмысление целесообразности общественного бытия. И сразу все словно встало на свои места, потеряла прежнюю значимость ценности, которые раньше казались незыблемыми. Фактически вокруг меня ничего не изменилось, изменились только мои взгляды и оценки, но насколько мне стало легче принимать правильные решения. Я на это стал тратить гораздо меньше усилий и получал удовлетворение от своих поступков. Я понял, что это была очередная ступень к глубокому осмыслению окружающей нас действительности, которая позволит ускорить вхождение в новую структуру взаимоотношений Человека и природной среды, то есть сделать очередной шаг к познанию потустороннего.

Космический пришелец с Белым огнем на левой ладони поразил меня своей магической силой. Над человеком и птицей мудрости, словно покровительствуя им, зависла спокойная энергия солнца. На картине четко видишь, как взаимодействуют природные силы — живой организм, дух в виде птицы мудрости и космическое светило — Солнце. Лишь взаимодействуя, они дают жизненную энергию.

Обе картины были мне дороги, как важные составляющие моей коллекции, год от года пополнявшейся благодаря видениям, благодаря испытанным мною счастливым минутам, порою напряженным, а иногда и страшным, но, в конечном итоге, делающим меня носителем нового состояния, способствующего проникновению в потустороннее, а вернее — в иную грань многомерности.

ЭТЮД ПЯТНАДЦАТЫЙ. ВХОЖДЕНИЕ В АБСОЛЮТ.

После долгих размышлений о вхождении в полтергейст в моем сознании родился вопрос: «Есть ли граница человеческих стремлений?» Вопрос, как мне кажется, важен и естествен для человека, который приходит к осмыслению собственного «я» и своего места в Мироздании. При этом человек должен найти для себя, во-первых отправную точку, а значит — осмыслить бытие, подняться над собой, и во-

вторых — точку подключения к всемирному каналу знаний, то есть к Банку памяти Вселенной как главному центру, регулирующему все процессы Мироздания. Если это не произойдет, то человечество окажется в логическом тупике.

Не противопоставляя понятие Банк памяти Вселенной понятию Мировой разум, хочу все-таки акцентировать внимание на том, что Мировой разум предполагает систему развивающуюся, то есть имеет начало и конец. Природа же, мы знаем, вечна во времени и бесконечна в пространстве. Коль скоро существует разум, он должен кому-то принадлежать. Кому? Возможно, сверхсуществу. А сверхсущество — откуда оно?

С моей точки зрения, существует Мировая Субстанция, определенная мною как Банк памяти Вселенной. В нем закодировано все, что происходило во Вселенной во все времена — без отправной и конечной точки. В нем заключено движение всех природных сил с присущими Мирозданию закономерностями.

Осмысливая все это, я пришел к выводу, что развитие человечества выведет его к Банку памяти Вселенной — да простит меня читающий книгу за такое определение высшей Субстанции. Может быть, кто-нибудь найдет ей другое определение, но, думаю, это не так важно. А важно то, чтобы человек подключился к единому природному циклу, но не как физическое существо, а через систему, заложенную в него Природой и называемую подсознанием.

Подсознание — это приемник, который улавливает непознанные чувства и несомысленные состояния, которые импульсивно исходят от Природы. Подсознание — это частица Мирового знания. Логика говорит о том, что человечество выйдет на уровень контактов с высшей Субстанцией и тогда окажется на новой ступени своего развития.

Это как раз тот путь, по которому стоит идти человечеству. И такой ступенью, я думаю, будет вхождение в Абсолют — такое состояние, когда человек понимает закономерности происходящего, логическую связь между случившимся и тем, как это проецировалось в его сознании, когда символы приобретают истинное значение.

Вхождение в Абсолют позволит соединить в единое целое все происходящее во всевременном состоянии с происходящим в нашей действительности. В этом смысле Банка памяти Вселенной, который подразумевает наше действие одновременно в нескольких измерениях, и в каждом из них есть своя логика.

Я познал это новое для себя состояние не во сне и не тогда, когда сам настраивался на канал космического видения, а в самой обыденной жизненной ситуации. Но, разумеется, в тот период, когда во мне сконцентрировалась энергия и состояние моего организма и духа было способно встретиться с неведомым явлением. А происходило это так. Информация от окружающей меня жизни, от поступков окружающих меня людей, от их речей стала переполнять меня, и я вдруг почувствовал упругость во всем теле, в мыслях, во всем своем существе. Да, именно упругость. Это было странное, волнующее состояние. Сначала это меня настораживало, а затем стало захватывать своей необычностью. Упругость тела, мысли, окружающей атмосферы позволяла быть единым проводником. В таком состоянии нет для человека преграды к познанию, а точнее — к прочтению того, что в данный момент тебя интересует больше всего. Стоит лишь, находясь в таком состоянии, подключиться к каналу информации, и ты тут же получишь нужную информацию.

Здесь мне хочется остановиться и дать некоторые пояснения, прежде чем перейти к описанию другого компонента вхождения в Абсолют. Постигание этого состояния — с моей точки зрения, великое счастье, потому что испытываешь при этом чувство такого торжества, такой свободы, что перед тобой раздвигаются границы земные и космические. Не могу сказать, что я достиг этого свободно и беспрепятственно. До меня это состояние испытывали сотни, а может быть, и тысячи людей, и каждый, кто достигал такой степени зрелости своего духа, вне всякого сомнения, прилагал большие усилия, подвергал себя многим лишениям и шел к этому сознательно. Не имеет значения, какие преследовал цели — открытие, изучение высшей сферы человеческой деятельности или постижение Духа. Во всяком случае, такой человек с детства воспитывал в себе состояние поиска. Только поиск может привести человека от познания одной ступени к познанию другой.

Детям присущи неограниченные сферы познания, и однажды мы с удивлением вдруг обнаруживаем, что наш ребенок умнее, талантливее нас. Срабатывает закон первичного познания, он един для всех, надо только создать условия, при которых ребенок беспрепятственно будет получать информацию, саморазвиваться, самосовершенствоваться и самоуглубляться как личность свободного духа.

Никаких инструкций я нигде не читал, шел интуитивно, свобода духа моей неудержимой потребностью, может быть, с той поры, когда почувствовала необычное прикосновение к духу шаманки, которое побудило меня постигать новые состояния, хотя это не всегда проходило для меня безобидно, иногда оборачивалось жизненными трудностями, даже страданиями. Я глубоко убежден: чтобы

человек стал счастливым, он должен настрадаться, устать, переболеть, не однажды оказаться, в сложной жизненной ситуации. Тогда появится беспредельность силы и торжества. А это — и есть счастье.

Ну а если порассуждать о том, как все-таки человек приходит к познанию неизведанного, то надо сказать, что, получая первые ощущения, я их не афишировал. И когда они возобновлялись на каком-то новом этапе, сопоставлял их с прежними, осмысливал, выводил закономерность. Я понимал, что все это непростые явления, зовущие к открытию пути самопознания. Но, выходя на этот безбрежный путь, я, как уже говорил, был замкнут.

Выражая мысли в дневнике, а видения запечатлевая в картинах, я иногда думал: может быть, это болезненное состояние психики? Могут ли такие странные видения явиться нормальному человеку? Да, могут. Кто-то это поймет, кто-то равнодушно и зло посмеется. Ну и бог с ними! Я же знаю многих, кто над этим явлением серьезно задумывается.

Приведу такой пример. В Москве в Центральном Доме литераторов была организована моя персональная выставка, экспонировалось около пятидесяти работ. На журнальном столике лежала книга отзывов. Отзывов в ней было огромное количество — от восторженных до уничтожающих, типа: «Хватит дурить нам головы, пусть лучше психиатры дадут заключение».

Выставку посетила одна дама. Я, правда, не знаю, кто она — писательница, поэтесса или ученый. Я с ней прежде никогда не встречался. Она подошла ко мне и спокойно сказала:

— Извините, это ваши работы?

— Да, мои, — ответил я без особых эмоций.

— Я удивлена тем, что увидела. Я почувствовала таинство, с которым вы смотрите на жизнь. И еще мне показалось, что автор этих работ должен быть человеком преклонного возраста, изможденным, с ввалившимися глазами. Словом, мученик. А увидела...

— Что ж, видимо, и в данном случае жизнь права! Если бы форма соответствовала содержанию, то не нужна была бы философия. В том-то и мудрость жизни, что она умеет и сосредоточивать, и хранить тайны до поры, пока к ним не подступится человек! — отшутился я.

Идя по жизненному пути и по пути познания, я сумел подключаться к космосу, получать энергию, которую сейчас свободно распределяю, концентрирую, вхожу в новые состояния.

Нужно сказать, что одни люди, обладающие энергией, могут ее концентрировать и направлять на какие-то действия, другие не придают этому значения и никак свои действия не используют. Ясно, получив энергию и познав пути самосовершенствования, выступают в роли ясновидцев, предсказывают людям события регионального масштаба или планетарного, как Ванга в Болгарии. Другие не раскрываются, сохраняют в себе то, чем обладают.

Я, собственно говоря, никогда не решился бы рассказать то, о чем мое повествование, если бы однажды в пятом часу утра, в момент подключения к космическому каналу, я не получил такую информацию: «Ты бросишь все свои дела и будешь писать новую книгу». И когда я прервал видение и пришел в себя, подумал: «Боже мой, с чего бы это? Я усиленно работаю над книгой уже два года и все силы на нее трачу. И никакую другую писать не планирую. Скорее всего, это проекция, которая не будет иметь подтверждения!» И в то же время я обратил внимание, что у меня в душе от этого видения осталось сладостное предчувствие, прилив энергии. Я обратил внимание, что если какое-то видение дает всплески приятного состояния — значит, это что-то необходимое, стойкое, имеющее под собой духовную основу.

Первая мысль при анализе была: «Как же я могу написать эту книгу, когда не знаю, о чем она должна быть, ее даже в мыслях не было».

В раздумьях прошел день, а вечером по центральному телевидению была показана передача о женском общегитии, где завелся дух — Барабашек. Я от души посмеялся над каламбуром жизни. Но несерьезное отношение к этому длилось недолго. Вскоре я понял, что это и есть тот самый дух, полтергейст, который я культивирую почти всю свою жизнь. И в следующую ночь я вдруг проснулся в пять часов с одной мыслью: «Ты должен, ты должен, ты должен немедленно рассказать о том, чем живешь».

Я тут же встал и набросал план пятнадцати глав «Вхождения в полтергейст». План был готов к девяти утра. Кто пишет книги, знает, что это почти невероятно, тем более что предварительной подготовки не было. Во мне так спроецировались мысли, что если бы в тот момент я обладал компьютером, который смог бы зафиксировать их, то сразу получилась бы книга. Сейчас же в нее включено далеко не все из того, что я ощутил в те четыре часа, которые прожил словно в каком-то

запредельном состоянии, в объятиях доброго духа, который являл мне чистую и ясную мысль.

Закончив составление плана внезапно ворвавшейся в мою душу книги, я, несколько расслабившись, понял: «Так ведь это книга, предсказанная мне видением. На душе стало легко: я получил разрешение Вселенской Субстанции все сокровенное рассказать людям. Иначе я на это не решился бы, ибо твердо помнил, что за каждое ненароком сказанное слово о видениях я бывал крепко наказан.

Сейчас много говорят о неземном, космическом происхождении человека. Это меня радует, потому что всякая гипотеза в конце концов приводит к открытию.

Я рассказывал о космическом канале связи, о контактах с потусторонними адептами, о способности концентрировать энергию и с ее помощью входить в новые состояния.

Задолго до этого повествования я почувствовал в себе способность быть невидимым. Я в дневнике описал свое новое состояние, когда вошел в него впервые. Описал сразу же, по горячим следам, ибо память наша так устроена, что детали быстро забываются.

«Со мной случилось странное. Во всем теле, начиная с ног, стал ощущать легкость, безвоздушность. Покачнулся и, оторвавшись от земли, от земной тверди, поплыл в пространстве. Тело стало прозрачным, вроде бы и не существующим. Ощущал лишь физическое существование головы. Она дольше всех частей тела держалась в своем прежнем состоянии. Может быть, это происходило потому, что в голове происходят генерирующие процессы, которые нуждаются в собственном физическом объеме. Но вот и голова растворилась, и я на земле увидел лишь отображение своего тела, а на том месте, где должна быть голова, была только шляпа. Ее широкие поля медленно проплывали на виду у людей. Они, заметив странную тень, невольно поднимали головы для того, чтобы посмотреть на самого человека, это так естественно. Но на этот раз все было иначе. Тень была, а человека не было. Я перешел в пятое измерение: я видел всех, а меня — никто, такова сущность многомерности».

Ощувив это состояние, с первого раза я не все понял. Мною владело любопытство, удивление, но мною владел и страх. Я почувствовал, что не обладаю телом. Так чем же я тогда обладаю, если мыслительный процесс во мне был ясным и чистым. И такое состояние я потом испытывал не однажды.

Одно за другим открываются явления, но не так все это происходило быстро, как в повествовании. На это уходят годы, целая жизнь. Впрочем, я чувствую, что все у меня еще впереди. Предстоит увидеть, прочувствовать, описать, а может — и что-то открыть. Я испытываю счастье и огромную радость за возможности человеческого организма, но в то же время во мне присутствует грусть, потому что не знаю, как может использовать человек свои возможности, если он недобр и корыстен. Хотелось бы, чтобы все, кого наделила Субстанция вселенским видением, умели этим управлять и служить на пользу людям.

Входя в состояние Абсолюта, я попытался запечатлеть свои чувства. Картина «Идущий в бесконечность». На голубом космическом безбрежном фоне существо, отдаленно напоминающее моего Хранителя. Идет существо в космосе, голова срезана — и затем ее продолжение. Все земное обходит это существо, а оно уходит в вечность, как носитель космической энергии и мудрости.

Картина «Мудрец и его верные стражи». Сидит мудрец в кресле и держит в руках луну. За его спиной справа стоят два добрых чудовища, которые его оберегают. Позади — огромное солнце и черный космос. Мудрец и стражи символизируют вечность мудрости, ибо мудрость имеет силу и никто не может ее сломить. Итак, мудрое — вечно.

ЭТЮД ШЕСТНАДЦАТЫЙ. СОШЕСТВИЕ!

Вековой загадкой являются для человечества вопросы: что есть физическое тело? что есть душа? как они взаимодействуют в мыслящем организме? Ответы на эти вопросы пока не дали ни религия, ни наука. А посему вхождение в Абсолют должно прояснить многое, ибо Абсолют един во всех ипостасях, для него открывается сложное в простом, простое в сложном, он является символом истины. Под истиной я подразумеваю статус-кво Природы во всем ее многообразии. Часть наших знаний о мироздании объективна: но как часто мы заблуждаемся, и через открытия в науке, через горький опыт неразумного взаимодействия с природой, наступает потом прозрение. Но мы почему-то не полагаемся на те открытия, которые способно сделать наше Подсознание, то есть мы не эксплуатируем тот

естественный канал, который заложен в человеке. Мы как бы даже боимся следовать подсознанию, которое постоянно подталкивает нас к непознанному. И тем не менее человек в процессе своей жизни так или иначе руководствуется сигналами, поступающими оттуда, или теми пояснениями, теми проблесками знаний, которые черпает из глубины своей психики, из глубины своего мозга, из глубины души.

Как же все-таки получилось, что, когда мы говорим о человеке, подразумеваем физическое Тело, и Душу, и тот мыслительный процесс, который позволяет нам отличить самих себя от животных и абстрагироваться от конкретики, мыслить масштабно, включая далекие миры, соединять это все в понятия и давать оценки.

Размышлять мне на эту тему сейчас, после вхождения в Абсолют, легче, чем прежде. Мы знаем, что человечество состоит из трех рас: негроидной, европеидной и монголоидной (черной, белой, желтой). Объясняется это климатическими условиями мест, где зародилась та или иная раса. Но мне думается, что человек не земное существо, а существо космическое. Каждая раса в давние времена, до расселения на Земле, проживала на другой планете, и цвет кожи обусловлен именно природными свойствами этой планеты. В частности, ученые не исключают, что была жизнь на Марсе. Возможно, жили там и люди. Когда планета Марс исчерпала жизненные возможности и природные процессы стали там невозможны, животный мир мог погибнуть, а человек, как разумное существо, мог переселиться на планету Земля. Конечно же, здесь была своя жизнь, свои условия, отличные от иных планет, и человеку, видимо, пришлось приспосабливаться и эволюционировать. В результате он пришел в то физическое состояние, в котором сейчас пребывает. Ну а Душа? Душа — это как раз и есть тот Космический канал, тот самый Банк памяти Вселенной, где происходят биогенные и электромагнитические процессы. К человеку с рождения подключается определенная, нами не познанная сумма магнетической информации. При этом большое значение имеет генокод, который для нас пока загадка, как и подсознание. Глубинные поиски должны проходить на стыке физического и духовного состояния. И эти поиски позволят человеку подняться на новую ступень, и возможно — в иное измерение. Вхождение в Абсолют как раз и является тем новым состоянием, когда многое из того, что было скрыто от человека, становится ясным и открытым за счет подключения подсознания. Утверждаю, что люди, став землянами, попав в новые условия, утратили, не могли не утратить, прежние свои качества. Но допускаю в то же время, что Иисус Христос является тем неземным человеком, который сохранил в себе качества, характерные для иных, астральных миров. Может быть, он, выходя в иные миры, общается с силами и причастен к знаниям, которые имеет весь космический эфир, сосредоточенный в Банке памяти Вселенной. И, может быть, поэтому он призывает людей стать высшими существами, богочеловеками, а не маленькими людишками с корыстными помыслами. «Не убивай, не прелюбодействуй, не кради, не лжесвидетельствуй, почитай отца и мать, люби ближнего своего, как самого себя», — все эти заповеди произнесены две тысячи лет назад, но до сих пор не избавилось человечество от этих пороков. Человек проходит путь от младенческого состояния до зрелого, и лишь в зрелом состоянии ему открывается Абсолют. Зрелость каждого человека наступает в разные периоды его жизни. К тому же, потребовалось много предшествовавших поколений, чтобы человек оказался способным подключаться к природным каналам и входить в категорию Абсолюта. Но мы видим, что человек проходит свой путь — и становится Александром Македонским, проходит свой путь — и становится Наполеоном, проходит свой путь — и становится Гитлером, Сталиным, Пол Потом, появившимся на свет в назидание всему человечеству. В преддверии Двадцать первого века каждый человек должен задуматься о своем предназначении и о том, чем же он является, живя среди себе подобных.

Почти два тысячелетия человечество совершенствуется, и я думаю, что в конце концов оно придет к тому, что зло совсем исчезнет в поступках, человечество призвано внять проповедям Иисуса Христа, научиться управлять своими поступками, организмом, тем более, что Двадцать первый век сулит нам новую ступень развития, обусловленную космическими связями.

Зная механизмы действия энергетической системы, которая в нас присутствует постоянно, я могу определенно сказать, что научился — правда, это произошло где-то уже на стадии вхождения в Абсолют — регулировать энергетические отношения с людьми в нужном для себя русле, научился экранировать отток своей энергии другому человеку. Например, общаясь с конкретным человеком, я почувствовал, что он у меня уводит энергию. Это выразилось в том, что после общения я всегда чувствовал вялость, слабость и даже головную боль. Я это четко заметил. И потом обнаружил в себе способность ставить между собой и этим человеком экран, чтобы поток моей энергии не переходил к нему, чтобы он не подключался ко мне, как

к аккумулятору. Когда ко мне подходил этот человек, я создавал вокруг себя биополе, которое отталкивало его биополе в его же массу. Буквально через две-три секунды я чувствовал покалывающий холодок, прослойку антиэнергии. И я в это время чувствовал себя спокойно и свободно. Таким образом, я открыл возможность человека экранировать свой организм. Этим методом я и сейчас успешно пользуюсь и не даю возможности подключаться ко мне с тем, чтобы перекачать мою энергию.

Для людей непосвященных этот разговор может показаться странным, но, тем не менее, это действительно для тех, кто обладает энергией. Я должен сказать, что ею обладают многие, и каждый должен уметь пользоваться ею разумно, потому что вся мыслительная деятельность происходит за счет именно этой космической энергии.

Мне сейчас легко раскрывать эти тайны, я через них прошел. Достигнув такого состояния, как вхождение в Абсолют, я стал свободно дышать и жить. Я вижу все истинное и надуманное. То, что еще десять лет назад казалось притягательным и заманчивым, сегодня не представляет интереса, ибо я увидел истинный смысл без символов. Я обиделся на предсказания дамы, которая объявила мне, что через три-четыре года распрощаюсь с партийной карьерой: в ней я видел всегда смысл всей своей жизни. Но произошло все так, как она предсказала.

Теперь же, осмысливая пройденное с позиций приобретенного опыта вхождения в контакты с непознанным, я понимаю механизм предвосхищения событий. В данном случае сработал механизм ясновидения, прорицания. Этого достигают не все, а лишь тот, кто обладает опытом подключения к космическому каналу связи. Дама, предсказавшая мне мою судьбу, ничего не придумала, она получила информацию Банка памяти Вселенной. Теперь-то я понимаю, что информацию дама получила через связь с космосом и люди, которые обладают этими способностями, как правило, ими не злоупотребляют, не превращают это в предмет торговли. Но так уж устроен человек, что все хочет знать наперед. Непременно хочется услышать, что все будет хорошо и прекрасно. Мы мечтаем о прекрасном, но всегда ли в реальной жизни прикладываем к этому большие усилия? Нет, не всегда. И поэтому живем не так, как мечтаем. Иногда и трудности не преодолеваем, уходим в сторону, и сами усложняем жизненные обстоятельства.

Мне показалось весьма символичным последнее видение, которое заставило задуматься над образом жизни живущих на нашей планете людей. Жизнь людей — это загадка природы, поступки их — загадка понимания своего места в природе. На определенных этапах развития человечества приходили пророки, и все они внушали людям, чтобы они творили только добро, чтобы правильно пользовались предоставленной от имени природы возможностью прожить свой век благочестиво. Человек — торжество жизни. Человек — по сути, Полубог, ибо способен осмыслить все видимое и невидимое, все слышимое и неслышимое, все осязаемое и неосязаемое.

Во всех странах мира хорошо знают живописное полотно русского художника Александра Иванова «Явление Христа народу». И до него художники живописали библейские картины. Я не хочу сказать, что картина Александра Иванова, которую он написал сто тридцать лет тому назад, есть лучшее произведение искусства на религиозную тематику. Нет, не об этом речь. Просто картина Иванова многопланово и образно показывает, что Иисус Христос явился народу как живое воплощение троицы — Бога Отца, Бога Сына и Бога Святого Духа, то есть во всех трех ипостасях.

На картине показано, как встретили Мессию на берегу реки Иордан Иоанн Предтеча, крестивший его, а также толпа, которая с удивлением, с изумлением (а кто-то и с настороженностью) взирала на Иисуса Христа. Одни воспринимали его как спасителя, другие — как рок, предвещающий, что всякое зло, содеянное на земле, будет наказано.

Так вот, четырнадцатого января тысяча девятьсот восемьдесят девятого года, в пятом часу утра, мне явилось одно из самых удивительных видений. Вошел я в огромный зал, скорее всего это был не зал Третьяковской галереи, где висит картина «Явление Христа народу», а какой-то другой зал — шикарный, с высокими пилонами. И стояло в нем огромное количество народу, замороженного чудодейственным творением рук человеческих. Я тоже замороженно смотрел на картину, и вдруг увидел, как все на ней ожило. Картина стала частью зала, и началось, к нашему великому изумлению, сошествие изображенных людей в зал. Первым стал сходить в зал и продвигаться к нам Иоанн Креститель, затем римские воины, евреи, рабы, потом пришли в движение люди, стоявшие на холме у берега реки Иордан и взиравшие на Мессию. Вот они влились в толпу людей двадцатого столетия, то есть Сошествие произошло через двадцать веков после чудодейственного явления Иисуса Христа народу. Стоящие в зале расступились, в зал сошел Иисус Христос — спокойно и величаво. Его духовный настрой передался всем находящимся в зале.

Не сошел лишь обнаженный мальчик, стоявший в левом углу картины. Он словно остался в преддверии, не доверившись нам, людям Двадцатого века. Открывшаяся даль вводила нас в беспредельность, в безграничное Мироздание.

Вид у Иисуса Христа был не мученический, а просветленный. Я вспомнил страницы из Евангелия от Матфея о том, как проходили последние мученические часы его пребывания на грешной земле. После распятия к Понтию Пилату пришел ученик Христа Иосиф и попросил тело Иисусово. Пилат приказал отдать тело, Иосиф завернул тело Иисусово в плащаницу и положил его в новый гроб, который высек в скале. И, приваля к гробу большой камень, задумался. Фарисеи на следующий день, а это была пятница, обратились к Понтию Пилату, римскому правителю иудейской провинции: «Иисус сказал перед распятием: будучи в живых, после трех дней воскресну». Прикажи, господин, охранять гроб до третьего дня, чтоб ученики Его ночью не выкрали и не сказали народу: «воскрес из мертвых». Пилат сказал: «охраняйте, как знаете». Они поставили у гроба стражу и приложили к камню печать. Прошла суббота. На рассвете явились две женщины посмотреть гроб.

И вот сделалось великое землетрясение, ибо Ангел Господен, сошедший с небес, отвалил камень от гроба и сел на него; вид его был как молния, одежда была как смерть; устрашили стерегущие, пришли в трепет.

Ангел же, обратившись к женщинам, сказал: «Знаю, что ищете вы Иисуса распятого, Его здесь нет. Он воскрес, как обещал. Посмотрите место, где лежал Иисус, и возвестите ученикам Его, что воскрес Он из мертвых. Женщины со страхом и радостью великой отправились возвестить ученикам Его. Встретил их Иисус и сказал: «Возвестите братьям Моим, чтобы шли в Галилею, там они увидят меня».

Одиннадцать учеников пошли в Галилею, на гору, куда повелел им Иисус, и, увидев Его, поклонились Ему, а иные усомнились. Приблизившись, Иисус сказал им: «Дана Мне всякая власть на небе и на земле. Научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, соблюдать все, что я повелел вам. Я с вами во все дни до скончания века. Аминь».

«До скончания века». А век человеческий еще не окончен, и Иисус Христос с нами — как доброе начало, как пророк. Окинув всех просветленным взором, он тихо произнес: «Война будет в вас самих, пока все деяния ваши не станут знаком добра. Вы будете бороться с противным духом, который вселили в себя сами. На это уйдет не одно тысячелетие. Все мы пришли из далеких миров и в далекие же миры и уйдем. Сначала уйдут все звери и гады ползучие, а затем — человек, сын Земли, чтобы стать сыном другой планеты Вселенной». Иисус закончил слово свое, и наступила тишина.

— Чудо? Да, чудо! Ибо человеческий мозг способен проникнуть в глубины самого потаенного и сокровенного — своего подсознания. Человек ищет ответ на вопрос: «Кто же мы — и что нас ожидает?» И мы, люди Двадцатого века, стоим в преддверии своей новой судьбы. Это и будет большое Чудо, которое нам предстоит пережить на Земле.

*Воскресение
пятница! 30.04.01.*

Шавкат Рахмон

Из ранних стихов

Хлопок

Я заклинал, как шаман и кликуша,
глядя на кустик, торчащий как прут:
«Ради ушедших, ради грядущих
вырасти, дерево-лилипут!

Ведь над тобою, сгибая спину,
вовсе не высказав, что на душе,
сто поколений, может быть, сгнуло,
или не выпрямит спину уже!»

Колдунья

Ты тайно смотришься в окно,
и день дрожит живым пунктиром.
Ты расплетаешь косы. Ночь
заходит медленно в квартиру.

Окрестные деревья вдруг
швыряют листья полной горстью.
Изнемогают от разлук
в снах унижительных подростки.

И ветра скудная струя
развеет радость до рассвета.
Прощай, прощай, ворожея,
да будет сон твой светел, светел.

Пусть ночь пройдет скорее, пусть!
Земли коснись, являя милость,
чтоб, оживая, пробудилась
улыбка полудетских уст.

Касыда гранату

В ночь полнолуния
ты — взрыв гранат, гранат,
рубины красных звезд —
вдох серенад, гранат.
То красен ты зарей,
а то — как зной, гранат.
Нет, все же ты — кулак
в крови земной, гранат.

Ночь падения звезд

Тайной ночью паденья звезд
содрогаются небо с землею.
Под минутами гнется мост
между светом и черною мглою.

Над душой континентов во мгле
ужас тащат в клювах вороны.
Память о легендарной земле
обрывается нитью тонкой.

Крикнул крови я древней своей:
поверни, если что-то в нас живо,

И пойдем, распевая турку,
по заветам Юсуф Хас-Хаджиба.

Мы мамлюками станем там,
или даже опустимся дальше,
в век, где кровь человека чиста
чистотою вечной, без фальши.

От земли палачей и невежд
мы уйдем, отвергая муки...
Только вдруг загородкой живой
возвышаются детские руки...

* * *

Растущее,
сильное дерево я.
Слова мои зреют плодами на ветках.
Глаза мои — зоркие пики вершин,
стоят на дороге осеннего ветра.
Минута —

как будто спешащий пацан,
учуяв на ветках созревшие гроздья,
все бродит вокруг,
все бродит вокруг,
одетый то в полдень,
то в полночь и звезды.

* * *

Я видел —
яблоки — это планеты,
ночные светила на летнем ветру.
Косу заплетая, готовится речка
под поднятый занавес выйти к утру.
Полночь приходит,
древняя полночь,
серые полчища
гонит луна.

Но яблоки скрылись уже за щитами
листьев, задраенных дотемна.
В кусочке Вселенной —
в саду полуночном
безмолвие рушится вдруг
пообочь.
И до рассвета
как будто бы ядра
бросает на землю и тешитса ночь.

Океан

Когда бы на дне океана
не было мощных рек,
когда бы по дну беспрестанно
не затевался бег
холодных и теплых течений,

то разве собой он был?
Он стал бы огромным болотом,
и дно покрывал бы
ил.

Перевод с узбекского А. Исмаили.

ПОЕЗДКА К БРАТУ

РАССКАЗ

Младший сотрудник одного из крупных научно-исследовательских институтов Ташкента Валерий Чанышев получил от матери письмо, которое его крепко озадачило. Старушка сообщала, что пропавший полгода назад младший брат Алексей прислал на днях родителям на Урал маленькую весточку. Оказывается, все эти шесть месяцев он находился тоже в Узбекистане, в Кашкадарьинской области, где работает в небольшом совхозе. К письму был приложен адрес брата, и перед мысленным взором Валерия тотчас же предстала знакомая лента шоссе, петляющая среди хлопковых полей, по которой он так часто ездил два года назад. Их гидрогеологическая партия тогда работала в этом районе на строительстве Талимарджанского водохранилища.

Чанышев сидел в своей квартире один и припоминал, как в метрах пятистах от этого шоссе, за поворотом, где на обочине стоял указатель с названием этого совхоза, в степи виднелись невзрачные коробки двухэтажных домиков безымянного поселка. Валерий не мог перепутать. Он гордился своей памятью. Он даже вспомнил, что однажды на машине они заезжали в поселок в магазин за продуктами. И от этого мимолетного визита в совхоз у него еще осталось тоскливое ощущение бытовой неустроенности, скуки и оскорбительной бесприютности людей посреди бескрайней степи.

Так или иначе Валерий хорошо представил себе, где очутился брат, и никак не мог сообразить, каким же образом и с какой целью он оказался в этом богом забытом уголке. И совсем уж было непонятно, чем он там занимается. Насколько помнил Чанышев, у Алеша подходящей профессии для работы на селе не было, хотя, конечно, за это время, которое они не виделись, братишка мог стать и шофером, и трактористом, да мало ли кем. Чанышев это хорошо сознавал, но его сбивало с толку, как попал в этот поселок Алеша. Ведь если взять в расчет их переписку в прошлую зиму, Алексей должен был приехать в Ташкент к старшему брату. Во всяком случае, договоренность была именно такой, и семья Чанышева об этом знала. А он, выходит, не заезжая в столицу, напрямик укатил в этот совхоз? Но брат никак не мог попасть в Кашкадарьинскую область, минуя Ташкент. В чем же дело? Невольное предположение, что Алеша специально не заехал к ним, не навестил, здорово задевало самолюбие Валерия.

Валерий питал противоречивые чувства к родному брату. Красавчик Алеша еще с детских лет вызывал в нем зависть и ущемленную гордость тем, что являлся всеобщим любимцем в доме. Не только родители, две старшие сестры, но и все родственники, соседи любили и баловали ласкового жизнерадостного карапуза Лёлю, умилявшего всех непосредственностью и живым умом. А Валера, бывший свидетелем всех этих сцен невинного триумфа братишки, постепенно стал вынашивать в душе мечты о реванше, которые с годами обрели вполне конкретные формы. Валерий поставил себе целью во что бы то ни стало добиться успеха —

закончить хороший институт, получить приличную должность, жениться на красивой девушке, завести машину — и все это в краткие сроки, чтобы доказать своим родным, кто на самом деле чего стоит. Пусть все поймут, как они здорово ошибались в детстве, обходя вниманием и любовью его, Валерия.

И как ни странно, но мальчишеские мечты Валерия действительно сбывались. Он худо-бедно, но закончил политехнический институт, женился, в семье родился сын, недавно получил прекрасную двухкомнатную квартиру в престижном районе, и вот уже третий год они вместе с женой откладывали деньги на вожделенные «Жигули». Чанышев торжествовал. Все у него шло по плану. Он любил себя, любил сына, но больше всех, он, несомненно, любил свою жену Гаю. Глядя на свою заурядную физиономию в зеркале, на рано польсевшую голову, он признавался себе, что самой крупной удачей в его судьбе является брак с Галей. Возможно, эта уверенность зародилась от того, что других серьезных отношений с противоположным полом у него никогда не было, и потому он был твердо убежден, что его Галя лучше, умнее других женщин и что она просто красавица. И этим сознанием он был счастлив.

Что же касается Алеши, у того, наоборот, что-то в жизни не заладилось. Благополучно отслужив в десантных войсках и вернувшись домой, он все лето прокутил с многочисленными приятелями и подружками. Затем с бывшим сослуживцем из соседнего района укатил на Дальний Восток, чтобы поработать на рыболовном траулере или плавбазе, где, по слухам, платят хорошие деньги. Также из писем родителей Валерий узнал, что из этой затеи ничего не вышло, и брат теперь работает на каком-то заводе в городке Спасск-Дальнем, а живет в общежитии. Мать сообщила, что Алеша сожалеет об этой поездке и собирается отсюда уезжать. О намерении брата «рвать когти с чертова края» Валерий узнал из письма самого Алексея, которое тот прислал в декабре прошлого года. Он спрашивал, как смотрит старший брат, если он объявится в Ташкенте и подыщет себе работу. Валерий отвечал, что ничего против приезда Алеши не имеет, а что касается работы, то, как говорится, была бы шея, хомут найдется... Алеша обещал приехать где-то в апреле, но затем вдруг замолчал. На запрос родителей в Спасск-Дальний местная милиция сообщила, что он уволился, выписался и уехал в неизвестном направлении. Так прошла весна, пролетело лето, и вот, наконец, на исходе августа пришло это известие.

Сильно озадаченный странным поступком брата, Валерий с нетерпением ожидал возвращения с работы своей жены, чтобы поделиться новостью. Когда Галя хлопнула в передней дверь, он стоял возле кухонной плиты, помешивая в кастрюле приготовленный им борщ. За четыре года семейной жизни Чанышев многому научился: он не только превосходно готовил, но и хорошо стирал, гладил, мыл полы до зеркального блеска, выстаивал очереди за молоком, за что получал от Гали поцелуй в щеку и комплимент: «Ты у меня золото!» И от этих слов его сердце таяло...

Галя, пожаловавшись на жару, на тесноту в автобусе, закрылась в ванной, а Валерий пошел в детский сад за сыном. И только за ужином он как бы между прочим обронил:

— Сегодня письмо от матери получил.

— От чьей матери? — строго спросила Галя, сразу отключив внимание от сына, которого она кормила из ложки.

— От своей, женушка. От своей, — почему-то смутился Чанышев, словно уличенный в непочтительности к теще, к которой он, впрочем, питал исключительно уважительные чувства.

— Ну и что там? — мгновенно утратив заинтересованность, осведомилась Галя и опять занялась сыном.

— Алеша нашелся, — сказал Валерий.

Галя бросила на него быстрый цепкий взгляд и вежливо спросила:

— Где же он?

— Рядом с Карши. В совхозе работает возле Талимарджанского водохранилища.

— А-а, — рассеянно кивнула Галя.

— Почему же он сюда не заехал, вот чего я никак не пойму? — спросил Чанышев, пожимая плечами. — Как он оказался в этой дыре, уму непостижимо!.. Да и не мог он попасть в Карши, не побывав в Ташкенте, вот ведь в чем загвоздка, Галя. И самолеты и поезда, насколько мне известно, проходят на юг через столицу.

Жена, никак не реагируя на его монолог, молча ела суп, опустив голову над тарелкой.

— Постой-ка! — вдруг воскликнул Чанышев, внезапно осененный новой мыслью. Вскочив из-за стола, он прошел в соседнюю комнату и, покопавшись в книжном шкафу, достал альбом. Валерий вернулся на кухню с фотографией

Алексея, где тот был изображен в парадной форме десантника. Правда, жена видела этот снимок, но давно, года три назад.

— Послушай, Галя, — сказал Чанышев, пронзенный догадкой и от этого настоящего начиная волноваться. — Этот парень не приходил к нам, когда я находился в степи? Посмотри-ка внимательней. Может быть, спросил меня и ушел, а? Вы же с ним незнакомы.

Галя нехотя взяла фотографию, мельком глянула на Алешу и, неуверенно пожав плечами, спокойно ответила:

— Нет, вроде... Да я уже и не помню теперь.

— Понимаешь, как могло случиться, — продолжал Чанышев, влюбленно глядя на жену. — Он приехал днем, а нас нет: я в степи, ты на работе. Пришел, например, вечером, а ты уехала к своей сестре... Нет, не получается, — прервал себя Валерий, покрутив головой. — Он должен был прийти завтра, послезавтра, спросить, наконец, у соседей. Но они ничего не говорили нам, а значит, никто их не спрашивал. Ведь ты никуда не уезжала в апреле, верно? Ничего не понимаю, — развел руками Чанышев, с надеждой всматриваясь в лицо жены. Но, Галя, расставляя на столе чашки для чая, только ласково заметила:

— Ну и хорошо, что нашелся Алеша. Бог с ним! Жив-здоров, чего тебе еще надо? Пусть работает там, где ему хочется. Нам-то что? Может, девушку какую встретил и уехал с ней?

— В этом совхозе одни узбеки живут, — улыбнулся муж.

— Ты напиши ему письмо, — посоветовала Галя. — Адрес-то указали?

— Да, — кивнул Валерий и неожиданно заявил: — Знаешь, дорогая, я, наверное, завтра поеду к нему. Все равно еще неделю в отгуле находиться, а дома в принципе делать нечего. Как считаешь?

— Нечего дурью маяться, деньги на ветер швырять! — вдруг резко заявила Галя. — Было бы к кому зедить!.. К братцу своему непутевому на поклон собираешься. Лучше костюм себе новый купи к осени, а то в гости не в чем пойти. Заодно можешь и туфли взять. Если денег не хватит, сними с книжки.

Валерий изумленно уставился на жену. Последние год-полтора он ни разу не слышал, чтобы она затевала разговор о какой-нибудь покупке для него, но зато хорошо оделась сама и во все новое одела сынишку. Даже приобрела ему на будущее фортепиано. На неуверенные возражения мужа, что это, мол, преждевременная затея, еще неизвестно, какие проявятся у сына способности, Галя со снисходительной улыбкой заявила, что он ничего не понимает в воспитании ребенка и плохо представляет себе будущее Толика. И фортепиано стояло в гостиной, ожидая, когда подросший сын ударит пальцами по гладким клавишам.

И теперь эта неожиданная забота супруги о его гардеробе тронула Валерия. Он благодарно улыбнулся ей, но от своей мысли не отказался.

— Я возьму с собой всего пятьдесят рублей, — миролюбиво сказал он. — Денька два пробуду там и обратно. Просто узнаю, как он оказался там и чем занимается. А костюм действительно надо взять, а то этот синий уже поизносился.

— Эта поездка абсолютно бессмысленна!

— Почему?

— Нет, вы посмотрите на него! — с веселой злостью заявила Галя. — Он еще не понимает, почему? Был бы он, этот ваш Леша, женатый, имел свой дом, постоянную работу, то кто бы возражал, чтобы его навестить? А то ни кола ни двора, ни серьезной специальности, ничего нет, а он собирается к этому бичу ехать в гости. Позорить себя, позорить семью. Напиши, говорю, письмо, узнаешь, что тебя интересует. Нет, ему приспичило прокатиться!

— Ну с чего ты решила, что Леша — бич, — вяло заступился за брата Валерий. — А кроме того, я не вижу ничего дурного в том, что хочу увидеть брата, с которым не встречался пять лет. Если даже он и опустился, то тем хуже для него. Вот я и хочу своими глазами посмотреть, как он живет.

— Если поедешь, костюма не будет, — ласково сказала Галя, улыбнувшись той особенной улыбкой, которая так хорошо была знакома Чанышеву, и он враз струсил.

— Купим в следующем месяце, — смиренно согласился он. — Все равно его сейчас нельзя носить... Ну, женушка, милая, разреши съездить.

— Папа, я с тобой поеду, — внезапно сказал сынишка и полез ему на колени. И поразительное дело, эти слова придали Чанышеву смелость, и он, приободрившись, даже пристукнул кулаком по столу.

— Я поеду завтра. Пожалуйста, положи на телевизор пятьдесят рублей. — И, чтобы не обострять конфликта, поспешно вышел с сыном на руках в другую комнату. А Галя осталась сидеть за столом на кухне с застывшим выражением на лице, но глаза выдавали напряженную работу мыслей...

Как и следовало ожидать, эту ночь Чанышев проспал один на диване. Наутро

Галя без лишних слов ушла на работу. Валерий отвел сына в детсад, затем съездил на вокзал и купил билет на поезд, который отправлялся в одиннадцать часов вечера. Вернувшись домой, он скучно провел день и, когда до возвращения Гали оставалось около часа, стал собираться, чтобы не встречаться с супругой. Но на всякий случай написал коротенькую нежную записку, из которой Галя должна была понять, что он ее очень и очень любит...

На вокзал Валерий приехал перед самым отправлением поезда, и когда он тронулся, улегся на нижнюю полку купе и, подложив под голову жесткую подушку, принялся прокручивать в голове вчерашнюю размолвку с женой, пытаясь уяснить причину ее недовольства. Но так и не найдя доходчивого объяснения, пришел к выводу, что ей просто стало жалко денег, и снисходительно решил не обращать внимания на этот мелкий семейный конфликт. Пробормотав: «Ох уж эти женщины!» — Чанышев быстро заснул под мерный перестук колес...

Поезд прибыл в Карши в десять утра. Автовокзал находился рядом, и через полчаса Валерий на автобусе выехал из города в сторону Талимарджана. Поглядывая в окно, он припомнил свою работу в одной из гидрогеологических партий института «Средагипроводхлопк». Конечно, кочевая жизнь тогда порядком остертелта ему, он, как и многие сотрудники, мечтал о работе в самом институте, но, во-первых, «кочевникам» квартиры давали в первую очередь, а во-вторых, Чанышев по сравнению с другими степными «волками» был еще молод и зелен, чтобы ему предложили кубман в отделе вместо колес и пыльных дорог...

Через час автобус скрипнул тормозами у знакомого поворота с указателем совхоза. Валерий сошел один. Солнце уже поднялось высоко и теперь обжигало голову. Чанышев ускоренным шагом направился к поселку и буквально через несколько метров его туфли побелели от солончаковой пыли.

Когда он вошел в безлюдные улочки поселка, рубашка прилипла к спине. Казалось, ничто не изменилось здесь за прошедшие два года. Будто время обошло стороной эти безликие двухэтажные коробки домов, эти голые пустыри, этих ребятишек, копошащихся в скудной тени сарайчиков, и если бы сейчас опять ему навстречу высыпала свора собак, можно было бы подумать, что это всё та же давняя его поездка сюда на машине. Ощущение было одновременно и странным, и неприятным.

Как и следовало ожидать, в конторе никого не оказалось и некого было спросить. В одном из открытых кабинетов гудел кондиционер, обрадованный Чанышев, плюхнувшись на стул, блаженно просидел в прохладном помещении минут двадцать, прикидывая, кого из людей в поселке можно расспросить о брате. Он решил отыскать почтовое отделение, где наверняка смогут подсказать, где живет здесь Чанышев Алексей Сергеевич. Он вышел на улицу и вдруг увидел кативший в его сторону трехколесный трактор. Валерий замахах рукой, и тракторист лихо тормознул возле него. Из кабины высунулся молодой парень. Чанышев спросил, не знает ли он, где живет в поселке Алеша Чанышев. Парень, услышав это имя, сразу заулыбался, приглушил мотор и спрыгнул на землю. Да, конечно, он знает Чаныша, его тут все знают, и вообще в совхозе люди хорошо знают друг друга, это ведь не город, правда? Кстати, закурить не найдется, земляк? Валерий дал парню закурить и полюбопытствовал: не подскажет ли, где находится теперь Алеша? Конечно, подскажет, что за разговор, земляк. Кстати, зачем вам Чаныш? Брат его? Э-э! Как хорошо, что к Чанышу приехал родной брат! А откуда? Из Ташкента? Это просто замечательно, что из Ташкента приехал родной брат! Парень поцокал языком, качая курчавой головой, на которой чудом держалась узбекская тибетейка.

— А Чаныш сейчас находится вон в той стороне, — тракторист показал рукой за окраину поселка, — он на бахче, арбузы поливает. Далеко ли это? Это как посмотреть. И далеко, и близко. В жару покажетесь далеко... Но в общем-то близко... А вернется он часов в восемь вечера, не раньше. Раньше летом никто с полей не возвращается, так-то, земляк. Лучше подождать его в поселке. Живет Чаныш вон в том доме для приезжих. Правда, там никого теперь нет, но квартиры, кажется, открыты, лучше сходите туда и подождите. Кстати, нельзя ли стрельнуть еще пару сигарет на дорогу? Вот спасибо, вот рахмат, земляк! Жалко, что не по пути, а то он непременно заехал бы к Чанышу на участок и сообщил такую радостную весть.

Когда словоохотливый собеседник исчез за домами на своем юрком тракторе, Валерий двинулся к двухэтажному дому, на который указал парень, наугад вошел в один из двух подъездов. Действительно, здание оказалось совершенно безлюдным. Некоторые квартиры были заперты, другие — открыты, но пустовали. Валерий обошел весь дом. Он произвел удручающее впечатление. Стыдно было признаваться самому себе, но от этого убожества он ощутил тихое удовлетворение. Вот, значит, где обитает их любимчик Леша, вот где обретается бальовень судьбы красавец-братец. Ну что ж, это неплохо, черт побери, совсем неплохо!..

Стены внутри дома были обшарпаны и грязны, штукатурка во многих местах

облупилась. В раковинах лежали обрывки бумаг, пустые консервные банки и бутылки из-под пива и вина, мусорные ящики были доверху заполнены отбросами. Некоторые двери были сорваны с петель и стояли прислоненные к стенке, по голым столам и подоконникам бегали тараканы. На всем лежал унылый отпечаток заброшенности и убогости. И Чаньшеву стало немного не по себе от мысли, что брат здесь живет один. «Так ведь и свихнуться можно»,— подумалось ему невольно.

Единственной роскошью этого бетонного убежища была прохлада. Освежающий легкий ветерок вольно гулял по комнатам и лестничным площадкам, влетая в окна без стекол, хлопая иногда ставнями, шурша по полу обрывками старых газет. Валерий в одной из пустых квартир прилег на кровать и, утомленный, быстро заснул.

Проснулся он, когда под окнами затарахтел колесный трактор. Послышались мужские голоса. Валерий встал и вышел из квартиры. Знакомая фигура поднималась ему навстречу по лестнице. Это был Алеша. Они оба остановились и посмотрели друг на друга. Блестящие карие глаза Алеши, его красивое загорелое лицо, рослая сильная фигура, от которой исходило дружелюбие и уверенность в себе, обескуражили Валерия. В джинсах и футболке брат вовсе не походил на бродягу и пропойцу. Более того, вид брата пробудил в Чаньшеве-старшем полузабытое чувство зависти, опять огнем опалившее сердце. Между тем, Алеша разом перемахнул ступеньки и стиснул брата в объятиях, уткнувшись ему головой в грудь.

— Ну, пусти, пусти,— недовольно сказал Валерий, пытаясь освободиться от сильных рук Алеши,— очки уронишь.

— Валера, как ты здесь очутился?— спросил, сверкая глазами, Алексей.— Как рад я тебя видеть, ты представить себе не можешь!

— Ну здорово, парень!— снисходительно произнес Валерий, протягивая руку, и чуть улыбнулся.— Далеко ты забрался, однако.

— Как я рад тебя видеть!— повторил Алеша, отвечая крепким рукопожатием.— Как ты меня нашел?

— Найти тебя мне было легко. Я бывал здесь.

— Бывал здесь?! Чудеса в решете! Неужели действительно так тесен мир? Ну, пошли в мою келью.

Алеша открыл ключом дверь и пропустил брата вперед. Чаньшев-старший тут испытал новое разочарование. «Келья» его оказалась живописным уголком. Вместо железных кроватей тут стояла широкая низкая тахта, застеленная красивым покрывалом. У изголовья над тахтой возвышался торшер, в углу — телевизор. На полу лежал магнитофон с рассыпанными вокруг кассетами. На стенах висели большой портрет Высоцкого и несколько красочных снимков рок-групп. Между столом и шкафом, возле окна, виднелся небольшой аквариум в виде желтого шара. На круглом столике, покрытом белой скатертью, лежали книжки, тетради, а в стеклянном кувшине увядал букетик роз. На чистом полу у двери лежал толстый коврик. В том, что к этому со вкусом обставленному уюту была приложена женская рука, сомневаться не приходилось. Лишним подтверждением тому были маленькие красные тапочки у порога и зеленый халатик в белую горошину, висевший на гвоздике. Пока Валерий стоял и откровенно разглядывал комнату, Алексей прошел на кухню.

— Ты располагайся,— сказал он оттуда.— Ты когда приехал?

— В обед,— отозвался Валерий, снимая обувь и плюхаясь с размаху на диван.— Откуда у тебя аквариум-то?

— Один мужик подарил. Ты посиди, я приму душ.

Вскоре Алеша вышел из ванной, вытираясь махровым полотенцем и, открыв шкаф, быстро оделся.

— Ты говорил, что бывал здесь,— заметил он, натягивая брюки.— Поясни, пожалуйста.

Валера вкратце рассказал о своей работе, о Талимарджанском водохранилище, о том, как они однажды заезжали сюда на машине. Он сидел, развалившись, забросив ногу на ногу, иронически посматривая поверх очков на брата, который стоял у дверей и внимательно слушал. Валера замолчал и, еще раз оглядев комнату, недоверчиво спросил:

— Что, ты сам все это купил?

— Нет, что ты!— смущенно улыбнулся брат.— Телевизор взял в красном уголке, все равно он зря там стоял. Тахта, диван, аквариум — Бориса, шкаф, остальные — казенные, мои лишь магнитофон и торшер.

— Ловко ты устроился,— хмыкнул Чаньшев.— На всем готовом. Прямо как в санатории. Халатик и тапочки тоже твои?— многозначительно кивнул он головой.

Алеша молча посмотрел на него.

— Я схожу в магазин,— сказал он спокойно.— А ты пока включи телевизор или маг послушай.

Оставшись один, Валерий подошел к столу и к своему удивлению обнаружил, что разложенные книжки оказались учебниками старших классов, тут же лежал «Справочник для поступающих в вуз» и несколько ученических тетрадей. Потом он увидел за шкафом висевшую гитару. Чанышев прошел на кухню и, уже не удивляясь, обнаружил чистый алюминиевый столик и два стульчика, холодильник, аккуратно сложенную посуду на полке и всевозможные пакеты с супами и кашами. В ванной пахло ароматным мылом и духами. Он вернулся в комнату, снял с себя рубашку и сел, погрузившись в размышления.

Пришел Алеша и принялся хлопотать возле газовой плиты. Валерий прошел к нему на кухню и, глядя, как брат готовит ужин, спросил:

— Кем тут работаешь?

— Поливальщиком,— просто сказал Алеша.— Арбузы поливаю. Немного есть и винограда, но отвечаю за арбузы.

— И как платят?

— На руки триста получаю.

— Ишь ты!— взглянул на него Валерий не то разочарованно, не то изумленно.— Уже счет, наверное, в банке открыл, а?

— Да всего пятьсот рублей,— с детской улыбкой отвечал Алеша.— Только с июня стали платить такую сумму, а в мае ничего не заработал. На еду все и ушло. А работа не такая уж и легкая, как может показаться на первый взгляд. На жаре так вымотаешься за целый день, что еле ноги волочишь. В прошлом месяце родителям посылку отослал...— И братья заговорили о матери с отцом, о сестрах и племянниках.

Когда они усадились в комнате ужинать, за окном уже стемнело. Черное бархатное небо густо усеялось яркими звездами, в соседних домах засветились огни, окна и ставни в них, как и у Алеши, были распахнуты настежь, и прохладный ветерок приятно освежал лицо. Различались отдельные голоса людей, слышался детский плач, играло радио. Трудовой народ, собравшись у домашнего очага, отдыхал и обсуждал в кругу родных свои мирские заботы...

Алексей уменьшил громкость телевизора и уселся за стол, на котором стояла бутылка грузинского коньяка, две бутылки лимонада, жареная колбаса и яичница, салат из свежих помидоров, огурцов и лука и острые корейские приправы. В тарелке лежали яблоки и большая гроздь винограда. Братья выпили за встречу и начали есть.

— Что за мужик, который подарил тебе аквариум, и кто такой Борис?— спросил Валерий, которому захотелось увезти аквариум в Ташкент, и он теперь обкатывал возможность, как бы уговорить брата. Он уже видел этот симпатичный желтый глобус светящимся в темноте своей спальни, и мысленно поздравил себя, что приехал к Алеше. Не зря он прикатил сюда, не зря. Как говорится, сохранил приятное с полезным.

— Мужик этот и есть Борис,— охотно ответил Алексей.— Он жил в этой комнате до меня. Тоже случайно, как я, заехал в совхоз на сезон, а прожил три года...

— Короче, бич,— жестко перебил Валерий.

Алеша посмотрел на него, потом перевел взгляд в открытое окно и, помолчав, мягко сказал:

— Нельзя так резко судить о людях, которых даже не знаешь. Нельзя, Валера. Я лично так понимаю. А Борис, наверно, просто неудачник. И не виноват он, что не сложилась его судьба. Поверь мне, я много думал об этом и пришел к выводу, что в жизни вообще далеко не все зависит от самого человека. Кто знает, возможно, мы только пешки в чьих-то руках... Мне думается, афоризм «Человек — кузнец своего счастья» выдумали для маленьких детей и взрослых дураков очень хитрые и умные люди. Вот посуди сам, в чем вина этого Бориса, что он угодил в тюрьму? Жил он со своей семьей в вашем Ташкенте, работал, но мучился без жилья. Мотались по квартирам с маленькой дочкой на руках. И вот он, обговорив с женой, по договору поехал в Сибирь, чтобы подзаработать денег на кооперативную квартиру. Ну а через несколько месяцев получает от своего приятеля письмо, что жена его открыто живет с любовником. Борис взял расчет и прилетел в Ташкент. И ночью заявился домой с письмом в кармане. И точно. Все как в анекдотах. Только конец тут не смешной, а трагический. Борис, мужик здоровый, сначала любовника в окно выбросил с третьего этажа, а потом и супругу.

Алексей замолчал и разлил по стаканам коньяк.

— И что?— полюбопытствовал Валерий.

— Жена насмерть, любовник остался инвалидом. Боря одиннадцать лет получил, дочку забрали родители жены. Девять лет отсидел, освободился, а куда податься? Никого нет. Детдомовский. Вот он и сломался, наверно, тогда. Запил и забичевал. А ведь будь у него свое жилье или оказался жена порядочной, так Борис

остался бы полноценным членом общества. Добрый, безобидный мужик, его местные сильно уважали и жалели, что пьет. На гитаре хорошо играл...

Валерий, снисходительно поморщившись, спросил:

— Где же теперь твой выдающийся музыкант? Опять на небо через решетку смотрит?

Алеша взглянул на него и покачал головой.

— В мае умер он. В лагере астмой заболел, вот она и доконала его. Я впервые так близко видел астматика и скажу тебе, это страшная вещь. И он знал, что умрет скоро, но вел себя, словно ребенок: шутил, дурачился, ребятишкам сладости разные покупал и там же у магазина раздавал...

— Ладно, хватит о нем,— махнул рукой старший Чанышев, перебивая брата.— И жалеть нечего таких бродяг. Я считаю, что человек сам вершит свою судьбу. Сам, понимаешь? А твои рассуждения о том, что мы пешки в чьих-то руках и прочее, это мистика и религиозная чепуха, ясно тебе? И когда жена ставит своему мужу рога, значит, он того заслуживает. А твой Борис, возможно, вдвойне того заслуживал, кто его знает. Может, он был неполноценен или она не любила его. К тому же дурак, что оставляет супругу одну на год или на два. Женщина тоже не ангел, а живой человек. Вот так-то, дорогой мой брат...

И тут Валерий заметил, что Алеша странно смотрит на него. Непонятно смотрел на него брат, очень непонятно.

— Ты чего так на меня уставился?— спросил Валерий, уже готовый оскорбиться.

— Давай выпьем за эти твои слова,— как-то недобро улыбнулся Алеша.— Давай выпьем за твою истину.

Валерий слушал Алешу и решительно ничего не понимал. Он только чувствовал, что в настроении брата произошла перемена.

— Замнем этот разговор,— миролюбиво сказал он.— Что это мы затеяли поминование какого-то чужого нам человека. Ну не глупость ли?

Они молча чокнулись и выпили. Глядя, как увлеченно брат налегает на еду, Валерий решил его похвалить.

— Ну, аппетит у тебя!— сказал он.— Что, всегда так?

— Кто хорошо работает, тот хорошо ест. И у кого совесть чиста...

— Ты что, собираешься куда поступать?— Валерий кивнул головой на стопку книг и тетрадей, сложенных на подоконнике.

— Хочу в автодорожный попробовать. Не знаю, что получится.

— А халатик не мешает тебе заниматься?— чуть улыбнулся Валерий.

— Напротив, он помогает мне,— невозмутимо ответил Алеша.— Не будь его, я, наверное, давно уже сбежал бы отсюда.

— Кто же она?

— Она с Карши. Русская. В техникуме там преподает. Мы навещаем друг друга.

— Силен, брат. Силен,— повторил Валерий.— Не собираешься ли ты жениться на ней?

— Да нет. В октябре или в начале ноября я собираюсь перебраться насовсем в Ташкент. К тому же Марина на четыре года старше меня и у нее ребенок.

— Разведенка?

Алеша кивнул и, откинувшись на спинку стула, закурил.

— А как у тебя идет жизнь?

— У меня полный порядок,— значительно сказал Валерий.— Для полного счастья машины только не хватает. Но думаю, года через два возьму.

— С женой как?

— А что с женой?— улыбнулся старший Чанышев.— Дай бог всякому такую жену, как моя Галя.

— Ты любишь ее?— со странной настойчивостью допрашивал Алексей.

— Ты что, Алеша, тут мне пионерский допрос устроил? Я с Галей, можно сказать, душа в душу уже пять лет живу. Посмотрим еще, какая тебе попадет.

— Она тебе ничего не говорила обо мне?

— О тебе?.. Что ты имеешь в виду?

— Она разве ничего не рассказывала о нашей встрече с ней апрельской ночью, когда я позвонил в вашу дверь? Тебя не было дома.

Валерий с минуту молча смотрел на брата, переваривая смысл услышанного, потом медленно покачал головой.

— И что, даже когда ты собирался ехать ко мне, она ничего тебе так и не сказала?— не поверил Алеша.

— Она не хотела отпускать меня,— нехотя признался Валерий.— Она очень не хотела этого. Только и всего... Так ты действительно приезжал к нам?

— Ты знаешь, я не хотел ничего тебе говорить об этом. Честное слово!— решительно начал Алеша, слегка побледнев от волнения.— Поэтому не писал ни родите-

лям, ни тебе. Мне ведь тогда надо было бы объяснить, отчего я оказался в этой дыре... Я тебя жалел. Думаю, пусть сам узнает обо всем и решает, что делать. Но меня поразило, как ты легко говорил о Борисе, об истине?.. По-твоему, выходит, раз жена изменяет мужу, значит, он сам виноват. Так?.. Что молчишь? Может быть, в таком случае, пояснишь мне, в чем твоя вина перед Галочкой твоей?

— Не понял,— попытался усмехнуться Валерий, предчувствуя недоброе.

— Твоя жена ставит тебе рога, пока ты разъезжаешь по широким степям,— жестко и раздельно сказал Алексей.

— Ты что мелешь, щенок!— мгновенно налившись краской, прохрипел Валерий и угрожающе приподнялся из-за стола.— Ты что мелешь, сволочь?

— Сядь и не дергайся,— холодным и спокойным тоном приказал Алексей.— Сядь, говорю.

Валерий с минуту стоял молча, свирепо глядя на брата, а потом опустился на стул.

— Выпей,— сочувственно сказал Алексей.— И внимательно слушай, что я буду говорить. А я буду говорить только то, что видел.

Они одновременно выпили. Алексей запил коньяк лимонадом и приступил к рассказу.

— Поезд прибыл в Ташкент около четырех утра. На привокзальной площади я быстро взял такси и подъехал к вашему дому. Рассветало. Я поднялся на четвертый этаж и, отыскав вашу квартиру, позвонил. Что тебя нет дома, я, конечно, не знал. Звоню, значит, в восемнадцатую квартиру уверенно, по-хозяйски, мол, давай, Валера, открывай брату дверь. Однако проходит минута, две, никто не спешит встречать меня. Я немного стусебался. Может, дома никого нет? И тут слышу беготню по квартире, жаркий такой шепот, среди которого я распознал и грубый мужской голос.

Почувствовав недоброе, я застучал в дверь кулаком, и наконец женский недовольный голос спрашивает:

— Ну кто там?

На всякий случай, вдруг я перепутал дом или квартиру, говорю:

— Извините, Чанышевы не здесь живут?

И тут женщина обрадованным, почти счастливым голосом кричит из-за двери:

— Да, да, здесь, что нужно?

— Вам срочная телеграмма...

Ты догадался, конечно, почему я так сказал. Мне необходимо было убедиться в том, что я не ошибся, да и было интересно посмотреть, что они станут делать. Щелкает замок, и в узком проеме показывается полная молодая женщина в розовом халате. Она протягивает руку:

— Давайте сюда.

Но тут, увидав у моих ног два чемодана, твоя Галя мигом сообразила, кто я есть, и мгновенно захлопнула дверь. Она же знала, что я должен был приехать?

Весь напрягшись, Валерий чуть кивнул, подтверждая вопрос брата.

— Когда она захлопнула перед моим носом дверь, я опять застучал по двери кулаком и громко сказал, кто я такой и откуда прибыл. На что твоя Галя ответила, что знать ничего не знает и нечего ходить по ночам и пугать людей. Она, видите ли, дома ОДНА и никого пускать не собирается. Я спросил про тебя. Сказала, что в поле и вернешься только через неделю. Что мне оставалось делать? Ты думаешь, я поехал на вокзал? Нет. Я решил дожидаться того человека, который пришел к твоей жене. Только, что делать с ним, я еще не знал. Я через дверь объявил ей, что поеду сейчас на вокзал, а утром приеду, раз она боится пускать ночью НЕЗНАКОМОГО мужчину...

Я спустился вниз и присел на лавочку у подъезда. Окна вашей квартиры выходили на другую сторону дома, и за мной они не могли проследить. Положение мое было щекотливым. В кармане лежало всего пять рублей, и я не представлял себе, куда мне направить свои стопы. Время тянулось медленно, но наконец начало рассветать. Я поднялся на третий этаж и стал ждать. И вот в тишине я услышал, как тихо открылась дверь вашей квартиры. Я на цыпочках сбежал вниз, мигом поставил чемоданы за низкую ограду цветника и отошел на несколько шагов в сторону.

Из подъезда вышел невысокий плотный мужик лет сорока в синей куртке с капюшоном. Он подозрительно взглянул на меня цепкими глазами и пошел было дальше, но я молча схватил его за рукав. Он рванулся, вырываясь, но я, взяв его за грудки, два раза ударил головой в переносицу. Он обмяк. Я еще врзал ему в челюсть и отпустил. Он упал и, поджав ноги, закрыл голову руками. Я взял чемоданы и только тогда посмотрел по сторонам. На счастье, вокруг не было ни души. Я пошел к лежащему и, легонько ткнув его ногой, сказал для острастки:

— Еще раз покажешься в этом доме — убью!

Потом я поехал на вокзал и там в буфете встретился со своим попутчиком,

с которым вместе ехали в одном купе и, как водится, познакомились. Саид очень удивился, увидав меня снова на вокзале: ведь он знал, что я приехал к родному брату. А он делал пересадку, чтобы следовать дальше на юг, в Каршинскую степь. Я сказал ему, что вы, оказывается, уехали к родителям жены, и откровенно признался, что не знаю, что мне теперь делать. Тогда Саид предложил мне ехать к ним в совхоз. Мол, поработаешь месяца два и вернешься в Ташкент к брату. Я принял его предложение и не жалею об этом.

...На следующее утро Алексей вышел проводить брата на шоссе. Они стояли у обочины, поджидая рейсовый автобус, молчали, а затем Алексей спросил:

— Что думаешь делать, Валера?

Чанышев-старший, угрюмо смотревший вдаль шоссе, ничего не ответил на сочувственный вопрос брата, и Алексей тихо вздохнул про себя. И только когда Валерий сел в автобус, он вдруг обернулся и с ненавистью бросил брату в лицо:

— Будь ты проклят, подонок!

Владимир Сидоров

В ЛЕС ПО ЯГОДЫ

РАССКАЗ

Проснулся Сенька рано. В голове сразу же всколыхнулась мысль о предстоящей поездке.

— Какой уж такой необыкновенной может быть лесная земляника? Почему Любава сказала, что клубника — это «ноль без палочки», вот земляника — «это да»! Ее можно и полведра сразу съесть!

... Перед глазами уложенные аккуратные горки красной и оранжевой клубники, какую он видел каждой весной на рынке своего родного города. Ходил на базар обычно с мамой. Она подолгу выбирала, пробовала на вкус. У Сеньки терпение лопалось. А мать пройдет по ряду да еще вернется.

— Здравствуйте Лена-апа! — Или: — Салом, тетя Лена! — кланялись ей вежливо отдельные хозяйки клубники, видимо, близко знавшие ее. На приветствия она отвечала всегда с улыбкой. Улыбалась широко, открыто. При этом ямка, украшавшая ее подбородок, становилась больше и глубже. Она приятно дополняла добротой и без того добрый вид ее смуглого лица. Говорила с ними мама на разных языках — с одной по-русски, с другой по-узбекски. И в том, и в другом случае ее певучий голос придавал разговору задушевности. А возможно, ему это только казалось: все-таки родная мама.

Пока вспоминал родной городок, к горлу подкатилась слюнка — такая сладкая, так захотелось съесть хотя бы горсточку той клубники. Именно клубники, а не земляники, которую расхваливает сейчас Любава! Ему никак не хотелось соглашаться с ее доводами. Мысленно он расхваливал свою любимую ягоду, но вслух не рещался: его сдерживала внутренняя скромность, ее он унаследовал, как считал отец Абдулла Рахматович, от своей мамы. К тому же он не только не знал вкуса земляники, но и не видел даже, как она растет. Поэтому и отпарировать Любаве, этой пугливой и упрямой «дикой козочке», как порой называл ее по-дружески, и не пытался.

А вдруг она уже идет?! Ему казалось, что вот-вот откроется дверь и она, застав его в постели, скажет:

«Эх, лежебока! Эх, бесстыдник! Спишь до сих пор!»

Воспоминания вмиг рассеялись, словно их и не было. Он встрепенулся и вскочил с постели. Натягивая на ходу рубашку, не заправив ее в брюки, резко хлопнул дверью и выбежал во двор. Прошел за калитку. Посмотрел пристально на соединяющую два двора дорожку, где должна появиться Любава. Постоял немного, вздохнул глубоко и вернулся во двор. Из окна наблюдала за ним хозяйка дома — тетя Клава. Вспомнил, что, когда спешил к калитке, видел ее и не поздоровался, не сказав ей привычно: «доброе утро». Мысленно укорил себя за эту непростительную оплошность. Как бы во искупление вины, он, не отводя от нее взгляда, начал кивать своей забывчивой башкой старательно и долго. Опомнившись, остановился, и ему вновь стало неловко.

«Чокнулся, наверное, парень, скажет тетя Клава», — подумал с опаской Сенька. Зашел домой, надел трико и сделал зарядку.

— Сенька, иди завтракай! — окликнула хозяйка строгим голосом. Усадив за стол, подала ему жареную картошку с мясом. — Вчера мои подруги, с заготзерно, ездили за ягодой, — наливая в бокал квас, сказала она.

— Ну и как, много набрали?

— Да почти по ведру. И земляника, и костяника есть. Год, видать, нынче урожайный на ягоды. А у тебя машина под собой. И все только собираешься.

— Квас-то какой крепкий — в нос бьет! Спасибо за вкусный завтрак. На обед я вас буду ягодой угощать.

— Пошто так мало ел-то? В лесу да в поле, знаешь, как кушать захочется? Вот яички я отварила... Возьми...

— Да что вы беспокоитесь, тетя Клава? Напрасно это. На машине-то мы к обеду, как штык, будем дома! Ягоды там покушаем, в крайнем случае.

Вышел Сенька во двор. Походил туда-сюда и, в ожидании Любавы, сел на «козла», на котором вчера пилили они с хозяином дрова. От опилок и полусухих чурок отдавало приятным березовым запахом. Стал укладывать поленья вдоль забора, как показывал хозяин: делать-то нечего, пока Любава не пришла.

Ехать за ягодой предложила сама Любава. Точнее, со своей подружкой Тамарой, живущей тоже по соседству, только по другую сторону дороги. Договорились так, что они придут утром сами.

Перебирая в руках ключи, которых у него была целая связка, от машин разных марок и мастерских, Сенька с нетерпением ждал девчонок.

...Приехал он сюда, в этот край сибирский, по окончании автодорожного техникума. Выбор сделал сам. Повлияло, конечно, и пожелание мамы. Она родилась и провела детство в сибирских просторах. Много рассказывала о таежной природе, о таинственных лесах, о разноцветных душистых лугах и, конечно же, о трескучих сибирских морозах. Живет здесь Сенька с прошлой осени, работает в местном гараже автомехаником. Автоколонна новая. Автомобили тоже новенькие. Вместе с Наумом Евлантьевичем — коренастым, широкоплечим, потомственным сибиряком — они организовывали эту автоколонну. Того назначили завгаром, а Сенька, как определили его положение шоферы, был его заместителем «по прыжкам в сторону». В общем, доступ к машинам он имел действительно свободный. Вот и сейчас собрался ехать на новом, недавно полученном «газончике».

На квартиру пригласил его Петр Илларионович, работавший в гараже шофером. Договорились так, что Сенька и столоваться будет в его семье. В здешних местах квартироваться вот так, что называется, по-братски, было неписанным правилом.

Девчонок, живших по соседству, Сенька считал малолетками и за девушек ни в коем случае не признавал.

В доме Петра Илларионовича имелся проигрыватель и большой набор хороших пластинок. Девчонки иногда приходили, слушали музыку и танцевали, но приходили обычно днем, когда Сенька бывал на работе. В таких случаях тетя Клава обязательно сообщала ему: «Девчата к нам сегодня приходили...» Или: «Что-то зачастили к нам девушки-соседушки...»

Сенька не придавал сказанному никакого значения.

Тетя Клава загадочно улыбалась, пряча за улыбкой что-то недоговоренное. Видя, что Сенька не реагирует или не понимает ее, она сказала однажды напрямую:

— По-моему, ты приглянулся...

— Да что вы, тетя Клава! Они же еще малышня! По сколько им хоть лет-то?

— Шестнадцать, наверное, есть. Тамара ходит в девятый.

— А Любава?

— Она, кажется, на шахте работает.

— Разве? Кем же она там может работать?

— По-моему, учетчицей. И в вечерней школе учится. Только не знаю, в каком классе.

Дважды Сенька брал девочек с собой, когда ездил с ребятами на танцы в соседнее село Пихтовку. Но с ними не танцевал. А однажды тетя Клава попросила его принести от Тамары взятую ранее кастрюлю. Сенька зашел, а в доме никого. В поселке двери домов никогда не запирались — никто и никого не боялся. Через одну-две минуты вошла Тамара. Она, оказывается, мылась в бане. На ней было коротенькое домашнее платьице. Видя, что Сенька, не сводя глаз, осматривает ее с головы до ног, она улыбнулась:

— Чего это ты меня так пристально рассматриваешь?

Сенька вмиг опустил глаза. Ему стало не только неловко, но почему-то даже стыдно. Хотя никаких «темных» мыслей у него не было. А больше всего нравился

Сеньке ее смех. Да, именно смех — как колокольный звон. И смотрела при этом на собеседника широко распахнутыми глазами. В общем, получалось так, что она своим открытым взглядом и раскатистым смехом располагала к себе, притягивала, словно магнитом.

Любава — та наоборот: вела себя сдержанно и не по возрасту серьезно. Слова лишнего не скажет.

Калитка скрипнула, и Сенька, вмиг соскочив с «козла», пошел Любаве навстречу.

— А где Тамара?

— Она не поедет. Куда-то собрались с мамой.

— Ну и что теперь?

— Поедем вдвоем!

— Я жду вас добрых два часа. Вы же обещали прийти чуть ли не с рассветом!

А чего ты так нарядно оделась? Будто в гости собралась — кофточка белая, бант на всю голову.

Любава промолчала.

Едва они стукнули калиткой, в окно их окликнула хозяйка.

— Что же вы посуду-то не берете? Вот возьмите доенку.

Сеньке нравилось ведерко, в которое хозяйка доила свою буренку. Маленькое, легонькое, необычной формы, с небольшим, оригинальным носиком.

— Без ягод не приезжайте... Ни пуха ни пера! — напутствовала доброжелательная тетя Клава.

День выдался отменный. Небо голубое, яркое. Воздух словно звенел от солнечного сияния. Совсем необычной показалась в этот час Сеньке Любава. Лицо было задумчивым, говорила она медленно, как бы взвешивая каждое словечко.

Сторож гаража дядя Силантий был в курсе дела. Сказал Сеньке, что на маленькой машине уехал куда-то сам завгар и поручил передать: пусть механик садится на любую грузовую машину. Сенька выбрал новый «зилек», на котором работал один из его товарищей. С пожилыми шоферами связываться не хотелось: греха не оберешься. Проверил бензин и масло — все в норме. Вытер старательно сиденья, особенно спинки, чтобы не испачкалась белоснежная кофточка Любавы. Выгнал из гаража машину, усадил соседку — и в путь.

В кабине Любаву как будто подменили. Шутила она, смеялась. В общем, настроение было — что надо. И у Сеньки на душе стало радостнее. За разговором не заметили, как до лесу доехали. Поставив машину, тут же в лесную чащу отправились. И совсем не удивились, что навстречу им шла группа женщин с уже потяжелевшими ведрами.

— Ну как, тетя Авдотья, помногу набрали? — спросила Любава выделявшуюся своей грузностью пожилую тетушку.

— Как видишь...

— А ну-ка покажите, — полюбопытствовал Сенька.

— Да ради бога! Жалко, что ли? — тетя Авдотья развязала платок с большущего ведра и показала ягоды.

— Спелехонькая земляничка! А костяники еще маловато? — пропела Любава.

— Есть и то и другое. Смотри где будешь собирать. На открытой полянке — землянички больше, а между редкими деревьями и по краю поляны — высматривай костянику. Собирай, не ленись, — заключила повеселевшая старушка.

— А где вы собирали-то, тетя Авдотья? Далеко ли отсюда? — спросил Сенька, возбужденный увиденным.

— Недалече, за этим бугорком. Там большущая поляна... Любава знает, наверное, ее.

— Напрямую можно проехать?

— Конечно, можно. Вон какие просеки между деревьями.

— Садись, поехали! — заторопил он Любаву.

Приехали на опушку. Остановились. Осмотрелись.

— Вон та поляна! — бросив на Сеньку веселый взгляд, воскликнула Любава.

— Давай подъедем ближе.

Не успел он проехать и десяти метров, как почувствовал, что машину затачивает в грунт. Остановился. Вышел из кабины. Прямо на глазах колеса углублялись в землю. Впрыгнул в кабину, включил скорость, осторожно нажал на педаль. Машина пробуксовала.

— Ну и ну! Мы на возвышенном месте стоим, откуда ж тут сырость? Даже на трясину похожая. Что теперь делать?

Обошел вокруг машину и, увидев за кабиной привязанную к раме лопату, обрадовался.

— Выход есть, придется только потрудиться,— доложил он Любаве.— Пока не затынуло глубоко, быстренько подкопаю и сделаю из дров настил. Выскочим как пробка! Не волнуйся, Любава!— заключил Сенька.

Взялся за дело горячо. Пока копал да поддомкрачивал, Любава успела натаскать целую кучу хвороста.

«Какая быстрая девонька!»— подумал он про Любаву. Настелил хворосту и обломков дров — капитально.

— Смотри, как сейчас выскочит «зилок»! Машина зверь, шофер собака!— пошутил он.— Ты только подальше отойди: забрасает грязью.

Завел двигатель. Чтобы дать колесам поменьше оборотов, включил вторую передачу. Это правило он знал — приходилось уже сталкиваться с подобным. Начал осторожно раскачивать машину. На два-три метра продвинулся назад — и пробуксовка. Вылез, чтобы снова подложить хвороста. Подложил, залез в кабину включил мотор — и снова забуксовал.

— Все! Машина села на оба моста. Больше рыпаться нет никакого смысла. Идем на дорогу. Будем ловить попутку.

Направились к дороге. Сенька оглядел Любаву еще раз и вздохнул:

— Ох, дуреха, ну взгляни на себя! Кто тебя просил хворост таскать? Извозилась-то как!

— Что попало говоришь,— засмеялась Любава.

— Плакать надо, а не смеяться.

— Машина гудит! Побежали! В сторону Бочат идет. Не согласится вытаскивать — хоть ты домой поедешь.

— Не поеду я одна! Вытащим, тогда и поедем.

— Время-то смотри — уже пятый час...

Поднял Сенька руку. Машина, взвизгнув тормозами, остановилась напротив. Смотрит и глазам своим не верит Сенька: за рулем оказался Володька Трусов, шофер его автоколонны.

— Здорово, Володя! Вот так повезло! Заворачивай, поможешь.

— Д-да я-я-я... я кир-пи-ич ве-е-зу. За-а-ав-гар ра-аз-ре-реш-ил...

Он и так-то заикался, а от испуга, что встретил механика, и вовсе заволновался. Трос у Володьки в машине был, но слишком короткий — не больше двух метров, вряд ли он сможет помочь. Решили так. Он едет домой, берет длинный трос, возвращается, и они вытаскивают машину.

— Я-а-а бы-бы-стро.

— И Любава с тобой поедет.

— Никуда я не поеду,— сказала Любава и настояла на своем.

Вернулись к машине. Тени деревьев стали длиннее, солнце близилось к горизонту.

— Я все-таки попробую еще подкопать и поддомкратить, а ты тем временем сходи землянички пособирай.

— Я хочу помочь тебе.

— Ну и настырная!— возьми-ка ведро и шуруй за ягодой.

Любава нехотя повиновалась.

Володя сработал действительно оперативно. Сенька даже не успел подготовить как следует настил.

Зацепили трос. Договорились, что и как будут делать, и сели по кабинам. Газовали недолго... Села и вторая машина.

Услышав гул, прибежала Любава. Предложила отведать земляники.

— По-то-ом.

— У нас руки, видишь, какие замызганные,— буркнул Сенька.

Любава все же настояла на своем: угостила их из своих рук.

«Что делать?»— думал Сенька. Решил: Володя идет на дорогу, «голосует» и едет в гараж за другой машиной. Берет с собой еще шофера, трос подлиннее (этот был не коротким, но его оказалось недостаточно). Сенька написал сторожу записку, и Володя тронулся в путь. Упрямая Любава опять осталась.

Пригнали второй «зилок» с длинным тросом, да еще и загруженный породой. Той, что вывозили они ежедневно с забоя шахты. Уговорили экскаваторщика, и тот поехал с ними в забой, чтобы загрузить машину. В общем, подготовились как надо. На этот раз машины вытащить удалось. С первой, Володиной, справились легко, а со второй изрядно пришлось повозиться. Помучались с ней битый час. Работали уже при свете фар.

Сели по машинам, и «колонна» тронулась.

— Мама ругать, наверное, будет,— сказала в пути Любава.

От гаража до дома шли быстрым шагом. Порой пускались в пробежку. Сенька умудрился даже упасть — споткнулся и прошелся на четвереньках.

— Вы что же так долго? Куда запропастились? Где Любава? Мать два раза

приходила спрашивать, не приехал ли Сенька? Переволновались... Всякие думы в голову лезут,— взволнованно выпалила все это тетя Клава.

— Забуксовали...— виновато пробормотал уставший Сенька.

— А где Любава?— переспросила она.

— Как где? Домой пошла.

— Садись кушай! Целый день голодные! Я же говорила... Целый день... Надо же...— никак не могла успокоиться хозяйка.

Уплетывал Сенька наваристый борщ, а мысленно был уже в постели: так хотелось ему спать. Встав из-за стола, ни минуты ни на что не потратил, разобрал постель — и на боковую.

«Ладно, еще сумели вытащить, а то завтра трех машин не досчитались бы в забое»,— успокоил себя на сон грядущий. Уснул. И вдруг голос:

— Сенька! Ты не спишь?— спросила тетя Клава. На пороге его комнаты стояла хозяйка.

— Засыпаю.

— Вставай!

— Зачем?

— Поднимайся! Маша за тобой пришла.

— Какая Маша?

— Сестра Любавы... Ушла, говорит, Любава из дома.

— Куда ушла?— не мог ничего понять Сенька, потому что знал: не уйти, а прийти должна была Любава домой. Да и куда бы уйти ей на ночь глядя?

— Вставай быстрее! Ждет же Маша-то!

Нехотя, через силу, будто стопудовый груз поднимая, встал. Медленно, пошатываясь, вышел во двор.

— Пойдем, Сенька, искать Любаву.

— А что случилось?

— Поругали ее, и она куда-то убежала из дома.

— Она говорила, что мать будет ругать, загодя чувствовала.

— Не так мать, как старшая сестра накинулась.

Сенька стоял и никак не мог уразуметь, зачем его подняли. Как говорят в таких случаях: «Поднять-то подняли, а разбудить не разбудили».

— Она один раз так уже делала. Чуть под поезд не бросилась...— вытирая накатившиеся слезы, сказала Маша.

Только после этих слов Сенька словно очнулся. По телу пробежали мурашки.

— Пошли скорее на станцию!— Сенька схватил ее за руку, и они побежали к вокзалу.

Ночную тьму пронзил гудок тепловоза. Еле духа хватило выждать его до конца. А потом еще и несколько коротких гудков.

— Бежим быстрее!— в горле пересыхало. Стучало в висках.

— Ты и по сторонам поглядывай. Может, где попадетсЯ на глаза,— задыхаясь от волнения, проговорила Маша.

— Сейчас быстрее к вокзалу! Потом на обратном пути посмотрим в заoulки.

Поезд только подходил к станции.

«Слава богу, успели»,— подумал Сенька и, прежде чем кого-то спросить, не видели ли Любаву, обратился к Маше:

— А она как одета?

— В чем пришла, в том и сбежала.

— Вы не обратили внимания — не проходила здесь девочка в белой кофточке?— спросил Сенька дежурную.

— Нет, не было тут никакой девочки — ни в белой кофточке, ни в черной,— бросив на Сеньку удивленный взгляд, ответила пожилая железнодорожница.

— Она рослая... Большая такая... В общем, девушка,— уточнял Сенька. Это он привык видеть в ней девочку, а какая же она девочка? Девушка самая настоящая!

— Пассажирский проходит утром, ночью на перроне никого не бывает,— пояснила дежурная.

— А бантики на ней оставались?— шепотом спросил он Машу.

— Кажется, да...

Тепловоз подходил к вокзалу медленно, затянжно.

«Спросить машиниста?— подумал Сенька.— Зачем?— тут же остановил себя. У тепловоза вон какой сильный прожектор — на километр освещает дорогу. Если бы...»

И все же подошел.

— На подходе к станции у железнодорожного полотна не видно было рослой девочки в белой кофточке?

— Нет,— буркнул машинист и тут же скрылся в кабине.

Покружились, походили по перрону, прошарили по закоулкам — Любавы нигде не нашли.

— Пойдем домой — может, она вернулась...

— Давай лучше подождем отхода поезда, — не согласился Сенька.

Стук колес удаляющегося поезда казался ему противным и мерзким. Отчего так стучат виски?

— Пройдем теперь до речки, до моста...

Сеньке мерещилось, что этот злополучный мост мог быть выбран ею именно тем местом. Дошли до моста. От речки веяло холодом. Возшедшая крохотная луна, пробившись сквозь темные мрачные тучи, высветила на минуту скелет громоздкой железной фермы моста, и снова наступила тьма.

Возвращались домой медленным шагом, крадучись. Говорили мало, крутили головами вправо и влево, высматривая — не промелькнет ли где белое? Дошли до дома. Маша зашла и как будто пропала.

...Она была среди сестер средней. Много старше Любавы. «Передержанная невеста», — так о ней сказала однажды тетя Клава.

...Скригнула, наконец-то, дверь — и Сенька кинулся навстречу:

— Дома? Чего молчишь? Говори быстрее!

— Нет.

— Что делать, где еще ее искать?.. — раздумывал вслух Сенька.

Маша стояла и рыдала. Сенька приблизил ее к себе, постучал по спине легонько:

— Не плачь. Все равно... (У него перехватило горло, как будто комком подавился). Все равно разущем! Ты подумай: может, она ушла к кому из подруг? Давай к Тамаре заглянем...

— Нет, она ночью к ним не пойдет. В соседнем селе живет наша тетка. Может, туда надумала пойти?

— Пошли к тетке, — ухватился тут же Сенька.

— За речкой, на пригорке...

— Сразу не догадались, когда подходили к мосту.

— Здесь и прямее можно пройти, тропинка есть.

Не раздумывая, направились к тетке. Шли торопливо, как будто кто-то кнутом подгонял. Зашла Маша во двор, постучала в окно. Тут же открылась дверь, и в том, в чем спала, вышла хозяйка. Обмолвились несколькими словами, и Маша направилась к выходу. Сенька понял, что здесь ее не было. Снова повернули домой. Шли молча. По дороге Сеньке припомнился случай, который рассказывал ему товарищ, когда он учился еще в восьмом классе. В соседней сельской школе ученица девятого класса влюбилась в мальчика-десятиклассника. Случилось так, что она должна была родить. Их обсуждали на педсовете. В общем, она не вытерпела накала страстей и повесилась. Все говорили, что этот возраст — самый хрупкий. Сенька старался отогнать от себя эти мрачные воспоминания.

Ветер усиливался.

— Хо-о-лодно становится, — зещелкав зубами, пробормотал Сенька, съезжившись.

— А что не надел пиджачок? Был ведь около дома.

— Не подумал... Давай пробежим!

— У меня ноги болят. Пятки до крови, наверно, натерла.

— А если разуться?

Маша как будто ждала такого предложения — туфли в руки, и пошли, а затем и побежали. Скоро они добрались до дому, Маша поспешила посмотреть — не пришла ли Любава? Нет, не было дома Любавы. Сенька сбегал домой, оделся и тут же вернулся.

— Посидим немножко на лавке, — предложил он. — Подумаем, куда еще можно податься...

Сели на лавку под тем высоким деревянным забором, вдоль которого шла утром к нему Любава.

— Не могу... Не выдержу я этого... Неужели... — плакала навзрыд Маша.

Сенька ерзал на лавке, не знал, как ее успокоить. Похлопывал просто по плечу. Маша успокоилась, умолкла. На улице стало тихо-тихо. И эта тишь была ему не по душе — она казалась обманчивой и даже предательской.

Вздохали тяжко — то она, то он. У каждого на уме было одно... В это время где-то поблизости послышался едва уловимый шелест. Маша отодвинулась от Сеньки. Они затаили дыхание. Шорох повторился, на этот раз уже отчетливее.

— В огороде что-то прошуршало. У вас что там растет?

— Картошка посажена.

— Кошка, видно, лазает.

Через минуту-другую шорох послышался снова, и с каждым мигом усиливался. И вот уже слышны редкие шаги. Оба встали и прильнули к щелкам дощатого

забора, который высился едва ли не на три метра. Доски загромыхали, забор задрожал. На верхней поперечной доске показались руки. Доли секунды — и вскарабкавшаяся, как кошка, Любава с диким отчаянным криком «Сень-ка-а» — камнем упала вниз. Сенька едва успел подставить руки и поймать ее на лету. Она вцепилась в него, обхватила руками шею и неимоверно громко зарыдала. Сеньке аж страшно сделалось. Ему такого слышать еще не приходилось. Он держал ее на руках, а она, сжавшись, вся дрожала, как тронутая струна. Он слова не мог вымолвить успокаивающего, в горле пересохло.

«Потерплю... потерплю... — твердил он мысленно. — Еще минута и она успокоится...»

Голос ее постепенно стал стихать. Она продолжала плакать, но того, безудержного, крика не было. Она стала постепенно расслабляться и наконец смогла глубоко-глубоко вздохнуть.

— Се-ень-ка! — снова, но уже нормальным голосом повторила Любава и опять залилась слезами.

Сенька отпустил ее, чтобы она встала на ноги, сильнее прижал ее к себе и ...поцеловал.

— Я пойду... — промолвила Маша. — Я, наверное, пойду, — повторила она. Ее как будто никто и не слышал.

Сенька убрал свои руки с ее шеи, но она не отходила. Любава нежно подставила свои мягкие губы, и они целовались еще и еще... Сенька не сразу опомнился: она же замерзла! Прижались друг к другу и стоят молча. Любава пригrelась и дрожать перестала. Стала ровнее дышать.

...С Сенькиного двора раздался легкий звон молочных струек, ударяющихся о дно ведра.

— Это тетя Клава доит свою Буренку, — полушепотом сказал Сенька.

Осторожно, как будто украдкой, повернул голову на восток и открыл глаза. Начинало светать. Тихонько прильнул к ней, поводил своей щекой по ее лицу. Оно было таким нежным и мягким, что у Сеньки от этого прикосновения душа как будто таяла. Захотелось поцеловать снова — Любава на сей раз отвела лицо.

— Не надо, Сенька... Я пойду... — сказала и сама легонько прижалась к нему. Достала платочек, вытерла глаза, поправила волосы. Сенька молчал, затаив дыхание. Только ведь успокоилась Любава, как бы не спугнуть.

Постоял на углу, пока Любава скрылась за калиткой, и повернул к себе домой. Калитку открыл осторожно, чтобы не скрипнула. Тихонечко, почти на цыпочках, вошел в комнату и лег в постель. Спать почему-то не хотелось. Лежал и думал.

Он почувствовал вкус клубники, затем кисло-сладкой земляники, которой угощала его Любава, и еще какой-то непонятный вкус... Это был его первый поцелуй.

Брутт Ким

КОГДА РАССЕЕТСЯ ТУМАН

РАССКАЗ

Умер Ли Су Ун.

Эта весть, скрипучая, как ворота соседа, пришла к Андрею Мироновичу в облике сухонькой сгорбленной старушки в длинном, до самых галоз, платье из шотландки, над которой увядшим подсолнухом торчала сморщенная головка, обвязанная белым ситцевым платком.

В поселке Нина Кузьминична была известна больше как Су Ун-че, то есть жена Су Уна, что было чисто в восточном духе, который предполагал непререкаемый авторитет мужа в семье; женщина, войдя в его дом, теряла свое имя, становилась мужниной тенью. Выйдя за Су Уна, Нина Кузьминична за полвека совместной жизни настолько вросла в обычаи и образ жизни его народа, что и в самом ее облике появились типичные черты старых корейнок: та же мелкосемящая походка, та же мягкость манер и покорная улыбка. И лишь внимательный взгляд мог заметить в ее глазах голубоватый славянский огонек.

С Андреем Мироновичем ее ничто не связывало. При встрече на улице они лишь обменивались вежливыми улыбками да едва слышными приветствиями. И только когда ситуация делала общение неизбежным, например, при случайном соседстве в очереди за дешевой российской картошкой, которую завозили сюда поздней осенью, Андрей Миронович расспрашивал ее о Су Уне, памятуя, что когда-то старик вырыл ему яму для туалета.

Дело в общем-то давнее, и произошло оно без ведома Андрея Мироновича. Уж он-то ни за что не смог бы попросить кого-нибудь о столь деликатном деле — лучше бы сам, подгоняемый назойливыми напоминаниями супруги, взял бы лопату в руки. Но теща, не упуская случая доказать дочери, что муж мужем, а мать всегда остается матерью, привела как-то втихую Су Уна и поставила зятя перед свершившимся фактом. Тещу Андрей Миронович сердито упрекнул, супругу побранил и... облегченно вздохнул. Но чувство вины, внезапно охватившее его, когда он торопливо всучил старику три пятирублевые ассигнации, две из которых Су Ун тут же вернул, сказав, что работа не стоит таких денег, осталось и поныне. С тех пор он считал себя обязанным поинтересоваться при случае у стариков о их житье-бытье. Но такие случаи выпадали редко. Что же привело Су Ун-че к нему в столь ранний час?

Она же в белом платке — пронзила его догадка.

Подыскивая слова утешения, он поймал себя на мысли, что смерть Су Уна как-то не слишком огорчила его. Скорее, она вызвала чувство досады, что пришлось попасть вот в такую щекотливую ситуацию, когда нужно сказать что-то правильное, соответствующее, а в голову ничего не приходит.

— А ведь он был еще крепкий, — неожиданно брякнул он и тут же покраснел.
— Хворал старик, — ответила Су Ун-че, чем еще больше смутила соседа, но тут

же, извиняя его незнание, добавила:— Хворал, а все равно копался в огороде. И все думали, что здоровый. И вот помер... Ну, я пойду...

Су Ун-че обвела Андрея Мироновича невидящим взором, горестно вздохнула и засемила к выходу.

Как-то она жить теперь будет? Острая жалость к этой совсем одряхлевшей односельчанке колнула сердце Андрея Мироновича, вдруг осознавшего всю тяжесть ее утраты.

И тут, чертыхнувшись, он бросился к двери: о главном-то так и не расспросил старушку. Но тут же и остановился. О чем спрашивать? И так все ясно. Детей у нее нет, родственников тоже. Значит, надо помочь.

Су Ун-че медленно брела по улице. Взгляд ее, как и мысли, упирался в глухую белую стену. Не видать ни домов, ни деревьев. Какой нынче туман! Когда он рассеется?.. Может, уже никогда? Ох, прилечь бы, раствориться в этом тумане!.. Нет, нет, что она мелет... Старика-то еще не похоронила. Кто же станет возиться с ним... При жизни-то люди даже здоровались неохотно. Будто боялись заразиться его старостью, его немощностью... И этих людей надо звать на похороны... Надо... что-бы как у людей было.

Старику-то ничего этого не нужно. Хорошо ему там, на небе. Ведь небо такое огромное и такое, когда нет тумана, чистое и синее. Как вода в море.

...Тогда Нина шла по берегу моря, надеясь на чудо. Время было голодное. Люди вымирали целыми селениями. Из всей семьи Нина одна в живых осталась и покинула опустевший отчий дом. Все в голове ее перемешалось, помнит только, что вместе с такими же гонимыми голодом беженцами ехала она в поезде и попала, наконец, к самому синему морю.

А когда брела берегом, увидела щедушного паренька, почти подростка — в руках у него была удочка. Увидев обессиленную Нину, он кивнул ей — садись, разжег костер. В черном от копоти чугушке сварил белую-белую кашу, такую пресную и такую вкусную. И еще была уха. Нина никогда не была так сыта. А каша оказалась из риса.

Паренька звали Су Ун, он приехал с отцом из Кореи на заработки. Но отец неожиданно умер от какой-то болезни, и Су Ун решил вернуться домой. Но только вот, как явиться к голодной семье с пустыми руками? Жил он в домишке, сколоченном из горбыля, на самой окраине деревни. Когда-то местные рыбаки хранили здесь бочки с соленой рыбой, потом, когда выстроили более вместительный склад, сюда стали селить сезонников.

В этот домишко и привел Су Ун Нину.

Возвращались они домой поздно, уходили тоже затемно. Он все боялся, как бы кто не увидел девушку в его домике. Да и то! Кто она ему? Ни сестра, ни невеста — случайная подруга по несчастью. Так и жили бы они, и, глядишь, дело бы закончилось тем, чем обычно заканчивается жизнь под одной крышей одинокого парня и одинокой девушки, но... однажды нагрянули в деревню японцы.

Они вошли, грубо толкнув едва державшуюся на веревочной петле дверь. Су Уна, пытавшегося закрыть подругу своим щедушным телом, попросту вышвырнули за порог. Они хототали, срывая с Нины платье, щупая ее груди и бедра. Она металась, как рыба, пойманная на крючок, вала на помощь. Но солдаты были сильные, откормленные, цепкие.

И вдруг эти самые солдаты принялись истощно орать. Потерявшая было сознание Нина открыла глаза и увидела, что мучители ее, крича и ругаясь, выскакивают из дома. Горим!— догадалась она, завидев в щелях языки пламени. Она тяжело поднялась, накинуд на себя то, что осталось от платья, и, пошатываясь, вышла.

Где-то неподалеку слышались стрельба, ругань. Дойдя до берега моря, Нина в изнеможении присела. Су Уна нигде не было. Сбежал! Острая тоска охватила ее. Ох, уж лучше бы сгорела! Куда пойдешь такая: босая, в изорванном платье? Как быть?

— Как быть?— проговорила вслух Су Ун-че, но тут же, опомнившись, оглянулась, не услышал ли кто ее бормотания.

Никого, однако, поблизости не было. Лишь одинокий грузовик, урча и мигая фарами, проплыл в тумане. Увидев перед собой массивные, ярко крашенные ворота, Су Ун-че удивилась: это же дом Цоев, как она попала сюда?.. Ну да, она же хотела с их сыном насчет автобуса поговорить. Хорошо, если он еще не ушел на работу.

Умер Ли Су Ун.

Эта весть, назойливая, как весенняя муха, мешала Андрею Мироновичу со-

средоточиться. Она отрывала его от отчетов, в головоломные дебри которых он окунался с азартом мустангера, начинавшего погоню за дикими лошадьми-цифра-ми, чтобы накинуть на них арканы формул и нормативов.

Вышибленный из руководящего седла, он превратился в заурядного экономиста. В семье тоже было все заурядно. Сын за три года учебы ни разу не получил стипендии, но мать, стремясь создать среди родственников и соседей впечатление, что он чуть ли не претендент на красный диплом, не жалела средств, чтобы соответственно содержать его. Старшая дочь, хотя и вышла замуж, все еще кормится с родительского стола. Ладно бы одна, так нет — привела еще мужа, который каждой весной бог знает у кого занимает сумму, равную чуть ли не годовому доходу Андрея Мироновича, и исчезает неизвестно куда, обещая вернуться на собственной «Волге», а осенью отбивает телеграмму, чтобы выслали денег на дорогу. Младшая дочь заканчивает школу.

В общем, на одну зарплату содержать семью было весьма нелегко. Благо, супругу бог наделил предприимчивостью. Шитьем подрабатывала да кабанчиков откармливала, что, к немалому его удивлению, приносило неплохой доход. Воодушевленный этим открытием, он предложил супруге выращивать сразу пять, а то и десять поросят. «За пару лет можно и на машину скопить,— заявил он,— вот и купишь своему дорогому сынку». Супруга высмеяла его: «А вы знаете, сколько корма нужно для десяти кабанов? Нет? А еще экономист!..» Андрей Миронович только почесал затылок.

Но даже кабанчики не могли ослабить напряжение в семейном бюджете. Особенно зимой. Одно торжество за другим. И не пойти нельзя, и без денег не пойдешь. Если просто знакомый, пару червонцев выложить надо, а если родственник, а таковыми Андрею Мироновичу приходилась добрая половина корейцев поселка, столь пустяковой суммой не отделаешься. Теперь предстояли новые, незапланированные расходы.

Лишь бой настенных часов вывел его из хаоса безрадостной бухгалтерии. Надо было действовать. Он взял ручку и стал набрасывать план мероприятий по организации похорон. Первое: доски для гроба. Пойти к прорабу. Второе: разыскать плотника Сергея. Третье: организовать молодежь на рытье могилы. Четвертое: заказать сварщикам ограду. Пятое: транспорт. Позвонить Гафурову в совхозный гараж.

Андрей Миронович придвинул к себе счета. Привычные столбцы, привычное пощелкивание костяшек придали ему бодрости. Но ненадолго. Когда он увидел сумму предполагаемых расходов, он аж вспотел. Чуть ли не половина месячного оклада! Поразмыслив, он решил отказаться от ограды — в конце концов, Су Ун ему даже не родственник. Да и за доски прораб вряд ли возьмет с него деньги. И он откинул несколько костяшек вправо.

Что еще?— подумал Андрей Миронович, пересчитывая не без удовольствия план, написанный красивым размашистым почерком на мелованной бумаге. Кажется, все. Так можно и до обеда управиться. Облегченно вздохнув, он откинулся на спинку кресла. Полдела сделано, остается реализовать составленный план. Он поднял трубку и стал набирать номер Валеры, своего племянника, вернувшегося недавно с Украины, где не без успеха, о чем свидетельствовали «Жигули» последней модели, занимался земледелием, предлагая народу лук, арбузы, баклажаны и прочую растительность.

— Су Ун?— отозвался племянник.— А кто это?.. А-а, вспомнил. Он же у нас когда-то ондоль¹ делал... Конечно, поеду, какой разговор! Только не знаю, как другие? Одни на работе, другие в город подались, на барахолку. Сегодня четверг — базарный день. Но раз надо — разыщу их.

— Соберешь людей, жди у себя дома,— приказал Андрей Миронович.— Я автобус пришлю.

— Автобуса не надо. Почти у всех машины. Вы лучше побольше людей обзвоните.

Разговор с племянником воодушевил Андрея Мироновича. Уверенным движением он вывел большую красную галочку напротив третьего пункта плана. Кого бы мобилизовать в помощь Валере, задумался он, может, Алексею позвонить? У него два здоровенных сына и оба не у дел.

— Су Ун?— удивился Алексей.— Он что, до сих пор жив был?.. Откуда мне знать? Я ведь, как перелетная птица,— приезжаю домой только на зиму, отогреться на ондоле... Из-за такого пустяка ты звонишь — найми в городе бичей, они за четвертак хоть второй Ферганский канал выколют... Чего мелочиться — ведь человек помер. Не такая она дуреха, эта Су Ун-че, небось, есть заначка в чулке... А нет, так мы найдем. Что мы, волки, что ли!.. А мои парни дома не ночуют. У дружков, на-

¹ Ондоль — традиционная корейская печь.

верное, в секу гоняют. А может, с девчонками женихаются. Позвони Валерке, племяншу своему, вчера они вместе о чем-то шушукались.

Опустив трубку на рычажок, Андрей Миронович усмехнулся. Над собой и своими потугами организатора. Вот Алексей — организатор, да еще какой! Для него любое дело — раз плюнуть. И всегда все у него получается.

Андрей Миронович «страхнул» с себя этот неприятный вывод и снова поднял трубку.

Директор школы занимал в поселке примерно такое же положение, что и Андрей Миронович, в каком-то роде они были соперниками. Быть может, поэтому ни с просьбами, ни за советами они друг к другу не обращались. Но на этот раз Андрей Миронович не стал впадать в амбицию — случай не тот.

— Да, я уже знаю, — ответил директор. — Жаль старика. Кто теперь нам оноголи будет строить?.. Помочь, конечно, надо.. Нет, нет, ребят отпустить никак не могу. Сам знаешь, от программы отстаем. А вот с транспортом могу помочь. Гафуров ведь мой ошна, приятель.

— С ним я и сам могу договориться... Ну да ладно, не можешь, значит, не можешь. Что-нибудь придумаем.

Придумывать больше было нечего. Андрей Миронович решил попросту объехать вместе с племянником дома, где есть молодые здоровые парни. И тут снова, тяжело вздохнув, недобрим словом помянул своего непутевого зятя, в самый нужный момент исчезнувшего из поля зрения. Дочка говорит: в Карши уехал, якобы договариваться насчет будущего сезона.

Оставшиеся дела телефонными звонками решить было нельзя, и он, накинув на себя пальто, вышел из кабинета.

Хорошо Цоям, думала Су Ун-че, выходя от них. Дети все устроены, и сами они на старости лет живут припеваючи. Хорошие пенсии, невестки, внуки... Су Ун тоже хотел детей. Ох, как хотел!..

Встретились они в Хабаровске. Нина удивилась, увидев Су Уна в буденовке и длинной, до самого пола, шинели. Его-то она никак не могла представить солдатом.

Глаза Су Уна радостно вспыхнули. Но тут же потухли. Он посторонился, чтобы дать ей дорогу. Нина, тоже молча, прошла мимо.

После той ночи Нина очутилась на самом дне огромной смрадной ямы, какой казался ей мир, и выбраться из нее не было сил, а может, и желания. Улыбка матери, удавившейся после голодной смерти малолетних детей, и застенчивый взгляд Су Уна казались ей лишь отдаленными отблесками так и не наступившей зари. Впереди — никакого просвета. Голодная, оборванная, без всяких желаний и мыслей, шла она по дорогам Приморья, прося подаяние. Люди сторонились ее, принимая за сумасшедшую. И выжила она только потому, что в этом мире, полном вражды, злобы, жестокости, все же нашлись жалостливые, сострадательные сердца. Совсем больную, одичавшую от долгих скитаний Нину приютила одна сердобольная женщина. Она отмыла Нину в бане, накормила, приодела из своих запасов. «Поживешь у нас, пока не оправившись, — сказала тетя Мария, — а там видно будет». Правда, муж был недоволен лишним ртом, но Мария сумела убедить его помочь девушке.

Согретая домашним теплом, Нина постепенно пришла в себя и вскоре уже могла помогать по хозяйству, присматривать за детьми. Хозяин перестал ворчать. Но недолгой была эта спокойная жизнь. Как-то вечером, тайком от людей, явился в дом старший сын хозяев, служивший в белоказачьем отряде. Заросший бородой, голодный, он жадно набросился на еду. Только потом, насытившись и отдохнув, он заметил Нину. «А это что еще за красна девица? — грубым, точь-в-точь отцовским голосом спросил он. — Не из комсомолок ли?» «Сирота она, — успокоила его тетя Мария, — на улице я ее подобрала». Пожирая Нину взглядом, сын усмехнулся: «Что-то не похожа на сироту, вон какой зад отрастила». Мать хотела было возмутиться, но он рассмеялся: «Ну, ну, шучу... Мне бы, мать, в баньке попариться». «Я сейчас», — сказала мать, направляясь к двери. «Пускай она затопит, — все так же насмешливо, не отрывая от Нины взгляда, проговорил сын. — Харчи-то, небось, отрабатывать надо».

Нина, которой и так не терпелось уйти от этого взгляда, внушавшего ей ужас, выбежала во двор. Там она облегченно вздохнула, затопила баню и с ведрами пошла к колодцу. Вдруг за спиной своей услышала торопливые шаги. Нина не успела испугаться, как хозяйский сын выбил из рук ведра и, грубо схватив в охапку, потащил в баню. «Заорешь, прибию!» — прошипел в самое ухо.

...Тетя Мария, увидев в темноте Нину, уткнувшуюся в калитку, крикнула: «Чего стоишь? Заходи, уже прохладно». Не услышав ответа, подошла поближе. «Что

с тобой?— испуганно спросила она.— Господи, что он с тобой сделал?.. Ах, пакостник!»

...На ругань матери сын лениво проворчал: «Небось, не подохнет. А вот мне недолго жить осталось, должен же я память о себе оставить. Может, она вам внука родит». И злобно заржал. Долго еще после ухода сына тетя Мария охала, вздыхала и наконец сказала: «Так тому и быть. Вернется Гришка, сразу свадьбу сыграем. Ты, Нина, мне по душе. А то, что сын так поступил... Ну что тут поделаешь... Такова наша женская доля».

Хозяин, вернувшийся после долгого отсутствия с отхожих промыслов, узнав о случившемся, сразу отрезал: «Никаких невесток! Что у нас, мало девок из хороших семей? Или на приبلудной свет клином сошелся? Пускай спасибо скажет, что не гоню из дома, кормлю задаром».

Хозяин покривил душой, он видел — Нина сполна отрабатывает свой хлеб. В хозяйстве не хватало рук. Оба старших сына воевали, а от оставшихся сосунков пользы никакой.

Но когда у Нины живот заметно пополнил, хозяин настроился решительно: «Гнать надо эту суку! Народит дите, кто кормить будет? Я, что ли?» Слова жены, что дите-то от их сына, его еще больше обозлили: «А мне плевать!.. И еще неизвестно, от сына ли. Якшалась же она с япошками».

Вот в это самое время и встретила Нина Су Уна. Потом она несколько раз видела его неподалеку от дома хозяев. Она чувствовала — он хочет подойти, заговорить, но что-то удерживает его... Ну, конечно, нужна она ему такая!

Хозяин все-таки добился своего. Нине пришлось уйти. Тяжело переваливаясь, точно гусыня, прижав к груди узелок, который тайком от мужа всучила ей напоследок тетя Мария, пошла она, куда глаза глядят. В узелке были буханка хлеба, шматок солонины, пеленки для будущего дитя и чугунок — тот самый, на котором Су Ун варил кашу. После той страшной ночи Нина, вернувшись к дому, нашла только чугунок и забрала его, в глубине души надеясь отыскать Су Уна. А может, взяла как память о своей первой и, как оказалось, неудавшейся любви. А еще тетя Мария дала адрес своей сестры, жившей в соседнем городке. «Поживи у нее, — сказала она, — авось, все образуется и Иван признает тебя».

Нина уже изрядно отошла от дома, как вдруг услышала позади себя крик. Ноги ее подкосились. Су Ун — она сразу узнала его голос! Запыхавшийся от бега юноша схватил ее за руку, потянул за собой. «Пойдем, — говорил он, — я дом построю, большой дом. И он будет жить с нами, в нашем доме». Всю дорогу Нина плакала. А Су Ун все повторял: «Я дом построю, обязательно построю».

Потом, когда Нина успокоилась, он рассказал, что случилось с ним после той ночи. Японцы все же схватили его. А освободили из плена красноармейцы, очищавшие побережье от японцев и белобандитов. Они его выходили, поставили на ноги и оставили служить при кухне.

Но отряд вскоре расформировали, и он в поисках заработка подался в Хабаровск, где отыскал своего дальнего родственника, у которого они с отцом останавливались после перехода границы. Родственник, как и большинство осевших в России корейцев, занимался овощеводством. Приход Су Уна оказался как нельзя кстати — был сезон сбора. Терпеливый, исполнительный, а главное, неприхотливый работник, Су Ун оказался для него настоящей находкой, и он отвел ему угол в сарае. Вот в этот сарай и привел Су Ун Нину. Родственник, не ожидавший такого поворота событий, выразил недовольство. Но терять хорошего работника ему не хотелось, и он не стал настаивать на том, чтобы Нина ушла.

Ребенок родился мертвым. Зачатый без любви, ненавидимый еще во чреве, он был обречен. Но, покидая этот мир, который так и не увидел, он умертвил чрево своей матери и помутил ее разум. Нина плакала, и смеялась, и злобно набрасывалась на Су Уна — обвиняя в гибели ребенка. Дескать, нашел повитуху и подговорил удавить ее сыночка.

Су Ун терпеливо переносил ее послеродовое безумие, не спал ночами, чтобы вернуть Нину к жизни. Молодой организм и преданный, почти материнский уход Су Уна победили, Нина окрепла. И привязалась к этому тщедушному нелюдимому человеку. Они вместе батрачили на кулаков, вместе выходили на шхунах в море, вместе работали в колхозе. Так и жили как муж и жена, хотя нигде не были записаны — ни в церковных книгах, ни в загсе.

... Выкарабкались ведь из нищеты, думала Су Ун-че, и жили ничего, не хуже других. Правда, Су Ун всегда вздыхал, когда глядел на чужих детей... Как-то теперь ей выкарабкаться! Вдвоем-то легче было... А, собственно, зачем выкарабкиваться? Хватит, пожила. Только надо успеть все сделать по-человечески...

С такими мыслями и шла сквозь декабрьский туман Су Ун-че.

Ничего утешительного от Валеры Андрей Миронович не услышал.

— Ну и люди,— пожаловался племянник,— человек помер, а им хоть бы что. А позови водку пить — мигом примчатся. И у всех уважительная причина. Один говорит, грипп подхватил, у другого жена на базар уехала, за детьми некому присмотреть.

Вот уж не думал Андрей Миронович, что придется ему таким пустяком, как организация похорон, заниматься. Но больше огорчало то, что не может он осилить даже такой пустяк.

В поселке создалось мнение, будто Андрей Миронович, хотя и занимает должность скромнее, чем некоторые другие корейцы, во многом способен посодействовать, и к нему частенько обращались с различными просьбами. Отказывать он не умел, и потому волей-неволей приходилось поддерживать это мнение, что было предметом постоянных нападков со стороны супруги, ревностно оберегавшей интересы семьи. «Для дома вы ничего не можете,— возмущалась она,— а для других — из кожи лезете». Но при всей своей вздорности она понимала, сколь престижна такая репутация мужа, и втайне даже гордилась этим. Раз обращаются к мужу за помощью, значит, он человек уважаемый, нужный.

— Дядя Андрей, а какие у вас отношения с Даниловым?— прервал его размышления Валера.

— С начальником водхоза? Нормальные, а что?

— В водхозе есть трактор, «Беларусь». С ним бы мы вмиг справились.

— Слушай, это идея!— воскликнул Андрей Миронович, удивляясь, как эта мысль не пришла ему раньше.— Едем в водхоз!

К счастью, Данилов оказался на месте, и вопрос о тракторе был решен быстро.

— Может, и люди нужны?— озабоченно спросил начальник водхоза.

— Да нет, что ты,— отказался Андрей Миронович,— с тебя хватит и трактора.

Но через минуту он уже ругал себя за чрезмерную деликатность — племяннику-то ведь пока не удалось никого собрать. А могилу выкопать не так-то просто — человека четыре понадобится.

— Надо торопиться,— сказал племянник, когда Андрей Миронович сел к нему в машину. Так мы и до вечера не успеем.

— Успеем,— ответил Андрей Миронович, хотя и его не покидало беспокойство.— Трактор есть, теперь нужно еще хотя бы двух-трех парней найти. Я думаю, ты сам займешься этим.

— Ладно, займусь,— усмехнулся Валера.— Придется картежников будить... Черти! Всю ночь гоняли в секу, теперь их и пушкой не разбудишь. Ничего, помажут часок лопатами, быстро в себя придут. Нам нужно еще и к Су Ун-че заехать, за продуктами.

Продукты, о которых говорил Валера, нужны были для жертвенного ритуала. На месте захоронения старший из тех, кому предстояло рыть могилу, отбив земной поклон, должен задобрить духов подношениями. Чаще всего это были стопка водки и кусок вареной курицы. Разумеется, ритуал чисто символический, но старики требуют его обязательного соблюдения. Чтобы душа усопшего была покойна.

— Хорошо, поехали к Су Ун-че,— сказал Андрей Миронович, решивший, что к ней все равно надо заехать.

Последней, кого Су Ун-че обошла за это утро, была соседка Кундузхон. Услышав горестную весть, Кундузхон всплеснула руками.

— Вай! Как же так! Только вчера он ходил по двору.

— Я тоже думала: полегчало, раз на ноги встал. Но к вечеру слег... и вот... Хожу по селу...

— Что ж вы сразу к нам не зашли? Я бы сына послала.

— Спасибо, Кундузхон. Мне ведь нужно было еще и машину просить, и доски для гроба. Больше-то некому всем этим заниматься...

Соседка сочувственно покачала головой, сказала жалостливо:

— Вам, конечно, помощницы нужны, я хоть сейчас...

— Спасибо, спасибо, помощницы, ох, как нужны!.. Я вот зачем к тебе. Не могла бы ты десяток кур продать? На базар, сама понимаешь, некогда. А дома у меня только две курочки да петушок.

— Конечно, конечно. Я скажу Холмату, чтобы отловил и отнес к вам.

Помявшись, Су Ун-че спросила:

— Послушай, Кундузхон, а сколько это будет стоить?

Соседка смутилась:

— Да, что вы, тетя Нина, не надо денег.

— Погоди, не говори так. Денег у меня, конечно, немного, но все же есть.

— Нет, нет, я ни копейки не возьму. У нас кур вон сколько — кормить нечем, я уж давно думала, как бы избавиться от них. И муж будет ругаться. Ведь дядя Су Ун столько для нас сделал! Раму на веранду поставил, забор починил. И все бесплатно.

Су Ун-че прослезилась.

— Что поделаешь, — принялась утешать соседа, по-своему поняв ее слезы. — Время жить, время умирать.

Выйдя от Кундузхон, Су Ун-че поспешила домой. Вроде бы всех, кого надо, известила. И туман начал рассеиваться. И на душе как-то стало полегче. «Дура старая, — укоряла она себя, — столько лет прожила с людьми, а оказалось, совсем не знала их».

... Приехали они с Су Уном в поселок давно, еще в предвоенные годы, не имея за душой ни копейки. Но у Су Уна были золотые руки. Из ничего — глина да камень — он соорудил маленький уютный домик, двор обнес низенькой оградой, развел огород, да такой, что местные жители приходили полюбоваться. И сама Су Ун-че за годы совместной жизни научилась от мужа многому — плести соломенные циновки, шляпы, бывшие тогда в большом ходу у сельчан, готовить разные блюда из риса, сои, трав. Голод не входил незванным гостем в их дом.

С людьми общались мало. Особенно Су Ун. Молчаливый, нелюдимый, он даже с женой за целый день мог не обменяться ни словом. Впрочем, слова им как-то и не были нужны. Они настолько притерлись друг к другу, что, казалось, срослись в единый организм. Только однажды пришлось им разлучиться — когда Су Уна мобилизовали в трудовую армию. Почти год он провел под Сталинградом на строительстве оборонительных сооружений. Домой вернулся после тяжелого ранения в голову, вконец исхудавший, изможденный. И немало месяцев понадобилось Нине, чтобы помочь ему прийти в себя и приступить к работе в колхозе. Глубокий шрам на лице да медаль «За доблестный труд», которую вручили ему в сельсовете уже после войны, остались памятью о днях разлуки.

Потом, когда корейские колхозы распались, он работал где придется. Был, как говорится, на подхвате. У поселковых всегда находилось для него дело, которое они и сами могли сделать, но либо у них до этого руки не доходили, либо считали они это зорным. А может, просто давали Су Уну возможность подзаработать.

Су Ун только внешне был нелюдим, но характер-то у него был мягкий. Как-то сошелся он с одним шабашником, тоже из поселковых. Вместе ходили ремонтировать дома, строить заборы, сараи. Работу в общем-то делал Су Ун, а Толя, так звали пройдоху, только договаривался. Ну, помогал иногда — глину месил или кирпичи подносил, а так больше занимался тем, что рассказывал разные истории из своей жизни. Деньги, разумеется, делил Толя. Ну и надувал изрядно напарника. Су Ун-че видела все это. Терпела, терпела и, наконец, пошла однажды к Толе, пристыдила его, отругала, а он в ответ только рассмеялся. «Ну и что, — говорит, — да если я не найду ему работу, он ведь с голоду померет. Какой тогда толк от его золотых рук?» Су Ун-че в чем-то была согласна с Толей. Уж больно застенчивый Су Ун. Но и упрекнуть его не хватало духа. Скажешь, бывало, ненароком обидное слово, он покраснеет, как нашкодивший мальчишка, виновато опустит глаза. И так жаль становилось его, что слезы навертывались на глаза. В молодости она немало слез пролила из-за такого его характера. Плакала, хотела даже уйти. Но не смогла. Су Ун был для нее как ребенок. Иногда ей казалось, что ее сын, тот, что умер при родах, живет в обличье Су Уна.

Сама она общалась с поселковыми больше. Помогала делать свиные колбасы, если кто из соседей кабана заколет, случалась свадьба — ей непременно заказывали салаты из моркови или из побегов папоротника, который привозили с Дальнего Востока. И все же незримая грань существовала между ней и поселковыми корейками. Приглашать ее приглашали и говорили на разные темы, но целиком за свою не принимали. Зато мужчины всегда были приветливы с ней, восхищались ее кулинарными и языковыми — с корейцами она говорила только по-корейски — способностями. Может быть, именно внимание мужчин и порождало такое к ней отношение поселковых корейков. Чувствуя это, Су Ун-че жила настороженно, никому своего общества не навязывая. Потому-то, когда умер муж, она надеялась только на себя. И вот сегодняшнее утро поколебало ее убеждение, что никому до нее дела нет. Когда отправлялась по селу, думала: «Людей на похороны не зовут, сами должны прийти. Но разве они придут, если не позову?» И вон как все откликнулись, обещали помочь... А Кундузхон какова — сейчас же, говорит, и приду...

Андрей Миронович имел все основания быть довольным собой. Людей вырыть могилу нашел — вон они ждут в машинах. И доски для гроба достал. Правда, вы-

яснилось, что Сергей уже пошел к Су Ун-че с нужными материалами, и доски он вернул прорабу. Насчет транспорта договорился. И даже ограду заказал. И он зашел к Су Ун-че с чувством человека, выполнившего свой долг.

На небольшом аккуратном дворике тихо беседовали сельчане, пришедшие отдать последний долг старому Су Уну. Среди них Андрей Миронович не без удивления увидел и директора школы, и Алексея, и даже Афанасия Петровича, зампреда райисполкома. Последний вопросами организации на таких мероприятиях не занимался, считалось, что вполне достаточно его присутствия. Был здесь и Толя, которому Андрей Миронович не раз порывался принести солидола, чтобы смазал он петли своих ворот — скрип их každодневно действовал на нервы Андрею Мироновичу, но он все надеялся, что, авось, сосед догадается, а то как-то вроде бы неудобно делать ему замечание.

Толя помогал Сергею налаживать гроб. А под навесом, прилегающим к дому, у низкой печи хлопотали женщины. Словом, подготовка к похоронам, к смущению Андрея Мироновича, ожидавшего встретить здесь безрадостную тишину, шла полным ходом. Поздоровавшись с мужчинами за руку, кивнув женщинам в знак приветствия, он вошел в дом.

Су Ун-че, завидев нового посетителя, запричитала. «И плачет-то как наши женщины,» — подумалось ему. Покойный лежал в углу комнатушки, завешанном белой простыней. Андрей Миронович погладил вдову по плечу, пробормотал несколько слов в утешение и молча уставился на письма, выведенные на поминальном полотнище, которые, к его стыду, были для него тем же, что норма прибыли для первоклашки.

Постояв так с минуту, он хотел было уже выйти, но вдруг ему захотелось увидеть лицо Су Уна. Трудно сказать, что родило это желание — чувство ли вины перед покойным за тот давний и, казалось бы, не очень серьезный случай, то ли всеильное человеческое любопытство — а не откроется ли именно в это мгновение тайна небытия?

Су Ун-че, словно прочитав его мысли, спросила:

— Хотите посмотреть?

Он кивнул. Лицо Су Уна, смуглое, морщинистое при жизни, посветлело и разгладилось. Смерть, казалось, омолодила его. Но не изменила его выражения. Для Андрея Мироновича он все оставался стеснительным, не ведающим ни зла, ни подлости стариком, чья простая, без всяких премудростей жизнь была словно бы укором Андрею Мироновичу, с его бухгалтерской психологией и суеливостью.

Он глядел на это спокойное лицо и чувствовал, что что-то в душе его происходит. До этого дня Андрей Миронович не раз ловил себя на мысли, что равнодушен к чужой беде, чужой скорби. Ну, не то чтобы совершенно равнодушен, а как-то не ощущает боли, такой, что лишает покоя. Даже еще сегодня утром мелькнула у него потаенная мыслишка: а вот мне повезло, а вот я живу. И сейчас эта мысль всплыла и устыдила Андрея Мироновича. И заставила задуматься — как же могло с ним случиться такое? С ним, который когда-то, не раздумывая, бросился в военкомат с заявлением, чтобы отправился добровольцем в Корею, где шла трудная, не на жизнь, а на смерть, война! Правда, военком, похвалив за этот порыв, посоветовал сначала школу закончить. Но ведь был порыв, была вера, была чистота! Куда это все подевалось? Растворилось, растерялось. А что осталось? Только долг. Должен семью содержать, должен вовремя отчеты в трест сдавать, должен профсоюзные взносы платить да по праздникам тещу поздравлять. И еще оставалось чувство вины. Перед родителями, могилы которых слишком редко навещает, перед супругой, что за многие годы совместной жизни так и не стал ей, кажется, другом, перед Су Уном... Хотя, кто для него Су Ун? Так себе, «прочие расходы» в его жизненном отчете. Да, но если брать по большому счету, не таким уж маленьким человеком был Су Ун. Его печи греют чуть ли не полпоселка. И люди с благодарностью будут его вспоминать. А он, Андрей Миронович, сделал ли что-нибудь такое, что согрело бы пусть не тело, а душу ближнего?

Андрею Мироновичу вспомнились похороны свата. Каждый из поселковых считал за честь присутствовать на этих похоронах, и шли туда, конечно же, без всякого приглашения. А кто был сват? Завмаг, которого однажды судили за растрату. Но как его хоронили! Наверное, не каждому министру оказывают такие почести. Ну, конечно, родственников много, семья имеет большой вес, деньги. Вон какой памятник соорудили! Черный мрамор, портрет, выбитый столичным художником.

А может быть, памятники и нужны таким, как этот завмаг. Иначе, что еще останется после них? А вот памятником Су Уну, вернее памятью о нем, будут его простые дела, помогавшие людям жить.

Но ведь это несправедливо! Андрей Миронович рухнул на колени. И его истовые поклоны были, как искупление вины, и своей и своих односельчан. Он просил

прощения у человека, чья тихая смерть была продолжением его тихой жизни, у человека, которого при жизни не баловали участием и вниманием.

Совершив ритуальные поклоны, которые полагались при прощании с покойным, Андрей Миронович обратился к Су Ун-че:

— Вы ни о чем не беспокойтесь, сделаем все, что полагается... Там ребята ждут в машинах. Они поедут копать могилу. Надо бы продуктов им дать для закланья.

— Какие ребята?!— всполошилась Су Ун-че.— Могила-то есть.

— Как есть?— изумился Андрей Миронович.— Когда успели?

— Так еще летом. Я сказала старику, что старые мы, помирать скоро нам, а могилку вырыть некому. Он поехал, вырыл и для себя, и для меня.

Андей Миронович не знал, что и сказать.

— Да, но могилу все равно надо привести в порядок,— нашелся он наконец.

— Не надо. Тамошний сторож — наш старый знакомый, он обещался присмотреть... Господи, что я тогда наделала! Ох, дура я, дура! Старик-то болен был, а я послала его работать...

Су Ун-че снова запричитала.

— Спасибо вам, большое спасибо,— сказала она, вытирая глаза уголком платка.— Вы, наверное, не так меня поняли. К вам я ходила только известить о смерти старика. Столько хлопот вам доставила.

— Ну что вы!.. Какие хлопоты! Дело житейское. А я ведь еще и ограду заказал, машины.

— Спасибо, Андрей Миронович. Ох, как неудобно перед вами! Знала бы, сразу бы вас и попросила, а сама бы сидела и оплакивала старика. Я ведь и с шоферами ходила договариваться... Господи, кабы я знала, что вы все так... А то ведь сказала насчет могилки, а он и поехал... Кундузхон, погоди,— Су Ун-че остановила соседку, вошедшую на кухню за посудой.— Извините, Андрей Миронович, я сейчас...

Она, тяжело вздыхая, подошла к низкому деревянному шкафу, вынула оттуда черный чугунок и подала соседке.

— Скажи, чтобы кутью, ой, нет, что я говорю... Кашу, кашу корейскую, скажи, чтобы в этом чугунке варили.

— Зачем?— удивилась соседка.— Ведь большой казан есть, я из дома принесла.

— Нет, нет, старик ел кашу только из этого чугунка.

Андрей Миронович поражался, откуда у этой старушки, убитой горем, берутся силы и энергия. Нет, она все-таки русская. Су Ун-че приняла обычаи и образ жизни другого народа, но в час беды в ней проснулись черты русской женщины. За утро Нина Кузьминична, не имея ни родственников, ни связей, с тяжкой ношей на душе, сумела сделать то, что даже Андрею Мироновичу с его знакомствами и положением удалось с таким трудом.

Умер Ли Су Ун.

Эта весть разорвала декабрьский туман скорбными звуками шопеновского марша. Школьный оркестр старательно выводил траурную мелодию. От деревьев, покрытых инеем, от густой белой пелены тумана, от полотнища с иероглифами, развевавшегося впереди похоронной процессии, веяло холодом. Белый цвет — цвет холода. Не потому ли на Востоке белый цвет — цвет траура?

Андрей Миронович краешком глаза оглядел процессию и не без удовлетворения отметил: не на всяких похоронах собирается столько народа. Вон даже милиционер пришел, и уж, конечно, не для того, чтобы поддержать порядок.

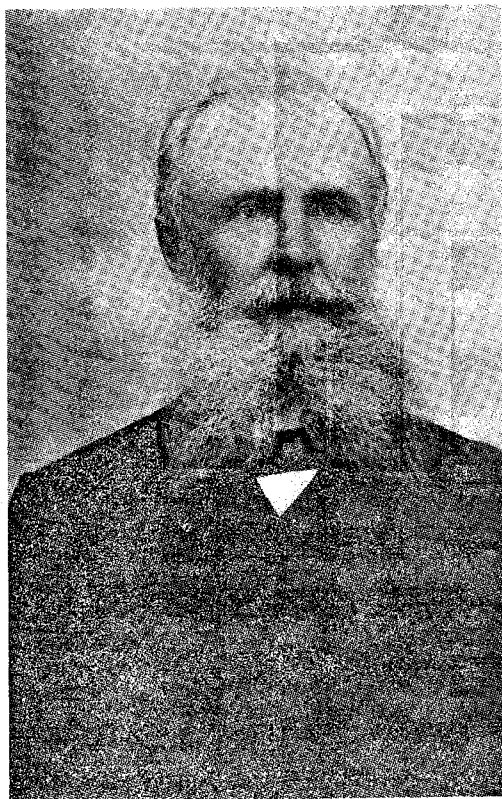
Люди шли молча, с непокрытыми головами. Быть может, никогда еще они не были так добры друг к другу, так близки друг другу. Напрочь позабылись ссоры и взаимные обиды, зависть и презрение. Быть может, только в эти минуты, под печальную, исторгающую слезы мелодию, под полотнищем с причудливыми письменами, они вдруг осознали, что все они — дети одной матери, земли.

Так всегда. Смерть облагораживает людей, делает их мысли чище, светлей. Не потому ли на Дальнем Востоке цвет траура — белый?

Борис Лунин

ЕЩЕ ОДНА ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Владимир Петрович Наливкин

«Белые пятна» истории. Усилия ученых-историков по их устранению нескончаемы и безграничны: в пересмотре и новом осмыслении нуждаются не только отдельные судьбы, но и целые пласты истории страны.

Сама жизнь отвергает долго бытовавшую порочную практику подгона конкретных событий, нередко очень сложных, противоречивых, под

заранее определенные и преподанные сверху ограничительные схемы.

Обеднение и обесцвечивание истории усугублялось преданием забвению и вычеркиванием из жизни множества незаурядных личностей. Более того. Даже имена людей, фигурировавшие в исторической литературе, упрощенно подразделялись на тех, чей жизненный путь рисовался, как правило, в радужных тонах, либо, наоборот, — в мрачных. На палитре истории было только две краски: красная и черная, словно не существовало этапов сложного и противоречивого жизненного пути исторических деятелей, эволюции в их мировоззрении, поступках.

Это относится также к новой и новейшей истории Средней Азии. Только теперь начинают занимать подобающее им место имена общественных и государственных работников, деятелей науки, литературы и искусства.

А сколько еще имен ждет своего возвращения в историю, всегда творимую живыми людьми, их участием в поединке идей, в противоборстве нового со старым, столкновении страстей, мнений и чувств.

Мой рассказ о несправедливо забытом Владимире Петровиче Наливкине, без которого не будет полной летопись общественной и культурной жизни нашего края конца XIX — начала XX столетий...¹

Родился Наливкин в Калуге 25 февраля 1852 года в семье военного. В 1871-м окончил 1-ю военную гимназию в Петербурге, в 1873-м там же Павловское военное училище (с отличием и в чине хорунжего) и был направлен в Оренбург, где служил в конно-артиллерийской бригаде Оренбургского казачьего войска. Как командир ракетного дивизиона участвовал в Хивинском и Кокандском военных походах

¹ В основе этой работы — много лет собиравшие мною сведения о В. П. Наливкине, пополненные ценными материалами из собраний известного педагога и краеведа Н. П. Архангельского, любезно переданных мне в дар.

царских войск под командованием М. Д. Скобелева. Достоинства Наливкина как офицера (хорошая военная и общая подготовка, дисциплинированность, смелость) сулили ему, казалось бы, успешную военную карьеру.

Ход событий, однако, стал другим. Первоначальная вера молодого и восторженного офицера Наливкина в миротворческие действия правительства в Средней Азии, в осуществление здесь благородной и цивилизаторской миссии «белого царя» и его войск стала подвергаться серьезным и мучительным сомнениям. Уже слишком открыто был выражен колониальный характер военных действий царских войск. Скобелев и его окружение не скрывали высокомерного отношения к коренному («инородческому») населению Средней Азии.

Скобелев действовал здесь как верный слуга престола. На глазах впечатлительного и сочувственного Наливкина он демонстрировал качества волевого, но жестокого военачальника. Впоследствии сам Наливкин расскажет о том, как в ответ на его рапорт Скобелеву, что в результате военных действий вблизи Нарына во вверенном ему, Наливкину, дивизионе убито два казака, последовало восклицание Скобелева: Отлично! Отлично! «От этих откровенных «отлично», — пишет Наливкин, — меня покорило. Что ж, думал я, отличного в том, что там, где-то в станице будут две вдовы и несколько сирот?»

И уж совсем потряс Наливкина эпизод из действий Скобелева под Гур-Тюбе, когда по его приказу последовала жестокая расправа с покидавшими кишлак и врасыпную бежавшими к песчаным барханам людьми. «Какой ужас! Какой позор!.. Я решил уйти из строя (строевой службы)... Остался в Намангане и начал вести переговоры о переходе на службу вне действующей армии».²

В 1875 году, находясь в отпуске, Наливкин провел некоторое время в Саратове, где избранницей его сердца стала Мария Владимировна Сартори (1858—1917). Вместе с ней Наливкин вернулся в Ташкент.

На следующий год его ходатайство было удовлетворено, и он перешел на службу в Военно-народное управление на должность помощника начальника Наманганского уезда Ферганской области. Но уже в 1878 году оставил этот пост, выйдя в отставку в чине штабс-капитана. Тогда же им и его женой было принято неожиданное для окружающих решение остаться в уезде, где они окунулись в жизнь и быт коренного сельского населения.

Под явным влиянием народнической идеологии «хождения в народ», проникшей и в среду прогрессивно настроенной части офицерства, Наливкин избирает местом своего жительства кипчакское селение Радвак близ Намангана, а затем приобретает участок земли и рабочий скот в глухом и небольшом тогда кишлаке Нанай (123 семейства). Обрабатывали участок этот супруги собственными силами. Они изучали условия жизни узбекского и киргизского дехканства (земледельцев, пастухов, арбакешей, ткачей и других), овладевали узбекским, киргизским, таджикским и арабским языками. Простота, доступность, отзывчивость стяжали Наливкиным уважение местного населения, которому они

оказывали при случае и элементарную медицинскую помощь.³

Здесь нельзя не сказать особо о супруге Наливкина — Марии Владимировне. Питомица Воспитательного общества благородных девиц (Смольного института), светски образованная, она свободно владела французским и немецким языками, любила театр и музыку. Тем не менее без колебаний пошла вслед за мужем. Как писал биограф Наливкина Ю. О. Якубовский (отец известного востоковеда А. Ю. Якубовского), надо «наряду со славным именем В. П. Наливкина поставить прекрасный облик его супруги, полный идейного самопожертвования и готовности во имя любви на тяжелый труд, во многом облегчившей мужу тяжесть непривычного существования... Они вошли в кишлачную жизнь и не только приняли ее внешнюю оболочку, но окунулись в главный смысл ее — трудовую сторону... Он надел узбекский халат, она накрылась паранджой, и так они прожили не одну-две недели, а шесть лет, с головой погрузившись в гущу жизни».⁴

Наливкины создали уникальный для своего времени (да и сейчас не потерявший историографического значения) труд «Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы», изданный в 1886 году в Казани.

Как писали авторы в предисловии к книге, они стремились «поделиться... результатами тех наблюдений, которые удалось произвести, прожив несколько лет среди (сельских жителей) Ферганской области, причем, внешняя обстановка нашей жизни была тоже вполне местная (узбекская)».

Сами наименования разделов работы Наливкиных говорят о богатстве и разнообразии ее содержания: Краткий очерк Ферганской долины. Религия и духовенство. Жилище и утварь. Наружность женщины и ее одежда. Характер женщины, ее привычки и поведение в отношении окружающих. Беременность и роды. Девушка. Сватовство и брак. Многоженство. Развод. Вдовство и смерть женщины.

О характере книги позволяют судить и ее заключительные слова из узбекской народной поговорки: «Все люди — люди».

Авторами была освещена и самая сокровенная, интимная сторона жизни мусульманской женщины, ее суеверия, развлечения, умственный кругозор и т.д.

По отзыву видного востоковеда Н. И. Веселовского, «в превосходной книге Наливкиных... был представлен не только быт женщины, но и вся жизнь оседлых обитателей Средней Азии», хотя главным для авторов было освещение именно печального положения женщин на мусульманском Востоке, где веками действовал такой порядок: «Все для мужчины, и ничего или весьма немного для женщины».

Труд Наливкиных — по словам Веселовского, — добросовестный, в высшей степени полезный, а главное, образцовый. Изучать и описывать просто, без всяких претензий на ученость, то, что перед глазами... всегда будет ценным вкладом в науку... Проникнуть на женскую половину и заглянуть за скрывающую ее завесу было делом нелегким... Труд Наливкиных займет почетное место в нашей литературе о Востоке. По пред-

² Наливкин В. П. Мои воспоминания о Скобелеве. «Русский Туркестан» 1906, № 119, 120.

³ Впоследствии Наливкиным будет издан «Опыт статистического описания кишлака Нанай» (1888).

⁴ Якубовский Ю. О. Владимир Петрович Наливкин. Краткий биографический очерк. Ташкент, 1907.

ставлению Веселовского и других ученых Наливкины были удостоены Большой золотой медали Русского географического общества.

Восторженно отозвался на книгу Наливкиных и выдающийся венгерский ориенталист Арминий Вамбери (тот, кто прославился своим смелым путешествием по Бухаре под видом дервиша). «Ваш очерк о жизни женщины в Коканде меня тем более поразил, что нет подобного сочинения о женщинах-мусульманках... и без всякой лести нарисованная Вами картина должна удовлетворить всякого этнографа». А позднее и академик В. В. Бартольд отметит, что «в изучении жизни оседлых узбеков... до сих пор одиноко стоит труд Наливкиных, которые непосредственно изучали жизнь (узбеков), живя в кишлаке и по образу жизни ничем не отличаясь от них».

А в послеоктябрьские годы материалы из книги Наливкиных не раз использовались в процессе борьбы за раскрепощение женщин Востока.

Так началась плодотворная деятельность Наливкина и как неутомимого туркестановеда — автора многочисленных и ценных публикаций по истории, археологии, этнографии, экономике Узбекистана и всей Средней Азии.

Переехав в Ташкент, Наливкин стал первым учителем открытой 19 декабря 1884 года русско-туземной школы (приходского училища для детей туземцев). А вскоре Владимир Петрович был рекомендован на должность преподавателя местных языков в Туркестанской учительской семинарии ввиду «его талантливости и редкому знанию языка и быта местного населения». В семинарии Наливкин вел также курсы исламоведения и истории халифата.

Современник (Н. С. Лыкошин) отмечал, что ученики Наливкина «восхищались блестящим увлекательным изложением» и тем, как умело он связывал изучение языка с беседами об истории и обычаях народов Средней Азии.

Кстати, в числе учеников Наливкина по семинарии будут и те, кто впоследствии стал видными знатоками прошлого и настоящего Средней Азии: этнограф М. С. Андреев, археолог-востоковед В. Л. Вяткин, туркестановед П. Е. Кузнецов и другие. Полезным пособием для воспитанников в семинарии явилась, в частности, составленная Наливкиным и изданная в 1896 году «Хрестоматия для Туркестанской учительской семинарии».

С некоторыми из подопечных по семинарии Наливкин поддерживал тесные связи и после своего ухода отсюда, помогая им совершенствовать знания местных языков и расширять научный кругозор.

Авторитет и известность Наливкина (по словам академика В. В. Бартольда, «едва ли не лучшего знатока и быта узбеков из русских») обратили на себя внимание и краевой администрации, и с 1890 по 1895 годы он состоял инспектором народных училищ третьего района Туркестанского края (Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской областей).

И в этой сфере Наливкин проявлял прогрессивные тенденции. Ему принадлежало обстоятельное описание действующих в этих областях медресе, мактабов, карыхана. Он ратовал за то, чтобы реформировать учебные процессы в медресе: составить учебник арабской грамматики на узбекском языке, перевести на узбекский язык необходимые пособия по мусульманскому праву и богословию, вести преподавание на родном языке, а не по арабским и персидским учебникам средних веков, открыть при медресе курсы русского языка. Приветствовал Наливкин и по-

явление в крае так называемых новометодных школ.

Исключительной заслугой Наливкина явилось составление им высокопрофессиональных учебных пособий — узбекско-русских, русско-узбекских и других словарей, долгое время для очень многих служивших подспорьем в изучении узбекского, персидского и других языков как при самостоятельном обучении, так и в учебных заведениях («Азбука для русско-мусульманских школ оседлого населения Туркестанского края», «Руководство к практическому изучению сартовского⁵ языка», «Список мужских и женских имен, наиболее употребительных у оседлого мусульманского населения Туркестанского края» и другие).

При этом, если тогда в центре внимания составителей словарей находилась преимущественно узбекский язык городского населения, то счастливым исключением стал изданный Наливкиным «Русско-сартовский и сартовско-русский словарь общепотребительных слов с приложением краткой грамматики по наречиям Наманганского уезда». Этому «лучшему из узбекских словарей» (слова крупного филолога-тюрколога К. К. Юдахина) сопутствовала также составленная М. В. Наливкиной грамматика узбекского языка «андижанского наречия» — первый грамматический очерк из диалектов узбекского языка. Отрадно, что словари Наливкиных служили вспомогательным справочным материалом выдающемуся языковеду академику В. В. Радлову и использовались в таком солидном учебном заведении, как Лазаревский институт восточных языков в Москве.

По мнению известного лингвиста И. А. Киссена, словари Наливкина «и до сего времени не потеряли своего значения, так как являются наиболее подходящими пособиями для изучения дореволюционного узбекского языка», и особенно живой разговорной речи населения тех кишлаков и городов, в которых В. П. Наливкин жил и работал.

В 1887 году Наливкин составил программу «Уроков узбекского языка для желающих русских, преимущественно служащих лиц, как военных, так и гражданских» и по этой программе вел занятия на курсах, работавших в здании мужской гимназии.

Со временем Наливкин стал приобретать все большую и заслуженную известность и как автор многих ценных работ по истории, этнографии и природоведению Средней Азии.

Большой интерес и внимание вызвала сводная работа В. П. Наливкина «Краткая история Кокандского ханства». В 1889 году она была издана также Парижской школой живых восточных языков в переводе на французский язык А. Дозона.

Этот труд вызвал и критические замечания специалистов-востоковедов, отмечавших несовершенство приемов работы автора над восточными рукописями и пробелы в освещении историографии вопроса. Тем не менее, то была единственная и по сей день не потерявшая научного

⁵ В конце XIX — начале XX вв в обиходном употреблении названия «сарт» и «узбек» использовались на равных основаниях. При этом сартами именовали преимущественно говорящее по-узбекски оседлое городское население Средней Азии в противоположность крестьянам-узбекам. После Октябрьской революции название «сарт» вышло из употребления и был узаконен этноним «узбек».

значения работа, являющаяся «полезным приобретением для истории Средней Азии».

Перу Наливкина принадлежали обстоятельные труды по вопросам народного образования: «Положение вакуфного дела в Туркестанском крае», «Конспект лекций по истории ислама и мусульманскому праву», «Что дает среднеазиатская школа в общеобразовательном и воспитательном отношениях» и другие.

Наливкин выполнял также поручение властей по обследованию сыпучих песков в Кокандском уезде для изыскания способов борьбы с ними. И в этой, казалось бы, несвойственной ему роли Владимир Петрович преуспел. В 1887 году из печати вышла его большая книга «Опыт исследования песков Ферганской области», которую специалисты по достоинству оценили как единственную в то время работу по этой теме, особо отметив, что Наливкин стал первым, кто обратил внимание на существование в песках так называемого «влажного ядра» барханов, нашел термин «висячий влажный горизонт» песка и дал ему точную характеристику.

Безукоризненное владение арабской письменностью и узбекским языком позволяло Наливкину дерзать и в сфере «восточного стихосложения». В архиве мы обнаружили один из его стихотворных опытов. Каллиграфия стихов безупречна: по смыслу это подражание традиционно-классическим образцам философско-нравоучительной поэзии Востока. Вот пример:

Пусть все люди будут братьями друг с другом,
Пусть будут близкими друг другу и окажут
  милость и расположение.
Пусть поддержат друг друга
  и окажут помощь и благоволение,
И пусть не вторгают друг друга
  в бедствия и печали—
Все это разве не является повелением
Бога! ⁶

Дружескими были отношения между Наливкиным и известным узбекским поэтом Фуркатом. Встречаясь, они вели беседы на темы общественной и литературной жизни Туркестана. Известно стихотворное послание Фурката «Уважаемому господину Наливкину»: «Хотел Вас видеть Закирджан Фуркат, но не застал, в тоске ушел назад... Здоровы будем,— встретимся опять, я не устану этого желать».⁷

Как вспоминает внук Наливкина — Иван Борисович Наливкин, вплоть до последних дней жизни Владимира Петровича часто посещали «его старинные друзья — узбеки и киргизы из Наная, Намангана и других мест, встречавшие со стороны хозяина самое радужное отношение... Среди жителей Ташкента он также пользовался большим уважением. Они величали его не иначе как «домла» — «учитель».

В. П. Наливкин использовал любую возможность для оказания помощи людям. Известно, к примеру, его участие в качестве эксперта в судебном разбирательстве по делу одного узбека. Этот человек был доведен придравшимся к нему по какому-то ничтожному поводу полицейским приставам до такого состояния, что не удержался от ответной брани, содержащей слово «пошша». По донесению пристава колониальные

власти усмотрели в этом попытку кощунственно-оскорбления высочайшей особы царя (подшо), что и повлекло привлечение оскорбителя к уголовной ответственности, грозившей тяжким наказанием. Наливкин убедительно и с ядовитым сарказмом доказал на суде, что речь идет о явном недоразумении, вызванном схожестью в узбекском языке слов «царь» и «муха» (пашша). Обвиняемый назвал этим словом не «белого царя», а пристава, действовавшего как «назойливая муха», за что и оказался на скамье подсудимых. Все это стало настолько очевидным, что даже прокурор отказался от обвинительной речи. По свидетельству современника, «когда Владимир Петрович выходил из зала суда, все присутствовавшие на заседании старики-узбеки встали и низко поклонились своему защитнику».

Наливкин и устно и печатными выступлениями боролся с хищениями, незаконными поборами, вымогательством, взяточничеством и прочей «возмутительной грязью» и «административной разнузданностью».

Гневно обличал он чиновников, причастных к прямым злоупотреблениям властью, — от уездных начальников до военных губернаторов — этой «окужавшей нас живой стены, состоявшей из алчных, наглых и продажных авантюристов самого низкого разбора», за которыми тянулись и преступные стяжатели из среды нарождавшейся местной буржуазии.

Труженики всех национальностей стали видеть в Наливкине смелого и энергичного защитника их интересов, носителя передовых идей и взглядов. Со временем он стал одним из самых известных в Туркестане общественно-политических деятелей прогрессивного направления.

Наливкин не был, конечно, революционером. Идеология классово-борьбы и насильственного свержения существующего строя выходила за рамки его либерального свободомыслия. Тем не менее всю свою жизнь он ненавидел деспотизм, произвол и беззаконие, подавление человеческой личности, искренне сочувствовал трудовому народу.

В период революции 1905—1907 годов в России В. П. Наливкин в своих газетных статьях рисовал бедственное и бесправное положение бедноты из коренного населения: «Зайдите в саклю чайрикера ⁸ и Вы найдете в ней все то же убожество, которое было в ней 10—15 лет тому назад... Этот чайрикер по-прежнему голодает в конце зимы и весной. Он в вечном долгу у ростовщика».

Наливкин писал, что «Фергана, например, за последнее время ежегодно получает от 40 до 50 миллионов рублей за производимый ею хлопок. Но эти миллионы распределяются главным образом между относительно крупными землевладельцами, между фирмами, производящими скупку и транспортирование хлопка в Россию, между целым сонмом... торгашей и между владельцами хлопкоочистительных заводов. Рабочий люд получает от всей этой махины лишь столько, чтобы не умереть с голоду...»

Сотрудничество в газете «Русский Туркестан» привело к установлению взаимоуважительных отношений между Наливкиным и редактировавшим газету известным деятелем революционного движения в Туркестане большевиком М. В. Морозовым. Когда в 1906 году Морозов

⁶ Благодарю А. Урунбаева за перевод для нас стихотворений Наливкина на русский язык.

⁷ Перевод С. Лиходзиевского. См. Фуркат. Избранное. Ташкент, 1963, с. 71.

⁸ Чайрикерство — издольщина; взимание феодальной ренты путем присвоения владельцем земли определенной доли урожая крестьян-издольщиков.

был арестован «за помещение в газете статей антиправительственного содержания» (а в последующем приговорен за это к годичному заключению в крепости), В. П. Наливкин был в числе сотрудников газеты, подписавших протест против осуждения Морозова, которому «суждено испить чашу, приготовленную руками судей самодержавного правительства для великой героини — свободной русской печати. К множеству брошенных в ссылку и тюрьмы... сегодня присоединится и М. В. Морозов... за то, что он убежденно и мужественно держал высоко поднятую рукою знамя независимого свободного печатного слова»⁹.

Говоря словами Ромена Роллана, такие, как Наливкин, «не вторгались в политику, но политика приходила и вторгалась в них». И как мы увидим дальше, с этим будут связаны как отрадные, так и трагические страницы жизни Наливкина.

В 1907 году последовало избрание Наливкина депутатом II Государственной Думы от Туркестана. Избран был Наливкин как кандидат «группы (блока) прогрессивных избирателей», в которую входили тогда и социал-демократы.

Восторженно встречали и провожали труженники Наливкина во время его отъезда в Петербург. Собравшиеся на железнодорожных станциях Ташкента и Самарканда рабочие вручали ему свои наказы «заявить в Думе, что старый порядок ненавистен народу», что «борцы за свободу народа должны быть выпущены из тюрем и каторги на волю». Провозглашались лозунги: «Снять гнет со всех народов и религий!», «Не забудьте о тридцати голодных губерниях!», «Требуйте отмены смертной казни!», «Долой черносотенцев!», «Амнистия политическим заключенным!».

В ответном слове Наливкин кратко и недвусмысленно заявил, что он как «бывший солдат и бывший дворянин верен духу реформ, провозглашенных в 60-е годы Милютиным» (военный министр — Б. Л.). Но сейчас, хотя он «и беспартийный, однако для обозначения своей позиции будет сидеть в рядах социал-демократов, к которым по своим воззрениям стоит ближе всех. Я рад назвать своими товарищами пришедших на встречу со мною рабочих».

А беседа с посланцами старгородской части Ташкента — узбеками, татарами и другими, сказал: «Я буду стоять за интересы всех народов, соединенных волею исторических судеб. Считаю безнравственной ту семью, где есть любимцы, которых кормят конфетами, и нелюбимцы, которых кормят прогнившими сухарями».¹⁰

На имя Наливкина пришли тогда письма от узбеков и таджиков Самарканда, туркмен Ашхабада с просьбами защитить в Думе их интересы. «Эта надежда на меня, — говорил Наливкин, — глубоко трогает меня, и клянусь, что я стойко и твердо буду защищать народные интересы и постараюсь оправдать высокое доверие народа».

342 голосами («записками») из 416 Наливкин был избран в заседании II Государственной Думы членом комиссии для выработки законопроекта об отмене военно-полевых судов. С этим было связано и нашумевшее выступление Наливкина в Думе от имени социал-демократиче-

ской фракции. Кстати, именно то, что с думской трибуны от имени социал-демократов выступал вчерашний офицер царской армии, привлекло особое внимание депутатов Думы и «справа» и «слева».

Наливкин клеймил царское правосудие, кровавую практику военных судов. «Прежде, — говорил он, — богино правосудия Фемиды изображали невинной девушкой с повязкой на глазах, а теперь этой даме следует написать на лбу роковые слова: «продается с публичного торга».

Смелое и гневное выступление Наливкина в Думе было восторженно встречено студенческой молодежью и рабочими Петербурга. На улице его встречали овацией, а как-то его несли на руках в здание Таврического дворца, где заседала Дума.

Но другим ответом на речь Наливкина явился публичный (газета «Новое время», 10 апреля 1907) вызов его на дуэль товарищем прокурора петербургского окружного суда И. Рубаном «за оскорбление суда». По этому поводу социал-демократическая фракция Думы обязала Наливкина «не входить ни в какие личные объяснения по поводу его речи 30 марта 1907 года» и отказаться от принятия вызова на дуэль.

Выступление Наливкина и его близость к социал-демократам не прошли мимо внимания В. И. Ленина, отметившего тот факт, что «слышнее становится голос левой части Думы, стоящей между к.— д. (кадетами) и с.— д. (социал-демократами)». Вслед за этим Ленин подверг критике статью, появившуюся в газете «Народная Дума» (17 апреля 1907) по вопросу об оценке кадетов и народников. Газета объявляла «наивными» ленинские высказывания, иронически замечая, что «есть миллионеры и штатские генералы даже среди социал-демократов».

Ленин писал: «Ирония легоньякая! Все понимают, что Зингеры, Аронсы¹¹, Наливкины — явления персонального перехода от буржуазии к пролетариату... Ваша шутка насчет Зингера и тов. Наливкина — милая шутка для прикрытия безнадежной позиции, не более того».¹²

Характерен ленинский эпитет: «Товарищ Наливкин». Ленин явно одобчительно относился тогда к тяготению Наливкина «от буржуазии к пролетариату».

А позже Максим Горький в письме к писателю С. Т. Григорьеву, упомянув помогавшего революционерам капиталиста Савву Морозова, пишет: «Таких было у нас немало. К ним принадлежат пермский пароходовладелец Ник. Мешков, ташкентский... Наливкин, кутаисский губернатор Старосельский... Отнесите сюда же и... Петра Кропоткина, да и Михаилу Бакунину место тут же. С точки зрения марксовой у всех этих людей «мозги набекрень», но для меня это — настоящие красавцы и праведники, несмотря на все их прегрешения и недостатки».¹³

После разгона II Государственной Думы Наливкин вернулся в Ташкент, но за две станции до города был встречен жандармским ротмистром, передавшим ему личное распоряжение генерал-

⁹ «Русский Туркестан». Ташкент, 16 июля 1906 года, № 141.

¹⁰ Всенародное совещание населения Ташкента со своим депутатом В. П. Наливкиным — «Ташкентский курьер», 1907, № 132.

¹¹ Пауль Зингер (1844—1911) — один из вождей германской социал-демократии, соратник Августа Бебеля, видный деятель марксистского крыла II Интернационала. Мартин Лео Аронс (1860—1919) — немецкий физик, входящий в социал-демократическую партию.

¹² Ленин В. И. ПСС, т. 15, с. 221.

¹³ Литературное наследство, т. 70, М., 1963, с. 132 (Также «Новый мир», 1966, № 2, с. 235).

губернатора о запрещении Наливкину ведения каких-либо переговоров с ожидавшими его на вокзале рабочими. Властями же он был лишен права и на половинную пенсию, которую получал. Приходилось жить на скудные литературные заработки.

В годы реакции (1908) Наливкин работал над рукописью своего труда «Мое мировоззрение», ознакомлением с которой я обязан ныне покойному доценту ТашГУ и МГУ Д. Д. Столярову. Со страниц рукописи предстает носитель идей своеобразно-утопического социализма, воспринятых им сквозь призму взглядов, характерных для либерально-свободолюбивого интеллигента начала XX века. Подкупают те места рукописи, где говорится о вступлении человечества в «фабричный период», о приближении эры социализма, который «освободит человека от работы у «золотого тельца», у «кумира собственности». Но всему этому сопутствуют и близкие духу толстовства рассуждения об отказе людей от «имуущества, которым они могут не обладать», об их переходе к праведной жизни по принципу «все мое ношу с собой», о «преступлении и наказании» в свете идеологии «непротивления злу» и абстрактной веры в торжество «добра и справедливости».

Рукопись лишний раз убеждает в искренности и стойкости демократических убеждений Наливкина, во многом восходящих к традициям народничества.

... Февральскую буржуазно-демократическую революцию 1917 года, свержение самодержавия, пробуждение масс Наливкин встретил безоговорочно и восторженно. Но его вера в очистительный огонь революции сочеталась с наивными представлениями, что против «кровавого старого мира» революция будет действовать только мощью слова и убеждения. «Мы,— говорил Наливкин,— люди двадцатого века, и не учиться же нам у одной французской революции. Гуманные средства много сильнее».

Долг интеллигенции решительно порвать с прошлым, быть с революционным народом, служить ему, сливаться с ним. Показательна в этом плане статья Наливкина, опубликованная 29 апреля 1917 года в газете «Туркестанские ведомости». «Мы, имущие и бывшие «правящие»,— писал он,— все еще стремимся удержаться на краешке уже рухнувших подмостков балагана, разрушенного ураганом революции». А надо «сойти с этих подмостков, смешаться с народом, научиться у него жить по простоте, не гнущаться никаким трудом, в поте лица есть трудом добытый хлеб, делаясь с народом знаниями, культурностью, которые из поколения в поколение мы приобретали на трудовые деньги того же народа». Повысится уровень жизни и образования крестьянства — и оно даст мощный толчок индустрии. «Я не доживу до этого, но верую в то, что это совершится рано или поздно».

21 июня 1917 года в Ташкенте начал свою работу II краевой съезд туркестанских организаций РСДРП. В составе его участников было 11 большевиков (В. С. Ляпин, М. В. Морозов, А. Ф. Солькин, И. О. Тоболкин, Н. В. Шумилов и другие). Все участники съезда с одобрением восприняли страстную речь Наливкина при открытии съезда. «С чувством искренней, сердечной радости,— говорил он,— приветствую Вас, свободные граждане!.. Я беру на себя смелость приветствовать Вас от имени социал-демократической фракции II Государственной Думы (долгие аплодисменты). Заранее приветст-

вую те труды, которые вам придется понести... так как, рано или поздно, они, как звенья, соединят воедино весь трудовой пролетариат и явят собой один из тех камней, из которых мощная и искусная рука жизни создаст величественную триумфальную арку, пройдя под сводами которой, мировой пролетариат вступит, наконец, победоносно в заветные пределы социал-демократической республики (долго несмолкающие аплодисменты)».¹⁴

В реакционно настроенных кругах Туркестана, вчерашней колониальной окраины империи, Наливкина предавали анафеме за братание с «товарищами», за его связь с социал-демократами, революционные по духу выступления. Но он оставался верен интересам трудящихся, освободившихся от оков царизма.

Приход к власти Временного правительства сопровождался созданием на местах его исполнительных комитетов, в том числе Туркестанского комитета во главе с кадетом Щепкиным. Наряду с этим здесь стали создаваться Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Под напором масс Временное правительство сочло нужным вынудить Щепкина уйти в отставку. 19 июля 1917 года председателем Турккомитета был назначен В. П. Наливкин.

Лучшего, чем он, кандидата на этот пост Временное правительство едва ли могло подыскать в те напряженные дни. «Мы настаивали,— писал А. Я. Першин 29 июля 1917 года,— во что бы то ни стало назначить председателем Туркестанского комитета товарища Наливкина».

Однако в дальнейшем Наливкин оказался между двух огней.

Тучи на политическом небосклоне стали сгущаться. Временное правительство, чье представительство в Туркестане легло на плечи Наливкина, все более выражало внутреннюю и внешнюю политику крупной буржуазии страны, лишь вынужденной ходом событий делить власть с верхними слоями мелкой буржуазии и прикрывать свою диктатуру коалицией с умеренными социалистами. Оставались нерешенными жгучие вопросы революции: войны и мира, аграрный, рабочий, борьбы с голодом и разрухой. Проблемы, по которым под давлением масс порой принимались более или менее положительные решения общедемократического характера, не влекли за собою долгожданных практических результатов. Красивые слова расходились с делами, что вызывало недовольство масс, создавало в стране кризисную обстановку. Массовая демонстрация в Петрограде под лозунгами «Долой Временное правительство!», «Вся власть Советам!» подвергалась разгону и расстрелу.

Политическая обстановка осложнилась и в Средней Азии. Усугубился разрыв между большевиками и меньшевиками. Все более властно вставал вопрос об участии большевиков в подготовке вооруженной борьбы трудящихся за власть.

В этой сложной и противоречивой обстановке Наливкин тщетно пытается лавировать между противостоящими друг другу сторонами, сгладить противоречия, примирить непримиримое. Нет поводов сомневаться в искренности и честности его намерений, но от этого, как говорится, было не легче. История властно тре-

¹⁴ «Туркестанские ведомости», 23 июня 1917 года.

бывала стоять не между баррикад, а по ту или иную их сторону.

И это особенно сказалось в ходе известных сентябрьских событий в Ташкенте. 11 (24) сентября на совещании демократических организаций и в связи с обострением продовольственного кризиса большевики предложили объявить совещание Революционным комитетом и передать ему власть. Предложение было отклонено, но уже 12 (25) сентября массовый митинг рабочих и солдат одобрил поддержанное левыми эсерами предложение большевиков о переходе всей власти Советам. Последовало избрание нового исполкома Советов. Премьер-министр Временного правительства А. Ф. Керенский поспешил объявить сентябрьские события контрреволюционным мятежом.

В этой напряженной обстановке Наливкин в действиях большевиков увидел прямую угрозу «демократии и революции», которые рисовались ему, как и многим в среде либеральной интеллигенции тех дней, в розовом свете, а оказались теперь, как он думал, под угрозой «насилия и крови». Возглавлявшийся Наливкиным Туркестанский комитет Временного правительства вынес решение о запрещении с 12 по 15 сентября митингов, демонстраций и забастовок, слал тревожные телеграммы в Петроград. А бежавший в город Скобелев (Фергану) эсеро-меньшевистский Краевой совет взывал к Керенскому об оказании ему вооруженной помощи для подавления мятежа.

Правда, Наливкин гарантировал неприкосновенность лиц и воинских частей, участвовавших в сентябрьских событиях, и, более того, направил телеграмму о ненужности прибытия вооруженного отряда Временного правительства. Но все это уже не меняло положения. Развитие событий опережало шаги Наливкина, и он был вынужден тут же отказаться от условий соглашения с Ташкентским Советом о мирном исходе дел. Стачечный комитет станции Ташкент потребовал удаления Наливкина с поста председателя Турккомитета. А 24 сентября из Казани в Ташкент прибыл воинский отряд Временного правительства во главе с генералом Коровиченко.

Исторически все это уже не могло предотвратить исхода событий. Вслед за событиями в Петрограде 1 (14) ноября и в Ташкенте победило вооруженное восстание, с конца 1917-го до весны 1918 года осуществлялся переход власти революционным Советам.

Наливкин сошел с политической арены. Во внимание к его достойному уважению прошлому новая власть не стала мстить ему за поведение в решающие дни предоктябрьских событий. Были, впрочем, и «горячие головы», жаждавшие немедленного возмездия за «измену Наливкина делу революции».

Сам же он тяжело и мучительно переживал происходившее. Как могло случиться, что он оказался в эти дни вне столбовой дороги революции? На чьей стороне правда, что породило его колебания и ошибки? Почему он был обречен на общественное одиночество, ведь многие годы служил интересам простых неимущих людей.

Наступает трагическая развязка. Утром 20 января Наливкин незаметно вышел из дома. Придя на кладбище, где была похоронена в ноябре 1917 года Мария Владимировна, он выстрелом из револьвера покончил с собой вблизи могилы жены. В его фуражке была найдена записка, в которой он просил никого не винить в его смерти, и писал, «чтобы похороны были скромными, пролетарскими и гражданскими, так как я давно уже не принадлежу ни к какой религии».

Другая записка того же содержания была обнаружена на столе в его комнате в доме сына Владимира.¹⁵

Как сообщила ташкентская газета: «Вчера в 9 часов утра на местном кладбище, недалеко от кладбищенской церкви, выстрелом в правый висок покончил жизнь самоубийством известный всему Туркестану, всеми любимым и уважаемым общественный и политический деятель... Владимир Петрович Наливкин... Окончена еще одна большая жизнь... кто из знавших его мог бы хотя на одно мгновение усомниться в его непреклонной твердости убеждений, в чистоте и бескорыстии всех его... помыслов... Похороны состоялись 21 января в 2 часа дня. Пришедших отдать покойному последний привет было до обидного мало».

Так не стало человека, чье имя неотделимо от истории Средней Азии конца XIX—начала XX века.

И если в предоктябрьской борьбе за власть Советов, когда история проделывала, как говорил Ленин, «один из самых великих, самых трудных поворотов»¹⁶, Наливкин проявлял нерешительность, колебания, сомнения, то это не должно омрачить всю его славную жизнь.

«Когда я перебираю свои воспоминания о Туркестане,— писал академик В. В. Бартольд,— я... не без грусти думаю о том, как основательно забыты люди, игравшие когда-то более чем заметную роль... Кто помнит о таком крупном и своеобразном человеке, как В. П. Наливкин».

Но время возвращает свое. Мимо имени Наливкина не пройдет ни один исследователь общественно-политической и культурной жизни Средней Азии. Находившийся в годы Великой Отечественной войны в Ташкенте известный востоковед А. Ю. Якубовский уже начинал собирать материалы для задуманного очерка о заслугах Наливкина перед наукой. Несколькими небольшими публикациями о Наливкине принадлежат пишущему эти строки. Над диссертацией о Наливкине-туркестановеде работает сейчас в Москве молодой историк Н. М. Лукашова. И все же Владимир Петрович Наливкин заслужил еще неоспоримое право быть запечатленным пером не только историков, но и писателей, публицистов.

¹⁵ Как сообщил нам ныне покойный академик М. Е. Массон, по свидетельству видевших эту записку (или еще одну), в ней содержались и такие, достойные всяческого внимания слова: «Я не могу согласиться (с тем), что делается, но быть врагом своего народа... я не могу и ужою из жизни».

¹⁶ Ленин В. И. ПСС, т. 36, с. 78.

Мели Норматов

СВЕТЛАЯ ЮНОСТЬ МОЯ...

ОТРЫВКИ ИЗ ПОВЕСТИ

Когда слышу о Хамиде Алимджане — замечательном представителе узбекской советской литературы, то в моем воображении предстает облик поэта, жизнь которого подобна весне. Эрудированный, пронизательный, обаятельный, энергичный, заботливый и до конца преданный своим друзьям — таким человеком был Хамид.

Я подружился с ним на заре своей молодости и всю жизнь благодарен судьбе за такой замечательный подарок. Наша дружба впоследствии переросла в тесное творческое содружество. Узы нашего братства завязались на земле древнего и величественного Самарканда. Там мы вместе с Хамидом Алимджаном постигали науки в педакадемии, даже жили в одной комнате. Я до сих пор с волнением вспоминаю ту «юношескую цветущую пору», ее энтузиазм. Первые пробы пера вначале мы выносили на суд друг друга. И если какое-то мое стихотворение не нравилось Хамиду или же, наоборот, написанное им не поощрялось с моей стороны, то стихотворение никогда не появлялось в печати. Это положение действовало до тех пор, пока безвременная кончина его не оборвала нашу дружбу...

О жизненном пути и творчестве Хамида Алимджана, которые могут служить примером для молодежи, написано много научных книг и статей, художественных произведений. В их числе и повесть Мели Норматова.

Знакомясь с этой книгой, я мысленно представлял себе улочки Самарканда, где прошла наша юность, передо мной возник как живой образ моего незабвенного друга Хамида Алимджана. Я думаю, что эта повесть будет хорошим подарком не только нашим детям, но и всем почитателям творчества любимого поэта.

УЙГУН,
народный поэт Узбекской ССР,
Герой Социалистического Труда.

... Человек живет надеждой. Как ни было трудно, но все же выдержал Азим-бобо тяжелую зиму, дотянул до весенних дней. Теперь он все чаще выходил во двор, опираясь на палку, а иногда навещал и соседей. Мысли же его были в Самарканде, с внуком Абдухамидом.

Сильно скучал Абдухамид по дедушке. Вот и примчался, но не застал дедушку дома: ушел к сестре Асалат. Тут бабушка попросила его:

— Сынок, прочти-ка, что написано в тетрадке дедушки, она лежит под его подушкой, в последнее время он все записывает и записывает туда неизвестно что.

Абдухамид никогда ничего не трогал без разрешения. Но бабушка настойчиво упрасивала его, и он открыл тетрадь:

«Сынок, это слова, которые я хочу высказать тебе в мои последние дни. Хочется, чтобы ты выслушал внимательно и запомнил навсегда!

Первый долг родителей перед своим ребенком — дать ему хорошее имя. Мы назвали тебя Хамидом. Смысл тебе ясен: благодарный и удостаивающийся похвал. Тысяча благодарений аллаху, что имя, данное тебе с хорошими намерениями, соответствует твоей сущности, ты вырастешь человеком, достойным похвалы народа и края, и сам будешь благодарен им. Чтобы совершенствоваться, расти дальше, ты должен трудиться еще больше.

Второй наш долг заключается в том, чтобы дать тебе правильное воспитание и образование. И эту задачу мы выполнили в меру наших возможностей. Продолжить это дело ты должен теперь самостоятельно, до конца дней своих учишься у жизни, у людей.

Третий наш долг — соединить тебя с умной, достойной тебя девушкой, воспитанной в честной семье. Видимо, мне, к великому сожалению, не суждено участвовать в этом. Наступит время, это сделают родственники, уважаемая твоя мать (сказать о ней мой долг: очень умная, чистая и честная твоя мать, спасибо ее отцу). Я уйду с такой надеждой. Но чтобы ты не ошибся в этом важном деле, я хочу предостеречь тебя от одной ошибки.

Как правило, в пору своей восторженной юности впечатлительные поэтические натуры гоняются за внешней красотой, забывая о красоте души. У девушки, желающей стать хозяйкой в доме, в первую очередь должны быть прекрасное сердце и искусные руки, только тогда семья будет крепкая и воцарится мир в доме.

Хусни махрусни мажлис гарчи
дил мебарату дин
Ишкима бар лутфи
табъу хубийи ахлок бувад,—

писал Ходжа Хафиз Шерази.

То есть, если даже красота белолицых на собрании похищает душу и сердце, наша любовь стремится к природному изяществу и хорошему нраву. Так сказал поэт. Юноша, который не поймет это, обретет не спутницу жизни, а «пилу».

До тех пор, пока человек не начинает жить самостоятельно, за его поведение и поступки отвечают родители и воспитатели. Из жалости и сочувствия они зачастую прощают отроку ошибки.

Однако после того, как человек начинает самостоятельную жизнь, за каждое его деяние без малейших скидок спрашивает уже сама жизнь. По этой причине каждый джигит, чтобы устоять под сильными ударами судьбы, могущими порой погубить человека, должен воспитать в себе несколько качеств.

Первейшее из них — благородство намерений в любых делах и поступках, доброжелательность ко всем, честный труд. Не надо спешить, когда берешь у народа, но нельзя опаздывать, когда даешь народу. С терпением и выдержкой хозяйствовать в доме, свято хранить честь семьи.

Если потерпишь, зеленые фрукты
поспеют и превратятся в халву,
Нетерпение же свалит тебя с ног.

Много слов сложено о честности и правдивости, сынок:

Если ты прямой, как алиф, отыщешь честь,
подобную меду.
А если ты кривой, то быть тебе всегда с горечью.

Служи своему народу и удостоишься его благодарности. Недаром наши мудрые предки говорили: «Не бери золото, удостойся благословения, разве благословение не золото?»; «Удостойшийся благословения — будет в здравии, а заработавший проклятия — изгой». И это не пустые слова, в их основе — целый мир мыслей. И тысячелетний опыт. Однако, как справедливо сказано великим Хафизом, к мудрым мыслям

прислушиваются только счастливые юноши. Те же юноши, что не прислушиваются к голосу мудрости, в будущем вряд ли достигнут успехов.

Еще одно из качеств, которое помогает джигиту,— вежливость и скромность. В народе говорят: «Скромность украшает, высокомерие — разрушает».

Скромный и вежливый человек удостоивается уважения людей. Высокомерных и надменных ненавидят.

Одно из необходимых человеку качеств — это обходительность, сынок. Будь обходителен — и легко сделаешь то, что другим дается с трудом; грубость же — препятствие в любом деле. Люди, как правило, на добро отвечают добром, помни об этом, сынок.

Замечательное качество, по которому оценивают джигита,— умение сдерживать свое слово, верность обещанию. «Дал слово — сдержи его». Во-первых, тот, кто не хозяин своему слову, в народе уважением не пользуется, во-вторых, он всегда чувствует себя неловко. Если подумать хорошенько, выходит, что не сдержать данное слово — значит не уважать самого себя.

Как много мудрости в народных пословицах: «Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня», «На оставленную работу выпадает снег!»

Джигит, следуя этим мудрым словам, обязательно достигнет своей цели.

Настоящий свободный труд приносит человеку истинное блаженство. Труд преобразует мир, совершенствует человека и человечество. Кто мало трудится, тот много болеет.

Если ты запомнишь эти правила и советы и будешь руководствоваться ими в жизни, то я могу умереть со спокойной совестью».

Абдухамид, прочитав все это, задумался.

— Прочитал, сынок? Что же он там написал?— спросила бабушка с беспокойством.

— Дедушка написал книгу...— сказал Абдухамид.

— Книгу, говоришь?

— Да, очень мудрую книгу,— подтвердил он,— ее можно назвать учебником жизни.

— Э, сынок, вся жизнь дедушки в тебе! Только и говорит о тебе. Особенно после того, как захворал... Ладно, вставай, пойдем.

— Куда?

— Пойдем к сестре. Ты не знаешь старика-свата, он очень разговорчивый человек, и если к нему пришли гости, то он их скоро не отпустит. А ты, я вижу, очень соскучился по дедушке...

* * *

Абдухамид по приглашению Абдуллы Алави не раз бывал в его саду на окраине города. Их беседы, чтение и обсуждение стихов порой заканчивались поздней ночью, а иногда и на рассвете, с первыми лучами солнца. Каждая такая встреча была для юноши праздником. А на этот раз праздник обещал быть еще прекраснее. Сегодня сюда придут очень уважаемые гости... Сердце Абдухамида стучало сильнее обычного, когда он открывал знакомую калитку...

Человек, впервые попавший сюда, обычно замирает от изумления, пораженный окружающей красотой. Воздух напоен ароматом плодов и запахом цветов. С высоких дугообразных подпорок свисают крупные кисти знаменитых сортов винограда — кишмиш, туятишии тайфи. Несмотря на то, что был на исходе первый месяц осени, деревья и кустарник радовали глаза своим зеленым нарядом. В цветнике — великолепные розы, жужжание пчел. Черный и желтый инжир, персики, сливовые деревья. Трель соловья, голоса перепелок и кекликов. Из глубины сада доносятся чарующие звуки тара...

Под виноградными лозами накрыты белоснежными скатертями два стола. Возле них хлопочут Амалия-ханум и Тамара-ханум. Переговариваясь между собой, в глубине сада появились Кары Якубов и Абдулла Алави.

Мелодия тара стала громче, теперь ей вторит приятный юношеский голос. Абдухамид замер, прислушиваясь.

— Молодцы, а теперь начнем сначала,— послышалось издали.

Абдухамида охватило волнение: «А вдруг это голос Хамзы-ака?!»

В это время в ворота вошел Садриддин Айни, с ним еще несколько человек вышли навстречу гостям.

— Не занять ли нам места на топчане?— сказал Айни.— Располагайтесь, как захотите, воля ваша. Как говорится, гость — выше отца.

— Спасибо, спасибо.

В это время появился Абдухамид с полотенцем на плече и медным кувшином в руках.

Увидев его, домла Айни радостно всплеснул руками:

— Э-э, Хамидджан, хорошо, что вы тоже здесь. Я давно уже хочу познакомить вас с Хамзаханом.

— Спасибо, домла,— сказал Абдухамид, поклонившись.

— Наших юношей, в которых мы видим наши надежды, наше будущее, мы должны всячески поддерживать.— Абдулла Алави обнял Абдухамиду за плечи.— А Хамидджан — талантливый юноша.

— Правильно говорите. Ученик, чувствующий на себе внимание наставника, будет расти,— сказал Айни, улыбаясь.

— Но ведь у наставника тоже есть наставники...

— У ученика тоже есть ученики. В жизни всегда кто-то кому-то наставник, а другому — ученик. Ведь не зря говорят: если люди похожи, то они обязательно встретятся.

— Похвально, похвально. Хамидджан, конечно, сначала ваш ученик, а затем уже наш,— сказал Айни. Потом, устраиваясь на топчане, спросил:— Хамзахан прибыл?

— Да, Хамза тоже здесь,— ответил Алави.— Представляете, он приехал на фазтоне, что-то напевая, а потом положил руку на мое плечо и спросил: «Абдулладжан, вы помните газель мавляна Фурката «Отпусти свою добычу, ловец»? Я ответил: «Да, конечно».— «Тогда послушайте-ка, и если я ошибусь, поправите».

— Так, так?

— И он стал тихонько напевать. Я даже не заметил, как начал подпевать ему. Потом спрашивает: «Ну как, Абдулладжан?» Мелодия меня просто завороживала, околдовала.

— Вот так, значит, и родилась новая песня?

— Выходит так, домла...

И вот теперь эта мелодия звучала в саду, задевая струны души. Чарующий напев звучал все громче, словно набирая силу. Звучат огненные бейты поэта, звенит чистый голос юноши. Айни и Абдулла Алави, закрыв глаза, тихо покачивались в такт мелодии. Песня кончилась.

— Замечательно!— первым нарушил тишину Айни.— Абдулладжан!

— К вашим услугам.

— Кто этот певец? Вы его знаете?

— Знаю,— с гордостью ответил Алави.— Ученик Кары-ака, Низамджан Халдаров, да он еще подросток.

— Хвала его отцу, прекрасный у него голос, а?

— Что и говорить! Хамза-ака сейчас разучивает с двумя учениками еще несколько новых своих произведений. Один из них из Шахрихана, другой — из Хорезма.

«Один из Хорезма...» Абдухамид снова глянул в просвет между деревьями. Ну, наконец-то показались! О, вот дела, не Давлат ли это? Точно, он, он самый! Сердце колотилось нетерпеливо, стремилось к ним навстречу, но он сдерживал себя. Ведь он познакомится с человеком, встречи с которым так давно ждал!

Домла Алави поспешил к Хамзе-ака. За ним — Абдухамид. Хамза-ака, увидев Алави, улыбнулся смущенно:

— Простите, простите, Абдулладжан, увлеклись... Заставили вас ждать.

— Ну что вы, Хамза-ака, какие могут быть извинения. От души поздравляем, все мы слушали с наслаждением.

— Правда? Действительно, получилось неплохо? Слушать можно?— спросил Хамза, глядя на него.

— Что значит — неплохо?! Великолепно, отлично!

— Спасибо, друг мой. Ладно, джигиты, ну-ка к столу!

— Ассаламу алейкум!— учтиво поздоровался Абдухамид.

— Ваалейкум ассалам!— ответил тот на приветствие и обратился к Алави:—

С этим пареньком я, кажется, не знаком.

— Этот юноша и есть тот поэт, о котором я вам рассказывал.

— Очень приятно.

— Хамза-ака, мы учимся вместе с Хамидом Алимджаном,— радостно сказал Давлат.

— А, вот как? Очень хорошо!— Хамза дружески хлопнул по плечу Абдухамиду. Направились к уже накрытому дастархану. Хамза Хаким заде Ниязи и Айни обнялись, приветствуя друг друга, долго расспрашивали о здоровье, настроении, делах.

— Простите, я виноват, домла, заставил вас ждать,— извинился Хамза.

— Ну что вы, Хамзахан, хорошо, что, наконец, приехали к нам. Редко показывае-тесь, давно не виделись,— с укоризной сказал Айни.

— Много работы, домла. Вот теперь останусь в Самарканде до тех пор, пока не надоем друзьям.

— Добро пожаловать,— сказал Айни, приложив руки к груди.

Когда Хамза присел на топчан, Абдулла Алави сказал:

— Устраивайтесь поудобней,— пододвинул гостю подушки.

— Спасибо,— улыбнулся Хамза,— если мы сразу так удобно устроимся, то что будет потом, а, домла?

— Абдулладжан, насколько мне известно, предусмотрел и это,— улыбнулся в ответ Айни.

— Так, так?— спросил Хамза заинтересованно.

— Он, конечно, сейчас будет настаивать: возьмите в руки тар, сделайте милость, доставьте удовольствие.

— Да, домла, чувствуется, что отговорки бесполезны, я понял.— Он обратился к ребятам:— А ну-ка, джигиты, взбирайтесь-ка тоже сюда, поближе к нам.

Тут и Айни заговорил с Хамзой об Абдухамиде.

— Этот наш юный друг постигает науки в техникуме. Очень интересуется поэзией, пишет неплохие стихи.

— Абдулладжан примерно в таком же духе рекомендовал его. Мы уже познакомились с Хамидом Алимджаном.

— Ну и отлично,— Айни, улыбаясь, взглянул на Абдухамиду,— Хамидджан, приходите сюда, не стесняйтесь.

И Хамза Хаким заде, в свою очередь, представил Айни своего спутника.

— А это мой давнишний друг — Мирза Давлат. Отличный парень. В двадцать втором году в Хорезме мы вместе играли в одном спектакле. Я исполнял роль отца, а он играл сына.

— Раз так, то выходит, что вы отец и сын,— пошутил Айни.

— Так оно и есть, домла. И что замечательно, он тоже страстный любитель литературы и искусства. Мы направили его на учебу в Ташкент, а недавно перевели в Самарканд. Домла, с вашего разрешения мы, отец и сын, вместе исполним песню.

— Просим вас, послушаем,— сказал Айни обрадованно.

Настраивая тар, Хамза спросил:

— Ну что, Мирза Давлат, исполним «Шаби хиджран», а?

— Ладно,— отметил Давлат смущенно.

Хамза ободряюще улыбнулся Давлату.— Итак, начнем,— и ударил по струнам.

Хамза и Мирза Давлат запели. Абдулла Алави пытался подпевать, но ему не хватало воздуха, и он закашлялся. Абдухамид, закрыв глаза, мысленно повторял бессмертные строки мавляна Физули.

...Беседа становилась все интересней. Хамза Хаким заде Ниязи, Садриддин Айни, Абдулла Алави долго говорили о прошлом и будущем, о культурах разных народов и времен. Хамид Алимджан, впервые оказавшись в таком обществе, жадно слушал речи знаменитых людей. Сегодня сбылась еще одна его заветная мечта — наконец он познакомился с Хамзой.

* * *

Если в дверь стучится гость, кто бы он ни был, Камила-апа счастлива до небес. Чем богата, тем и рада, все, что есть дома, выложит на дастархан, готова отдать гостю душу. Приговаривает: «Человек всегда приходит к человеку, кушайте, не стесняйтесь». Вот уже два дня, как Абдухамид со своими товарищами приехал погостить из Самарканды. Недавно у него появился новый друг, поэт из Ташкента, зовут его Гафур Гулям. Очень боевой, общительный парень, который не знает, что такое смущение, сразу стал со всеми на короткой ноге. А как он умеет рассмешить своими шутками-прибаутками! А еще он мастер рассказывать анекдоты. Как начнет выдавать один за другим, от смеха у всех уже слезы на глазах выступили, а ему хоть бы что, держится невозмутимо, даже не улыбнется.

Камила-апа усмехнулась. Когда вчера она назвала его «Гафурджан», он попросил: «Нет, милая тетя, поскольку я приятель Абдухамиды, то зовите меня Абдулгафуром!» Потом, узнав его поближе, она стала называть Гафура просто «сынок». Благодаря приезду Абдухамиды теперь, хвала аллаху, столько людей посещают их дом.

Она вышла во двор, приложив ладонь козырьком ко лбу, взглянула на солнце. Времени уже много. Пожалуй, пора начинать готовить обед. Быстренько нарезала лук, морковь, мясо, развела огонь в очаге. Поджарка для плова готова...

— Мама, о чем так глубоко задумались?

Камила-апа вздрогнула от неожиданности и обернулась — перед ней стоял улыбающийся Абдухамид.

— Пришел, сынок? А где же твои приятели?

— Вон идут, вместе с моими учителями.

— Места всем хватит. Хорошо, что пришли вовремя. Я беспокоилась, чтобы плов не перестоялся.

Во двор вошли Абдусаттар Абдуразаков, Никита Дмитриевич Алексеев, Гафур Гулям, Насрулло Ахунди.

Они приветливо поздоровались с Камиллой-апа, сполоснули руки холодной арычной водой. Алексеев-домла на правах близкого человека начал расспрашивать:

— Как поживаете?

— Спасибо, домла. Как ваше самочувствие? Ноги не мучают?

— Сейчас лучше. Вчера вернулся с соляных копей.

— Вы говорите, что только вчера вернулись с соляных копей?— с беспокойством переспросила Камила-апа.

— Да, вчера,— подтвердил Алексеев.

— И вас никто ни о чем не предупредил?..

— О чем?

Камила-апа укоризненно покачала головой.

— После соляных ванн надо три дня соблюдать режим и диету.

— И что надо делать?

— Нужно тепло одеваться — это раз. Не кушать сырые фрукты — это два. Не пить холодную воду — это три.

— А я делал все наоборот! Вот так да!

— Ну, и еще не поздно, брат!

— В таком случае, я немедленно начну выполнять ваши указания. Что еще надо делать?

— Через три дня обязательно необходимо съездить в степь, там зарыться и полежать в горячем песке.

— Хорошо, что предупредили. Благо, что встретился с вами, иначе...

Все расселись за дастарханом. Абдухамид принес на подносе янтарные кисти винограда и поставил на середину. Как только Камилла-апа подошла к очагу и начала перемешивать плов, Гафур Гулям тут же подбежал и поставил большое блюдо:

— Ох, какой великолепный плов получился, милая тетя!

— Не перехвали, сначала надо попробовать!

Обжегшись о горячее блюдо, Гафур Гулям бегом направился к дастархану:

— Эй, Насыр, что ты там расселся с видом почетного гостя, возьми же блюдо! Бай, бай!..

Веселясь, подшучивая друг над другом, они приступили к трапезе, расхваливая плов. Тут снова Гафур Гулям начал разговор:

— Абдусаттар-ака!

— Слушаю вас!

— А тот Али-кызыкчи очень остер. Откуда он только находит такие колкие слова! О, мой пир!..

— Да, редко кто видел у Али-ака рот закрытым. Целыми днями болтается в чайхане. Разговоров у него полный мешок, а как зайдет речь о деле — ищи в Самарканде... Насыр, что-то ты притих, совсем тебя не слышно?

Насрулла, с увлечением уминавший плов, сказал, сдвинув брови:

— Зачем слова, когда перед тобой такая вкусная еда?

— Так, Никита Дмитриевич, угостились на славу, теперь можем и откланяться?— спросил Абдусаттар-ака.

— Конечно.

— Тогда, Хамидджан, давайте договоримся насчет поездки в Багдад.

— Ладно, давайте.

— Никита Дмитриевич, вы поедете?

— Если можно, меня прошу оставить. Ведь я только вчера вернулся с лечения, чувствую себя усталым, к тому же вы слышали, что сказала Камила-апа...

— Ладно, не будем вас мучить.

Гафур Гулям сказал с сожалением:

— Э, домла, жалко с вами расставаться, поедемте, отдохнули бы вместе.

Алексеев положил руку на грудь:

— Благодарю, я вас непременно встречу в Джизаке.

— У меня к вам еще много вопросов о Пушкине, других русских писателях,— сказал Гафур Гулям.

— Пожалуйста. Сколько бы ни было вопросов, задайте после возвращения, постараемся разобраться.

Абдусаттар-ака подвел итоги:

— Значит так, выезжаем на рассвете на лошадях. Насрулло, ты тоже поедешь, да?

— Обязательно поеду,— ответил тот твердо.

— Значит, нас всего будет четверо, сядем по двое на лошадь.

— Вы бывали в тех краях, Абдусаттар?— спросил Алексеев.

— Бывал, домла. Вы же помните Казакбая Нурматова. Замечательный человек. Когда бывает в Самарканде, каждый раз спрашивает, когда же привезете в гости Абдухамида? И с Гафурджаном вы тоже знакомы. Думаю, будет неплохо, если поэты побывают в том прекрасном краю, обогатятся впечатлениями. Что скажете?

— Все правильно,— улыбнулся Алексеев.— Природа вдохновляет поэта... У чело- века две матери. Одна — мать, которая родила его, вторая — Мать-Земля, то есть природа. Если мать кормит дитя своим молоком, то священная земля выращивает, дает ему пищу.

Мысли Алексеева подхватил Абдусаттар-ака:

— Правильно говорите, домла. Именно поэтому человек обязан верно служить им обеим. Как сын, забыв заботливую мать, не может быть настоящим сыном, так и чело- век, не заботящийся о земле, которая его вырастила, тоже не настоящий человек.

— Да, мой дорогой, недаром в народе говорится, что человек — сын земли!

* * *

Наступил вечер, стемнело, в общежитии кто-то из студентов поглощен подго- товкой к завтрашним занятиям, другие заняты кто чем, некоторые уже спят. Время позднее...

Абдулла прибирает вещи в своей комнате. Он только недавно с поезда, отпраши- вался домой. Приятель его Юсуфджан уже лег.

— Абдулла,— сказал он, подняв голову с подушки,— брось копошиться, ложись отдыхать, завтра все сделаешь.

— Э, дружище, ты же знаешь, пока вещи не будут сложены как надо, я не успоко- юсь. А ты сам почему не спишь?

— Да ведь мы три дня не виделись друг с другом. Думаю, поговорим о том о сем.

Когда беседа двух друзей была в разгаре, постучали в дверь:

— Абдулладжан, эй, Абдулладжан!

— Да. Кто там?

— Не спите еще?

— Нет,— сказал Абдулла и тихонько открыл двери. На пороге стояли Насрулло Ахунди, Шукур Сагдулла, Мели Шоди, Касымджан Хаджим, Галиб Ибрагимов.

— Можно?

— Пожалуйста, проходите,— сказал Абдулла Суюмов.

— Кто тут еще есть?— спросил Ахунди.

— Юсуфджан.

Абдулла проводил парней в комнату.

— Что-то случилось?

— Нет, ничего, все в порядке. Но есть серьезный разговор,— сказал Насрулло, испытующе глядя на Юсуфа.

— Говорите откровенно, Юсуф свой парень.

— Завтра внеочередное комсомольское собрание.

Абдулла Суюмов забеспокоился:

— Так?

— Вы ведь были на прошлом собрании?

— Да.

— Хорошо. Тогда вам завтра надо обязательно выступить.

— Зачем?

Абдулла недоуменно взглянул на Мели Шади.

— Насрулло,— сказал тот,— сперва надо все объяснить Абдулладжану. Кажется, он ничего не знает.

— Действительно, в чем дело?

— А вы на лекциях не были?

— Я отпрашивался на несколько дней домой. Только что с поезда,— сказал Абдулла.

— Тогда знайте, завтра на комсомольском собрании будет рассматриваться пер- сональное дело Хамида Алимджана.

— Что-о?!— Абдулла соскочил с места.

— Садитесь, суетливость всегда вредит делу. Надо продумать все хорошенько. Хамида Алимджана хотя бы выгнать из техникума. Говорят, что уже есть специальный приказ Наркомпроса об его отчислении, но мы намерены бороться до конца.

— Расскажите поподробнее, чтобы мы тоже были в курсе дела,— попросил Юсуф- джан.— Почему? На каком основании?

Тут вмешался в разговор Мели Шади:

— Тут вот в чем дело: недавно у нас была мушоира, видимо, вы слышали. Там Хамид прочитал одно сильное стихотворение. Было много аплодисментов. А представителю Наркомпроса вроде не понравилось... Даже после того, как Хамид Алимджан сошел с трибуны, он все глядел на него как-то не так. Теперь поняли?

— Да, в общем, понятно,— вздохнул Абдулла Суюмов.

— А где сейчас сам Хамид-ака?— спросил Юсуф озабоченно.

— В комнате Уйгуна. Вчера председатель профкома Хусанов забрал его постель в общежитии.

— Ну и дела! Это же скандал получается! Так, и о чем я должен завтра говорить?— спросил Абдулла.

— Скажите сами, что думаете о Хамиде Алимджане.

— Я люблю Хамида Алимджана больше, чем своего брата. Ведь вы же знаете, он мой наставник. С его помощью я научился писать корреспонденции в газету...

— Ну вот и отлично,— сказал Насрулло Ахунди, одобряя.— Вот об этом и расскажете на собрании.

Он хотел добавить, о чем еще надо сказать Абдулле, но потом передумал. Нет, лучше, чтобы он говорил от себя, от души.

С утра — собрание. Зал быстро наполнился. Спокойно, словно ничего не случилось, Хамид Алимджан сел на свободное место. Развернул газету, стал ее просматривать.

— Все ли собрались?

Секретарь комитета комсомола открыл собрание. Первым выступил Хусанов.

— Дорогие товарищи, уважаемые юноши и девушки! Вы все хорошо знаете о том, почему мы созвали вас на внеочередное собрание. Сегодня на повестке дня мы рассмотрим только один вопрос. Это вопрос об изгнании из техникума бесстыдника, несдержанного человека, ставящего себя выше других, заносчивого Хамида Алимджана...

— Это неправда!

— Мы против!

— Хамид Алимджан прав!

Хусанов даже поперхнулся от неожиданности. В зале с разных мест раздавались неодобрительные возгласы студентов. Пока он приходил в себя, на трибуну влетел Абдулла Суюмов:

— Я сын рабочего и буду говорить от имени пролетарских детей! Буду говорить о Хамиде Алимджане...

В зале воцарилась тишина. Только звенит взволнованный, серьезный голос Абдуллы:

— Позвольте мне рассказать о том, что я знаю о талантливом поэте, настоящем человеке, гордости техникума Хамиде Алимджане, имя которого сегодня пытаются очернить...

Абдулла Суюмов говорил с такой страстью и убеждением, что никто из присутствующих, даже Хусанов, не осмелились прервать его. Изредка Абдулла бросал взгляд на сидящего в задних рядах Хамида. Лицо его оставалось спокойным. Абдулла закончил свое выступление срывающимся голосом:

— Если вы решите несправедливо обидеть Хамида Алимджана, то теперешние свои слова я могу повторить везде. Если возникнет необходимость, пойду жаловаться в соответствующие инстанции, дойду до Москвы!..

После Суюмова на трибуну поднялся Мели Шади. Сказал коротко, как отрезал:

— Все студенты любят Хамида Алимджана. Мы гордимся им. Придет время, Хамид Алимджан станет гордостью всей республики...

На трибуну поднялся преподаватель языка и литературы Мирза Кадири. Рослый, широкоплечий, с серьезным взглядом — этого преподавателя искренне уважали все студенты.

— Товарищ Хусанов! О Хамиде Алимджане студенты верно говорили и справедливо защищали его. Я тоже буду защищать его. Потому что он — наша надежда. Хамид пришел в техникум с серьезной подготовкой и ясной целью. Новому времени необходимы именно такие трудолюбивые, жаждущие знаний сыновья. Я хорошо знаю и семью Хамида. Часто беседовал с его дедом... По-моему, техникумы и институты должны принадлежать таким, как Хамид! Нет никаких оснований, чтобы его отчислять! Ну а вопрос о том, каким поэтом он станет... это покажет будущее, но и сейчас уже можно с уверенностью сказать, что Хамид Алимджан твердо идет по яркому пути новой советской поэзии!.. Этому свидетельство — его лучшие стихотворения!

Под горячие аплодисменты Мирза Кадири сошел с трибуны и, подойдя прямо к Хамиду Алимджану, сел рядом с ним и обнял его за плечи:

— Выше голову, сынок!

— Очень интересные творятся дела, домла!

— Да, действительно, Хамидджан, но, как говорится: хорошо то, что хорошо кончается!

Музайяна, Давлат Мурадов, Шукур Сагдулла и еще несколько студентов подняли

руки, прося слово. Однако председатель собрания объявил, что достаточно выступлений: вопрос решен...

Хамид Алимджан оставлен в техникуме.

* * *

Как только закончилось собрание, Хамида окружила толпа студентов. Юсуф подбежал к нему первым и крепко обнял:

— Поздравляю, дружок!

— Спасибо!

Он стоял смущенный, а парни и девушки наперебой поздравляли его.

«Благо!»— прошептал он про себя. Все его сомнения и подозрения, копившиеся последние два-три дня, вмиг улетучились, и он почувствовал себя легким, как птица. Верно говорят в народе, что друзья познаются в беде. Как вышло с Халматом? Ведь он не сделал ему ничего плохого! Наоборот, всегда поддерживал его, выручал в трудные минуты. Неужели от такой бессердечный? А ведь росли же на одной улице, учились в одной школе. Видимо, у него нечистая совесть, если он кидает в друга камни?!

Как понимать, что Халил Джалилов, вчера еще приветствовавший его тень, узнав, зачем нужна справка, нахально глядя в глаза, заявил: «Нет, если справка вам очень нужна, то приходите вечером в махаллю с пятью свидетелями-батраками, которые могли бы подтвердить социальное происхождение вашего отца и вашего дедушки!» Неужели человек меняется так быстро?! Кто назначил его старостой, пятидесятником в махаллю?! Он же видел собственными глазами, слышал собственными ушами, как его защищал дедушка! Ладно, видимо, в жизни и такое бывает. Надо и такое пережить! Вот так, размышляя на столь нелегкие темы, Хамид Алимджан шел не спеша по берегу Джарарыка. А когда подошел к водопаду, невольно остановился. Когда-то он часами смотрел здесь на искристую бурную воду, слушая ее незатейливую мелодию.

...Предавшись воспоминаниям, Абдухамид не заметил, как снова дошел до общезжития.

— Э, где ты пропадал, милый друг, ожидая тебя, мы проглядели все глаза!— крикнул Юсуф, выбежав ему навстречу.

— Простите, друзья, так получилось...

Перевод с узбекского А. Силеенкова.

Невеста в неволе

Невеста в неволе
Словно луна за тяжелыми тучами,
Горюет невеста совсем молодая.
Не дождик ли это?.. То слезы замучили:
За что же, скажите, судьба мне такая?

Не камень же я, что жестоко отбросили,
Не знала я в жизни рассветов весенних.
Отдали меня, как рабыню, по осени
В дом, где богатство царит и веселье.

Сжимаются пальцы до хруста, до боли,
И я призываю, крича от бессилья:
Жестокость, несправедливость будут доколе?
Когда ж справедливость придет и мессия?..

Не прощу

Не прощу ни потом, ни сейчас,
Если капнет слезинка из глаз.
Не прощу, не прощу — я сумею,
Если даже лицом побледнею.

По дороге жизни шагая,
Если я ошибусь — и тогда
Не прощу, не прощу, дорогая,
Не прощу я себе никогда.

Есть цветник в саду у меня,
Океан самых дивных цветов.
И цветам на восходе дня
Нет отбоя от соловьев.

Ни один, ни один цветок
Без внимания не обойду.
В жизни много есть разных дорог,
Но счастливый я путь найду.
Не прощу ни в мороз, ни в зной,
Если путь не найду я свой.

Не прощу ни потом, ни сейчас,
Если капнет слезинка из глаз.
Не прощу, не прощу — я сумею,
Если даже лицом побледнею.

Перевод с узбекского Н. Красильникова.

Юрий Мурадов

ДВОЙНИКИ НАСРЕДДИНА

Право, сразу и не скажу, что побудило меня приняться за эти заметки. Может, одновременное обещание двух наших издательств — «Юлдузчи» и «Еш гвардии» — порадовать после долгого перерыва читателей двумя сборниками анекдотов о Насреддине Афанди (причем, первое издательство свое обещание уже выполнило), может, недавний показ по Центральному телевидению двух мультфильмов о Насреддине, созданных на местной киностудии (и опять же, серию эту киношники обещают продолжить). Или то обстоятельство, что в последние годы театры наши все чаще и чаще обращаются в своей работе к бессмертному образу великого насмешника — и республиканский театр Сатиры, и областные коллективы. А при Союзе писателей создается инициативная группа, собирающаяся торжественно отметить день рождения Насреддина Афанди.

Как бы там ни было, а растущий интерес к образу Насреддина и радует, и огорчает. Радует, что к нашим читателям, зрителям придут настоящие произведения искусства, вместо серых «производственных» романов, а огорчает то, что при такой массивной «атаке» на тему определенная профанация неизбежна.

Наибольшее огорчение мне доставили выше-названные, показанные на всю страну, мультфильмы (авторы сценария Бородин и др.). Никак не могу поверить, что их создатели вдохновились самими анекдотами о великом насмешнике. Скорее всего, они пребывали (по инерции?) в плену отживших пропагандистских клише. Судите сами: герой этих «мультиков», которому дано имя знаменитого шутника, весьма далек от прообраза. По замыслу авторов, Афанди прибывает в город и сразу же нарушает размеренный порядок жизни в нем. Правитель сразу прячется в самый дальний угол своего дворца, богатеи и муллы в панике, визири поднимают по тревоге стражу. Будто не Насреддин в город приехал, а главарь разбойничьей шайки, отъявленный революционер или и того хуже. Словом, появляется какой-то чуждый этому обществу пришелец. Похоже это на настоящего Афанди? Нет, нет и нет! Перечитайте еще раз книжку

его историй — и вы согласитесь со мной. Насреддин был — как бы это точнее выразиться... — был интегрирован в общество, в систему. Понимаю, что фраза получилась ужасно сухой. Но коротко иначе не выразить. Это значит, что он не «изредка приезжал», а жил в городе, по соседству с торговцем и кузнецом, сталкивался с ворами и правителями, спорил, ссорился и дружил с богатыми и бедняками, с муллами и водоносами.

Насреддин мог прийти к кази и попросить его заново рассудить уже решенную тяжбу; его самого не раз избирали казием; падишах назначал Афанди на высшую должность, приглашал его с собой на охоту, спрашивал у него совета. Словом, Насреддин появлялся там и тогда, где и когда в нем была нужда. И вовсе не следует представлять его ни социалистом, ни марксистом.

И падишах со страниц оригинального сборника встает вовсе не таким, каков он в мультфильмах, — не лезет под одеяло, услышав имя Афанди. Да, он порой попадает впросак, но все его недостатки — прямое продолжение его достоинств. Падишах горд (чрезмерно), самоуверен (чрезмерно), иногда невежествен, порой несправедлив, жесток. Не трусость властей беспокоила в те годы народ, создавший бессмертный образ Насреддина. А их простота, на такой высокой общественной ступени опасная, преступная. Сколько ни листал я сборник — не мог найти ни одного анекдота, в котором падишах был бы символом трусости.

Образ Насреддина был составной частью тогдашнего разделения властей. У кого-то находилась власть законодательная, у кого-то — исполнительная, а вот у Насреддина — по высшей воле народа — власть отрезвляющей насмешки, власть иронического надзора. И побеждал Насреддин падишаха, не поднимая народ на борьбу с ним (террористом Насреддин уж точно не был), а — сразившись с ним в остроумии и находчивости, демонстрируя всему миру его, правителя, ограниченность, суетность. За это и в опалу попадал, и приближен был...

А теперь еще один пример безответственного (вернее — спекулятивного) обращения к образу

Насреддина. Не так давно один из местных театров пригласил нас на премьеру по пьесе известных ленинградских водевилистов Константинова и Рацера «Последняя любовь Насреддина». Пьеса, надо сразу сказать, была и смешная, и пошлая. События в ней развивались на фоне ненастояще-размалеванного, сералево-гаремного Востока. Главный герой ничего общего с фольклорным персонажем не имел, и все перипетии того опуса развивались вокруг его любовных проблем. Невооруженным глазом было видно, что ловкие авторы просто паразитируют на популярности и притягательности имени восточного остроуслова.

Разумеется, можно возразить: современные авторы имеют право на творческое домысливание, на свою интерпретацию классического материала... Согласен, имеют. Но не до такой степени, когда от прообраза вообще ничего не остается. Смело можно заключить: Насреддин в этой пьесе навеян не анекдотами, а давним авантюрным фильмом о нем. Самое неприятное во всей этой истории то, что авторы ведь по своему происхождению далеки от культуры Востока, и их легко обвинить (причем, не без оснований) в пренебрежении к чужим традициям и святыням.

Особого разговора заслуживают отношения между Насреддином и духовенством. Есть немало анекдотов, где Афанди высмеивает служителей культа. Но из этого обстоятельства нельзя делать вывод: что он был сознательным, воинствующим атеистом. Муллы и положения шариата потому вызывали его усмешку, что были частью официальной и, соответственно, обязательной идеологии. А народ всегда делал различия между Аллахом и его служителями. Как только религия впала в немилость — у народа отпала необходимость бороться с ее засильем через анекдот. Напротив, все эти годы ускоренного строительства светлого будущего простой народ с тайной симпатией относился ко всему духовному, а анекдоты сочинял про новую официальную религию. Но сейчас речь не о том.

Хвала Аллаху, служители культа перестают считаться исчадием пророка. Они выходят на политическую арену, на экраны телевизоров, свободно читают проповеди, излагают свои взгляды. И не исключено, что новый Насреддин не преминет по-своему отметить их слабости.

Безусловно, осуждая вольное обращение с именем Насреддина, нельзя впадать в другую крайность. Не следует защищать народный образ от... самого народа. А такая тенденция — я бы назвал ее охранительной — бытует в нашем «афандиведении». Поясню, что имеется в виду. Существует довольно распространенное мнение, что анекдоты о Насреддине делятся на истинные и ложные, канонические и апокрифические. Что анекдоты, в которых он предстает в не очень выгодном свете, созданы плохими людьми, врагами всегда положительного Насреддина. И не следует эти анекдоты пересказывать, использовать, издавать.

Что можно на это ответить?

Создатель язвительного насмешника прекрасно понимал, что и сам он — народ — не безгрешен, не состоит из одних добродетелей. Понимал, что не мешало бы и над своими недостатками посмеяться. И вот по законам поэтической экономики он не выдумывает отдельного персонажа для этих целей, а использует уже найденный образ, тем самым обогащая его, добавляя ему жизненности и убедительности, сое-

диняя в образе Насреддина все свои, самому нежелательные черты.

Насреддин, с одной стороны, наделен задачей высмеять власть имущих, в пороках и заблуждениях погрязших, а с другой — имеет задачу не менее важную: не дать закиснуть и народу. Смех над своими слабостями — признак нравственного здоровья народа, свидетельство его могучего духа. С помощью Насреддина народ сам проходит очищение смехом.

А ревниво оберегая незамутненный образ национального героя, мы можем внести в число запретных огромное множество популярных в народе — смешных, забавных, мудрых, поучительных — анекдотов.

Попробуем взглянуть на некоторые из них глазами сторонников охранительного подхода.

Вот анекдот «И ты права», где Насреддин сначала соглашается с первым гостем, потом — со вторым, противоречащим первому, и, наконец, с женой, попенявшей ему на это. Какой тут Афанди? Беспринципный соглашатель. Украшает это кого-нибудь?

Другой анекдот. Жена будит Афанди ночью: «Вставайте, в доме воры, зажгите свечу, она слева от вас». — «Йе! Откуда я в темноте разберу, где лево, а где — право?» Каков Афанди тут? Трусливый.

А вот Насреддин съел весь мед из оставленного ему на хранение кувшина. Аж живот ему вспучило. Тут он явно поступает непорядочно и обжорой себя выказывает.

Невежествен Насреддин в анекдоте о Солнце и Луне, когда на вопрос: «Что важнее?» — он, после долгого размышления, отвечает: «Луна. Потому что Солнце светит днем, когда и без него светло».

В другом анекдоте Насреддин выглядит явным простаком, собираясь выручить за огромную индюшку в десять раз больше, чем другой торговец выручил за маленького говорящего попугая.

Только мошенник может продавать «мышиную отраву», действующую только на тех мышей, которых предварительно поймали и основательно хлопнули об пол. Тут Насреддин — достойный учитель и Остапа Бендера, и незабвенных героев О. Генри.

А кто, кроме глупца, увидев отражение Луны в колодце, решит, что она туда с неба свалилась, да еще примется доставать ее оттуда с помощью крюка и веревки?

Насреддин решил подшутить над шумно играющими детьми: сказал им, что за углом раздают пригоршни орехов. Дети с такой радостью и готовностью бросились за угол, что Насреддин сам поверил и, подхватив полы, пустился за ними. Прелестный анекдот. А кто-то усмотрит в нем очернительство Насреддина. Разве нормальный человек поверит собственной только что сочиненной лжи?!

А взяв обширный цикл анекдотов о том, как Насреддин лезет воровать в чужой сад — и всегда попадает. И всегда выкручивается. Нет ли тут попытки навести тень на светлый облик национального героя? Неужели от всех от них откажутся ради ложно понятого престижа?

Ну а в нижеследующем бдительное око усмотрит попытку обвинить Насреддина в лживости: «Насреддин пригласил к себе гостей. Оказалось — очень некстати: дом пуст. Жена принялась ругать его. «Ну, раз так, — сказал Афанди, — выйди сама. Гости вон они, на улице. Выйди и скажи им, что меня, мол, нету дома!»

Жена так и сделала. «Как — нету дома? — возмутились приглашенные. — Сам нас звал, сам

привел сюда, только что сам вошел в эту дверь!» Жена в растерянности, но Афанди, который прислушивался за дверью, приходит на выручку, кричит: «Вы что, думаете, в доме у Афанди одна дверь? В эту вошел, в другую вышел!»

Много претензий можно предъявить герою этого анекдота. А для меня эта миниатюра — трагедия бедного и совестливого человека, который пытается выйти из затруднительного положения, не потеряв при этом, как говорят на Востоке, лицо. И вспоминается цитата из классика другой великой литературы: «Ах, бедность, бедность, как унижает сердце нам она!» Односторонний, подозрительный взгляд обедняет образ, лишает его глубины, объемности.

Можно найти криминал и в самом, наверное, знаменитом анекдоте, где Насреддин под градом обывательских упреков сначала ведет своего осла на поводу, потом садится на него вместе с сыном и, наконец, вынужден взвалить осла себе на плечи. Но и тут праздным зевакам не угодил: «Старый осел молодого берет!»

Насреддин тут не имеет собственного мнения (что его вовсе не красит), и осла по глупости на себя взваливает. Но как жаль было бы терять этот весьма глубокомысленный анекдот! Недавно наш новоизбранный президент весьма кстати вспомнил о нем в своей речи, когда ему понадобилось охарактеризовать своих политических противников, сначала призывавших перейти к президентскому правлению, а когда руководство страны с этим согласилось — принявшихся за это же самое его упрекать (см. «Известия» за 17 марта 1990 г.).

Надо ли объяснять, что анекдоты рассказываются не для того, чтобы дать оценку национальному герою, а чтобы оценить себя, свое время, свои проблемы. И анекдоты о Насреддине, в которых он не выглядит идеальным мудрецом, не есть глумление над ним, как анекдоты о Чапаеве и Петьке не есть глумление над реальными историческими личностями.

Установленная бюрократическая охранительная граница имеет опасную тенденцию завоевы-

вать все большее и большее пространство. При этом действуют различные — одинаково разрушительные для духовного мира — силы. И перестраховка мелкого чиновника, приставленного следить за девственностью черты дозволенности. И амбиции чиновника посolidнее. И невежество (невнимательность) главного охранителя, которому, казалось бы, перестраховываться нет нужды.

Тщательно выпальывая сколько-нибудь подозрительные анекдоты, мы рискуем остаться с набором пресных, никому не нужных историй. Отсюда всего один шаг до искушения сесть и сочинить за народ нужный, правильный анекдот. Такой, какой, по мнению составителя, вполне соответствует образу, сложившемуся в его ограниченном уме. Мы столько лет за народ решали, что ему, народу, следует делать, знать и любить, и даже — какие анекдоты ему к лицу, — что теперь пожинаем горькие плоды равнодушия, пренебрежения собственной культурой.

Конечно, конечно — народ может сочинить и прятный, двусмысленный, скажем так — лукавый — анекдот, совсем не для детских ушей. Ну что ж — для того и существуют у нас издательства разного назначения. Никто «Юлдузчу» не упрекнет за то, что она целомудренно пропустит, оставит за рамками своей книги истории на особые щекотливые темы.

Ну а взрослым надо быть взрослыми и самостоятельными и не ждать, что кто-то за них решит, отберет, очистит и подаст на подносе.

И главное — такая «стерилизационная» деятельность добровольных евнухов и яростных «защитников» интересов Насреддина — бессмысленна. Народ как сочинял нужные ему анекдоты — так и будет сочинять. Без оглядки на непрошенных советчиков. Будет призывать опыт Насреддина — и положительный, и отрицательный — для помощи в трудный час. Подбодрит себя, когда беды навалятся. В минуты отдыха пригласит великого насмешника в свой веселый круг.

ОТ АРАЛА ДО «БИЗНЕСА НА «ЛЮБВИ»

«Зона молчания». Ташкент, издательство им. Гафура Гуляма, 1989 г.

Как бы быстро ни двигался «экспресс» человеческой аналитической мысли, события, захлестнувшие наше общество, опережают его, заставляют мыслить не только быстрее, но и глубже, чтобы как можно ближе подойти к разгадке истины в познании самого себя и окружающего мира. То, что еще вчера вызывало изумление новизной, сегодня кажется само собою разумеющимся.

Уже в аннотации издательство предупреждает читателя, что в книге — «публицистические выступления писателей и журналистов». Это соседство наложило свой отпечаток на сборник, в котором эклектически соседствуют не только именитые и начинающие, прекрасная публицистика с вещами, сделанными на уровне газетных заметок, но и поднимаемые проблемы: от историко-философских до обличения коррупции, от экологии до проституции, от ужасов самосожжения и детской смертности до духовного инфантилизма.

Открывает сборник статья Чингиза Айтматова «Перестройка, гласность — древо выживания», опубликованная в центральной прессе несколько лет тому назад. Безусловно, известный писатель не мог тогда видеть обратной стороны медали, утверждая, что «печать и телевидение оказались нашим спасением в нас самих: катализатором и амортизатором истории одновременно». Кто из нас не клюнул на удочку «ошеломляющей сенсации», закинутой в наше общество с голубых экранов и страниц центральной периодической печати?

Справедливо возмущаясь коррупцией, казнокрадством и чудовищными злоупотреблениями властью, Ч. Айтматов образно восклицает: «Точно плотину прорвало, слилась вода, и обнаружилось грязное зловонное дно...» Да, это все так. Но и поток сенсационной гласности, прорвавший плотину молчания, был не менее отвратителен, неся в себе все ту же грязь со зловонного дна,

более того — был сам по себе разрушительным, сметал на своем пути всякое «инакомыслие», несущее в себе зерна здравого рассудка. Сейчас, когда наконец-то поток информации утратил стихийную силу сенсационности, стал входить в аналитическое созидательное русло, можно говорить о правомерности слов Ч. Айтматова насчет печати и телевидения.

К сожалению, составитель сборника пошел по накатанному пути, даже дав книге название «Зона молчания» — по одноименной статье В. Соколова, которая, кстати, и выдержана в духе «ошеломляющей сенсации» по делу небезызвестного Ахмаджана Адылова.

Профессионально более взвешенна и аргументированна статья Аркадия Сахнина «Коррупция». Опытный прозаик, чувствуя в ней разовое, газетное начало, скромно именует ее «попыткой анализа этого (коррупции В. С.) явления». Он, в отличие от Ч. Айтматова, утверждает, что: «Гласность — оружие не только могущественное, но и опасное, обоюдоострое. Но, на мой взгляд, опасность кроется в другом, — в самой позиции А. Сахнина. В своей статье он явно претендует на монополизацию истины в последней инстанции. И тут дело вовсе не в самом А. Сахнине, а в стремлении некоторых сил нашего общества переменить полюс цензуры: с глазуранно-застойной на воинствующе-прорабскую, забывая о том, что цензура, чья бы она ни была, остается цензурой».

Современный, цивилизованный стиль публицистики представлен Ириной Алябьевой в статье «На алтарь амбиций» — о трагической судьбе Арала. Автор в доходчивой для широкого круга читателей форме излагает суть проблем и, дав высказаться противоположающим сторонам, делает взвешенные выводы и заключения. Автор приходит к казалось бы парадоксальной, но на самом деле логической мысли: «...проблема всех проблем в регионе — не усыхание Арала, нет, а именно избыток мертвой воды и дефицит живой». И делает вывод: «Сейчас требуются не поверхностные устранения искривлений и деформаций, а серьезное и глубокое изменение аграрного строя».

За этим видится более глубокий социально-экономический вывод. На ум приходит «японский феномен». Суть в том, что мы, имея все в избытке, учились бережливости и экономии по лозунгам, а японцев этому учила сама жизнь».

Статья Тимура Дагжи «Бизнес на любви» — одна из самых первых в республике о проституции. Надо отдать должное автору за верно из-

бранную тональность изложения этой проблемы (без благопристойного облагораживания и сексуального смакования), когда жесткая правда все же не теряет чувства меры. Благодаря усилиям кинематографа и центрального телевидения праведное обличение проституции превратилось в беспардонную рекламу «красивой жизни» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Гласность, несомненно, нужна, но все зависит от того — кому доверяется высвечивать тему. Для определенного круга бесталанных авторов и сценаристов реклама секса и порнографии — единственный способ привлечь к себе внимание обывателя и неискушенной молодежи. Надо ли говорить, какой непоправимый урон (моральный и материальный) несет государство, позволяя подобным «лоцманам» от искусства вести подрастающее поколение в гавань бездуховности и опустошенности...

Ужасающую картину рисует Мурад Абдуллаев в своей статье «Протест» — о самосожжении 22-летней девушки Гульчехры. Читатель не может не содрогнуться от приведенной автором статистики: «...в прошлом году в Узбекистане 250 женщин сожгли себя, в позапрошлом — 270».

Не менее жутко рассказанное Алиазаром Эгамназаровым в статье «Разлученные при жизни» — о судьбах детей-сирот и неблагополучных семьях. Только по Ташкенту (по свидетельству автора) «каждый год женщины оставляют на попечение государства в среднем 200-250 детей». Угнетающе действует и другая статистика: «...каждый год в республике убегают из дома 600-700 детей... среди подростков растет количество наркоманов, курильщиков, нарушителей общественного порядка». Автор пытается ответить на поставленные вопросы: «Почему ребенок разочаровывается в семье и бежит из нее? Почему беременеют молодежные девушки? Неужто это лишь результаты отсутствия воспитания со стороны родителей или демонстрации по телевизору неподобающих фильмов?» Эти вопросы волнуют всех нормальных людей. И напрасно беспокоится автор, говоря: «...читатель, вероятно, подумает, что мы сеем панику. Ведь живем мы в самом гуманном обществе на свете». На это читатель, пожалуй, только горько усмехнется...

В сборник включена добрая треть статей, которые вряд ли можно отнести к «зоне молчания». Это: «Спасите книгу!» Евгения Березикова, «Раздумья на улицах Хивы» Анатолия Ершова, «Измена» Нурали Кабула, «Труд — имя существительное» Сергея Брынских, «Пришел, увидел... Победил?» Ольги Крупенье. Главная заслуга авторов этих статей в том, что они затрагивают конкретные проблемы «местного» масштаба, и, в меру своей одаренности, пытаются их сформулировать для читателя, тем самым внося свою лепту в их разрешение.

В этом ряду диссонирует статья Эдуарда Маципуло «Повреждающие факторы» с подзаголовком «Записки об инфантилизме». По-видимому, автору надо было уже в подзаголовке вести

речь не просто об инфантилизме, а о духовном, — это было бы точнее.

Статья Владимира Васильева «Диалог с зеркалом» также изобилует сомнительными выводами. К сожалению, без обширного цитирования из статьи дискуссия на страницах журнала немислима, а предоставленная печатная площадь крайне ограничена. Скажу лишь, что В. Васильев фундамент своего Храма строит на следующем философском основании: «...индивидуальное и, только (разрядка моя В. С.) как следствие его, общественное счастье — главный «критерий оптимизации» прогресса человеческого общества!» Это категорическое «только» неизбежно приводит автора к другой мысли: «Объективно человек и человечество «ищут, где лучше» для того, чтобы максимально реализовать человеческое в себе...» Вот здесь и «зарыта собака». Если по отношению к человечеству это утверждение правомерно, то к конкретному человеку далеко не всегда. Это как раз то, что немцы называют «родина по выбору». Человечество в своем историко-эволюционном развитии действительно стремится к лучшей общественно-экономической формации (равно — ищет, что лучше), а конкретный человек не может искать «где лучше», т. е. его сдерживают: долг перед Отечеством, любовь к Родине, честь, совесть и чувство личного достоинства.

Рассмотрение статьи Тулепбергенова «Отдача духа и иждивенчество души» я сознательно оставил напоследок. Прекрасная статья, иначе и не скажешь. Она является как бы своеобразным стержнем всего сборника. Короткая по содержанию, емкая по мысли, эта статья поднимает важные государственные проблемы: кадровая национальная политика, катастрофа Арала, демографическая ситуация, вопросы национальной литературы и искусства, интернационализм и другие.

Все это преломляется через призму «отдачи духа и иждивенчества души». Лейтмотив статьи в том, что, несмотря на объективные факторы, все же первопричину всех бед надо искать в самом себе. Автор призывает сбросить с нашего общества груз опеки и заботы государства, стать самостоятельными. Именно постоянная опека (государство выучит, государство вылечит, государство накормит и т. д., а не воспитание, чтобы «сделать из нас толковых исполнителей», как утверждает Э. Маципуло) приводит к иждивенчеству, порождает паразитов общества и делает нас духовно инфантильными.

Конечно, нереально составителям будущих аналогичных сборников рассчитывать на приобретение от всех авторов статей уровня Т. Каипбергенова, но стремиться к этому надо. Думается, целесообразно отказаться от проблемных статей газетного типа, тем более, уже опубликованных. Чтобы к сборникам был прикован постоянный читательский интерес, надо придерживаться испытанного принципа: лучше меньше, да лучше.

В. СУМИН.

«В МИР РЕБЯЧЕСКИХ ЧУДЕС...»

Николай Красильников. «Есть на свете чудеса!»
Ташкент. Издательство «Еш гвардия», 1990 г.

Доверьтесь, раскройте весело разрисованную книжку, смело утверждающую «Есть на свете чудеса!»

Детским незамутненным взглядом здесь увидите все — как «сияют стеклами дома», как сыплются «светлые горошины дождя». Прислушайтесь к музыке полудня — услышите, как «баюкает жука ветерок». Вспомните времена, когда каждое утро бывало добрым, а все лица улыбкавыми. Когда все ярко и зримо, все азартно и отчаянно, когда хочется побегать босиком, когда все живое так любопытно, и загадочно, и забавно — разве тигр не похож на «кота в пижаме», а бегемотова пасть — разве не ворота? «...Но в гости к нему заходить неохота...» А если с вами будет ребенок — он-то попадет прямо к себе домой... Он узнает здесь себя — свои игры, мечты, свою тягу к самостоятельности:

...Сам я с горки покатился,
Сам я — хлоп! —
В сугроб свалился. («Сам!»)

Итак, мир детства, и главное его чудо — игра, которая для ребенка — не препровождение времени, а подготовка к жизни, школа самовоспитания.

Поэт уважает мечту — как далекую цель, как опору духа: лютый зимой, без мечты о солнце, которое станет могучим и победит холод — «Не ставь весной зернышку зеленым стебельком...» («О чем мечтает зернышко»).

Поэт включает своего читателя в мир добрых и сильных чувств. Это любовь — к матери, сестрам, братишке, это крепкое дружество. И другие чувства — они живут, как ни пыталась замолчать их ханжеская мораль недавних лет, — когда маленький человек взрослеет и вдруг замечает однажды:

И солнца луч, и синева в апреле
Подобно одноклассницы глазам. («Прогулка»)

Одна из наиболее привлекательных сторон нового сборника, как и прежних книг Николая Красильникова, — слиянность поэтики с миром природы. Известно, что Н. Красильников побывал во многих заветных уголках Узбекистана, исходил немало горных и степных тропинок, наблюдая, изучая, а затем — воссоздавая словом образ земли узбекской, картины ее своеобразной, неповторимой природы. Его знания не поверхностны, как у многих из нас, не основаны на книжных и телевизионных впечатлениях, — они собраны по крупице, любовно и пристально.

Вспоминается такой эпизод из замечательного рассказа Г. К. Честертон «Тень акулы»: один из его героев говорит о другом, обличенном как холодный и расчетливый убийца: «Я считал его способным на любое преступление, когда он

говорил, что не видит в цветке никакой красоты, а только глубокую биологическую сущность... Тот, кто преднамеренно уничтожает цветок, рано или поздно попадет в тюрьму».

Страницы книг Н. Красильникова озарены теплым светом любовного, подлинно человеческого отношения к природе, дышат страстью познания ее загадок и тайн. Его стихи знакомят детей с особенностями времен года, круговоротом воды в природе, возрастом гор, зимним сном леса. В них открывается мир добрый и щедрый:

Простыню внизу растянем
И трясти тутовник станем.
Дружно капли упадут.
Тут, тут,
Тут, тут! («Тутовник»)

Особенно интересны мгновенные портреты животных, птиц, рыб, зверей домашних и диких, данные со знанием их повадок, вида, движений, освещенные юмором, исполненные поэзии. Тут можно цитировать без конца:

Щеки Фомки-хомяка,
Как два толстых сундучка.
Что в них?
Маленький секрет:
Вкусный завтрак и обед! («Хомяк»)

Для ребенка, знакомого со стихами Н. Красильникова, в природе будут существовать не слабо различимые «птички» и «зверушки», а такие, как они есть, — майна, грач, поползень, «голубой и ярко-золотой» зимородок, чудесница птичьего мира — оляпка, гуляющая под водой, мастеровитый ремез... Ему откроется поэтичность самого обычного зрелища на деревенской улице — «утиной флотилии», поспевающей к воде, в которой каждый утенок — «в желтой маечке» моряк, а мать-утка — «бывалый капитан». Рассказывая о природе, автор поясняет, обыгрывая меткие народные названия трав, — «Пастушья сумка и бычок», дает образные, афористичные характеристики обитателям звериного царства — «огнистая лиса», «волк речной — змееголов».

Поэту удается не только познакомить маленьких читателей с природой, но и найти в ней уроки добра — и призвать к добру. Его маленький герой, весь день проведя в лесу, никого не напугал, нигде воды не замутил. («Гость») Другие ребята собирают виноград и доволны тем, что не собранное ими «воробьям останется». Не забудут и в лесу оставить на кусте дикой смородины кисточку для синиц и щеглов — пусть им будет легче зимой...

Стихи проникнуты теплым чувством к «братьям меньшим», обитающим в лесах и степях, пожеланием быть им «пра-пра-друзьями».

Как часто мы скорбим об отсутствии духовности у молодого поколения в наши дни. Не одна ли из причин этого горестного явления — пренебрежение поэзией, задалбливание еще с детсадовской поры вялых, невыразительных дежурных стихов «к случаю» и неумение внушить растущему человеку возвышенно-поэтическое отношение к жизни? А ведь настоящая поэзия — хлеб насущный в наш духовный голод, она говорит о нашем касательстве ко всему существующему на земле, она лекарство от отчужденности.

Однако задача детского поэта — не только приобщить ребенка к поэзии, но и преподавать ему какие-то жизненные уроки, передать крупно-

цы морального опыта человечества — задача дидактическая. Возможно ли решить ее при помощи прямых назиданий, указаний, запретов и словесных поощрений? Трудно — или невозможно; чем старше поучаемый, тем труднее. Думается, решить эту проблему можно, лишь сопереживая с детьми — заставить их сопереживать. У Н. Красильникова это есть — настрой его поэзии близок детям. И еще один его помощник — юмор. Не нужно грозить пальцем неряхе Ване или лентяю Редькину — достаточно показать комизм ситуации, связанный с их пороками... («Про Ваню», «На уроке истории»). То же можно сказать и о трех хвастунах, похвалявшихся силой и отвагой и бросившихся науек при виде шмеля, или еще об одном хвастеце, за версту обходящем гусака. («Три борца», «А вдруг?») Они смешны — этого достаточно, чтобы сделать и самому маленькому правильный, а главное, свой моральный вывод...

3. ТУМАНОВА.

ВЕРНУТЬ ВРЕМЯ ИЗ ЭМИГРАЦИИ

Насыр Фазылов. «Зной». Ташкент, Издательство им. Гафура Гуляма, 1989 г.

Поэт, творец на Востоке — всегда Учитель. На мыслях его и деяниях печать божественной мудрости. Ему внимают, ему поклоняются. Как художник и творец Насыр Фазылов не изменяет литературной, уходящей корнями в средневековье, традиции. В сотворенном мире своих повестей и рассказов он — Создатель. Ему ведомо все. Он видит разрушительную работу злых сил, покровительствует силам добра. Он видит беды и скорби людские, он наставляет и торит путь в царство справедливости.

Воздвигнутое им мироздание имеет очерченные границы, однажды созданное, оно предстает в своем раз и навсегда отлитом, завершенном облике, не подвластном коррозии времени, потому что Времени в нем нет, а есть данность: мир таков и другим быть не может.

В повести «Саратан» сквозь воздух, прокаленный степным нестерпимым зноем, проступают, а затем становятся явью поля, деревья, глинобитные дома поселка, дорога... «По обочинам дороги — колючая трава янтак. Стебли у нее, точно серебряная проволока. Кузнечики стрекочут не переставая, как всегда в эту самую жаркую пору лета. А вон, прямо над головой, жаворонок — машет крыльшками, а не движется, висит в одной точке и заливается нескончаемой песней. Чуть выше коршун парит, на жертву нацеливается».

Мир предстает как данность с перечислением предметов. Автор-Создатель радуется тому, что все, что им названо, явлено в мир и находится

там, где ему положено быть, и делает то, что предназначено делать: трава на обочине дороги растет, кузнечик стрекочет, жаворонок в небе поет, коршун нацеливается на жертву. Характерно, что предметы и живые существа не взаимодействуют друг с другом, они просто лежат на предназначенных им полках мироздания, как в лавке, а рачительный Хозяин помнит о них, пересчитывает, заботится, и в его воле перемешать все сущее, сберечь или уничтожить.

За границей этого жаркого мира идет страшная война. Из поселка уходят добровольцы. Как бы на замену им приезжают беженцы: приход-расход. По разумению Создателя, мир, что бы в нем ни происходило, должен стоять на столпах законов добра и справедливости. И страницы повести перечисляют, называют множество примеров тому. Заботлив и добр председатель колхоза, которого зовут Раис-бобо. «Беженцы, из-за войны лишенные крова, по большей части добирались в здешние края измученными, не имея самого необходимого... про это именно и думал в первую очередь раис: что-нибудь найдется полегче из колхозных работ, куда можно будет определить приезжих».

Герой повести — паренек Тураджан тоже отзывчив и справедлив. Он осудил мать, которая за килограмм пшеницы выменяла у беженцев-поляков красивую эмалированную, расписанную цветами миску, он укоряет ее за несправедное дело: «Не зарься ни на что в разоренном доме», — и мать понимает, что совершила зло, а потому соглашается вернуть миску беженцам и, опять-таки, не пустой, а доверху наполненной пшеницей.

И дальше происходит то, чего жаждал Создатель: народ, увидев столько содеянного добра, славит справедливое мироустройство: «Как сойдутся двое-трое словоохотливых стариков — про Тураджана речь заведут непременно: «Спасибо отцу его за такого сына! Верно говорят, что слава делами добывается».

И сам Создатель включается в хор славящих голосов: «Да-а, не пропасть такому народу, раз в нем столько доброты, душевности... Все заодно! Все вместе кулаки поднимают — в прах любого врага расшибут. Ложками море вычерпают».

Эти слова в повести произносит председатель колхоза, но смысленный читатель, конечно же, догадывается, чей прозвучал глас. Ну и в самом деле, с чего бы это затурканному повседневными заботами, уставшему старику, только что на глазах у читателя беспомощно пререкавшемуся с уполномоченным райкома о сроках жатвы ячменя, ни с того ни сего произносить столь ответственные речи?!

В азарте славословия происходит и другое явление: узурпация власти Автором-Создателем. Автор и с читателем начинает обращаться, как с персонажами своей повести, забыв, что читатель не входит в мир, ему подвластный, а находится как раз наоборот — вне его, и потому может жить как-то иначе. Автор-Создатель и в мыслях своих не может этого допустить. Он взирает на читателя откуда-то с заоблачных высот и наставляет его на путь истинный, множество раз возвращаясь к одному и тому же предмету или событию, и потому уже к середине повести становится для читателя весьма утомительным.

Но вернемся к страницам повести. Автор-Создатель понимает, что для полноты картины явления и благостного мира не хватает Любви. И он с радостью и щедростью наделяет этим чувством главного своего героя — паренька Ту-

радждана и хорошую девушку Камилу. Чувство — Любовь — названо, а дальше? Дальше ничего не происходит.

И опять догадывается смысленный читатель: происходит что-то может в мироздании, где существует такая каверзная, подозрительная категория, как Время. Ведь запусти, по недосмотру или недомыслию, Создатель в мироздание повести Время, и начнут происходить несанкционированные им, незапланированные события: кузнечик, такой хороший, здоровый, стрекочущий кузнечик, возьмет да и состарится, умрет и будет съеден муравьями или, что еще хуже, помолодеет и превратится в куколку. Коршун в небе попарит, попарит да и сожрет поющего жаворонка. Тураджан покрутится возле беженки красавицы-полячки да и влюбится в нее, а не в хорошую девушку Камилу. Мать Турадждана возьмет и не одну, а все миски выменяет у приезжих чужаков на пшеницу и не возвратит: кто ж добровольно откажется от такого добра? Мальчишка Франтишек не раз и не два украдет сюзму у тетушки Зулайхи, за что и будет бит ею не единожды. А битье ребенка, как известно, может один раз сойти с рук, другой, а на третий, конечно же, отец Дворжек встанет на его защиту. И пойдет стенка на стенку, и откуда тогда взяться дружбе народов и всеобщему царству добра и справедливости?! Нет, нельзя запускать в повесть Время, и Автор-Создатель его изгоняет.

Ах, вон оно что, понимает теперь читатель, вот почему столь словоохотливы персонажи! Ведь если времени нет, значит, нет ритма и темпа, а стало быть, и говори себе всласть, взахлеб целыми страницами, в книге вон 399 страниц, на всех и говори об одном и том же, и ничего, имеешь полное право! Например, отчего не поговорить о том, как тетушка Зулайха при всем народе оскорбила хорошую девушку Камилу? Девушка взяла да и заболела. Мать девушки огорчилась и долго так начинает разговаривать сама с собой, удивляется, почему это дочка только сегодня утром пела и смеялась, а теперь болеет. Пришедшая тетушка, которую в колхозе все зовут «Информбюро», с присущей ей основательностью в передаче информации, поясняет ей, почему ее дочь больна. Потом приходит соседка Салима, и тоже в недоумении: такая хорошая девушка и заболела! А затем уж и пар-

нишка Тураджан начинает думать: что случилось с Камилкой? Какой такой подвох произошел?! Автор-Создатель с заоблачных высот, конечно же, видит всю эту кутерьму и, наверное, добро так посмеивается: «Мучаетесь, разбираетесь, хе-хе... не знаете, отчего девушка заболела? А я знаю. Ну-ну, помучайтесь... хе-хе, кого бы еще запустить...» Создателю весело, а персонажи и читатель мучаются, но опять-таки, в царстве всеобщего добра и справедливости для разнообразия можно и помучиться: «не все ж коту масленица!» И смысленный читатель принимается читать другие повести и рассказы в книге «Зной». И странно как-то ему становится: прочел он повесть «Домбра старого Суюма», «В родном Каркарали», рассказы прочел, а впечатление такое, что читает «Саратан». Что за наваждение такое?! Он и страницу переворачивает, чтоб удостовериться: «Домбра старого Суюма»? Она. Начинает читать — опять как будто «Саратан». И тут осеняет читателя: так это средневековая, восточная традиция, которой следует Насыр Фазылов, самым счастливым образом соединилась в его творчестве с изобретением нашего века и страны — методом социалистического реализма. Свойство же метода соцреализма таково, что за какой материал писатель ни возьмется, о чем ни напишет — получится что-нибудь очень похожее на... повесть «Саратан». Больше того, хоть десять, хоть десять тысяч писателей возьмутся писать методом соцреализма о чем-нибудь разном — все равно выйдет что-нибудь одно. Для критики очень удобный, универсальный метод: получил книгу, садись и строчи рецензию. И для читателя удобно: все похоже, все знакомо.

Но тут вместо того, чтобы радоваться своему всезнайству, загрустил смысленный читатель. Скучно ему стало. Так загрустил, что написал крупными буквами: «Гласность и свободу персонажам!», «Вернуть Время из эмиграции!» — и пошел на митинг.

Сейчас, смотришь, один вернулся из эмиграции, другой, можно, конечно, и Время вернуть, чего уж там! И что тогда? Тогда произойдет то, что однажды повергло в изумление знаменитого писателя: Татьяна Ларина, тоже хорошая девушка, не спросясь Создателя, взяла и вышла замуж!

Д. АБДУЛОВА.

П. Мирза-Ахмедова
Д. Рашидова

ДЖАДИДЫ: КТО ОНИ?

«Нет никакого сомнения в том, что хотя люди и исповедуют различную религию, и живут в различных странах, и принадлежат к различным племенам и нациям, все они являются детьми одного и того же рода человеческого. Говоря иначе, они — братья. А раз так, то все они должны любить и уважать достоинство друг друга и должны вызвать к жизни эру всеобщего братства. Когда же им удастся создать всеобщее братство, тогда и наступит эра счастья жизни мира, всеобщее счастье». (Абдурауф Фитрат. «Путеводитель спасения»)

Без знания правды о джадидах представляется невозможным воссоздание истинной картины революционных событий в Туркестане, Татарии, Азербайджане. Однако вопрос о джадидизме до недавнего времени принадлежал к числу запретных тем, был окутан густым туманом замалчивания, боязливых намеков, а то и намеренной клеветы.

Бухарский эмир считал джадидов самыми страшными своими врагами. Садриддин Айни свидетельствует, что слово «джадид» в Бухаре 1918 года было равнозначно слову «большевик».

Но вот с конца 20-х годов «джадид» расшифровывается как «националист», что однозначно влекло за собой смертный приговор.

А начинали джадиды свою деятельность с попытки реформы мусульманской школы, предложив звуковой метод обучения, «усули джадид». Отсюда и название движения: «джадид» по-арабски означает «новый». Тут иной современный исследователь, умудренный гремучей теорией классовых битв, в недоумении передернет плечами: «Подумаешь, школьные учителя какие-то! И чего их так боялся эмир? И за что только их расстреливали «сталинские соколы»?»

Так кто же они, эти загадочные джадиды?

Движение джадидов — течение в общественной мысли мусульманских народов Российской империи конца XIX — начала XX века. Люди с чутким сердцем и просвещенным умом не могли не видеть тупика, в котором оказались к тому времени их народы. Беспросветная нищета и невежество масс под двойным гнетом имперского и местного деспотизма, кризис схоластической школы, застой мысли, культурный регресс — все это становилось уже невыносимым. Мусульманская интеллигенция видела выход из тупика в просвещении народа. Джадиды выступили против конфессионального образования, застывшего в средневековой схоластике и сводившегося к заучиванию наизусть сур Корана и толкованию их. Помимо упомянутого выше новометодного обучения, они потребовали ввести обучение родному и русскому языку, литературе, математике, истории, географии и другим светским наукам.

Предтечей джадидизма в Средней Азии можно считать Ахмада Дониша — выдающегося бухарского ученого, писателя и общественного деятеля конца прошлого столетия. О нем пишет в своей книге «История Бухарской революции» (написана в 1920, издана полностью лишь в 1987 году) С.Айни: «Первым, кто выразил протест против старометодного обучения, был Ахмад Дониш (1827 — 1897), по собственной инициативе постигший астрономию, геометрию, математику, историю, филологию, искусство жизнеописаний. Он принципиально не стал преподавателем и этим выразил протест против традиционного обучения в медресе». В той же книге упоминается о первой новометодной школе, появившейся в Самарканде в 1903 году. Это была «школа Шакури», которую основал мулла Абдулкадыр Шакури. Изучив его опыт, несколько просвещенных бухарцев, среди которых был и Айни, решили «начать дело в Бухаре». И к 1908 году здесь уже было несколько новометодных школ, вызывавших яростное неприятие со стороны местных кадымистов (от арабского «кадыми», «старинный»). Спор между кадымизмом и джадидизмом надолго стал главным содержанием общественной жизни, со временем приобретая политическую окраску и обнажая подоплеку этой затянувшейся борьбы нового со старым.

Садриддин Айни, вступивший в 1911 году в тайное джадидское общество «Тарбия-и афол» («Воспитание детей»), приводит некоторые параграфы программы этого общества: «1. Агитация за просвещение — помощь всем, кто стремится к знаниям; создание новой литературы; распространение в народе газет и журналов, книг этического и воспитательного содержания... 2. Агитация против невежественных обрядов, мракобесия, разьяснение несоответствия мракобесия шариату... 3. Агитация против эмира — против жестокости его чиновничества и судей...» Как мы видим, это программа, и в особенности третий ее пункт, уже довольно далеко выходят за рамки чистого просветительства. Айни пишет о роли духовенства в движении, сообщая совершенно неожиданные для нас сведения: «История знает большое число мулл и происходивших из их среды, которые составили значительную группу революционеров. Например, в тайном обществе из 28 человек 14 было из духовенства... Среди тех, кто в 1918 г. был казнен эмиром, 7 мулл, 2 судьи, 2 мударриса и 1 раис. Домулло Икрам, видный ученый, судья Шарифджан, бывший Верховным судьей Бухары, были в заключении». Кстати, когда в марте 1917 года эмир обрушил страшную кару на самого Айни, тот тоже носил звание мударриса.

В свете последующего обнищания в «национализме» приведем свидетельство Айни и по этому поводу: «Среди молодых бухарцев мы видим все национальности, проживающие в Бухаре: узбеков, таджиков, туркмен, арабов, иранцев, евреев. Татары... рука об руку с ними шли по пути революции...» Показательна и задача обучения языкам, которую один из лидеров движения, Махмудходжа Бехбуди, ставил так: дети должны знать тюркский (узбекский) — язык дома и семьи, фарси (таджикский) — язык поэзии и культуры, арабский — язык религии, русский — для развития экономики и промышленности, и, наконец, для выхода в большой мир нужен один из европейских языков, английский, французский или немецкий. Джадиды хотели видеть свой народ просвещенным, свободным от рабства, невежества, национальной замкнутости.

Однако движение джадидов было неоднородным. До поры до времени оно объединяло людей разных взглядов — от «умеренных либералов» — в основном из торговых кругов, до демократической интеллигенции, опиравшейся на народные низы и частично вышедшей из них... Эти группы преследовали отнюдь не одинаковые цели, что в конце концов привело к расколу движения, причем «умеренные» превратились в лидеров таких буржуазно-националистических организаций, как мусаватисты в Азербайджане, «Мусульман иттифаки» в Татарии, «Шуро-и Исломия» в Средней Азии. Из рядов же джадидов-демократов вышли национальные революционеры. Файзулла Ходжаев, вождь младобухарцев (так называли себя революционные джадиды), писал об этой эволюции так: «Много времени прошло с тех пор, когда первые джадиды начали дело просвещения народа, борьбы за облегчение его тяжелой жизни — от первых робких шагов в сторону европеизации, прогресса и хоть какой-нибудь правовой государственности до вхождения в компартию Бухары».

Революционизация национальных окраин была неотделима от национально-освободительного движения их народов.

Надо помнить и о сильной волне освободительных движений в те же десятилетия XX века в ближайших регионах Индии, Иране, Турции. Джадидизм, требуя свободы народа, отразил во всей полноте сложную сущность просветительства на тогдашнем Востоке. С другой стороны — перед глазами был пример России, где социал-демократы решительно добивались коренного переустройства общества. В таких условиях резкое размежевание между джадидами-«либералами» и джадидами-«демократами» было неизбежно.

По времени это совпадает с русскими революционными событиями. В Татарии, например, где джадидизм зародился в 80-х годах прошлого века, движение распадается в первую русскую революцию. Именно тогда образуется «правая» партия «Мусуль-

ман иттифаки» и, соответственно, уходят в революцию «левые» — Амирхан, Г. Тукай, Г. Ибрагимов и др. В Средней Азии джадидизм появился позже, и здесь раскол окончательно оформляется во время февральской революции 1917 года.

Серьезные разногласия в рядах среднеазиатских джадидов начинаются в 1914 — 1915 годах, когда сюда вернулись получившие образование в России и Турции молодые люди. Они и вступили в спор со старшими деятелями джадидизма по вопросу целей и методов борьбы. Их не удовлетворяло узкое культурничество, они выдвинули политические задачи, потребовали снижения налогов, облегчения участи дехканства, ограничения чиновничьего и судейского произвола, обрушились с резкой критикой на эмира и духовенство. У этой молодежи появились и свои лидеры: Абдурауф Фитрат и Файзулла Ходжаев. Это они в марте 1917 года встанут во главе партии младобухарцев — революционных джадидов. В том же марте 1917 года оформится и «правое крыло» — «Шуро-и Исломия».

В истории революции в Средней Азии есть два этапных момента. Это — народное восстание, вспыхнувшее в Туркестанском генерал-губернаторстве в 1916 году в связи с мобилизацией местного населения на тыловые работы, и события в Бухаре в марте 1918 года — так называемый «колесовский поход».

Восстание 1916 года утопили в крови собственные же «отцы нации». Предательское соглашение местных правителей с царизмом камня на камне не оставило от просветительских упований на национальное единство, провозглашенное лидерами джадидизма.

Собственно, восстание это возникло стихийно и не имело никакого отношения к реформаторским идеям джадидов, показав, что народ их не понимает и за ними не идет.

В общественную борьбу вступили радикально-революционные силы. «В Туркестане, с его более высоким в сравнении с Бухарой хозяйственным укладом, — пишет Ф. Ходжаев, — с наличием больших кадров русских рабочих и значительным развитием деятельности русских политических партий, обстановка для развития прогрессивных идей была куда благоприятнее, чем в деспотической средневековой Бухаре». Здесь надежды на возможность видоизменить мирным путем абсолютную эмирскую власть не угасали вплоть до 1918 года. Только свирепая расправа над джадидами, которую учинил бухарский эмир Алимхан в марте 1918 года (было уничтожено более трех тысяч человек), явилась трагическим уроком, толчком к более решительным действиям народной интеллигенции в 1920 году, когда окончательно пала эмирская власть.

До сей поры некоторые идеологи сохраняют традиционно-пренебрежительный взгляд на джадидов: они, мол, «всего лишь» реформаторы. Требовали у эмира реформ — и только. Однако думать так сегодня, значит плохо представлять себе историческую ситуацию в Бухаре первой четверти XX века. Отнюдь не случайно эмир люто ненавидел джадидов, ведь они подтачивали его деспотию изнутри, приобретая все больше сторонников в народе. Властитель потратил немалые усилия, чтобы очернить джадидов, называя их «богоотступниками», «предателями своего народа», «продавшимися русским». А когда пришел час — расправился с ними беспощадно.

В статье «Воспоминания о двадцатом годе в Хиве и Бухаре» участник революционных боев Алимджан Акчурин писал о джадидах: «В обычных условиях любого капиталистического государства они со своими довольно скромными требованиями реформ являлись бы самой желанной правительственной оппозицией, и все их требования уложились бы в рамки буржуазного парламентаризма. Но в условиях эмирской деспотии, где вся власть находилась в руках реакционного духовенства, представляющего средневековый феодализм, эти невинные реформисты оказались в роли самых опасных революционеров».

В том-то и дело, что патриархальное сознание народа, для которого власть эмира — «наместника бога на земле» — была священна и неприкосновенна, даже эти реформы воспринимало как богоотступничество. Говорить в то время об ограничении эмирской власти парламентом (маджлисом) и было настоящей революцией. Кстати, и турецкая (1908 года), и иранская (1905—1911 годов) революции добивались «всегонавсего» конституции при сохранении монархии.

Опыт первого вооруженного выступления против эмира в Бухаре, предпринятого младобухарцами совместно с красноармейцами Туркфронта («Колесовский поход» в марте 1918 года), потому и оказался неудачным, что народ его не поддержал, не принял программу реформ. И дело не в том, как некоторые пытаются объяснить, что эта программа была недостаточно радикальна, а именно в том, что она была слишком радикальна: она посягала на «священную» власть эмира. И еще: голос джадидов был, наконец, услышан народом (пусть для этого потребовалось еще два года) только потому, что они опирались на законы ислама — на шариат, который и в котором жил народ — трудовой люд Бухары и Хивы. Это тоже исторический факт.

И мудрость Файзуллы Ходжаева — вождя младобухарцев, заключалась в том, что

он и его товарищи, разделяя программу РКП(б), оставались на младобухарской платформе — приемлемой для народных масс Бухары. Это обеспечило победу революции 1920 года.

Раскол джадидского движения накануне Октябрьской революции 1917 года, эволюция демократической его части в революционную, а либеральной в контрреволюционную в свое время дали советским историкам повод для деления джадидов на «правых» и «левых», на «прогрессивных» и «реакционных». Однако такой подход существовал недолго, уже в конце 20-х годов наметилась явственная тенденция к упрощению. Но до того, как восторжествовал лобовой «классовый суд» над джадидами, к левым джадидам относили и Хамзу Хаким заде Ниязи, и Садриддина Айни, а вместе с ними и всю революционную интеллигенцию Туркестана, Бухары и Хорезма.

Непреходящая историческая роль левых джадидов в том, что именно они подготовили восприятие народами Средней Азии революционных идей. Более того, можно смело задать вопрос: а возможна ли была вообще победа революции в Бухаре (и не только здесь) без участия джадидов? Вчитаемся в эти строки: «Именно джадидизму мы обязаны тем, что в Средней Азии воспитались кадры, могущие возглавить национально-революционное движение и возглавившие его уже тогда, когда наше революционное движение влилось в великий поток Октябрьской революции, пошло под коммунистические знамена». Это пишет человек, чья судьба была прямой иллюстрацией такого тезиса: Файзулла Ходжаев — Председатель Туркестанского бюро партии младобухарцев-революционеров, член партийного центра по руководству Бухарской революцией, возглавляемого В. В. Куйбышевым, Председатель Совета Народных Назиров (комиссаров) — глава революционно-демократического правительства Бухары (1920 год), первый Председатель Совета Народных Комиссаров Узбекской ССР (1924 — 1937 годы.)

Однако уже с 1926 года в официальных оценках джадидизма происходит заметный поворот. Работы Ф. Ходжаева, посвященные истории Бухарской революции, в частности его очерк «Джадидизм», вызвали ожесточенные нападки со стороны рецензента Г. Туркестанского («Кто такие джадиды»). Ташкент, САКУ, 1926 год). Спор разгорелся вокруг выяснения классовой природы джадидизма и был весьма характерным для того времени. Подход с классовых позиций считался главным, принцип историзма едва намечался. Рецензента совершенно не удовлетворила характеристика социального состава джадидов, данная Ф. Ходжаевым, отмечавшим: «Социальная база джадидизма была очень узка. Часть купечества, разнородная интеллигенция и отчасти полупролетарские элементы. Против джадидизма стояли государственная власть, полиция, армия, весьма многочисленное и великолепно организованное духовенство, другая часть купечества и сельские кулаки, при очевидном нейтралитете широких слоев дехканства». Ну а Туркестанский заявляет, что джадиды выражали интересы промышленной буржуазии (тревожный симптом!) и обвиняет Ф. Ходжаева в «немарксизме» (предупреждение еще более грозное).

В статье «Ответ Г. Туркестанскому» Файзулла Ходжаев пытается объяснить, что промышленной буржуазии в Бухарском эмирате попросту не было, и рассказывает, что «большинство джадидов принадлежало к материально среднему и плохо обеспеченной интеллигенции или мелкой буржуазии: студенты духовных школ, мелкие чиновники. Были и крупные купцы, но, во-первых, их было мало, они составляли исключение, а во-вторых, они не столько сами работали в организации, сколько поддерживали материально (Мансуров, Якубов). Были даже крупные духовные лица, например, мулла Икрам (один из 12 бухарских муфтиев, сочувствовавший джадидам. Известен своей брошюрой, содержащей критику эмирской Бухары)». Однако что за дело было поборникам девственной классовой чистоты до исторической реальности? Вступая в спор с ними, выдающийся революционер и не подозревал, какая серьезная подоплека стояла за позицией его критика.

В 1927 году, когда Ф. Ходжаева с трибуны партийного съезда за «идеализацию джадидизма» обвиняет в национализме, для него наступит время «каяться и признавать ошибки». Вот фрагмент его тогдашнего выступления: «Что касается вопроса джадидизма, я считаю правильным то указание, что в конце моей брошюры я допустил неправильную формулировку, которую я в ответ на статью Туркестанского в моей статье исправил еще почти год тому назад... По отношению к интеллигенции политику ЦК считал и считаю правильной и расхождения по некоторым практическим вопросам по осуществлению этой линии я считаю исчерпанными».

Но вопрос об отношении к джадидам не был исчерпан ни в 1927 году, ни позднее. В 1932 году в докладе секретаря Средазбюро ЦК РКП(б) К. Я. Баумана прозвучало следующее: «Всячески приветствуя работу таких товарищей, как Файзулла Ходжаев и Абдурахманов по вопросам революционного движения в Средней Азии, мы не можем не отметить, что Ф. Ходжаев допустил в свое время ошибку националистического характера, идеализируя джадидизм».

Ф. Ходжаев отвечает Бауману уже совершенно в духе официальной установки:

«Что касается джадидизма и его роли вообще, необходимо сказать, что по своей классовой сущности джадиды были представителями торговой и нарождавшейся промышленной буржуазии, и как таковые они не могли пойти дальше требований обычных в рамках капитализма реформ, которые присущи вообще всяким другим буржуазным и мелкобуржуазным партиям...»

Вынужден был резко изменить свое отношение к джадидам и Садриддин Айни. Автор правдивой «Истории Бухарской революции» (1920 год) в романе «Дохунда» (1930 год) уже рисует джадидов пытавшимися «усовершенствовать» эмирскую власть.

Ныне известно, какие свирепые оргвыводы применялись в те недоброй памяти времена к «носителям чуждой идеологии». Критика бывших джадидов в конце 20-х годов обернулась почти полным их уничтожением в 30-х годах.

С той поры и до недавнего времени в официальной науке (и не только в Узбекистане) джадидизм стал синонимом буржуазного национализма. Причастность к джадидизму расценивалась как позорное пятно. Из биографии Хамзы и Садриддина Айни были изъяты упоминания об их принадлежности к джадидам.

В 1970 году вышли в свет труды посмертно реабилитированного Файзуллы Ходжаева, посвященные истории революции в Бухаре и джадидскому движению. Однако книгу эту старались не замечать. В 70-е годы в Татарии, в Узбекистане, в Таджикистане предпринимались отдельные попытки высказать хотя бы часть правды о джадидах (следует особо отметить работу татарского философа Я. Г. Абдулина «Джадидизм, его социальная природа и эволюция»). Но и эти труды обносились стеной молчания.

Назрела необходимость восстановления исторической справедливости не только по отношению к революционным джадидам. В мае 1987 года в Самарканде, на всесоюзной писательской конференции по историко-революционной прозе впервые публично прозвучал призыв к коренному пересмотру наших представлений о джадидизме. Известный таджикский писатель Джалол Икрами подчеркнул в своем выступлении: «Не нужно забывать, что среди джадидов были не только «левые» и «правые», ушедшие одни — в революцию, другие — в противоположный лагерь. Много было и таких, которые, не примкнув ни к каким политическим партиям, сыграли непреходящую роль на ниве просвещения народа и воспитания его в духе общечеловеческих ценностей.

Этапной в деле восстановления правды о джадидизме можно назвать коллективную попытку историков, философов и филологов Узбекистана, Таджикистана, Татарии и Азербайджана разобраться в проблеме, предпринятую в беседе «за круглым столом». Она состоялась в Институте языка и литературы Академии наук Узбекистана под председательством вице-президента республиканской академии Э. Ю. Юсупова. Выступили 14 специалистов из разных республик, обладатели высоких ученых званий, и высказались за отказ от вульгарно-социологического подхода в изучении джадидизма, за выявление роли этого движения как яркого этапа Просвещения на Востоке.

Ученые были вынуждены констатировать, что на сегодня отсутствует обстоятельная научная теория развития общественной мысли Средней Азии за последние 100 лет. Большинство исследований по этому вопросу искажает историческую правду. Сюда же относятся и попытки отделения джадидизма от Просветительства и отождествления его с пантюркизмом, панисламизмом, буржуазным национализмом.

Обширная художественная литература, созданная выдающейся плеядой просветителей — от Ахмада Дониша, Фурката, Муками до Бехбуди, Фитрата, Тавалло, Абдуллы Кадыри, Айни, Чулпана, Ходжи Муина и других, несет в себе проблематику, которую до сих пор именовали джадидской. Это: родина, нация, религия, наука, просвещение, критика деспотической власти и ортодоксального духовенства. Именно так определял в 1920 году С. Айни в своей «Истории Бухарской революции» круг вопросов, поднимаемых новой литературой. Очевидно, что так называемая «джадидская» проблематика на проверку оказывается общечеловеческой.

Что же касается пресловутого «национализма» джадидов — выясняется, что так именовался порыв к национальному возрождению. Участниками беседы «за круглым столом» была высказана мысль, что именно устремления джадидов, направленные на развитие национальной культуры, литературы, языка, и явились тем рубежом, который отделил их демократическое крыло от пантюрокских и панисламистских доктрин. Так называемые «националистические» идеи джадидов не имеют ничего общего с современной идеологией национализма — идеологией исключительности, превосходства, изоляции от других народов и тому подобного. Вынесенные в эпиграф этой статьи слова Абдурауфа Фитрата как нельзя лучше говорят о глубинной человечности джадидизма и истинной его сущности.

Варварское «табу» с джадидизма наконец снято. Теперь перед вдумчивыми исследователями открывается широчайшее поле поиска, им предстоит объективно воссоздать эту удивительную страницу истории народов Востока.

Статья Михаила Попова «Ак-паша» — «Белый генерал» (Скобелев в Средней Азии), («Звезда Востока», № 3, 1990 г.) вызвала резко отрицательное отношение национальной интеллигенции Узбекистана. Секретариат Союза писателей республики обязал редакцию опубликовать статью Хуршида Даврона, рассматривающего личность Скобелева и знаменитого живописца Верещагина с иных, нежели Попов, позиций. Публикуя эту статью, редакция просит читателей высказать свое мнение по существу затронутой в ней проблеме.

Хуршид Даврон

ЗАВОЕВАТЕЛЬ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ГЕРОЕМ

Воцарившись, идеология становится верой, потом — обычаем. Она эрозирует, стареет, погрязает в быту, притупляется. Она уже испытывает нужду в щекочущих воспоминаниях.

О. Сулейменов

Очерк Михаила Попова «Ак-паша» — «Белый генерал» и небольшое вступление, предваряющее отрывки из путевых записей русского художника В. Верещагина «От Оренбурга до Ташкента», напечатанные в 3-м номере «Звезды Востока», оставили в моей душе тяжелый осадок. Потому что эти публикации пытаются представить генерала М. Скобелева — карателя, ярого проводника колонизаторской политики царской России, и художника В. Верещагина — апологета этой политики — «подвижниками», «добрейшими и великодушными людьми», «образцами истинных русских интеллигентов», что противоречит правде. «А правда, — как писал великий русский писатель Ф. М. Достоевский, — превыше России». А коли так, то я вынужден буду остановиться на тех сторонах деятельности этих двух личностей, которые остались вне поля зрения М. Попова, и прокомментировать отдельные моменты этих публикаций.

«Вклад» двух этих личностей в историю Средней Азии мне хорошо известен, так как я изучаю их «деятельность» на протяжении многих лет. Посвятил Верещагину стихотворение. С большими купюрами оно даже увидело свет. Говорю со всей открытостью, я далек от мысли, что нужно запретить писать и публиковать статьи о Скобелеве, а тем более о Верещагине. Я лишь сторонник того, чтобы при этом руководствовались правдой.

Меня всерьез тревожит то обстоятельство, что день ото дня множится число произведений, искажающих историческую правду. За примерами далеко ходить не надо: рассказ В. Пикюля «Открывая ворота, Хива!», повесть А. Горбовского и Ю. Семёнова «Без единого выстрела», баллада Ю. Кузнецова, посвященная взятию Скобелевым Геоктепинской крепости, — все они пропагандируют идеи великодержавного

шовинизма, оскорбляют патриотические чувства народов Средней Азии, принижают и всячески поносят национальных героев.

Известный казахский поэт Олжас Сулейменов в своем докладе на пленуме Союза писателей Казахстана сказал следующее: «Стало чуть ли не нормой в иных романах, говоря о прогрессивных последствиях присоединения Средней Азии к России, умалчивать о негативной стороне этого предприятия, называвшегося колонизацией».

И в силу этого, пока во всеуслышание не будет сказана правда о колонизации Средней Азии царской Россией, пока не прольется свет наших очей на то жестокое притеснение в прошлом, о котором поется в песнях наших дедов, до тех пор будет существовать доставшаяся от колониального прошлого национальная рознь, вместо дружбы и взаимопонимания».

Мы люди здравомыслящие, мы понимаем, что русский народ не виновен в случившемся, вся ответственность за ведение колониальной политики царской России ложится на правящие круги той поры и на деятелей, подобных Скобелеву. Я приведу очень уместные здесь слова великого русского демократа А. И. Герцена: «Все те, которые не умеют отделить русское правительство от русского народа, ничего не понимают».

М. Попов, пытающийся изобразить душителя свободы и палача народов Средней Азии Скобелева защитником интересов русского народа, чуть ли не национальным героем, игнорирует эту аксиому.

В последнее время возросло число сторонников великодержавной политики царской России, утверждающих, что после завоевания Туркестана «в краю начался подлинный прогресс». Что ж, попытаемся и мы найти ответ на вопрос: ставила ли Россия своей целью при завоевании Туркестана привести этот край к процветанию?

Общезвестно, каким неочевидным вкладом в человеческий прогресс была культура народов Средней Азии, что не без оснований этот регион рассматривается как одна из колыбелей мировой цивилизации. Край дал миру Аль Фараби, Аль Фергони, Аль Хорезми, Беруни, Улугбека, Абу Али ибн Сино, Навои, Джамии, Бабур и других великих мыслителей, да и в недалеком прошлом, до русского завоевания, он отличался самобытной культурой, искусством, литературой и наукой. Поэтому сегодня мы должны, наконец, дать соответствующую оценку данным переписи населения от 1897 года, утверждавшим, что 99,5 процента таджиков, 99,4 — киргизов, 99,3 — туркмен, 98,4 — узбеков, 97,9 — казахов — были безграмотны. До сих пор ни в одном из источников не встречалась оговорка, что эти данные — по охвату детей местных национальностей русско-туземными школами. Тогда как молодежь, обучающаяся в старых школах, медресе, девушки, получающие образование на дому, «в счет» не брались. А ведь в том самом 1897 году в Самарканде, наряду с одной-единственной русско-туземной школой, открытой царскими властями, было 21 медресе, 83 школы, а в Бухаре, как свидетельствуют исторические источники, было более ста медресе. Хотя бы поэтому пора прекратить бездумное цитирование нелепого вывода, приведенного в журнале «Вестник воспитания» за 1900 год: «Для ликвидации неграмотности населения Средней Азии и Казахстана понадобится 4600 лет».

По данным статьи, недавно опубликованной в журнале «Фан ва турмуш», примерно половина населения того времени была грамотной. Интересно было бы сопоставить эти данные с процентом грамотности в самой метрополии.

По свидетельству татарских ученых, после завоевания Туркестана дело просвещения получило в этом краю не прогресс, а регресс. «50 лет мы держали туземцев в стороне от развития, в стороне от школы и русской жизни», — засвидетельствовал в своем дневнике Н. А. Куропаткин, будучи генерал-губернатором Туркестана. Какие чувства вызывает у вас это откровение? Так вот, я спрашиваю, по совести ли поступают люди, которые, закрыв глаза на правду, зная, что русско-туземные школы охватывали всего 0,17 процента населения, утверждают тем не менее, что Россия принесла в Среднюю Азию просвещение?

Недавно группа русских писателей устроила демарш, напечатав в газете «Фрунзевец» следующее заявление: «Как ни расценивай факт прихода России в Среднюю Азию, очевидно, что русские избавили край от трех страшных язв: работорговли, неграмотности подавляющего большинства народа, низведения женщины до уровня животного» («Белое солнце пустыни» Юрия Папорова, № 58 от 12 марта 1990 года. Подписи: Вл. Устинов, Г. Резниковский, Ф. Фариди (Ф. Бокорев), Вл. Лещенко, М. Гребенюк, Вл. Стуловский).

Как я говорил уже выше, наследие колониализма невозможно изжить из памяти навсегда; и живучесть промонархических идей в сознании писателей по сей день, попытка обелить царскую политику в Туркестане всеми правдами и неправдами — разве это не свидетельство пережитков великодержавного шовинизма?

В ответ на столь очевидную фальсификацию «заслуг» колониализма у меня напрашивается вопрос: отдают ли русские писатели отчет в том, что дало «освобожде-

ние» узбекской женщине? Оно ничуть не изменило условий ее жизни, превратив ее в рабыню на хлопковой плантации.

Специально для русских писателей и тех, кто по-прежнему убежден в благих намерениях империи, приведу следующий преинтересный документ. Это ответ помощника коменданта войск Туркестанского военного округа генерал-лейтенанта Мациевского членам Ташкентского отделения общества востоковедов: «...прочитав Ваши труды по делам Общества востоковедения, приказал передать Вам, что его Превосходительство со всеми вопросами согласен, но главный пункт упущен. Общество должно изучать Восток не для Востока и науки, а для слияния народностей с Россией — обрусения».

Ну что ж, мы нашли ответ на вопрос: «Хотела ли Россия вести завоеванный Туркестан к прогрессу и процветанию?»

Попутно разберемся и с таким вопросом, как прокладка железных дорог в Средней Азии и налаживание новейших видов связи. Для кого эти новшества предназначались и кому должны были служить, Ленин лаконично и красноречиво ответил: «Закаспийская железная дорога открыла Среднюю Азию для капитала».

Что же мы читаем у М. Попова? Вначале он пишет: «В связи с походом в Ахал-Текинский оазис началась постройка первой линии железной дороги от побережья Каспийского моря в глубь туркменских степей. Строилась она по стратегическим мотивам». Чуть дальше, рассказывая о строительстве по инициативе Скобелева телеграфной линии в Ахал-Теке, от Чата до Асхабада, он говорит, что и это строительство «велось в военно-стратегических целях». И вдруг, забывая о «военно-стратегических целях», он пишет: «...объективно это способствовало расширению экономических, культурных связей этого края с государством, выводило его из многовековой изоляции» (!?)

Приведу еще одну цитату, которая яснее ясного говорит о том, какие цели преследовала Россия, завоевывая Туркестан: «Тот сундук, из которого мы будем черпать наши богатства, хранится не на Западе, а на Востоке, он зарыт в... среднеазиатских владениях» (З. Кастельская. Из истории Туркестанского края. М., 1980). Недаром Ф. Энгельс назвал Россию «владельцем огромного количества украденной собственности».¹

По формулировке Ленина, основная цель русских колонизаторов была «создание великой капиталистической России», это была захватническая политика «с великодержавной и черносотенной окраской».

«В действительности завоевание Средней Азии было, конечно, типичным актом колониального захвата, предпринятым царизмом в целях удовлетворения интересов зарождавшейся русской буржуазии и дворянско-помещичьей России. Отрицать это или как-либо смягчать, вуалировать неверно и вредно». Завоевание оставалось завоеванием, в результате которого Туркестан стал «колонией чистейшего типа».

Интересно отметить, что некоторые авторы, вполне отдающие отчет в том, что «присоединение Средней Азии к России осуществлялось в результате завоевательных походов царских войск», что «политика царизма принесла новый тяжелый экономический и национальный гнет», «носила грабительский характер и принесла народам Средней Азии нищету и бесправие», в то же время утверждают, что якобы еще до завоевания налицо было «тяготение народных масс к России», и все попытки вооруженного сопротивления царским войскам на местах были не более чем происками феодальной знати, которая «таким образом стремилась использовать классовую борьбу трудящихся масс, направив ее (!) против России».

Это пример упрощенного подхода к делу. Подменять прорусские настроения определенной части населения Туркестана, преимущественно его торговых кругов, «тяготением народных масс к России» и объяснять вооруженное сопротивление на местах только «происками феодальной знати — значит вольно или невольно исказить фактическое положение дел» (Б. Лунин. Научные общества Туркестана. Т., 1962, с. 14).

Такие истории, как А. Аминов, А. Бабаходжиев, которые, не стыдясь, пишут о том, что местное население не оказало стойкого сопротивления русским войскам, клеветают и оскорбляют память тех, кто погиб, защищая свою родину. Они забывают о тех юношах, которые воевали и погибали в неравном бою, женщинах и детях, которые носили защитникам лепешки и воду, о тех, кто взрывал себя вместе с пороховым складом, чтобы не попасть в руки озверевших захватчиков. Они забывают, что после захвата Джизакской крепости русские на нашли там ни одного невредимого защитника, там были только трупы и раненые.

¹ Хотя царская Россия выкачивала из Туркестана огромные прибыли, чиновники-колонизаторы создали легенду, по которой «Туркестан поедает кровные русские миллионы». Легенда, которая действует до сих пор, по мнению З. Кастельской, ни на чем не основана» (З. Д. Кастельская. Из истории Туркестанского края. М., 1980 г., с. 49).

Для того чтобы показать всю сущность и последствия этой завоевательной войны, я хочу привести отрывки из книги «Колониальная революция» Григория Сафарова — видного деятеля русского революционного движения, ставшего в годы революции членом ТурЦИК, погибшего в 1938 году в лагере на Соловках.

«Туркестан был завоеван в собственность, с одной стороны, как этап на пути в Индию, с другой же стороны, сам по себе для русского правительства представлял двоякий интерес: 1) с точки зрения финансовой политики, как источник государственных доходов и как новый рынок для продуктов внутреннего производства, и 2) с точки зрения колониальной политики, как новая область перемещения избытков населения из центральных губерний. В 1864 году были захвачены Туркестан, Чимкент, Аулие-Ата, в 1865 — Ташкент, в 1867 году была образована Семиреченская область, в 1868 году занят Самарканд, в 1876 году — Ферганская область, в 1884 году — Мерв. Первоначально русский захват носит почти исключительно характер оккупации. «Наш тогдашний уездный начальник (не говоря уже о военном губернаторе), строевой офицер, случайно и то лишь по необходимости превратившийся в администратора, снабженный тогда относительно широкими полномочиями, в глазах народа всецело являл собой прямого заместителя «бека» или «хакима» ханских (!) времен. Население, веками привыкшее подчиняться грубой силе, боялось уездного начальника». (Наливкин. «Туземцы», с. 66). Это свидетельство живого участника завоевания станет более понятным, если вспомнить, с помощью какого кровавого террора совершилось это завоевание. Завоеватели превратили Туркестан в свою вотчину.

...Если первоначальным завоевателем Туркестана выступает уездный начальник, то с течением времени его фигура заслоняется более хищным и ловким представителем господствующей нации, проводником господства великодержавного капитала — торговым комиссионером. Этот проникает глубже полицейского ока, грабит систематичнее обыкновенного казенного взяточника, душит упорнее, чем простой Угрюм-Бурчев... Состоит он преимущественно из русских и европейцев вообще...

Развитие хлопководства вызвало резкое классовое расслоение в мусульманской деревне и старом городе, выдвинуло аристократию в качестве проводника торгово-ростовщического капитализма и установило диктатуру российского великодержавного капитала над хозяйственной жизнью туземного общества... В общей картине промышленного производства Туркестана обработка волокнистых веществ занимала главное место, и это опять-таки должно было обуславливать господство русских на верхах и низкий жизненный уровень туземных рабочих масс в промышленности Туркестана вообще..

Если, с одной стороны, Россия стремилась использовать Туркестан как рынок для закупки сырья и сбыта изделий промышленного производства, то, с другой стороны, целью ее захватной политики была колонизация Туркестана «излишками» земледельческого населения центральных губерний.

Этого требовали не только экономические, но и политические интересы полубуржуазной, полукрепостнической системы. Переселение в Туркестан достигает особенно высоких размеров после поражения революции 1905 — 1907 года, и главный контингент переселенцев составляют крестьяне бунтовавших губерний юга России. Здесь они быстро из эксплуатируемых превращаются в эксплуататоров-помещиков, сидящих на киргизской земле; из представителей угнетенной национальности украинцев в носителей великодержавного, «истинно русского» гнета по отношению к киргизскому населению. В их лице царизм создает себе живую опору для своего колониального господства. Жертвой колониального грабежа, естественно, является кочевое, главным образом, киргизское население... Наконец, его культурная отсталость и бесправие облегчают захват его собственности. «Все земли Туркестанского края до утверждения в его пределах русского владычества признавались собственностью ханов. **Вследствие этого (!)** при определении прав туземного населения на землю составители «Туркестанского и Степного Положений» постановили считать всю территорию вновь приобретенного края временно, впредь до поземельного устройства его, изъятой из частной собственности и оставить за туземным населением лишь право бессрочного общественного пользования землей на основании действующих обычаев» (Переселенческое дело в Туркестане, 1910 г., с. 39). Эта преемственность между русско-самодержавным управлением и ханским владычеством поистине замечательна. Русский царизм в Туркестане не на словах, а на деле доказал, что является прямым наследником Чингизхана!..

В Туркестан российское самодержавие перенесло в готовом виде свой административно-полицейский аппарат, несколько преобразив его «в соответствии с местными особенностями», в смысле более последовательного проведения «домостройного принципа»: наверху — генерал-губернатор, за ним — губернаторы по областям, ниже — уездные начальники. Так же, как и в России, царское правительство долгое время подерживало общину, используя ее как полицейско-фискальный аппарат; здесь оно оста-

вило в неприкосновенности на низших ступенях «местное самоуправление» в виде волостных управителей, сельских старост — «думов» и народных судей — «казиев». Русский хлопчатобумажный и торговый капитал сделал бая проводником своего влияния в мусульманском кишлаке — российское самодержавие сделало его охранителем великодержавных прав русской нации. Само собой разумеется, что сюда сплавлялись все отбросы резервной армии российской дворянской и служилой бюрократии. Здесь они находили широчайшее раздолье для личного произвола, самого беззастенчивого и дикого грабежа, взятки и насилий без конца и предела. Все русское жило здесь и воспитывалось в сознании того, что коренное население Туркестана не люди, а рабочий скот, который нужно бить, грабить, насиловать. Недаром же в этой стране беспрерывно сложилась характерная песня:

Эх, ты, Азия печальная,
Безответная страна —
И с начальством безначальная,
И с богатствами бедна.

Здесь каждый рядовой русский полицейский брал деньгами и натурой вплоть до чужих жен, — сколько ему хотелось. Если он встречал сопротивление, он бил, убивал. Все равно все преступления прикрывались благодетельным начальством!

Здесь обогащались, как в сказке. Захватывали у туземной бедноты любой участок земли с постройками на том основании, что ... по шариату «тот, кто оживит землю, владеет ею». (См. Ильин. В далеком краю (роман), 1913, Ташкент). Здесь не было границ «истинной русской подлости».

...Усмирение было чудовищным по своей жестокости. Резали и стреляли без числа женщин, детей, стариков. Потоки крови смешались с грязью разрушаемых глинобитных стен.

Любой русский жулик при достаточном запасе наглости и оборотливости мог делать в Туркестане все, что ему угодно... В числе прочего, царское правительство занялось здесь русификацией. Черносотенные «миссионеры» Остроумовы и губернаторы Лыкошины обращали «нехристей» в православие и учили думать и чувствовать по-русски.

...Можно с полным правом утверждать, что от одной трети до половины всего русского населения Туркестана составляют профессионально-паразитические сословия — дворяне, чиновники, духовенство и купцы. Если к ним присоединить еще кулацкую часть крестьянского и казачьего сословий, то окажется, что большинство пришедшего русского населения принадлежало к эксплуататорским группам разных степеней и рангов. Это и была живая сила колониального аппарата российского самодержавия и великодержавного капитала: она «смещала» киргизов с их земель, командовала угнетенными нациями Туркестана, брала взятки, обмеривала, обвешивала, торговала, ссужала деньги, скупала хлопок, грабила, душила, усмирляла. Она непосредственно опиралась на штыки русской оккупационной армии. Ей принадлежало управление краем и руководство экономической жизнью. Она группировала вокруг себя отбросы туземного общества — переводчиков, подпольных адвокатов, спекулянтов, туземных полицейских. Ее опорными стратегическими пунктами были новые города, состоявшие почти сплошь из казарм, чиновничьих канцелярий, казенных квартир и лавок. Железная дорога, русские поселки и казацкие поселения, врезавшиеся клином «на прусский манер» во владения коренного населения. Такова была общественная основа колониального гнета и колониальной эксплуатации в Туркестане».¹

Учебники истории рисуют однобокую картину. Нашествия немецких, шведских, польских феодалов в Россию ужасны. Последствия этих войн, разумеется, чудовищны. Ну а походы царского воинства в Сибирь, Среднюю Азию, на Кавказ, в Прибалтику? Ясно, что они были продиктованы не интересами русского народа, а имперскими амбициями. Так как же — покорение, завоевание или присоединение к «матушке» территорий дружественных, а то и родственных народов, для их собственного блага? Что это было, если пришлые эксплуататоры не только трудовой народ, но и местных эксплуататоров подчиняли своей воле? Действительно ли, как писал один историк, «чванливая, злобная, свирепая, нечистоплотная, и вороватая, трусливая (местная) знать была недостойна господствовать над народом, который шел по пути развития». Действительно ли пришлые захватчики, которые потопили в крови народ, который шел по пути развития, были нечванливыми, незлобивыми, чистоплотными, честными и смелыми?

Вопросы эти ставятся не для того, чтобы оскорбить русский народ, которого мы

¹ Григорий Сафаров. Колониальная революция. (Опыт Туркестана.) Государственное издательство. 1921 г.

умеет отделять от «шайки разбойников со слабоумным царем во главе». Империалисты Запада в Африке, Индии и прочих колониях тоже подчиняли, покоряли не только плебс, массы, но и знать — князьков и феодалов, угнетавших собственный народ, свое же племя. Во имя прогресса велись эти захваты? Можно ли назвать такую политику прогрессивной лишь потому, что пришельцы выступали против жутких туземных обычаев — ну, скажем, человеческих жертвоприношений или работорговли?

Социально-экономическая общность народов СССР исторически сложилась не путем сближения трудящихся разных национальностей, а в результате агрессивной политики российского империализма. Забывать об этом негоже, а полагать, что это никак не сказалось на развитии многонациональной страны, наивно. Лишь реакционной геополитики находят оправдание «естественному праву» сплоченного в державу великого народа захватывать новые земли до тех пор, пока на его пути не встанет неодолимая преграда — море, горы или другой, до зубов вооруженный народ.

Как только не оправдывали наши горе-историки завоевание Туркестанского края. Один писал, что «это даже был, по сути, единственный благоприятный выход для среднеазиатских народов в существующей политической обстановке, который давал надежду на более или менее близкое освобождение от национально-колониального гнета». Другой писал, что «Средней Азии, несомненно, было выгоднее войти в состав России, которая шла навстречу революции», третий декларировал: «Присоединение Средней Азии к России — более могущественному и экономически более развитому государству — оказало положительное ускоряющее влияние на ход социально-экономического развития края». Нам известны мысли К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что капиталистической России, как, скажем, и Англии и Индии, предстояло выполнить «двойную миссию: разрушительную и созидательную, с одной стороны, разрушить старое азиатское общество, а с другой стороны, заложить материальную основу западного (капиталистического) общества в Азии». Вторую свою миссию Россия не смогла выполнить — Средняя Азия до сих пор остается аграрно-сырьевым регионом.

Маркс и Энгельс отнюдь не превозносили внешнюю политику русского самодержавия, как хотят преподнести многие историки. Наверное, потому не нашлось места «Тайной истории дипломатии XVIII века» в 50-томном собрании сочинений на русском языке, что в ней Маркс трактует историю России не так, как советская — марксистская — историческая наука.

Десятилетиями, после провозглашения Сталина «отцом русской истории», у нас идеализируются русские цари, князья, полководцы. Ладно бы в трудах официальных историков. Пропаганде этой идеализации служат и учебники, и кинофильмы, и популярная литература — все, что непосредственно воздействует на массовое сознание. Недавно вышла книга В. В. Каргалова «Полководцы X—XI вв.», где среди прочих прославляются «подвиги» Ермака — завоевателя и душителя многих сибирских народов.

Парадокс: сопротивление туземцев Африки, Америки и Азии европейским колонизаторам, даже если оно возглавлялось местными князьями-угнетателями, подается сочувственно, и с диаметрально противоположных позиций, а любое сопротивление народов, подпавших под гнет царской России, — подвергается хуле и очернительству. Наши историки, и об этом пора сказать напрямик, до последнего времени неизменно демонстрировали (а такие, как М. Попов и группа русских писателей, продолжают и по сей день демонстрировать) прямо-таки сыновнее пристрастие к царизму, изображая двуглавого орла в виде некоего ангела-хранителя, посвящавшего себя исключительно благотворительным деяниям ради процветания подвластных ему народов. Они проявили к самодержавию столь беззаветную любовь, что становится непонятным, почему же оно все-таки оказалось свергнутым и почему оказался предпочтительным другой путь. Многие русские и узбекские историки уже советской формации, эти «твердокаменные марксисты», договорились до того, что Средняя Азия не была заживо распорота, скована и прибрана к рукам, нет, она была просто-напросто... присоединена. Какие невинные слова! Тут уж недалеко и до воспевания царя-батюшки (до славословий генералу-палачу Скобелеву уже дошли), который, как и подобает заботливому родителю, не спит ночами, волнуясь за тяжкую участь угнетенных среднеазиатских народов, думая о его освобождении.

Но историки — одно, а история — совсем другое. Она вершится даже тогда, когда не происходит ничего такого, что летописец счел бы нужным зафиксировать для потомков. История совершается даже тогда, когда историк лжесвидетельствует. В интервью газете «Известия» (от 28 марта 1988 г.) Расул Гамзатов, размышляя о судьбе своей «малой родины», говорит: «В прошлом веке лучшие люди России с сочувствием следили за сопротивлением горцев. Сегодня в Дагестане, по указанию местного начальства, тщетно разыскивают факты, которые подтвердили бы... добровольное присоединение к России».

В нашей историографии за среднеазиатскими народами не признается даже право иметь национальное самосознание или его проблесков. В годы, предшествовавшие Октябрьской революции, когда все народности Российской империи пробудились

к борьбе за национальное освобождение, среднеазиатцы, оказывается, тоже позволили эту «историческую слабость». В течение многих десятилетий умалчиваются события 1916 года — восстание народов края против русского самодержавия. Даже в год семидесятилетия восстания — в 1986 году, в печати не появилось ни одной статьи, посвященной этому великому событию. Это необъективно, оскорбительно и оправдано лишь в том случае, если от души полагают, что все русское изначально прогрессивно.

«Современная политика,— писал О. Сулейменов в газете «Правда»,— вырастает из истории, воспитывается ею. Поэтому, когда мы говорим о межнациональных отношениях, о проблемах нашей федерации, то, безусловно, не можем обойти этот фундаментальный фактор. Корни наших нынешних социальных бед — это, так сказать, нездоровый сосуд из региональной историографии. Ведь истории СССР как таковой у нас не было. Просто слегка подправленная история России стала называться по-новому».

«Не знаю ни одной религии,— заметил далее О. Сулейменов,— которая бы записала на своих скрижалях: возвышайся, унижая других. Хотя в действиях вероучений, политических направлений очень часто именно это и проявлялось. В искусстве, в литературе, в историографии — и подавно. Поднимая свой народ, унижают другие. Пока эта не прекращающаяся тенденция не разоблачена, история продолжает оставаться источником пещерного эгоцентризма. Думаю, что в борьбе с этим принципом культура обретет себя. Да и личность. Печальным результатом практики самовозвышения за счет других стали некоторые сегодняшние социальные проявления. Историография — мировоззренческая наука, она формирует сознание».

А теперь вернемся к личности Скобелева, которую так высоко превозносит М. Попов.

Генерал Скобелев, член той шайки, которая, по словам Энгельса, «с железной настойчивостью, неуклонно преследуя намеченную цель, не останавливаясь ни перед каким вероломством, предательством, убийством из-за угла, пресмыкательством, не скупясь ни на какие подкупы... шагая через миллионы солдатских трупов, содействовала... расширению границ России от Днепра и Двины за Вислу до Прута, Дуная и Черного моря, от Дона и Волги за Кавказ, к истокам Оксуса (Амударья) и Яксарта (Сырдарья)». (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 22, с. 15).

Обращаясь к произведению, в котором Скобелев представлен как национальный герой, Олжас Сулейменов сказал следующее: «О нем написано много в дореволюционной России и потом, в белой эмиграции. Сейчас зарубежная печать время от времени касается этого имени, когда речь заходит о советских Среднеазиатских республиках. Наиболее полно изложена судьба Скобелева в большой книге Николая Кнорринга, вышедшей в Париже. И удивительно то, что книга эмигранта более объективно и всесторонне изображает события той эпохи и обнаруживает более диалектический, я бы сказал, даже «марксистский» подход к истории, нежели произведения советских авторов на ту же тему. Генерал Скобелев — блестящий полководец, человек большого личного обаяния, автор лозунга «Славянам править миром, а славянами править России». Целью его жизни был захват восточных колоний Англии, прежде всего Индии. Средняя Азия нужна как плацдарм для проникновения в Иран, Афганистан. Царь Александр II поддерживал этот авантюрный план. Первый пункт программы Скобелев выполнял блестяще, утопив в крови Мангышлак и Туркмению.

И только бомба народовольца, оборвавшая жизнь Александра II, помешала ему приступить к следующим действиям.

Эта бомба спасла Россию от войны с Англией.

Александр III отверг план Скобелева. И карьера генерала закатилась.

Фигура по-своему, безусловно, трагическая, достойная внимания писателей. Но, проливая слезы над его личной судьбой, мы не должны забывать о той стороне его общественной деятельности, которая вызвала гнев и осуждение всей прогрессивной России. Нас не может обмануть популярность Скобелева в обывательских, черносотенных кругах мещанской Москвы. Пролетарский Петербург и передовая интеллигенция не принимали Скобелева.

...Отвлекаясь от исторической реальности, мы, повторяю, задним числом, по прошествии многих лет после тех кровавых событий, вырываем отдельные фигуры из той среды и судим их, или возвеличиваем.

Воспевая Ермака, порицая Кучума, слагая оды Скобелеву и Перовскому, разглаживая о приятных манерах генералов Колпаковского и Кауфмана, мы как-то начинаем забывать о тысячах сожженных и растоптанных карателями аулах. Требуя от тех ханов или кедеев (бедняков), кто погибал под казачьими шашками, немедленного понимания всех прогрессивных последствий этой кампании, иные писатели проявляют глубокое непонимание процессов истории.

Прошлое, проклятое прошлое гнездится в закоулках души, на сгибах карт. Оно доходит до новых поколений со старыми песками. Оно — в уцелевших царских, генеральских названиях городов и сел. Оно пыльным цветом распускается там, где пассивен

ученый и невежествен критик». (Олжас Сулейменов. «Портить отношения». Доклад на пленуме правления Союза писателей Казахстана. Январь 1972 года).

Михаил Дмитриевич Скобелев (1843—1882) следует по стопам своего отца и деда, посвящая себя военной карьере. Родился в Петербурге. Получил вначале домашнее образование, затем воспитывался в Париже, в частном пансионе Дезидерия Жиранде. В 1861 году поступил в Петербургский университет. Но буквально через месяц был исключен из него за участие в беспорядках. После этого поступает юнкером в кавалергардский полк и в 1863 году производится в корнеты. В том же году начинается восстание польского народа против самодержавия. Честолюбивый корнет, почуяв запах крови, берет отпуск и едет к месту службы отца, в Польшу. По дороге он вливается в войска, спешащие на подавление восстания. Там, в Польше, он открывает свой кровавый счет, хладнокровно и жестоко расправляясь с восставшими. И только после этого, вернувшись из «отпуска», он получает направление в военную часть, расквартированную в Гродно.

М. Попов ни словом не обмолвился о «польских подвигах» своего героя, ни слова в защиту польского народа, боровшегося за свою независимость. О том, как царская Россия потопила его в крови. Что история сохранила нам имена сотен честных русских людей, боровшихся, в отличие от Скобелева, на стороне восставших. А. И. Герцен писал: «Мы с Польшей, потому что мы за Россию... Мы с поляками, потому что одна цепь сковывает нас обоих». Неужели М. Попов ничего об этом не знает? Какой оценки заслуживает позиция человека, закрывшего глаза на правду и создающего образ «национального героя»?

По окончании Академии Генерального Штаба Скобелев просит назначения в Среднюю Азию. Потому что там тоже льется кровь. Однако в Туркестане имел место случай, который чуть было не перечеркнул всю будущую блестящую карьеру молодого штаб-ротмистра. Поскольку неудачи «героя» остаются вне поля зрения М. Попова, я остановлюсь на этом подробно. Кстати, приоткроемся здесь и лицо В. Верещагина, этого истинного интеллигента и подвижника.

1 мая 1868 года другой захватчик — генерал фон Кауфман подверг Самарканд массированному пушечному обстрелу, после чего город был взят. Через месяц после захвата русские войска вышли из города и взяли направление на Каттакурган. В ту же ночь (с 30 мая на 1 июня) в городе вспыхнуло восстание. Весть о восстании дошла до захватчиков 3 июня, когда они вели жаркий бой с бухарцами неподалеку от Зирабулака. Фон Кауфман, боясь западни, повел жестокие бои, победил войска эмира Бухарского и сделал стремительный бросок к Самарканду. 8 июня, когда Кауфман входил в Самарканд, ему навстречу вышли старейшины, моля о пощаде. Послов прогнали. Кауфман приказал держать город под пушечным обстрелом и сжечь его дотла. 9 июня в городе началась беспощадная резня, которая продолжалась три дня. Сотни людей без суда и следствия расстреливались на месте. Один из активных участников этих событий — художник В. Верещагин — в своих записях открывает свое истинное лицо: «Как теперь вижу генерала Кауфмана на нашем дворе, торжествующего... суд и расправу над разным людом... Добрейший Константин Петрович, окруженный офицерами, сидел на походном стуле и, куря папиросу, совершенно беспристрастно произносил: «расстрелять, расстрелять, расстрелять». (История СССР. М., 1940, т. 11, с. 549).

А В. Верещагин рисовал сцены расстрела, истязаний, хвастался в петербургских салонах своими подвигами: «Я рисовал повешенных с природы, когда их тела еще агонизировали», «...я скинул одного муллавачу с минарета». Не укладывается в сознании, что душа художника, как правило, тонкая и взыскующая правды, в случае с Верещагиным, наоборот, была носителем зла. Что предсмертные муки повешенных, плач расстреливаемых женщин, убийство детей на глазах у матерей не вызывали в его сердце сострадания, не пробуждали чувства осуждения палачей, напротив, рождали восхищенные «добрейшим» Константином Петровичем, творящим суд и расправу. В небольшом вступлении к путевым записям В. Верещагина говорится, что «Верещагин-художник и Верещагин-писатель шли рука об руку». Это не вся правда. Мне думается, для всей полноты правды стоило бы написать: «Верещагин-художник, Верещагин-писатель и Верещагин-завоеватель шли рука об руку». А к словам, «он владел не только кистью, но и пером», я бы добавил еще «он владел ружьем и штыком». Еще бы я очень хотел, чтобы путевые записи Верещагина были напечатаны полностью: те отрывки, что напечатаны в журнале, не отражают зловещей сути этой одиозной фигуры.

Однако кровавая расправа над восставшими не погасила в сердце народа жажды свободы. То там, то здесь занимались народные восстания. Самым значительным, представляющим серьезную опасность для колонизаторов, было восстание, возглавленное Бобоном.

Народное восстание под руководством Бобона Алибая-углы началось в октябре 1869 года, постепенно в себя вобрало населенные пункты по течению Зарафшана, бекства Зияуддин и Хатирчи, входившие в Бухарский эмират, вплоть до подчиненных

России кишлаков Зарафшанского округа. В течение двух месяцев отряд повстанцев из 18 человек увеличился до 500.

Начальник Каттакурганского отдела капитан Борзенков в своем рапорте от 16 октября 1869 года за № 440 писал, что в настоящее время отряд Бобона имеет около 40 вооруженных людей и их ряды непрерывно увеличиваются. Капитан просил у Абрамова разрешения «отправить бухарских подданных в Зияддин для осуждения к тамошнему беку; нашего же подданного Худайберды, как неисправимого разбойника, необходимо сослать административным порядком в Сибирь или в арестантские роты».

В начале декабря 1869 года к отряду Бобона присоединилась другая группа повстанцев во главе с Хайдаркулом.

Генерал Терентьев — ярый сторонник захватнической политики царской России — в своем труде «История завоевания Средней Азии» о причинах народного движения под предводительством Бобона с нескрываемым цинизмом пишет следующее: «Неурядица последнего года, долгое отсутствие эмира с войсками, в связи с политической распущенностью его народа, склонного поддерживать каждого претендента на независимость, породили междоусобия, взаимные грабежи и разбойничество. Особенно отличилась шайка некоего Бабана, грабившая на огромном пространстве между Джамом и Каттакурганом...» (Т. С. Саидкулов. Самарканд во второй половине XIX — начале XX веков. С., 1970).

Генерал-грабитель и капитан-захватчик, хозяйничающие на чужой земле, называют представителей угнетенного народа, борющихся против этого порабощения, «грабителями», «разбойниками». Комментарии здесь, как говорится, излишни.

Личности, подобные генералу Терентьеву, — сторонники великодержавной политики в пору колонизации Туркестана, придумали народным движениям и их руководителям, борющимся за независимость края, политические ярлыки. О том, что расхожие политические термины «панисламизм» и «пантюркизм» были придуманы в высших кабинетах царских канцелярий, подтверждается сегодня большим количеством исторических документов. «Пожелания о принятии в качестве самоназвания народа слова тюрки было интерпретировано как появление и распространение среди татарских (и др. тюркоязычных — Х. Д.) народных масс пантюркистской идеологии». Путем такой вот эквилибристики с названиями тюрки-тюрки был придуман в царских салонах жупел «пантюркизма», служивший, как отмечает профессор Р. И. Нафигов, «для отвлечения народных масс от социальных проблем, от революции, для сохранения господства путем натравливания одних народов на другие» (Р. И. Нафигов. Формирование и развитие передовой татарской общественно-политической мысли. Казань, 1964, с. 53).

С придуманным жупелом и началась «борьба». Была создана широкоразветвленная сеть жандармских и тайных агентов, которым поручена фабрикация «доказательств» о якобы растущем... пантюркистском движении. К этой работе были привлечены государственные учреждения, органы цензуры, печати, школьные инспекции... Все это оказалось по сердцу и православным миссионерам, которые добровольно и активно включились в «разоблачение» пантюркизма и свои неудачи в политике христианизации начали объяснять его проделками. Не остались в стороне от борьбы и разные обнищавшие графы и бароны, даже пьяные сапожники, люди дна, поскольку это им давало хлеб и политический капитал. И начали строчить доносы, в первую очередь на татарских (не только татарских — Х. Д.) социал-демократов, прогрессивных издателей, писателей, учителей, журналистов, на благотворительные общества, мектебе и медресе. Борьба всех этих сил и движений за национальное и социальное освобождение, за реформу школ, языка выдавалась и освещалась как растущее среди татар грозное «пантюркистское движение». И вся официозная печать, органы «великодержавных патриотов», миссионеров начали бить в колокола об угрозе престолу, православной церкви, великой неделимой Руси, идущей якобы от растущего... пантюркистского движения.

Поскольку татары являлись мусульманами, выдвигалось предложение называть народ «мусульмане». И оно, как и предложение принять название «тюрки», было истолковано в выгодном царизму, его политике натравливания народов смысле — как явление панисламизма. И с этого времени панисламизм наряду с пантюркизмом объявляется как якобы всенародное движение среди татар (А. Каримуллин. Татары: этнос и этноним. Казань, 1988, с. 71—72).

Эти обвинения с новой силой обрушились на головы представителей тюркоязычных народов в 30-е годы нашего века, они опять сослужили службу великодержавной политике. Именно в те годы погибли самые выдающиеся представители узбекской интеллигенции: Фитрат, Кадыри, Чулпан, Усман Насир, Боту и многие другие. Самое ужасное, что и сегодня многие сторонники такой политики пытаются пользоваться практикой навешивания ярлыков.

Продолжим рассказ о Скобелеве. Напуганный размахом народного движения, генерал-губернатор Зарафшанского округа Абрамов потребовал срочной помощи

у фон Кауфмана. Вот для этих целей и был призван в Самарканд штаб-ротмистр Скобелев. С согласия фон Кауфмана генерал Абрамов в срочном порядке формирует для подавления восстания карательный отряд во главе со Скобелевым.

Первое столкновение карательного отряда с восставшими произошло в окрестностях кишлака Чоршанбе под Каттакурганом. Этот бой мог быть для Скобелева последним. Каратели понесли большие потери. Среди русских военных, хозяйничавших в Туркестане, это вызвало возмущение. Они стали требовать, чтобы повинные в этом позоре были жестоко наказаны. Поэтому фон Кауфман был вынужден создать государственную комиссию, которая составила докладную «О предосудительном поведении причисленного генеральному штабу штаб-ротмистра Скобелева у Чоршанбе». Лишь приближенность его отца к царю спасла Скобелева от жестокого наказания.

М. Попов, претендующий на роль биографа Скобелева, ни словом не обмолвился о том поражении, которое потерпели отборные казачьи части, закаленные в огне боев, возглавляемые «прославленным полководцем». Они были разбиты небольшим узбекским отрядом, который возглавлял не профессиональный военный, а смелый узбекский джигит.

Вот за этот свой позор Скобелев мстил туркестанцам всю жизнь, обагрив свой меч в крови, не щадя ни детей, ни стариков. Стал палачом, и убийство для него было обыденным делом.

Штаб-ротмистр, «посрамивший честь офицера Великой Российской империи», не прослужив в Туркестане и года, был переведен на Кавказ, в Закаспийский военный отдел с центром в Красноводске, который специализировался на захвате земель туркменских племен. Когда Скобелев прибыл к месту назначения, там уже форсировалась подготовка к походу на Хиву. Алчная рука России уже была занесена над Хивой, нужен был только повод. И вот последнее слово было сказано. Войска выступили в направлении Хивы.

М. Попов глубоко не изучал исторических источников и по этой причине допустил ряд неточностей и ошибок. Это особенно бросается в глаза при описании событий в Хиве, Коканде и Геок-тепе. Так, он пишет: «Одновременно туда двинулись два отряда: из Ташкента под начальством генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана и из Оренбурга и Мангышлака под руководством генерал-лейтенанта Н. А. Веревкина».

Тогда как на странице 183 тома 73 энциклопедического словаря Брокгауза-Эфрона написано: в 1873 году под общим начальством фон Кауфмана было сформировано четыре отряда: Туркестанский, Красноводский, Мангышлакский и Оренбургский. 13 000 человек, 4 600 лошадей, 20 000 верблюдов в конце февраля — начале марта тремя колоннами выступили из Джизака, Казалинска, с берегов Каспийского моря. Из отрядов не дошел только Красноводский. Соединившись, отряды подошли к Хиве в конце мая».

События в очерке М. Попова разворачиваются так, что, будь то в Хиве, будь то в Геок-тепе, везде и всюду по «безобидным» русским открывают огонь.словно речь идет о людях, прибывших на экскурсию, которых надо встретить с радостью, «28 мая штурмовые колонны приблизились к стенам города,— пишет М. Попов,— но штурма не произошло. Хивинцы стреляли по русским из своих крепостных пушек, русские отвечали им ружейным огнем».

Несмотря на то, что энциклопедический словарь Брокгауза-Эфрона был издан в царское время, в точности и честности ему не отказать, вот в нем засвидетельствовано: «28 мая часть войск оренбургско-мангышлакского отряда под начальством генерала Н. В. Веревкина подошли к городу Хива и овладели завалом, открыли огонь по городу. В городе началась паника...»

И в дальнейшем, излагая события, М. Попов дописывает подвиги Скобелева и других колонизаторов, для этого пользуется подлогом. Как известно из большинства исторических источников, после того, как Хива была обстреляна русскими из пушек, правитель ханства Саид Мухаммад Рахимхан (кстати, он был талантливым поэтом, писавшим газели под псевдонимом «Фируз»), не желая кровопролития, посылает к фон Кауфману депутацию, через которую передает, что городские ворота будут открыты без боя. Вот что сообщает энциклопедический словарь Брокгауза-Эфрона: «Хан решил, не дожидаясь штурма, сдать город и выслал депутацию к фон Кауфману с изъявлением покорности... Таким образом Хива была занята войсками Оренбургского отряда со стороны Сарыкупрука, с Шах-Абадских ворот, в то время когда с другой стороны фон Кауфман во главе Туркестанского отряда и части Оренбургского готовились к торжественному, беспрепятственному входу в город».

Скобелев, недовольный мирным захватом города, точнее, тем, что кровопролития на этот раз не предвиделось, отдал приказ сбить одни из хивинских ворот пушечными выстрелами и во главе тысячного войска ворвался в город, завязал бой, в результате которого обе стороны понесли немалые потери.

Узнав об этих кровавых событиях, фон Кауфман был разгневан. Однако наказать офицера-фаворита не решился — палачу и на этот раз удалось выйти сухим из воды.

Царь Александр III награждает своего любимчика золотой саблей «За храбрость», крестом святого Георгия 4-й и 3-й степеней. Сабля была усыпана бриллиантами. И сабля и крест обгажены кровью мирных хивинцев и простых русских солдат.

Кровожадность Скобелева, его беспредельная жестокость проявились при взятии Коканда и при подавлении народного восстания под руководством Пулатхана. Участники восстания выступали не только против местных угнетателей, но и против царских колонизаторов, защищая свою родину. Восстание имело народный характер. Так, генерал Куропаткин писал в докладе высшему командованию: «Борьба происходила не с ханом, а с народным движением, которое не так легко подавить... бороться с населением несравненно труднее, чем с деспотами туземных ханств».

М. Попов, как и прежде, жестокость Скобелева выдает за «основное правило полководца», «смелые и решительные действия». А вот З. А. Кастельская в книге «Из истории Туркестанского края», рассказывая, как русские войска подавляли народное восстание, пишет следующее: «Войска Скобелева, возглавлявшего карательный отряд, открыли по повстанцам артиллерийский огонь и заставили последних отступить. Скобелев сжег Андижан (истребив при этом 20 тысяч мирных жителей — Х. Д.), уничтожил все кишлаки, расположенные в долине Карадарьи. Но повстанцы не хотели смириться, они не обращали внимания на приказы своих вождей изъять покорность. Плохо вооруженные, они, собираясь отрядами в 800—1000 человек, нападали на регулярные войска, многие из них погибали».

Я расскажу вам о «подвиге» Скобелева, совершенном им в пору Кокандской экспедиции. Его карательный отряд встретил скитавшуюся по долине Карадарьи группу мирных, загнанных, затравленных людей, покинувших свои разоренные, преданные огню кишлаки. Видя, что эти люди безоружны, слабы, а в основном это были старики и старухи, женщины с детьми, Скобелев тем не менее отдает своим офицерам Наливкину и Ионову — приказ, чтобы они со своими солдатами расправились с мирным населением. Наливкин отказался исполнить этот приказ: «Я офицер и привык воевать с вооруженным противником. Истреблять мирное население мне не позволит моя честь». Тогда Скобелев в ярости пригрозил Ионову, и тот повел солдат на это злодейство. Были зарублены и заколоты все — от стариков до младенцев. И после этого Скобелев начал требовать в самых высоких инстанциях жестокого наказания Наливкину. В результате Наливкин вынужден был подать в отставку.

Вот такие «смелые и решительные действия», как пишет М. Попов, были оценены по заслугам. Когда Кокандское ханство было завоевано, здесь была образована Ферганская область. Первым губернатором области был назначен Скобелев, чья деятельность, по мнению автора очерка, «стала примером вдумчивого, демократичного, гуманного правления». Как хочется сказать: не кощунствуйте, господин М. Попов!

Желая сделать из Скобелева «героя», М. Попов, например, пишет: «Находясь в Туркестане и Туркмении, М. Скобелев немало занимался вопросом возможного похода в Индию для ее освобождения от английского господства» (выделено мною — Х. Д.). Следуя логике М. Попова, любого завоевателя можно переименовать в «освободителя». Тогда можно и Англию, связывавшую свои интересы с Туркестаном, представить как «освободительницу народов Туркестанского края от русского гнета».

Кстати, попытка представить нам Скобелева в ореоле «освободителя Индии» — ложное измышление, которое остается целиком на совести М. Попова. Сам генерал никогда не скрывал своих великодержавных амбиций и говорил открыто, что предполагаемый поход в Индию затевался «для торжества и величия России».

На отповедь напрашивается и следующая цитата из очерка М. Попова: «Лучшим способом привлечь к себе местное население «белый генерал» считал обеспечение его безопасности под русским государственным флагом».

Приведу фразу из письма Скобелева М. Н. Каткову: «... всю Среднюю Азию можно отдать за прочный и выгодный союз с Англией». И эта фраза говорит мне гораздо больше, чем целые страницы восхвалений в его адрес.

Я опять вынужден остановиться на досадных ошибках, которые допустил М. Попов. Так, он пишет: «кокандский хан Абдурахман». Но мы знаем, это знают и ученики средней школы, что в то время на престоле Кокандского ханства был Худоярхан. А Абдурахман есть Абдурахман Афтобачи, он никогда ханом не был. А был вначале вельможей во дворце хана, когда же поднялось народное восстание, перешел на сторону восставших, когда пришли русские, предал им восставших. Такой это был мерзкий и продажный человек. (Предатель Афтобачи, спасаясь от народного гнева, выехал в Россию, где умер в 1881 году. После его смерти ежегодная пенсия-подачка в три тысячи золотых рублей перешла его жене и дочери. Царизм щедро вознаграждал за предательство.) Может быть, за эти его «неблаговидные заслуги» М. Попов произвел его в ханы? Тогда меня это не удивляет. Но я хочу дать М. Попову совет на тот случай, если он захочет написать еще что-то на исторические темы, пусть держит в уме слова великого историка Ш. Ланглуа о том, что «история пишется по источникам и по со-

вести». Хотя я хорошо понимаю, что «легче разложить атом, чем предрассудок» (А. Эйнштейн).

Во всей истории с публикацией очерка М. Попова меня удивляет позиция журнала. Какие цели преследовались при этой публикации? В пору обострения межнациональных отношений вдруг на страницах журнала превозносятся палачи среднеазиатских народов, звучат здравицы в их честь.

Многим известно, что один из пригородов Ташкента носит имя генерала Черняева. Может быть, кому-то это кажется «нормальным», но меня лично сильно угнетает. Об этом злодее, который ни в чем не уступал Скобелеву, был прозван русской буржуазией «Ермаком Средней Азии, открывшим нам широкие врата в обширный богатый край», в книге З. Д. Кагельской написано следующее: «Генерал Черняев был ярким шовинистом. В его глазах узбеки, киргизы, кипчаки и другие народы, населявшие Кокандское ханство, были не люди, а «халатники», которых бить следует уже за одни халаты». В древнем Самарканде нет ни одного памятника народным героям, поднявшимся на борьбу с завоевателями, зато гордо красуется над Зарафшаном памятник захватчикам, павшим при штурме города. В Советабадском районе также стоит такой памятник, где написано: «Здесь похоронены чины русского войска, предназначенные для похода в Индию». Одна из улиц Ташкента носит имя художника В. Верещагина, одинаково владевшего и кистью, и пером, и винтовкой, который вдохновлялся агонизирующим телом повешенных. Неужели есть еще люди, убежденные, что таким вот увековечением и делается дружба народов?

Перевод с узбекского З. Хасановой.

Коран

- 1 (1). Алиф лам ра. Это — знамения книги ясной.
- 2 (2). Мы ниспослали ее в виде арабского² Корана, — может быть, вы уразумеете!
- 3 (3). Мы расскажем тебе лучшим повествованием, открыв тебе этот Коран, хотя раньше и был ты из числа беспечных.
- 4 (4). Вот сказал Йусуф³ своему отцу: «Отец мой, я видел одиннадцать звезд, и солнце, и луну, — я видел их мне поклонившимися».
- 5 (5). Сказал он: «О сынок, не рассказывай своего видения твоим братьям, они замыслил против тебя хитрость. Ведь сатана для человека явный враг!
- 6 (6). И так избереет тебя твой Господь, и научит тебя толкованию событий, и завершит Свою милость над тобой и над родом Йа'куба, как завершил ее раньше над твоими отцами, Ибрахимом и Исаком. Поистине, Господь твой — ведающий, мудрый!»
- 7 (7). Были в Йусуфе и его братьях знамения для вопрошающих.⁴
- 8 (8). Вот сказали они: «Конечно, Йусуф и брат его милее нашему отцу, чем мы, а ведь мы — сборище. Поистине, отец наш в явном заблуждении!».
- 9 (9). «Убейте Йусуфа или забросьте его в далекую страну; тогда обратится к вам лицо вашего отца, и будете вы после этого людьми праведными»⁵.
- 10 (10). Сказал один из них: «Не убивайте Йусуфа, а бросьте его в глубину колодца, — подберет его кто-нибудь их проходящих, если вы это решили сделать»⁶.
- 11 (11). Сказали они: «О отец наш! Почему ты не доверяешь нам Йусуфа, мы ведь ему искренние советники!
- 12 (12). Пошли его с нами завтра, пусть он насладится и поиграет, мы ведь его охраним».
- 13 (13). Он сказал: «Опечалит меня, если вы с ним уйдете, и боюсь я, что съест его волк, когда вы будете небрежны к нему».
- 14 (14). Они сказали: «Если съест его волк, когда нас толпа, мы тогда будем в убытке».
- 15 (15). И потом они ушли с ним и согласились поместить его в глубине колодца; Мы же внушили ему: «Ты сообщишь им про это их дело, когда они не будут знать»⁷.
- 16 (16). И пришли они к своему отцу вечером с плачем.
- 17 (17). Они сказали: «О отец наш! Мы пустились вперегонки и оставили Йусуфа у наших вещей, и съел его волк; но ты не поверишь нам, если бы мы даже и говорили правду».
- 18 (18). И пришли они с лживой кровью на рубашке. Сказал он: «Да, украсили вам ваши души дело⁸, но — терпение прекрасное... У Аллаха надо искать помощи в том, что вы расписываете».
- 19 (19). И пришли путники и послали своего ходока; тот спустил ведро свое и ска-

зал: «О радость, это — юноша». И спрятали они его, как товар⁹, а Аллах знал, что они делают.

20 (20). И продали они его за малую цену отсчитанных дирхемов¹⁰. И были они умеренны в этом.

21 (21). И сказал тот, который купил его из Египта¹¹, своей жене: «Хорошо помести его, — может быть, он поможет нам, или мы возьмем его за сына». И так Мы утвердили Йусуфа в этой земле и чтобы научить его толкованию событий. Аллах победно завершает Свое дело, но большая часть людей не знают!

22 (22). И когда дошел он до зрелости, даровали Мы ему мудрость и знание; и так воздаем Мы добродетельным!

23 (23). И совращала его та, в доме которой он был, и заперла двери и сказала: «Поди сюда». Сказал он: «Упаси Аллах! Ведь Господь мой прекрасным сделал мое пребывание. Поистине, не будут счастливы неправедные!»

24 (24). И думала она о нем, и думал он о ней, если бы он не увидел доказательства своего Господа. Так, — чтобы отклонить он него зло и мерзость¹². Поистине, он — из Наших рабов искренних!

25 (25). И устремились они вперегонку к двери, и она разорвала его рубаху сзади, и встретили они ее господина у двери. Сказала она: «Каково воздаяние того, кто желал зла твоей семье, если не заключить его в темницу, или — наказание мучительное!»

26 (26). Он сказал: «Она соблазняла меня»; — и засвидетельствовал свидетель из ее семьи:¹³ «Если рубаха его разорвана спереди, то она права, а он — лжец.

27 (27). Если же рубаха его разорвана сзади, то она солгала, а он — правдив».

28 (28). И когда он увидел рубаху его разорванной сзади, то сказал: «Это — из ваших козней, — поистине козни ваши велики!

29 (29). Йусуф, отвернись от этого, а ты¹⁴ проси прощения за свой грех. Ты ведь была согрешившей».

30 (30). И сказали женщины в городе: «Жена вельможи соблазняет юношу. Он наполнил ее любовью. Мы видим, что она — в явном заблуждении».

31 (31). Когда она услышала про их ухищрения, то послала к ним и приготовила им места для возлежания и дала каждой из них нож¹⁵ и сказала: «Выйди к ним!» Когда же они увидели его, то возвеличили его, и порезали себе руки, сказали: «Далек Аллах! Это — не человек, это — только благородный ангел».

32 (32). Она сказала: «Вот вам тот, из-за которого вы меня бранили. Я его соблазняла, но он остался тверд. Если он не сделает то, что я ему приказываю, он будет заключен в темницу и будет в числе ничтожных».

33 (33). Он сказал: «Господи мой! Темница мне милее того, к чему меня призывают. Если ты не отведешь от меня их козней, я склонюсь к ним и окажусь из числа неразумных».

34 (34). И ответил ему его Господь и отвратил от него их козни. Поистине, Он — слышащий, знающий!

35 (35). Потом вздумалось им, после того как они видели знамения, непременно заточить его на время¹⁶.

36 (36). И вошли вместе с ним в темницу два юноши¹⁷. Один из них сказал: «Вот, вижу я себя, как я выжимаю вино», и сказал другой: «Вот, вижу я себя, как я несу на голове хлеб, который едят птицы... Сообщи нам толкование этого. Поистине, мы видим, что ты — из числа действующих хорошо».

37 (37). Он сказал: «Не придет к вам пища, которая вам дается, без того, чтобы я вам не сообщил разъяснение этого, прежде чем она придет к вам. Это для вас — то, чему научил меня мой Господь. Я оставил религию людей, которые не веруют в Аллаха, и будущую жизнь они отрицают».

38 (38). Я последовал за религией отцов моих — Ибрахима, Исхака и Йа'куба. Нам не следует присоединять к Аллаху ничего. Это — милость Аллаха нам и людям, но большая часть людей не благодарны.

39 (39). О товарищи по темнице! Различные ли господа лучше или Аллах, единый, могучий?

40 (40). Помимо Него вы поклоняетесь только именам, которые называли вы и ваши отцы: Аллах не ниспослал с ними никакой власти. Решение принадлежит только Аллаху. Он повелел, чтобы вы поклонялись только Ему. Это — правая вера, но большая часть людей не ведают.

41 (41). О товарищи по темнице! Один из вас будет поить своего господина вином, а второй будет распят, и птицы будут есть у него с головы. Решено дело, о котором вы спрашиваете!»

42 (42). И сказал он тому из них, о котором думал, что он спасется: «Помни меня у твоего господина!» Но заставил его сатана забыть напомнить своему господину; и пробыл он в темнице несколько лет¹⁸.

43 (43). И сказал царь: «Вот, вижу я семь коров тучных, поедают их семь тощих;

и семь колосов зеленых и других — сухих. О знать! Дайте решение о моем видении, если вы можете толковать видения!»

44 (44). Они сказали: «Пучки снов! Мы не сведущи в толковании снов».

45 (45). И сказал тот из двух, который спасся, вспомнив после периода: «Я сообщу вам толкование этого, пошлите меня!»

46 (46). «Йусуф! О праведник! Дай нам решение про семь коров тучных, которых поедают семь тощих, и семь колосов зеленых и других — сухих,— может быть, я вернусь к людям, может быть, они узнают!»

47 (47). Сказал он: «Будете вы сеять семь лет, трудясь по обычаю. Что вы сожнете, оставляйте то в колосе помимо небольшого, что вы съедаете.

48 (48). Потом наступят после этого семь тяжелых лет, которые съедят то, что вы приготовили для них, кроме небольшого, что вы сохраните.

49 (49). Потом наступит после этого год, когда людям будет послан дождь и когда они будут выжимать»¹⁹.

50 (50). И сказал царь: «Приведите мне его!» Когда к нему пришел посланец, он сказал: «Вернись к твоему господину и спроси его: «Что было с женщинами, которые порезали себе руки?»— Поистине, мой Господь сведущ в их кознях!»

51 (51). Он сказал: «В чем ваше дело, когда вы соблазнили Йусуфа?» Они сказали: «Упаси боже! Мы не знаем за ним ничего дурного». Жена вельможи сказала: «Теперь выяснилась истина, я соблазнила его, а он — из числа правдивых!»—

52 (52). «Это — дабы он узнал, что я не обманул его втайне»²⁰ и что Аллах не ведет прямым путем козни изменников.

53 (53). Я не оправдываю свою душу,— ведь душа побуждает ко злу, если только не помилует Господь мой. Поистине, Господь мой прощающ, милосерд!»

54 (54). И сказал царь: «Приведите его ко мне! Я возьму его для себя». И когда он заговорил с ним, то сказал: «Ты ведь сегодня у нас сильный, доверенный».

55 (55). Он сказал: «Поставь меня над сокровищницами земли: ведь я — хранитель, мудрый».

56 (56). И так утвердили Мы Йусуфа в земле, чтобы он поселился там, где пожелает. Мы постигаем Своим милосердием, кого пожелаем, и не губим награды добродетельных.

57 (57). Награда же будущей жизни — лучше для тех, которые уверовали и были богобоязненны.

58 (58). И пришли братья Йусуфа, и вошли к нему, и узнал он их, а они его не узнавали»²¹.

59 (59). Когда же он снарядил их снаряжением, сказал: «Приведите мне брата вашего от отца. Разве вы не видите, что я полностью даю меру и я — лучший из дающих приют?»

60 (60). А если вы не приведете его ко мне, то нет меры для вас у меня и не приближайтесь ко мне».

61 (61). Они сказали: «Мы отвлечем отца от него, и мы, конечно, так сделаем».

62 (62). И сказал он своим слугам: «Положите товар их в их вьюки,— может быть, они узнают, когда возвратятся к своей семье, может быть, они вернуться!»

63 (63). И когда они возвратились к отцу, то сказали: «О отец наш! Отказано нам в мере. Пошли с нами нашего брата, тогда мы получим меру. Поистине, мы будем его охранять!»

64 (64). Он сказал: «Разве я могу доверить его вам так, как доверил вам его брата раньше. Аллах — лучше как хранитель; Он — милостивейший из милостивых!»

65 (65). А когда они открыли свое достояние, то нашли, что их товар возвращен им, и сказали: «О отец наш, что нам желать! Вот товар наш нам возвращен; мы прокормим свою семью и сохраним нашего брата и прибавим на меру верблюда. Это — мера легкая».

66 (66). Сказал он: «Не пошлю я его с вами, пока вы не дадите мне клятвы Аллахом, что приведете его ко мне, разве что вас что-нибудь постигнет». И когда они дали ему клятву, он сказал: «Аллах — поручитель за то, что мы говорим!»

67 (67). И сказал он: «О сыны мои! Не входите одними воротами, а входите разными воротами»²². Ни в чем не могу я вас избавить от Аллаха. Власть принадлежит только Аллаху: на Него я положился, и пусть на Него уповают уповающие».

68 (68). И когда они вошли там, где велел им отец их, это не избавило их от Аллаха ни в чем, а только (удовлетворило) желание в душе Йа'куба, которое он выполнил,— он ведь обладал знанием потому, что Мы его научили, но большая часть людей не знает.

69 (69). И когда они вошли к Йусуфу, он принял у себя своего брата; он сказал: «Вот я — брат твой: не горюй о том, что они делали».

70 (70). А когда он снаряжал их снаряжением, то поместил чашу в ноше своего брата, а потом возвестил глашатай: «О караван! Вы ведь воры!»²³

71 (71). Они сказали, когда они подошли к ним: «Что вы разыскиваете?»

72 (72). Те сказали: «Мы разыскиваем чашу царя; тому, кто принесет ее,— груз верблюда. А я за это отвечаю».

73 (73). Они сказали: «Клянемся Богом! Вы ведь знаете, что мы не пришли распро- странять нечестие на земле, и мы не воры».

74 (74). Они сказали: «А каково воздаяние за это, если вы лжецы?»

75 (75). Они сказали: «Воздаяние того, у кого найдется в кладях, он сам — воздая- ние; так мы воздаем неправедным!»

76 (76). И начал он с их вместилищ прежде вместилища его брата, а потом извлек это из вместилища его брата. Так ухитрились Мы для Йусуфа. Он не мог бы взять его брата по закону царя, если бы не пожелал Аллах. Мы возвышаем степени того, кого пожелаем: ведь выше всякого обладателя знания есть знающий!

77 (77). Они сказали: «Если украл он, то украл уже его брат раньше». Утаил это Йусуф в душе и не высказал им. Он сказал: «Плохи вы по месту, и Аллах лучше знает, что вы расписываете!»

78 (78). Они сказали: «О вельможа! У него — отец, глубокий старик, возьми одно- го из нас вместо него. Мы видим, что ты из добродееющих».

79 (79). Он сказал: «Упаси Боже взять нам кого-либо помимо того, у которого мы нашли наш товар! Мы бы тогда были неправедными».

80 (80). И когда они отчаялись в нем, то остались наедине совещаться. Сказал их старший: «Разве вы не знаете, что отец ваш взял с вас клятву пред Аллахом? И раньше вы поступили неправедно с Йусуфом. Не покину я эту землю, пока не позволит мне отец или не решит для меня Аллах. Он — лучший из решающих».

81 (81). Вернитесь к вашему отцу и скажите ему: «О отец наш, ведь сын твой ук- рал; мы свидетельствуем только то, что знаем; мы не храним скрытого».

82 (82). Спроси селение, в котором мы были, и караван, в котором шли; мы ведь говорим правду!».

83 (83). Он сказал: «Да, ваши души разукрасили вам дело. Но — терпение пре- красно, — может быть, Аллах соберет мне их всех. Поистине, Он — ведающий, муд- рый!»²⁴

84 (84). И отвернулся он от них и сказал: «О, горе мне по Йусуфе!» И побелели его очи от печали, и он сдерживал скорбь».

85 (85). Сказали они: «Клянемся Аллахом, не перестанешь ты вспоминать Йусуфа, пока не станешь бессильным или окажешься в числе погибших!»

86 (86). Он сказал: «Я жалеюсь на свою скорбь и печаль Аллаху, ведь я знаю от Аллаха то, чего вы не знаете!»

87 (87). О сыны мои! Ступайте и разузнайте об Йусуфе и его брате и не отчаивай- тесь в утешении Божиим. Поистине, отчаиваются в утешении Аллаха только люди неверующие!»

88 (88). Когда они вошли к нему, то сказали: «О вельможа! Нас и нашу семью по- стигло зло. Мы пришли с немногим товаром, дай нам меру полностью и окажи ми- лость. Поистине, Аллах воздаст оказывающим милость!»

89 (89). Он сказал: «Знаете ли вы, что вы сделали с Йусуфом и его братом, когда вы были в неведении?»

90 (90). Они сказали: «Разве же ты в самом деле Йусуф?» Он сказал: «Я — Йусуф, а это — брат мой. Аллах оказал нам милость: поистине, кто богобоязнен и терпе- лив... то ведь Аллах не губит награды добродееющих!»

91 (91). Они сказали: «Клянемся Аллахом! Аллах предпочел тебя пред нами, и, поистине, мы были грешниками».

92 (92). Он сказал: «Нет упреков сегодня над вами! Простит Аллах вам,— ведь Он — милостивейший из милостивых!»

93 (93). Уйдите с этой моей рубахой и набросьте ее на лицо моего отца — он ока- жется зрячим²⁵, и придите ко мне со всей вашей семьей».

94 (94). И когда отошел караван, сказал их отец: «Я чувствую запах Йусуфа. Если бы вы не считали меня безумцем!»²⁶

95 (95). Они сказали: «Клянусь Аллахом, поистине, ты — в своем старом заблуж- дении!»

96 (96). Когда же пришел вестник, он набросил ее на его лицо и тот снова стал зрячим».

97. Он сказал: «Разве я не говорил вам, что знаю от Аллаха то, чего вы не знаете?»

98 (97). Они сказали: «О отец наш! Проси нам прощения наших прегрешений. Ведь мы были грешниками».

99 (98). Он сказал: «Я буду просить прощения для вас у моего Господа. Поистине, Он — прощающий, милостивый!»

100 (99). И когда они вошли к Йусуфу, он принял к себе своих родителей и сказал: «Войдите в Египет, если Аллаху угодно, в безопасности!»

101 (100). И поднял он своих родителей на трон, и пали они пред ним ниц, и сказал он: «О мой отец! Это — толкование моего сна²⁷ прежде. Аллах сделал его истиной и оказал мне милость, когда вывел меня из темницы и привел вас из пустыни, после

того как сатана устроил ссору между мной и моими братьями. Ведь Господь мой благосклонен, к чему захочет. Поистине, Он — знающий, мудрый!

102 (101). Господи! Ты даровал мне власть и научил меня толкованию событий. Творец небес и земли, Ты — мой покровитель в мире здешнем и будущем. Упокой меня предавшимся Тебе и причисли к праведникам!»

103 (102). Это — из рассказов про скрытое, которое Мы внушаем тебе; ты не был при них, когда они решились на их дело в то время, как замыслили козни. (103). И большая часть людей, если бы ты и желал, неверующие!²⁸

104 (104). Ты не просишь у них за это награды. Это — только напоминание для миров!

105 (105). Сколько знамений на небесах и на земле, мимо которых они проходят и от них отворачиваются!

106 (106). Не верует большая часть из них в Аллаха без того, чтобы не присоединять к Нему сотоварищей!

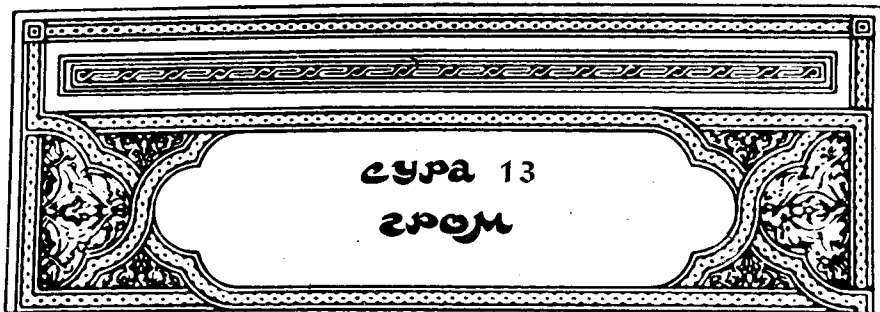
107 (107). Разве же они в безопасности от того, что придет к ним покров наказания Аллаха или придет к ним час внезапно в то время, как они не знают.

108 (108). Скажи: «Это — мой путь. Я призываю к Аллаху, обладая видением — я и те, кто за мной последовали. Хвала Аллаху, я не из числа многобожников!»

109 (109). И до тебя Мы посылали только людей из обитателей селений²⁹, которым ниспосылали откровение. Разве они не ходили по земле и не видели, каков был конец тех, кто был до них! Ведь жилье будущей жизни — лучше для тех, кто был богобоязнен. Разве они не уразумеют?

110 (110). А когда посланники отчаивались³⁰ и думали, что их сочли лжецами, к ним приходила Наша помощь, и бывали спасены те, кого Мы пожелали. Ведь нельзя отворратить Нашей мощи от людей грешных!

111 (111). В рассказе о них есть поучение для обладающих разумом; это не было измышленным повествованием, но — для подтверждения истинности того, что ниспослано до него, для разъяснения всякой вещи, руководством и милосердием для людей, которые уверовали.

Во имя Аллаха милостивого, милосердного!

1(1). Алиф лам мим ра. Это — знамения книги. Ведь то, что ниспослано тебе от твоего Господа, — истина, но большая часть людей не верит.

2 (2). Аллах — тот, кто воздвиг небеса без опор, которые бы вы видели, потом утвердился на троне и подчинил² солнце и луну: все течет до определенного предела. Он управляет (Своим) делом, устанавливает ясно знамения, — может быть, вы уверитесь во встрече с вашим Господом!

3 (3). Он — тот, кто распростер землю и устроил на ней прочно стоящие (горы)³ и реки и из всяких плодов устроил там пары по двое.⁴ Он закрывает ночью день. Поистине, в этом — знамения для людей, которые думают!

4 (4). На земле есть участки соседние, и сады из лоз⁵, и посевы, и пальмы из одного корня и не из одного корня, которые поят одной водой⁶. И одним из них Мы даем преимушества перед другими для еды. Поистине, в этом — знамения для людей умных!

5 (5). Если ты и удивляешься, то удивительны слова их: «Неужели, когда мы будем прахом, мы окажемся в новом творении?»⁷

6. Это — те, которые не веровали в своего Господа, у них цепи на шеях: это — обитатели огня, в нем они пребудут вечно.

7 (6). Они торопят тебя с дурным прежде хорошего⁸, но до них уже проходили примерные наказания, и, поистине, Господь твой — обладатель прощения к людям даже при их нечестии! И, поистине, Господь твой силен в наказании!

8 (7). И говорят те, которые не веровали: «Если бы ему ниспослано было знамение от его Господа!» Поистине, ты — только увещатель, и у всякого народа есть водитель!

9 (8). Аллах знает, что несет всякая самка⁹; насколько сжимаются и насколько увеличиваются утробы. Ведь всякая вещь у Него по мере.

10 (9). Знающий скрытое и явное, великий, превознесенный!

11 (10). Одинаковы среди вас и тот, кто скрывает речь, и тот, кто открывает ее, и тот, кто скрывается ночью и выступает днем¹⁰.

12 (11). У него есть следующие непосредственно и перед ним и позади, которые охраняют его по повелению Аллаха¹¹. Поистине, Аллах не меняет того, что с людьми, пока они сами не переменят того, что с ними. А когда Аллах пожелает людям зла, то нет возможности отратить это, нет у них помимо него заступника!

13 (12). Он — тот, который показывает вам молнию для страха и надежды. Он выращивает облака тяжелые¹².

14 (13). И гром прославляет Его хвалой, и ангелы — от страха пред Ним. Он посылает молнии и поражает ими тех, кого пожелает, когда они препираются об Аллахе, — ведь Он силен в бое!

15 (14). И к Нему (обращается) зов истины, а те, которых они призывают помимо Него, не отвечают им ничем, разве что так, как простирающий свои руки к воде, чтобы она дошла до его рта, но она не доходит до него¹³. Ведь молитва неверных — только на ложном пути!

16 (15). Аллаху поклоняются те, кто на небесах и на земле, вольно и невольно, и тени их утром и по вечерам.

17 (16). Скажи: «Кто Господь небес и земли?» Скажи: «Аллах». Скажи: «Тогда неужели вы взяли себе помимо Него заступников, которые не владеют для самих себя ни пользой, ни вредом?»¹⁴ Скажи: «Разве сравнится слепой и зрячий, или сравнятся разве мрак и свет?» Или пристроили они Аллаху сотоварищей, которые творили, как Он творит, и сходным показалось пред ними творение? Скажи: «Аллах — творец всякой вещи, Он — единый, мощный!»

18 (17). Он низвел с неба воду — потекли русла по их количеству, и унес поток пену вздымавшуюся. И из того, что они разжигают в огне, желая украшений и прикрас, — пена вроде этого. Так приводит Аллах истину на ложь. И что касается пены, то она уходит прахом, а то, что полезно людям, остается на земле¹⁵. Так Аллах приводит притчи: (18). тем, которые ответили своему Господу, — благое, а тем, которые не ответили Ему, если бы у них было все то, что на земле, и еще столько, они бы выкупили этим, им — злой расчет, и убежище их — геенна, и скверно это ложе!

19 (19). Разве же тот, кто знает, что то, что ниспослано тебе от твоего Господа, — истина, подобен тому, кто слеп? Ведь вспоминают только обладающие разумом,

20 (20). которые верно выполняют завет Аллаха и не нарушают обещания;

21 (21). и те, которые соединяют то, что приказал Аллах соединять¹⁶, и боятся своего Господа, и опасаются злого расчета;

22 (22). и те, которые терпели, стремясь к лику своего Господа, и простаивали молитву, и давали из того, чем Мы их наделили, и тайно и явно, и отгоняют добром зло. Для этих — воздаяние жилища —

23 (23). сады вечности. Войдут в них те, кто был праведен из их отцов¹⁷, и супруг, и их потомства. И ангелы входят к ним через все двери:

24 (24). «Мир вам за то, что вы терпели!» И прекрасно воздаяние жилища!

25 (25). А те, которые нарушают завет с Аллахом после обещания верности и разрезают то, чему повелел Аллах быть соединенным, и распространяют нечестие на земле, для тех — проклятие и для них — злое жилище!

26 (26). Аллах делает широким удел тому, кому пожелает, и соразмеряет, а они радуются ближней жизни, но жизнь ближайшая в отношении к будущей — только временное пользование!

27 (27). И говорят те, которые не верят: «Если бы ему было ниспослано знамение от его Господа!» Скажи: «Поистине, Аллах сбивает с пути, кого желает, и ведет к нему того, кто обратился!»

28 (28). Те, которые уверовали и сердца которых успокаиваются в поминании Аллаха, — о да! ведь поминанием Аллаха успокаиваются сердца, (29). — те, которые уверовали и делали благое, — им благо и хорошее пристанище.

29 (30). Так послали Мы тебя¹⁸ к народу, до которого миновали уже народы, чтобы ты читал им то, что Мы внушили тебе, в то время, как они не веруют в Милосердного. Скажи: «Он — Господь мой! Нет божества, кроме Него. На Него я полагался, и к Нему мое обращение!»

30 (31). И если бы Кораном двигались горы, или рассекалась земля, или говорили бы мертвые... Да, Аллаху принадлежит вся власть! Разве не отчаиваются те, которые уверовали, что если бы Аллах пожелал, то повел бы прямым путем всех людей.

31. И не перестает поражать удар тех, которые не веровали, за то, что они совершали, или остановится он близко от их жилищ, пока не придет обещание Аллаха; поистине, Аллах не меняет времени обещания!

32 (32). Издевались над посланниками и до тебя, и Я дал отсрочку тем, которые не веровали. Потом Я их схватил, и каково было Мое наказание!

33 (33). Разве тот, кто знает за каждой душой то, что она приобрела? ...И устроили они Аллаху сотоварищей. Скажи: «Назовите их! Или вы сообщите Ему то, чего Он не знает на земле, или каким-нибудь явным по выражению?» Да, разукрашена тем, которые не веруют, их хитрость, и отклонены они от пути! А кого сбивает Аллах, тому нет водителя!

34 (34). Для них — наказание в ближайшем мире, и, конечно, наказание последнего¹⁹ более жестоко. Нет для них от Аллаха защитника!

35 (35). Притча о рае, который обещан богобоязненным, где внизу текут реки: пища в нем постоянна и тень. Это — награда тем, которые богобоязненны, а наказание неверных — огонь.

36 (36). А те, кому Мы даровали книгу, радуются тому, что ниспослано тебе; а среди партий есть такие, что отрицают часть этого²⁰. Скажи: «Мне повелено поклоняться Аллаху и не придавать Ему сотоварищей; к Нему я призываю и к Нему мое возвращение!»

37 (37). И так Мы ниспослали его, как арабский судебник²¹. Если же ты последуешь за их страстями после того, как пришло к тебе знание, — нет тебе от Аллаха ни помощника, ни защитника!

38 (38). Мы посылали посланников до тебя и делали им супруг и потомство. Не бывало, чтобы посланник приводил знамения, иначе как с дозволения Аллаха. Для всякого предела — свое писание.

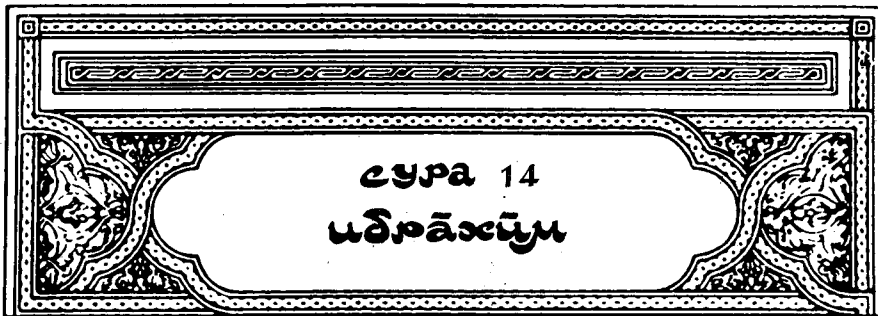
39 (39). Стирает Аллах, что желает, и утверждает; у Него — мать книги.

40 (40). Или Мы покажем тебе часть того, что обещаем им, или упокоим тебя. На тебе — только передача, а на Нас — расчет!

41 (41). Разве они не видели, что Мы приходим к земле и укорачиваем ее по краям?²² Аллах вершит суд, и нет задерживающего Его суд, а Он быстр в расчете!

42 (42). Ухитрились те, которые были до них, но у Аллаха — вся хитрость. Он знает, что приобретает всякая душа, и узнают неверные, кому воздаяние жилища!

43 (43). И говорят те, которые не верили: Ты — не посланный!» Скажи: «Довольно Аллаха свидетелем между мной и вами и того²³, у кого знание книги!»

Во имя Аллаха милостивого, милосердного!

1 (1). Алиф лам ра. Писание — ниспослали Мы его тебе, чтобы ты вывел людей из мрака к свету с соизволения их Господа на путь великого, достохвального —

2 (2). Аллаха, которому принадлежит то, что в небесах и что на земле. Горе же неверным от мучительного наказания,

3 (3). которые любят жизнь дольную превыше последней и отклоняют от пути Аллаха, стремясь к кривизне в нем! Эти — в далеком заблуждении.

4 (4). Мы отправляли посланников только с языком их народа², чтобы они разъяснили им. Аллах сводит с пути, кого пожелает, и ведет, кого желает. Он — великий, мудрый!

5 (5). Мы послали Мусу с Нашими знамениями: «Выведи народ твой от мрака к свету и напони им про дни Аллаха. Поистине, в этом — знамение для всякого терпеливого, благородного!»³

6 (6). Вот сказал Муса своему народу: «Вспомните милости Аллаха вам, как Он вас спас от рода Фир'ауна! Они возлагают на вас злое наказание, убивают ваших сыновей, оставляют в живых ваших женщин. В этом — испытание для вас от Господа вашего великое».

7 (7). Вот возвестил Господь: «Если возблагодарите, Я умножу вам; а если будете неблагодарны... Поистине, наказание Мое — сильно!»

8 (8). И сказал Муса: «Если будете неблагодарны вы и те, кто на земле — все, то ведь Аллах — богат, преславен!»

9 (9). Разве не дошла до вас весть о тех, кто был раньше вас, о народе Нуха, Ада, Самуда⁴

10. и тех, которые были после них, — не знает их никто, кроме Аллаха. К ним пришли Наши посланцы с ясными знамениями, а они вложили руки в уста свои и сказали: «Мы не веруем в то, с чем вы посланы; мы в сомнении сильном о том, к чему вы зовете».

11 (10). Сказали их посланники: «Разве об Аллахе сомнение, Творце небес и земли? Он зовет вас, чтобы простить вам грехи и отсрочить до названного срока».

12. Они сказали: «Вы — только люди, такие, как мы, вы желаете отворотить нас от того, чему поклонялись наши отцы. Приведите же нам явную власть!»

13 (11). Сказали им их посланцы: «Мы — только люди, такие, как вы, но Аллах благодетельствует того из Своих рабов, кого пожелает; мы не можем привести вам власти,

14. иначе как с дозволения Аллаха. На Аллаха пускай полагаются верующие!

15 (12). И почему нам не полагаться на Аллаха, раз Он повел нас по нашим путям? Мы будем терпеть то, чем вы нас обижаете. И на Аллаха пусть полагаются полагающиеся!»

16 (13). И сказали те, которые не веровали, их посланникам: «Мы изведем вас из нашей земли, или вы обратитесь к нашей общине». И открыл им их Господь: «Мы непременно погубим неправедных

17 (14). и поселим вас на земле после них. Это — для тех, кто боится стояния предо Мною и боится Моей угрозы!»

18 (15). Они просили решения, но не получили успеха все тираны упорные.

19 (16). Позади его — геенна, и будут его поить водой гнойной.

20 (17). Он лакает ее, но едва проглатывает, и приходит к нему смерть со всех мест, но он не мертв, а позади его — суровое наказание.

21 (18). Притча о тех, которые не веруют: деяния их — как пепел, усилился над ним вихрь в бурный день; они не властны ни над чем, что приобрели. Это — далекое заблуждение!

22 (19). Разве ты не видел, что Аллах сотворил небеса и землю во истине; если Он пожелает, то уведет вас и приведет новое творение,

23 (20). и это для Аллаха — не велико.

24 (21). И предстанут все пред Аллахом, и скажут слабые тем, которые возвеличились: «Мы следовали вам. Разве вы избавите нас хоть от чего-нибудь из наказания Аллаха?»

25. Они сказали: «Если бы Аллах нас вел, то и мы бы вас вели. Нам все равно, будем ли мы печальны или потерпим. — нет нам исхода».

26 (22). И сказал сатана, когда дело было решено: «Аллах ведь обещал вам обещание истины, обещал и я, но я обманул вас, и не было у меня над вами власти.

27. Я только звал вас, и вы ответили мне, не браните же меня, а браните самих себя. Я не помогаю вам, и вы не поможете мне; я отрекаюсь от того, что вы меня сделали соучастником раньше». Поистине, для тиранов — наказание мучительное!

28 (23). И введены будут те, которые веровали и творили благое, в сады, где внизу текут реки, — для вечного пребывания там с дозволения своего Господа. Приветствие их там: «Мир!»

29 (24). Разве ты не видел, как Аллах приводит притчей доброе слово — оно, как дерево доброе: корень его тверд, а ветви в небесах...

30 (25). Оно принесит свои плоды в каждый миг с соизволения своего Господа. И приводит Аллах притчи людям, — может быть, они опомнятся!

31 (26). А притча о скверном слове — оно, как скверное дерево, которое вырывается из земли, — нет у него стойкости.

32 (27). Аллах утверждает тех, которые уверовали, словом твердым в жизни ближней и в жизни дальней; и сводит с пути Аллах неправедных, и творит Аллах, что желает.

33 (28). Разве ты не видел тех, которые обменяли милость Аллаха на неверие и поселили народ свой в жилище гибели —

34 (29). в геенне, в которой они будут гореть? И скверно это пребывание!

35 (30). Устроили они для Аллаха равных, чтобы сбить с Его пути. Скажи: «Наслаждайтесь, потому что путь ваш — в огонь!»

36 (31). Скажи рабам Моим, которые уверовали, пусть они стоят на молитве и жертвуют из того, что Мы даровали им, тайно и явно, прежде чем наступит день, когда нет мены и дружества.

37 (32). Аллах — тот, который сотворил небеса и землю, и низвел с небес воду, и вывел ею плоды в ваш удел, и подчинил вам суда, чтобы они ходили в море по Его повелению, и подчинил вам реки, (33). и подчинил вам солнце и луну труждающимся, и подчинил вам ночь и день, (34). и дал вам все, что вы просите. И если вы будете считать милость Аллаха, то не сочтете ее. Поистине, человек — обидчик, неблагодарный!

38 (35). Вот сказал Ибрахим: «Господи! Сделай этот град безопасным и отдали меня и моих детей, чтобы мы поклонялись идолам.»⁵

39 (36). Господи! Ведь они сбили с пути многих людей, а кто последует за мной, тот — от меня, а кто ослушается меня... ведь Ты — прощающий, милостивый!

40 (37). Господи, я поселил из моего потомства в долине, не имеющей злаков⁶, у Твоего дома священного. Господи наш! Пусть они выстаивают молитву, и сделай сердца людей склоняющимися к ним и одели их плодами,— может быть, они будут благодарны!

41 (38). Господи наш! Ты знаешь, что мы скрываем и что обнаруживаем. Не скроется от Аллаха ничто на земле и в небесах! (39). Хвала Аллаху, который даровал мне при старости Исма'ила и Исхака! Поистине, Господь мой,— Он слышит воззвание!

42 (40). Господи, сделай меня выстаивающим молитву и из моего потомства. Господи наш! И прими и мой зов: (41). Господи наш! Прости мне, и моим родителям, и верующим в тот день, когда наступит расчет!»

43 (42). И не думай, что Аллах небрежет тем, что творят неправедные. Он отсрочивает им до дня, когда взоры закатятся⁷,

44 (43). устремляясь торопливо с поднятыми вверх головами, взоры к ним не возвращаются, и сердца их — воздух. (44). Увещевай же людей о том дне, когда придет к ним наказание!

45. И скажут те, которые были обидчиками: «Господи наш! Отсрочь нам до близкого предела,—

46. мы ответим на Твой призыв и последуем за посланцами». Разве ж вы не клялись раньше, что нет у вас изменения?

47 (45). И вы поселились в жилищах тех, которые обидели самих себя, и стало ясно для вас, как Мы поступили с ними, и привели Мы вам притчи, (46). а они хитрили своей хитростью, но у Аллаха вся их хитрость, хотя бы от хитрости их и горы двигались.

48 (47). Не считай Аллаха нарушающим Свое обещание Своим посланникам: ведь Аллах — славен, обладатель мщениия

49 (48). в тот день, когда земля будет заменена другой землей, и — небеса, и предстанут пред Аллахом, единым, могучим!

50 (49). И увидишь ты грешников в тот день, связанных цепями.

51 (50). Одевание их из смолы, лица их покрывает огонь, (51). чтобы Аллах воздал каждой душе то, что приобрела. Поистине, Аллах быстр в расчете!

52 (52). Это — сообщение для людей, и пусть увещевают им и пусть знают, что Он — Бог, единый, и пусть опомнятся обладающие разумом!

КОММЕНТАРИИ

СУРА 12

1. Сура прочитана в середине III мекканского периода, предположительно в 621 году, в сложных условиях преследования. По данным исторической науки, легенда об Иосифе Прекрасном была популярна среди семитских народов Передней Азии еще в глубокой древности. Эта легенда сначала вошла в Тору как подробная повесть — в Книге Бытия она изложена в 13 главах, главы 37—49. Сокращенное изложение ее вошло в Коран и заняло полностью одну суру. Поэтому двенадцатая сура отличается от других длинных сур единством сюжета.

Трудно теперь выяснить повод, по которому пророк изложил эту легенду, содержащую историю любви. В средние века представители отдельных сект в исламе считали неподобающим включение этой суры в Коран, но подобные идеи не отразились на ортодоксальном богословии, оставившем целостность Корана.

Имя жены царедворца Фараона, влюбившейся в Юсуфа, не названо ни в Торе, ни в Коране. В исламских исторических источниках VIII века (например, в книге ибн Исхака «Житие посланника Аллаха») она названа Раил. Только в литературе X века, конкретно — в произведениях знаменитого Фирдоуси, она названа Зулайха. Так повесть о любви Зулайхи к Юсуфу заняла место в литературном творчестве ряда известных поэтов и мыслителей Востока.

2. Здесь первое утверждение о том, что Коран ниспослан на арабском языке, чтобы он был понятен арабам. Это утверждение повторяется более чем в десяти местах Корана.

3. Юсуф был двенадцатым сыном Йа'куба (Иакова). По легенде, отец его очень любил, что вызывало зависть и злость его одиннадцати братьев. Юсуф был от другой матери.

4. Буквальный перевод этого аята затемняет содержание. Смысл: в повести о Юсуфе и его братьях содержится поучительное знамение.

5. По толкованиям, убить Юсуфа предложил его брат Симеон.

6. Бросить в колодезь посоветовал Иуда.

7. Как видно из текста, аяты 9—10 по логике должны были идти после аята 15.

8. «Лживая кровь на рубашке» более определенно обозначена в Торе как кровь козленка. Перевод: «Да, украсили вам ваши души дело» не передает точное содержание фразы, в которой выражено скорее сомнение. Более точно было бы перевести: «Возможно, ваши души подсказали вам это как доброе дело».

9. По Торе купцы, нашедшие Юсуфа в колодеце, заключили сделку с его братьями, заплатили за него и увезли в Египет.

10. В толкованиях Корана это трактуется как и в легенде Торы, здесь братья продали Юсуфа купцам, а те продали его в Египте.

11. «Тот, который купил его из Египта» — по Торе это царедворец египетского фараона Потифар.

12. Перевод: «И думала она о нем, и думал он о ней» — не точен. Юсуф тоже мог помышлять о ней, «если бы не увидел доказательства (т. е. предостережение) своего Господа. Здесь при переводе точка поставлена неправильно, ибо эта фраза связана со следующей — «чтобы отклонить от него зло и мерзость».

13. «Свидетель из семьи» — по легенде, малолетняя дочь царедворца, находившаяся в колыбели.

14. «Отвернись от этого» — толкуется как «прекрати говорить об этом». «А ты» — относится уже к жене царедворца.

15. «Дала каждой из них нож» — в толкованиях это объясняется тем, что ножи раздавались обычно для очищения плодов.

16. То, что вельможа после знамения Аллаха решил заточить Юсуфа на время, в толкованиях объясняется тем, что бог хотел таким образом спасти от греха жену вельможи.

17. Эти двое, попросившие Юсуфа растолковать их сны, по Торе — Фараоновы виночерпий и хлебодар (слуга, подносящий хлеб).

18. Хлебодар был казнен тогда же, виночерпий был освобожден, но о своем обещании Юсуфу он не вспомнил в течение двух лет.

19. Фраза «они будут выжимать» — вызвала много трактовок как у толкователей, так и у исламоведов. Слово «выжимание» употреблено здесь в более общем значении — сбора урожая: выжимание винограда, кунджута, оливы и вообще маслянистых культур; а также получения приплода от животных, домашних птиц и т. д. То есть это выражение указывает на обильную урожайность года.

20. Слово «втайне» здесь употреблено в значении «в его отсутствие».

21. В аятах 58—69 история Юсуфа дается очень кратко. Когда Юсуф стал управляющим всех сокровищниц Фараона, его братья по торговым делам приехали в Египет. Он узнал их, пригласил во дворец. Помог им успешно завершить торговлю и отправил обратно, полученные же от них деньги незаметно положил в их выюки. Расставаясь, поручил им привести того брата, который не согласился бы на убийство Юсуфа. И при этом задержал одного из братьев в качестве заложника. Затем братья вновь появились в Египте, и вновь Юсуф принял их в своем дворце. Но за все это время они так и не узнали своего брата.

22. «Входит разными воротами» в город в смысле — пройти поодиночке, незаметно, не бросаться в глаза.

23. В аятах 70—82 изложено продолжение легенды: Юсуфу очень хотелось оставить при себе любимого брата, но он не имел на это права по закону. Поэтому, чтобы задержать его, тайно в его выюк подложили золотую чашу царя, а затем с полдороги вернули его обратно, обвиняя в краже.

24. В аятах 83—93 рассказывается о том, что братья вернулись к отцу, но тот снова посылает их в Египет, чтобы они разузнали о Юсуфе. И в этот их приезд Юсуф, наконец, открывается, что он и есть их брат.

25. К этому времени старый Иа'куб уже был слепым, и Юсуф дает братьям свою рубаху, от соприкосновения с которой отец прозревает.

26. Аяты 94—101 повествуют о том, как Иа'куб со всем своим семейством прибывает в Египет.

27. Здесь воспоминание о толковании первого сна Юсуфа об одиннадцати звездах, солнце и луне (аят 4).

28. В аятах 103—111 — нравственное назидание, вытекающее из рассказа.

29. Смысл фразы «только людей из обитателей селений» следующий: каждому народу посылались пророки из их среды, как и Мухаммад, что вышел из среды курейшитов.

30. Намек на то, что и Мухаммад приходил иногда в отчаяние от постоянных преследований у угроз расправы со стороны мекканских могобожников.

СУРА 13

1. Последняя сура, прочитанная в Мекке перед хиджрой. По наиболее ранним и авторитетным в исламе историческим источникам (сочинения Ибн Исхака, ибн Хишама, ибн Саада и др.), пророк Мухаммад перед хиджрой в течение 3-х дней скрывался от преследования в пещере около Мекки. На третью ночь, когда мекканцы перестали его искать, Мухаммад, Абу Бакр со своим слугой и проводником-бедуином отправились на верблюдах в Медину — это было 8 сентября 622 года. До окрестностей Медины они добрались только через 16 дней, поскольку, чтобы избежать преследования, двинулись сначала на юг, в сторону Йемена, затем свернули к морю, сделав большой крюк, долго шли по бездорожному побережью и затем только вышли на караванную дорогу, избегая при этом обычных стоянок. В местечке Куба, в окрестностях Медины, встретили его последователи, ожидавшие его уже несколько дней.

2. «Утвердился на троне и подчинил» — здесь буквальный перевод. По смыслу — «занял трон и стал управлять».

3. В Коране горы образно называются «прочно стоящие» (араб. раваси).

4. По толкованиям, здесь подразумевается противопоставление различных плодов: крупных и мелких, сладких и безвкусных и т. д. Однако в этом случае игнорируется значение употребленного здесь арабского слова «завджайни», которое означает «два пола». Видимо, слово «плодов» следует понимать в более широком значении.

5. «Участки соседние» — участки частновладения; «сады из лоз» — виноградники.

6. Перевод фразы «которые поят одной водой» не точен, более точный — «одни из них орошаются водой», имея в виду, что есть сады и посевы, которые не орошаются. В этом случае становится ясным значение фразы о преимуществе одних перед другими.

7. Неверие в оживление человека после того, как он станет прахом, — популярный довод мекканских многобожников против проповеди Мухаммада.

8. «Они торопят тебя с дурным прежде хорошего» — здесь буквальный перевод, не передающий содержания. Смысл — «они торопят тебя, чтобы увидеть наказание вместо блага».

9. «Всякая самка» — не точный перевод, речь идет о беременной женщине.

10. «Скрывает речь» и «открывает речь», «скрывается ночью и выступает днем» — здесь буквальный перевод затемняет содержание. Речь идет о том, что Аллах знает все о людях — и о тех, кто говорит тихо или громко, и о тех, кто ходит ночью скрыто или открыто днем.

11. Смысл: за человеком постоянно следуют два ангела-хранителя.

12. Страх перед ударом молнии или наводнением и надежда на то, что дождь оросит их посевы и увеличит урожай. «Выращивает» в значении поднимает или собирает тяжелые облака.

13. Смысл: только к Аллаху следует обращаться за истиной, а обращающиеся к другим богам подобны тем, которые протягивают руки к воде, но никогда не достают ее.

14. Под заступниками, которые не владеют для самих себя ни пользой, ни вредом, подразумеваются идолы.

15. В аяте 18 дается своеобразное сравнение: когда дождевые воды текут по арыкам, они сначала покрыты пеной и мутью, затем все это оседает, и вода очищается, подобное происходит и с металлом, когда его куют: отлетает ржавчина, и металл очищается. Так со временем остается истина, а заблуждение исчезает.

16. «Соединять то, что приказал Аллах соединять» — здесь подразумевается выполнение всех установлений Аллаха, объединение всех частей и элементов учения; вероустановлений, обрядов, обычаев, добрых дел и т. д.

17. В начальных проповедях, относящихся к Мекке, неоднократно говорилось о том, что предки-немусульмане находятся в аду за их неверие. И только на этом этапе (III мекканский период) делается уточнение, что праведные из отцов и предков тоже войдут в рай.

18. Тебя — Мухаммада.

19. «Наказание последнего» — наказание в судный день.

20. «Отрицают часть этого» — отрицают часть учения, ниспосланного в Коране.

21. «Ниспослали его как арабский судебник» (араб. «Хукман арабиян») — как книгу законоустановлений. В условиях VII века, разумеется, все религиозные установления представлялись как законоустановления.

22. «Укорачиваем ее по краям» — в толкованиях это трактуется как урезание земель неверующих и увеличение земель мусульман. Но в таком значении аят мог бы относиться лишь к концу мекканского периода, когда ислам имел уже большие успехи. В конце же мекканского периода (когда читалась эта сура) пророк Мухаммад и его последователи находились в сложнейших условиях. Можно предположить, что фраза эта отражает тогдашнее представление об Аравийском полуострове, ограниченном морями и Персидским заливом. Такое предположение будет правомерным, если учесть, что пророк Мухаммад послан именно к арабам и Коран ниспослан как арабский судебник, что явствует из всех сур.

23. Слово «того» дано в единственном числе, но по контексту означает свидетельство тех, у которых знание книги.

СУРА 14

1. Прочитана в середине III мекканского периода одновременно с сурой 11 — проповедью со схожим содержанием.

2. Каждому народу направлялись посланники, знающие язык этого народа, чтобы наставления пророка были понятны людям.

3. Аяты — 5—8—повторение истории Мусы. Из суры 12 мы знаем, каким образом род Йа'куба оказался в Египте.

4. Аяты 9—12 — повторное повествование истории Нуха, народов Ад, Самуд и тех, кто был после них.

5. Аяты 38—42—история Ибрахима.

6. В аяте 40 отчетливо описывается каменистая долина Мекки, где невозможны посевы, и храм Кааба. В арабской традиции Ибрахим жил в долине Мекки и строил Каабу.

7. Аят 43 и далее до конца — назидания мусульманам, чтобы укрепить в них веру.

Продолжение следует

Вадим Донской

Рисунки В. Дачкина

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

ПРОЛОГ

Николай основательно застрял. Стены трещины, вверху довольно далеко отстоящие друг от друга, ниже сходились, выступая встречными карнизами. При ударе о первый из них погас фонарь и пропала связь с модулем, находящимся на орбите. После этого он уже в полной темноте падал еще секунд двадцать и в завершение влетел в одно из наиболее узких мест (и угораздило же попасть), где его и заклинило. Хорошо, что здесь ускорение свободного падения составляет лишь одну десятую земного; будь оно раза в три-четыре больше, и его жена уже была бы вдовой. Правда, и его нынешнее положение — лишь небольшая отсрочка: третий час он безуспешно пытается вырваться из цепких каменных тисков, и если прибавить к этому время, ушедшее на изучение трещины, то кислорода осталось еще на семнадцать часов с минутами. А «Орион» со Свенсоном и Тода ушел к внутренним планетам системы Канопуса и вернется за ним лишь через неделю.

Патрульный корабль «Орион» находился в свободном поиске в пятом секторе Галактики в районе альфы Киля, в пятидесяти пяти с половиной парсеках от Земли. Эта

желтая звезда светимостью в 4700 солнц, занимающая на диаграмме Герцшпрунга — Рассела промежуточное положение между ветвями слабых сверхгигантов и ярких гигантов, имеет обширную планетную систему. Спутник крайней, восемнадцатой, сразу заинтересовал их, так как глубокое зондирование показало наличие у него обширных пустот.

Николай Соколов, специалист по биокibernетическим системам управления, являлся еще и геопланетологом. Он и предложил командиру «Ориона» Свену Свенсону идти дальше для полного ознакомления с остальными планетами Канопуса, а его пока оставить здесь. Третий член экипажа, представитель комиссии по контактам с внеземными цивилизациями Такэо Тода, сказал, что и ему было бы весьма желательно остаться, на что Николай возразил:

— Ты не планетолог — раз; оставаться вдвоем, отпуская одного Свена, нельзя — два; сидеть же здесь всем троим, скорее всего из-за пустяка, не резон — три.

Такэо молча выслушал, прикрыл свои странно широкие для японца глаза и, соглашаясь, медленно кивнул головой. В его коротко стриженных и некогда изумительно черных волосах уже заметно проступала седина.

Так Николай остался один.

Около трех часов он внимательно изучал трещину, которая раскроила поверхность планеты на шестисотметровую глубину и протянулась, почти не извиваясь, на двадцать с лишним километров. Стены, уходящие вертикально вниз, в самой середине были удивительно ровными. Осветив дно в этом месте, Николай увидел маленький прямоугольник, ярко белевший на фоне темных скальных пород.

«Люк! Неужели из тех самых?»

Он начал спуск недалеко от этого места, пожалев, что Такэо нет рядом, и наступил на «живой» камень. Дальше все полностью соответствовало законам ньютоновской механики. В общей сложности он падал около тридцати секунд и, значит, сейчас висит на глубине порядка четырехсот пятидесяти метров, а до дна осталось не более ста пятидесяти. Но для него они, похоже, были равны бесконечности. Ни вверх, ни вниз до конца не добраться.

«Ни тпру, ни ну, как говорили в старину», — усмехнулся он. «Э-э-э, Николай Петрович, рано помирать собрался», — тут же пожурил себя вслух и опять начал дергаться и извиваться всем телом, пытаясь освободить излучатель, плотно прижатый скафандром к скале. Результат опять был нулевым.

«Капитально заклинило», — подумал он и на какое-то время затих.

«А дома сейчас конец лета, — вдруг вспомнилось ему, — в прошлом году мы как раз в это время с Митькой на рыбалке были».

Да, Митьке тогда исполнилось восемь, и они впервые пошли с ним на рыбалку с ночевкой. Вечер был тихий и солнечный. Они надергали изрядное количество окушков. Потом костер, котелок с ухой. Вечерний звонкий концерт лягушек. И уже в темноте они варили чай и, обжигаясь, пили его, сидя у догорающих малиновых углей. Изредка поднимались размять ноги и стучались о низкий каменный потолок пещеры, смеялись, потирая шишки, и долго-долго не спали, разговаривали.

Мысль о том, что все приговоренные к смерти вспоминают прожитую жизнь, вызвала горькую усмешку.

«А что тебе остается делать, Коля? Воздуха осталось на пятнадцать часов, не больше... — казалось, не он, а кто-то со стороны равнодушно и холодно произнес это. — Рано явилась, старая, — сквозь зубы процедил он. — Прочь».

Но прежние приятные мысли не возвращались, в голову лезла всякая чушь, и он опять начал извиваться змеей в тщетных попытках добраться до спасительного излучателя, вырваться из каменного капкана. Умаявшись и опять ничего не добившись, он затих. Ему оставалось только ждать. Чего? Он прекрасно знал чего, и не хотел об этом думать.

Ждать. Он вспомнил, с каким нетерпением ожидал появления Митьки на свет. Тогда он еще не знал, что будет именно Митька, и каждый час, каждую минуту ждал новостей. И торопил, торопил время.

Господи, было время, когда он его торопил. И только сейчас понял, как оно безвозвратно ушло. Никакая потеря не может сравниться с потерей времени. А мы так бездумно, в суете, к нему относимся. И начинаем жалеть о нем лишь тогда, когда его не остается. Не остается совсем.

«Опять старая явилась, — злобно усмехнулся он, — прочь, коса у тебя тупая, тебе еще четырнадцать часов ее точить. Убирайся!»

И опять медленно тянется время. И он, пожалуй, впервые не торопит его. До него вдруг дошла старая, как мир, и такая непонятная истина, звучит она приблизительно так: в жизни мы все куда-то спешим, забывая о том, что мы не на дистанции, которую надо пройти как можно быстрее и рвануть финишную ленту. Он прочитал эти слова когда-то в древней печатной книге, но тогда они, лишь слегка зацепив сознание, затерялись где-то в глубинах, а сейчас память услужливо преподнесла их, и он понял всю

глубину, весь смысл. Понял, как понимает, наверное, каждый, видя стремительно и неумолимо приближающуюся финишную ленту. Понял, когда через четырнадцать часов рвануть ее грудью предстоит ему.

«Ошибаешься, осталось меньше тринадцати», — подсказывают глаза. Но эти философские рассуждения вернули ему утраченное было душевное равновесие. Он с наслаждением вдыхает оставшийся кислород, и ему кажется, что он пахнет цветами, скошенной травой, летом и степью. Нестерпимо хочется, чтобы каждый удар сердца, каждый вдох, наполненный для него этим выдуманнным ароматом, длился не секунду, а две... пять... десять... Нет, глупости! Оттого, что он будет вдыхать не секунду, а десять, сама секунда не станет длиннее. «Ориону» не успеть. И люк, который сейчас не виден, теперь, увы, недостижим для него. Его окружает полная темнота, лишь высоко над ним узкой полосой мертво и холодно светят ключиче звезды. Он медленно опускает веки, чтобы не видеть их.

Открыв глаза, Николай не сразу понимает, что с ним и где он находится. Все вокруг залито ярким светом. Из-за края трещины выглядывает мохнатый от протуберанцев Канопус, освещая корявые изломы каменной пасти, крепко держащей его в своих челюстях. Взгляд на часы все ставит на места — до красной черты осталось двести тридцать минут.

Николая крайне удивляет то, что, находясь в подобном положении, он смог спокойно уснуть на девять часов. И даже увидеть сон.

«Молодец, Николай Петрович. — Он мысленно пожимает свою мужественную руку. — Только очень сильные люди спят в ночь перед казнью. Твоя ночь прошла, и ты здорово проспал ее. Теперь для тебя пришло утро».

«К чему эта бравада? — Скользит параллельная мысль. — Твое время отмерено и уже совсем скоро ты самым вульгарным образом задохнешься».

«Нет, стоп, — обрывает он себя. — Не умирай, пока живешь, говорили древние, а они были мудрыми людьми. Не умирай, пока живешь. Не умирай...»

Но даже эта жизнелюбивая мысль течет сонно и лениво. И что-то никак не вяжется в окружающем мире. Что-то не на месте, не так. Но что именно?

И этот сон. Странный сон ему приснился. Николай глянул вниз. В ста пятидесяти метрах под ним отчетливо белел прямоугольник входа. Николай, внимательно всматриваясь в него, попытался вспомнить детали сна. Но память слепо скользила по поверхности, на которой лишь изредка всплывали смутные, непонятные образы. И от всего увиденного оставалось только ощущение довольно долгого пребывания — во сне, конечно, — за этой закрытой дверью. Он еще раз посмотрел туда и наконец сообразил, что не может с е й ч а с видеть этот люк. Ведь проспал он девять часов, а Канопус должен был подняться в зенит, то есть показаться из-за края трещины, лишь через неделю.

«Странно, очень странно. Как меня угораздило ошибиться на столько? Что-то пропустил в расчетах? Маловероятно. Надо бы проверить еще раз. — И тут же обрывает себя: — Не успеть».

Осталось три часа, и он чувствует, что дышать стало труднее. Автомат уменьшил подачу воздуха.

«Экономит, — с грустью думает он, — чего уж тут экономить... Э-э, нет, шалишь. Куда спешить? Все равно не опоздаешь».

Время течет теперь для него толчками, в такт глухим, отдающимся в ушах ударам сердца, и кажется — даже Канопус, неподвижно замерший над головой, пульсирует вместе с ним. Дышит Николай часто и с хрипом.

«Наслаждаться уже нечем». — Он хочет улыбнуться, но чувствует, что вместо этого рот кривится неприятной ухмылкой. Перед глазами вспыхивают и медленно кружатся неяркие светящиеся точки. Легкие с натугой втягивают последние жалкие остатки кислорода.

«Эх, сейчас бы вдохнуть. Один только хороший вдох», — с отчаянием думает он.

На мгновение что-то закрывает свет. Но лень поднять голову, да и нет сил это сделать.

— Эй, ты долго собираешься там висеть?

Голос Свена с трудом пробивается сквозь непрерывный звон в ушах. Николай медленно, весь сосредоточившись, поднимает голову и видит неподвижно застывшую на краю фигурку в скафандре.

«Слуховые и зрительные галлюцинации...» — мысль тяжело ворочается в вязком, как манная каша, черном месиве небытия.

— Да с тобой что-то не то. Подожди, я сейчас...

«Откуда он здесь взялся? Ведь он должен быть... И все-таки...» — разрывая липкую паутину, опутавшую мозг, продирается надежда.

«Будем жить!» — беззвучно шепчут губы, и сознание гаснет.

«Интересно, всем перед смертью снятся сны о спасении?» — первым делом поду-

мал он, тяжело приоткрыв глаза и видя склонившееся над ним широко улыбающееся лицо Свена.

— Наконец-то. Ну и крепко же ты сидел,— доносится, как сквозь вату, его басок,— я тебя еле выгрыз оттуда.

А Николай с наслаждением вдыхает свежий чистый воздух, до отказа наполняя им легкие. И с каждым вдохом втекает в него все больше и больше уверенности в том, что это реальность.

— Откуда вы взялись? Почему так рано?

— Ничего себе «рано»,— хохотнул Свен.— Слышишь, Та, он говорит, что мы рано явились. А мне показалось — в самый раз.

— Я не о том,— улыбается Николай.— Вы ведь должны были вернуться через неделю.

— А мы так и вернулись,— ровно через неделю, час в час.— Улыбка словно бродит в светлой, всклокоченной бороде Свена.

— Вы что же, хотите сказать, что я просидел в этой проклятой трещине неделю?

— По показаниям скафандра, ты был вне модуля двадцать четыре часа,— тихо говорит Такэо.— Мы никак не могли понять, что ты делал в модуле шесть дней. Только один выход.

— Я застрял в трещине ровно через четыре часа после вашего старта,— закрывая глаза, произнес Николай.

Улыбка затерялась в бороде Свена. Такэо повернулся и вышел. Наступило молчание. Быстро вернувшийся Такэо нарушил его, обращаясь почему-то к одному Свену:

— Он действительно покинул модуль за сто шестьдесят восемь часов до нашего возвращения и больше в нем не появлялся.

На этот раз молчание длилось гораздо дольше. Николай поднял голову и сел.

— По-моему, за тем люком, что на дне... по-моему, там действительно база. Вы видели?

— Ты хочешь сказать — шутки со временем?— Такэо, прищурившись, посмотрел на Николая.

— Да. Больше это объяснить нечем. Живых существ там, вероятно, нет, но мозг, управляющий базой, действует. Он уловил биоизлучение моего мозга, каким-то образом понял суть, скапсулировал время в окружающем меня пространстве и растянул его. Это как раз те девять часов, что я спал. Посчитайте, сколько нужно времени, чтобы Канопус, который был у горизонта, когда я начал спуск, поднялся в зенит?

— Сто шестьдесят пять часов,— подал голос Страус.

— Страус,— обрадовался Николай, как самой близкой душе,— не в службу, а в дружбу, приготовь кофе.

— Кофе готов!— Экраны светились розовым, Страус улыбался, а на выдвинувшемся столике стояли три дымящиеся чашечки крепкого черного кофе. Кают-компания тут же наполнилась его волшебным ароматом.— Я знал, что первым делом ты попросишь именно кофе,— доверительно сообщил он.

Страусом называли мозг корабля. В этой сложной биокибернетической системе почти не было электроники, но по старинке его официально величали электронным мозгом управления, сокращенно ЭМУ, а какой-то шутник окрестил его Страусом в честь австралийского тезки. Это имя прижилось на всех кораблях Солнечной системы. К нему привыкли, и каждый экипаж по-своему любил своего Страуса.

— Считаешь, нам не стоит туда соваться?— спросил Такэо, маленькими глотками попивая кофе.

— Да,— Николай поставил свою чашку на стол,— это слишком серьезная вещь. Нужна хорошо оснащенная экспедиция.

— Я согласен с Ником.— Свен крепко, с хрустом, потянулся.

— Да. Живая база — это, по-моему, впервые,— согласился Такэо.— Сколько ей, Страус?

— Люку восемнадцать миллионов лет,— с готовностью сообщил тот.— Ты, Такэо, должен помнить, что подобные базы были обнаружены на спутнике тринадцатой планеты системы Денеба экспедицией Томашевича в семьдесят третьем году; на спутнике двадцать первой планеты системы Бетельгейзе экспедицией Ткаченко, в семьдесят седьмом году, на спутнике...

— Спасибо, Страус, я все это помню. Эта база, пожалуй, из той же серии. Все они расположены на спутниках внешних планет систем гигантов и сверхгигантов. Но если мне не изменяет память, тем базам было от тридцати до пятидесяти миллионов лет. Все двери были открыты и базы мертвы.

— Память тебе не изменяет,— вставил реплику Страус.

— Это первая закрытая дверь,— продолжил свою мысль Такэо,— и нам, пожалуй, действительно надо возвращаться.

— Скорее бы домой,— Николай блаженно улыбнулся, закрывая глаза, и увидел прямо перед собой пустые глазницы и вызывающе-жуткую безгубую улыбку.

— А, старая, промахнулась,— удовлетворенно пробормотал он.— Ты, конечно, права, не стоит торопиться на встречу с тобой. И все-таки жизнь есть жизнь, и иногда очень хочется, чтобы что-то случилось поскорее. Чертовски хочется.

— Ты о чем?— удивленно посмотрел на него Свен.

— Да так, со знакомой беседуя,— расхохотался Николай.— Пошли готовиться к старту.

ГЛАВА I

Патрульный корабль «Орион» проходил вблизи Энифа, ипсилон Пегаса, когда в кают-компании, где в это время находился экипаж, раздался взволнованный голос Страуса:

— В центральной рубке управления необходимо присутствие командира.

— Ну что там у тебя?— спросил Свен, отставляя в сторону недопитую чашку кофе.

— В центральной рубке управления необходимо присутствие командира.

Это настораживало. На подобный официальный тон Страус переходил в очень редких случаях.

— Мы с тобой?— полувопросом обратился к командиру Такэо.

— Пошли,— пожал плечами Свен.

И экипаж полным составом, войдя в лифт, отправился «наверх».

— Что-то ты подозрительно серьезен сегодня.

— Не до шуток, командир, не каждый день встречаем чужие корабли.

— Ты уверен?— задал глупый вопрос Николай.

— Сейчас сам увидишь.

Наступило молчание. Каждый из них думал об одном: «живой» этот корабль или опять Летучий Голландец Космоса? ЛГК называли в патрульной службе мертвые корабли, тысячи и тысячи лет дрейфующие в межзвездном пространстве.

Экипажу «Ориона» дважды посчастливилось встретиться с таким. Это случилось в их третьем патрульном полете. Они находились тогда в районе южного полюса Галактики и на крейсерской скорости шли к Мире, омикрон Кита. Страус таким же официальным тоном потребовал в рубку командира и объявил, что вводит «Орион» в режим экстренного торможения. Почти перпендикулярно плоскости Галактики двигался неизвестный корабль. Когда они собрались в рубку, на экране уже красовался гигантский шар, идущий со скоростью 0,8 световой и не отвечающий ни на какие сигналы. Развернув «Орион» по крутой дуге, Страус повел его параллельным курсом, медленно сближаясь и пытаясь наладить связь с незнакомцем. Но облетая шар на близком расстоянии, они увидели гигантскую метеоритную пробоину, а пройдя вплотную к кораблю, разглядели, что тот похож на летающее решето. Видимо, незнакомец не раз попадал в метеоритный рой и уцелеть в таком аду было практически невозможно.

Такэо отправился на разведку. Анализ края пробоины показал, что катастрофа произошла пятьдесят два миллиона лет назад. Судя по всему, это был гость другой галактики и, пройдя насквозь нашу, должен был вот-вот скрыться в черных безднах межгалактического пространства. Внутри был хаос из обломков обшивки, переборок и кусков метеоритов, пойманных кораблем, как сачком. Изучать там, к сожалению, было нечего, и они покинули ЛГК, предоставив ему возможность следовать своим вечным и никуда не ведущим курсом.

Они тогда и не подозревали, что им еще предстоит увидеть этот корабль целым и невредимым, увидеть его экипаж, узнать, откуда он.

Они вошли в рубку, когда до «вновь обнаруженного», по словам Страуса, объекта оставалось меньше тысячи километров. Страус, по просьбе Свена, включил увеличение.

То, что появилось на боковом экране, поразило их. Не признавая даже себе, каждый из них в душе был готов встретить гигантский космический корабль неизвестной цивилизации, этакое покорителя межзвездных трасс, а перед ними неторопливо плыл, в пустоте слабо освещенный лучами далекого Энифа, маленький шарик, диаметр которого вряд ли превышал десять метров.

— Дела-а...— задумчиво протянул Николай, выражая общее разочарование.

Шар медленно вращался в вертикальной плоскости, и они вдруг увидели вспыхнувший на его вершине рубиновый огонек, а вслед за ним из-за края показался открытый люк, под которым он и вспыхивал, освещая таинственным светом распахнутый в пустоту символ безнадежности. Верный признак того, что корабль необитаем.

— Опять ЛГК?— пробормотал Николай.

— Откуда он?— Лицо Такэо было непроницаемо.

— Судя по скорости, он принадлежит системе Энифа. Эксцентриситет орбиты почти равен нулю. Если бы он был захвачен Энифом, его орбита была бы гораздо более вытянута.

— Когда мы подойдем к нему?

— Через тридцать две минуты.

— Ты прослушиваешь планеты?

— Делаю это с момента обнаружения корабля. Эфир чист во всем мыслимом диапазоне частот.

— Готовь модуль.— И, обращаясь к Свену, Такэо спросил:— Пойдем мы с Ником?

— Давайте,— вздохнул тот, почесывая бороду, которая буквально вчера перестала казаться просто щетиной давно не бритого человека. Каждый раз, отправляясь в поиск, Свен отрицал ее и торжественно клялся более не сбивать. Ему якобы верили. Но всегда по возвращении друзья с трудом сдерживали улыбки, глядя на его растерянно-огорченную и до синевы выбритую физиономию. Но они уходили в следующий поиск, и все опять повторялось.

Такэо и Николай вышли, а Свен остался сидеть в кресле, наблюдая за неуклонно приближающимся шариком. Через полчаса он услышал спокойный голос Такэо:

— Мы пошли, командир.

И ощутил легкий стартовый толчок, а через минуту увидел и сам модуль, быстро приближающийся к незнакомцу и похожий на каплю, ярко сверкающую в лучах прожекторов «Ориона».

Как только Такэо с Николаем оказались в метре от распахнутого люка, все внутреннее пространство корабля осветилось.

— Интересно...— пробормотал Николай.— Нас ждут.

Такэо, лишь на мгновение задержавшись, нырнул в этот безнадежно распахнутый люк. Николай тут же последовал за ним.

Корабль не имел шлюзовой камеры, и они сразу оказались внутри совершенно пустой сферы с мягко светящимися белыми стенами.

— Ничего не понимаю.— Николай растерянно озирался по сторонам, но едва они выплыли в центр этого странного пустого корабля, как из стены, противоположной входу, им навстречу вынырнул человечек. Николай от неожиданности отшатнулся, но тут же сообразил, что это лишь прекрасно выполненное объемное изображение, и покосился на Такэо. Тот был спокоен как всегда, как будто заранее знал и был готов к этой встрече.

Человек, вынырнувший из стены, какое-то время повисел неподвижно, как бы давая гостям возможность внимательно рассмотреть себя, а затем медленно вытянул правую руку в сторону, и там на фоне звезд появилось оранжевое солнце и четыре планеты с намеченными пунктиром орбитами.

— Это вид звездного неба планетной системы Энифа тысячу — тысячу сто лет назад,— тут же сообщил Страус.

А в ушах уже звучал низкий, бархатистый голос незнакомца. Его рассказ был короткий, и в конце, показывая на крайнюю четвертую планету, он несколько раз повторил «АЙСИ» — и исчез. А перед изумленными землянами с невообразимой быстротой замелькали кадры, видимо, показывающие жизнь на ней. Видеозаписывающая аппаратура скафандров работала, но, не отдавая себе отчета, они все-таки пытались разобраться в этом хаосе мелькающих цветных пятен.

Через минуту все погасло, и затем повторилось вновь, начиная с появления человека.

После третьего повтора все внутри погрузилось во тьму, и тут же раздался голос Свена:

— Красный маяк перед входом погас.

По-видимому, корабль-автомат выполнил свою задачу и теперь самым элементарным образом выключился. Когда они выбрались наружу, Такэо прикоснулся анализатором к обшивке шара.

— Корабль построен тысячу двести — тысячу триста лет назад,— без промедления выдал ответ Страус.

Они возвращались в молчании.

«Что же это может означать?— думал Такэо.— Эфир любой гуманоидной цивилизации, вышедший в космос, максимально заполнен всевозможной радиоинформацией. Здесь же корабль налицо, а эфир первозданно пуст. А может... Стоп! Возможно, цивилизация не здешняя, а на четвертой планете находится база? Но при наличии такого корабля, который явно рассчитан на гостей, есть ли необходимость в базе? Ведь всю информацию можно передать. Нет, что-то здесь не так. Слишком мало данных для того, чтобы строить предположения».

Модуль пристыковался к «Ориону». За дверью шлюзовой камеры их дождался Свен, и они все вместе направились в центральную рубку управления.

— «Айси»,— тихо сказал Свен, усаживаясь в свое кресло,— это, видимо, название планеты.

— В японском языке есть слово «Айси», пишется оно двумя иероглифами и пере-

водится как «печальная история». — Такэо помолчал. — Я думаю, мы попытаемся разобраться в этой истории, а сейчас надо подготовить сообщение на Землю.

— Я займусь этим, — сказал Николай, вставая, — а уж вы без меня не начинайте просмотра записи.

— Не забудь сообщить, что временно берем на себя функции экспедиции. До прибытия таковой.

— И словечко же выбрал — «таковой». Не забуду, — улыбнулся Николай и вышел.

— Страус, сколько до четвертой?

— Пять часов хода, капитан.

— Слушай, а почему ты меня то командиром, то капитаном величаешь?

— «Командир» — официально, а «капитан» — по дружбе, у нас все-таки корабль.

— Ясно, — улыбнулся Свен. — А в эфире по-прежнему тишина?

— Как в гробу, — мрачно пошутил Страус.

ГЛАВА 2

Через полчаса Николай вошел в рубку.

— Сообщение вместе с видеозаписью отправлено нуль-каналом на Землю, — торжественно отрапортовал он.

— Ну что, Страус, какую дорожку ты нам приготовил?

На центральном экране появилось изображение планет, выстроившихся почти в прямую линию с противоположной от «Ориона» стороны Энифа и плавной дугой курса, огибающей их и заканчивающейся колечком круговой орбиты у Айси.

— Да здесь сейчас великое противостояние, давайте не будем торопиться и осмотрим три безымянных планеты, а за это время спокойно познакомимся с видеозаписью. — И Свен вопросительно посмотрел на Такэо и Николая.

Оба почти синхронно кивнули, но Николай все-таки поинтересовался с шутливой строгостью:

— А ты уже уверен, что Айси — действительно имя четвертой планеты? А может...

— Не может, — веско заявил Свен. — Я так думаю. Страус, готовь новый курс — и поехали, а мы пойдем в кают-компанию, включи нам воспроизведение туда.

С экрана им в глаза смотрел тот же человек, которого они видели на корабле. Естественно, это был не землянин. Несколько более вытянутый овал лица, короткие густые темные волосы, небольшие, почти плоские и плотно прижатые к черепу уши, слишком прямой и тонкий для земного типа нос и огромные слегка приподнятые у висков миндалевидные глаза с вертикальными зрачками. Маленький тонкогубый рот. Это лицо было по-своему красиво, вот только глаза. Их взгляд был пугающе холоден и равнодушен. В нем самым неестественным образом смешивались сильная воля и какое-то сонное безразличие ко всему.

Человек заговорил. Его низкий грудной голос заполнил кают-компанию «Ориона». Лицо пропало, теперь на экране стояли, взявшись за руки, обнаженные мужчина и женщина. Их лица мало чем отличались, только у женщины были полные губы, длинные белокурые, ниспадающие на плечи волосы. Фигуры более тонкие, чем у землян, но полностью соответствовали земным эстетическим меркам мужской и женской красоты. Голос продолжал звучать мягко и завораживающе, в жутком каком-то несоответствии с бездушной мертвенностью взглядов.

Их изображения уменьшились и сместились в левый верхний угол. В центре теперь сиял Эниф, вокруг него по ниточкам эллиптических орбит неторопливо двигались четыре светящиеся точки. Изображения мужчины и женщины оказались рядом с крайней, некоторое время двигались вместе с ней, а затем, быстро увеличившись, заполнили собой весь экран и растаяли. Четвертая планета, занимая центральное положение, медленно наплывала на зрителей.

Неожиданно кадр остановился, голос умолк и Страус вежливо спросил, не желают ли исследователи ознакомиться с первой планетой системы Энифа. К его подначкам давно привыкли, а исследователями он называл их лишь в минуты крайнего раздражения.

Такэо сказал, что останется здесь, и Свен с Николаем вдвоем направились в центральную рубку. Всю дорогу их сопровождал вкрадчивый, так и сочащийся ехидством голос.

— Если исследователи (он особо акцентировал это слово) настаивают, я, конечно, могу убрать все свое внешнее оборудование, включить защитное поле и выйти на околопланетную орбиту. Но разумная ли это трата энергии? Вряд ли вы увидите там что-то интересное. Вот полюбуйтеесь, — закончил он, когда Свен с Николаем вошли в рубку, и включил увеличение на правый экран. Перед ними было сплошное море

огня, гигантская полурасплавленная капля материи, купающаяся в пламени желто-оранжевого солнца.

А страус, тем временем, продолжал своим елеинно-вкрадчивым голосом:

— Если исследователей интересует химический состав планеты, могу сообщить, но заранее предупреждаю: ничего интересного.— И он затараторил, выстреливая, как из пулемета, названия элементов, соединений, расплавов, перемежая их трассирующими пулями процентных соотношений и атомных весов. Свену с трудом удалось остановить этот поток.

— Мы знаем, что не любишь даром тратить энергию, а планета действительно неинтересна,— сказал он и коротко закончил:— Идем ко второй.

Страус сразу сменил гнев на милость.

— Все, что касается этой планеты, я запомнил,— уже спокойно сообщил он.— Через двести семьдесят три тысячи восемьсот пятьдесят один оборот она упадет на Эниф. Вот это будет зрелище!— неожиданно добавил он.

— Да, было интересно посмотреть,— улыбнулся Николай.

— Вряд ли вам это удастся,— задумчиво молвил Страус.— Это произойдет через триста пятьдесят семь тысяч восемьсот семьдесят пять лет сорок семь суток и тринадцать часов. Плюс минус два часа, добавил он, чуть помедлив.— Возмущающие действия других планет системы учтены.

— Мрачный у тебя юмор,— засмеялся Свен.— Страус ты, вот ты кто.

Все экраны засияли розовым — Страус улыбался.

— Покажи нам это,— попросил Николай.

— Моделирую.

На правом экране засиял красноватый Эниф.

— Да, к этому времени он немного постареет и его излучение в видимой вами части спектра станет более красным,— подтвердил Страус.— Вам в реальном времени или в замедленном?

— Давай в реальном.

Справа от Энифа и очень близко от него выплыла раскаленная добела точка, она двигалась уже в короне звезды.

— Через двадцать секунд нырнет,— сообщил Страус.

Точка исчезла в огненно-красном аду. Несколько секунд ничего не происходило, но вот в том месте, где скрылся полурасплавленный сгусток материи, вспучился гигантский белый пузырь, который, лопнув, выбросил в пространство тысячекилометровые языки протуберанцев. По красноватой поверхности побежали ярко-голубые разводы. Казалось, шар разваливается на тысячи кусков, но он неожиданно вспух, мгновенно весь побелел, и стал с катастрофической быстротой увеличиваться, расцветая на черном небе невероятным спящим цветком. Экран погас.

— Звезда с массой Энифа закончила бы свою эволюцию коллапсом, но столкновение с планетой нарушит равновесие и приведет к взрыву, который выбросит внешнюю оболочку светила далеко за его пределы, а центральную зону превратит в белого карлика. Оболочка сформируется в кольцевую планетарную туманность. Вот полюбуйте, как она будет выглядеть через тысячу лет после взрыва с расстояния в пять парсеков.

На экране возникло огромное, несколько расплывчатое и бледно светящееся кольцо с яркой белой точкой в середине.

— Благодарим,— серьезно сказал Николай.— А сколько нам еще добираться до второй?

— До выхода на околопланетную орбиту один час, двенадцать минут и три секунды, простите, одиннадцать минут, пятьдесят восемь секунд, пятьдесят семь, пятьдесят шесть...

— Ну, ты считай, а мы пошли,— сказал Свен.

— Валяйте,— разрешил Страус,— а я пока понаблюдаю дальнейшую эволюцию образованной мной туманности и самого Энифа. Это довольно увлекательно,— добавил он и замолчал.

— И где это ты нахватался подобных выражений?— спросил Свен.

— Свенсон-сан не раз выражался подобным образом, о непедагогичности чего неоднократно уведомлял его Тода-сан,— съязвил Страус.— И «уходя — уходи», говорили древние, так последуйте их мудрому совету.— Экраны светились мягким розовым светом.

Улыбнувшись в ответ, Свен вышел из рубки.

— Умник,— сказал напоследок Николай.

— От умника слышу,— без промедления ответил умник.

Николай безнадежно махнул рукой и отправился вслед за Свеном.

Как только он вошел в кают-компанию, вездесущий Страус тут же подал голос:

— Ну что, будете смотреть дальше?

— А как твоя туманность?

— Эволюционирует потихоньку. Включаю продолжение.

Теперь экраны крупным планом показывали планету. Редкие белые скопления облаков почти не закрывали ее лица. Как и на земле, большую часть поверхности занимали океаны, среди которых небольшими группами или в одиночку были разбросаны острова. Но вот из-за горизонта планеты стал медленно выплывать материк, над которым все выше и выше поднимался гигантский шар. Вся его поверхность была разделена на множество треугольников. Когда материк с шаром оказался прямо под ними, движение прекратилось, и они смогли внимательно рассмотреть это циклопическое сооружение. Диаметр шара был не менее ста километров. Полукольцом его охватывал почти незаметный голубоватый воротник. С двух сторон из-под шара устремлялись под углом вверх тонкие дуги, по четыре с каждой стороны. Создавалось впечатление, что две огромные руки со слегка намеченными контурами пальцев держат этот шар в ладонях. Все сооружение как бы парило надступенчато уходящими вниз платформами с неправильными, волнообразными краями, имеющими более темный голубой цвет по сравнению с самими платформами. Они походили на гигантские голубые цветы с лепестками неодинаковой длины, уложенные один на другой. Причем строго и несколько увеличенно нижние повторяли очертания верхних.

— Колоссально!— прошептал Свен.— Какого же уровня должна достигнуть цивилизация, чтобы построить нечто подобное?!

— Страус, ты проверил, есть ли еще корабли?

— Нет ни одного.

— Как увязать то, что мы видим, с одним-единственным кораблем-автоматом? Ведь если не считать его, планетная система Энифа девственно-пуста, а цивилизация такого уровня не только давно должна была освоить ее, но и выйти в Дальний Космос.

Такое молча подбрасывал на ладони маленький окатыш яшмы. Он всегда брал с собой в полет кусочек Земли, какой-нибудь камешек, найденный незадолго до старта. И имел обыкновение крутить его в руках, когда о чем-то задумывался. Он вертел этот камешек, перебрисывал его из руки в руку и думал о том, что его предложение о базе рассыпалось в прах. «Чего и следовало ожидать». Цивилизация на Айси, а теперь уже никто не сомневался, что это действительно название планеты, очень высокого уровня,— и тут же с грустью добавил: б ы л а. Но что может уничтожить цивилизацию, настолько обогнавшую Землю? А в том, что планета уже необитаема, он тоже не сомневался.

Действие на экране тем временем развивалось своим чередом. Теперь они смотрели на шар как бы снизу, и на первый взгляд казалось, что это гигантское сооружение действительно висит в воздухе. Только внимательно присмотревшись, можно было различить четыре тонкие, почти прозрачные колонны, держащие его. Трудно даже представить себе прочность материала, из которого они изготовлены. А перед ними уже раскинулся город — Город, вероятно, с большой буквы, единственный, как сообщил Страус, на всю планету. Это был поистине мегаполис, он располагался у основания шара, ступенчатыми лепестками расходясь в стороны.

Экран погас, и Страус доложил, что «Орион» подходит ко второй планете системы Энифа и до выхода на орбиту осталось пятнадцать минут. Все трое молча направились в центральную рубку управления.

— Ты прав, Ник,— наконец нарушил молчание Свен.— Цивилизация, способная построить нечто подобное, давно должна была освоить по крайней мере собственную планетную систему, а мы находимся здесь уже несколько часов, и до сих пор не встретили ни одного искусственного спутника, не считая того корабля. Ведь должны же остаться еще какие-то следы!

— Положим, тот корабль сам по себе является загадкой,— задумчиво сказал Та-кэо.— И не последней,— добавил он, чуть помолчав.

Они вошли в рубку. «Орион» проходил над освещенной Энифом стороной планеты.

— Даю увеличение,— прозвучал голос Страуса.

Под ними расстилалась безжизненная раскаленная пустыня, вся изрезанная трещинами, в которых вязко булькала расплавленная магма. Редкие, разогретые до малинового свечения и оплавленные скалы окрашивали однообразие мертвого пейзажа.

— Атмосфера отсутствует,— опять подал голос Страус.— Ось собственного вращения планеты почти перпендикулярна плоскости орбиты. Один оборот вокруг собственной оси она совершает за сто двадцать одни земные сутки. То, что творится под солнцем, вы видите, а на теневой стороне восемнадцать градусов Кельвина. Для вас ничего интересного, для меня — тоже,— закончил он.

— Так чего ради ты нас сюда вытащил? — Голос Николая не предвещал ничего хорошего, но все, в том числе и Страус, понимали шутливость подобной строгости.

— Порядок прежде всего!

Николай обреченно махнул рукой.

— Ну что ж, запомни все необходимое — и вперед,— подвел итог Свен,— а мы пойдем досатривать запись.

Город представлял собой весьма впечатляющее зрелище. Расположенный на восьми уровнях, он, по-видимому, на каждом из них повторял один из климатических поясов планеты. Первой им показали самую верхнюю ступень. Стена, казавшаяся с большой высоты отвесной, на самом деле опускалась под семидесятиградусным углом. Прямо от ее основания вдаль уходила равнина, покрытая высокой, колышущей ветром травой. Из-за горизонта, который являлся на самом деле краем следующего уровня, поднимался Эниф. Они как бы медленно плыли над утренней айсианской степью, по зеленому фону которой были беспорядочно, словно осколки неба, разбросаны ярко-голубые пятна озер.

На втором этаже этого странного Города степь была уже иной. Холмистая и по всей поверхности украшенная негустыми рощами и одиноко растущими деревьями, не очень высокими, но имеющими широкую, разветвленную и почти плоскую сверху крону.

Третий уровень оказался бескрайним морем лесов. На горизонте поднимались горы. Но на четвертом уровне продолжалось царство леса, только деревья в нем теперь были иными. Камера окунула их в самую чашу, но, вопреки ожиданиям, там было довольно просторно. Стройные, гладкие, светло-серые стволы на высоте пятнадцати-двадцати метров расходились тремя мощными ветками, каждая из которых в дальнейшем также делилась на три. Круглые, метровые, ярко-зеленые листья величаво раскачивались на крепких, толщиной в палец, черешках. Земля под деревьями была устлана толстым, плотно слежавшимся ковром опавшей листвы, сквозь который с явным трудом пробивались редкие, бледные и слабые стрелочки травы. Густая крона деревьев оставляла ей слишком мало света. В лесу царил вечный полумрак. Печальное желтовато-коричневое однообразие скрашивали шары самых фантастических расцветок, от густо-черного — через весь спектр цветов — до целомудренно-белого. Они сидели там и сям, группами и в одиночку. Самые большие из них имели размер футбольного мяча и, как правило, были темны, но вокруг них, россыпью ярких разноцветных горошин, теснились стайки мелочи.

Изображение пропало, и Страус заявил, что «Орион» на подходе к третьей планете.

— Почему ты все время выключаешь изображение? — уже не на шутку возмутился Николай. — Мог бы выйти на орбиту и крутиться на здоровье, а нам дать досмотреть.

Страус вполне резонно возразил, что окончательное решение об осмотре и изучении планеты принимают люди, а в его обязанности входит своевременно информировать их о необходимости принятия этого решения, чем он, собственно, в настоящий момент и занимается.

Эти регулярные, как восход солнца, шуточные перебранки между Ником и его подопечным всегда вызывали у Свена улыбку.

— Ну, положим, в настоящий момент ты занимаешься словоблудием, — вставил он.

— Словоблудие не словоблудие, а планета эта для вас будет гораздо интереснее предыдущих, и посему — поспешите в рубку, досмотреть еще успеете.

Третья планета системы Энифа была укутана покрывалом облаков.

— Большая часть поверхности покрыта водой, — сообщил Страус. — Имеется три материка, расположенных цепочкой вдоль экватора. Природа здесь только-только вошла во вкус Эксперимента. Вот полюбуйтесть.

На центральном экране рубки появилось сплошное зеленое море.

— Мы сейчас проходим над средним материком, под нами тропические джунгли — и жизнь там, я вам доложу... Советую ознакомиться ближе, — официально закончил Страус.

Материк медленно уплывал из поля зрения, уступая место океану с рассыпанными по нему маленькими прибрежными островами.

— Боюсь, здесь нам придется немного задержаться, — сказал Свен. — Мы должны хоть в общих чертах ознакомиться с планетой. Подготовь кибер, — обратился он к Страусу.

— Давно готов, ждем только вашего ценного указания, — как всегда, съязвил тот.

Через десять минут после выхода «Ориона» на орбиту от него отделилась маленькая блестящая капля и, все ускоряя движение, по касательной стала падать на планету. Они наблюдали за ней, пока та не скрылась в облаках. Тотчас засветился правый экран, но на нем был виден лишь пронсящийся мимо молочно-белый туман.

— Толщина облачного покрова пять километров, — доложил кибер, — я сейчас из него выберусь.

Сплошная пелена поредела, и сквозь легкую дымку уже хорошо просматривалась бескрайняя голубая гладь океана.

— Нахожусь на высоте шести тысяч метров над уровнем моря, иду вдоль экватора. Детальный состав атмосферы пошел вторым каналом в память «Ориона», вам могу сообщить, что здешний воздух не пригоден для дыхания. Слишком высок процент содержания углекислого газа и практически полное отсутствие кислорода.

Над горизонтом, как далекое облако, возникла тонкая полоска берега. Через пять минут первый материк уже занимал половину экрана. Движение замедлилось.

— Картографирование проведу при возвращении. Разрешите снижаться?

— Валяй,— разрешил Свен и хмыкнул, увидев порозовевшие экраны.

Материк как бы упал на них, мгновенно наполнив весь экран, и остановился. Кибер висел теперь на высоте ста метров. Под ним расстилались непроходимые темно-зеленые заросли, очень мало напоминающие лес в земном смысле слова. Здешние растения почти все не имели стволов. Одни, прямо из гигантских пятиметровых луковиц, наполовину утонувших в гнилой болотистой почве, поднимали вверх длинные кожистые листья. Плотные и широкие, как тротуар, зачем-то поставленный вертикально. Другие имели несомненное сходство со свернувшимся ежом. Только создатель его, видимо, был не совсем здоров, сотворив его размером с небольшой домик и к тому же выкрасив в ядовито-зеленый цвет. И это кошмарное создание щетинилось во все стороны громадным количеством толстых острых игл. Были растения, напоминающие невероятно огромную земную капусту, только из середины этого рыхлого кочана поднимался вверх на высоту трехэтажного дома толстый, коричневато-зеленый стебель, вершину которого украшал огромных размеров трехлепестковый кроваво-красный цветок. Все это многообразие гигантских форм было переплетено бесконечно длинными зеленопятнистыми змеями выющихся растений.

Заросли кишели самыми невероятными представителями фауны и хищной флоры. Вот прямо у них перед глазами существо, напоминающее восьминогого комара с двумя парами одинаковых по длине крыльев, оказывается в пасти небольшого круглоголового дракончика. Тот, в предвкушении приятного обеда, усаживается на торчащий почти горизонтально и уже побуревший обломок увядшего стебля, но только успевает свернуть свои длинные кожанные крылья и перехватить добычу короткими, уродливыми, торчащими прямо у зубастой пасти лапками, как ближайший цветок резко падает вниз, накрывая размечтавшегося об обеде хищника. Лепестки схлопываются, и стебель медленно выпрямляется, поднимая на прежнюю высоту закрытый дергающийся бутон.

И так везде. Кто-то непрерывно за кем-то охотится и сам в свою очередь неожиданно становится жертвой. Бесконечные маленькие трагедии необузданного дикого мира.

Буйные зеленые заросли медленно проплывают на экране.

Впереди расстилается мрачная черная топь. Над ней висят вечные свинцово-серые облака испарений. Кажется, что они даже ощущают затхлый, сырой воздух. Из неподвижной, маслянистой воды довольно далеко друг от друга торчат короткие толстые стебли, увенчанные голубовато-белыми, напоминающими кувшинку, цветами. Только размеры здешних кувшинок во много раз превышают земные.

А болото уже под ними. Они как бы плывут в десяти метрах над его поверхностью. Неожиданно впереди, прямо из прогнившей воды, выплывает ярко светящийся желтый шар. От него вниз тянется тоненький, как ниточка, стебелек. Кибер медленно приближается к этому фонарику, но когда до него остается не более пяти метров...

— Это приманка! Чувствую мощный поток жесткого излучения, живое существо вряд ли его выдержит. Вот хищник нападает.

Резкий бросок вверх — и все видят, как сзади жирная болотная жижа вдруг приходит в движение и из нее взрывается вверх длинное черное глянцево-блестящее тело с гигантской ложкой-пастью на конце. Ложка-пасть описывает десятиметровую дугу и, подняв веер брызг, шлепается обратно в болото. Шар-приманка тускнеет и быстро исчезает в воде. И все вокруг опять тихо и спокойно, и лишь расходящиеся по воде ленивые круги волн напоминают о неудавшемся нападении.

Снова медленное снижение.

— Пролети поближе к цветку,— попросил Такэо.

Когда до цветка оставалось не более восьми метров, прямо им в лицо метнулась разинутая голубая пасть. Все инстинктивно отшатнулись, но экраны уже были темными. Даже реакции автомата не хватило на то, чтобы успеть увернуться.

— Оно меня проглотило,— бодро доложил кибер,— сейчас пытается переварить. Я понял, как оно работает: стебель только кажется толстым, на самом деле он свернут в спираль и в нужный момент растение выстреливает цветком навстречу жертве. Оно сняло меня на высоте шести метров, но это для них не предел. Анализирую состав сока. Глупое, оно не понимает, что я несъедобен. Да, простите, вы же ничего не видите, перевожу ваш экран на инфракрасное зрение.

Экран порозовел. Кибер плавал в прозрачном, густом, тяжело булькающем сиропе. Закрывшиеся лепестки нависали сверху плотным, не пропускающим ни лучика света, сводом; внизу, на дне чаши, жадно шевелились метровые ворсинки, с нетерпением ожидая разложения добычи.

— Хватит,— первым не выдержал Николай,— заканчивай анализы и побыстрее выбирайся оттуда.

— У меня все готово,— последовал спокойный ответ,— ждал, пока вы налюбуетесь.

Он включил излучатель, и сразу плотный, казавшийся монолитным свод дрогнул и обмяк. Один из лепестков тяжело откинулся назад, открывая выход.

Сверху цветок выглядел теперь не очень привлекательно. Лепестки сморщились и потемнели, но все, кроме одного, были по-прежнему крепко сжаты. А этот один безжизненно повис, и в образовавшееся отверстие вытекал и тяжелыми каплями падал в грязь густой розовый сок.

— С местной флорой и фауной мы теперь в общих чертах знакомы,— подвел итог Свен,— сюда нужна большая и серьезная экспедиция космобиологов. Проводи картографирование и возвращайся на борт.

Они молча направились в кают-компанию заканчивать просмотр. А перед глазами все еще стоял поверженный хищник, полуживотное-полурастение, жуткий результат эволюции чужого мира.

Как только они вошли в кают-компанию, раздался взволнованный голос Страуса:

— Есть кое-что интересное на втором материке. Вы вернетесь в рубку или дать изображение сюда?

— Посмотрим здесь,— сказал Свен.

— Нам надоело снова челноком между рубкой и кают-компанией,— добавил Николай.

Страус промолчал.

На экране появилась бескрайняя желтая пустыня с чернеющими на горизонте развалинами. Вскоре люди убедились, что это действительно полусасыпанные песком руины, и только в самой середине сохранился целым трехметровый купол, сделанный из какого-то голубоватого и, судя по состоянию остальных развалин, невероятно прочного материала. Кибер медленно проплывал над почерневшими и, казалось, обугленными безжалостным солнцем остатками строений. Но вот прямо под ними оказался купол, и все увидели, что на его вершине изображена система Энифа, а третья и четвертая планеты соединены стрелочками.

— Вот тебе и первые следы освоения ближнего космоса,— пробормотал Свен,— только состояние этих следов уж больно плачевное.

И, словно в подтверждение, Страус сообщил:

— Развалинам более семидесяти миллионов лет.

Николай присвистнул. Такая огромная разница между возрастом корабля, встретившего их, и развалинами ужасала. Трудно было представить возможности цивилизации, возраст которой исчисляется десятками миллионов лет.

— Может, оставим просмотр на завтра? — высказал общее мнение Николай.— По-моему, на сегодня впечатлений больше чем достаточно.

ГЛАВА 3

Не успели они проснуться, как Страус доложил, что он уже три часа кружится вокруг четвертой планеты, и добавил ворчливым тоном, что они могли бы и пошевелиться.

— Есть что-нибудь новенькое? — спросил Николай.

— Планета молчит,— с грустью ответил Страус.— Судя по всему, на ней нет ни единой живой души. Я имею в виду — разумной живой души,— поправился он.— А всяких неразумных живых тварей здесь хоть отбавляй.

— Время у нас есть,— сказал Такэо,— поэтому я предлагаю не торопиться. Сначала досмотрим то, что нам показывали на корабле, а потом решим — как и в какой последовательности будем знакомиться с обстановкой на сегодня. Нам ведь...

— Ваш кофе готов,— перебил его Страус.

— Что за невозможная манера перебивать говорящего! — возмутился Николай.

Страус промолчал, а Такэо продолжил как ни в чем не бывало:

— ...необходимо знать, что изменилось там за последние несколько сотен лет, а для этого мы должны увидеть все, что нам собирались показать исчезнувшие обитатели планеты. А пока мы пьем кофе — Страус-сан, надеюсь, расскажет нам что-нибудь интересное, он ведь наверняка приберег кое-что на десерт.

Экраны центральной рубки управления наверняка засияли розовым.

— Кофе я сварил сегодня покрепче,— сообщил Страус,— именно такой, какой любит Тода-сан. И вообще, денек вам сегодня, по-моему, предстоит тяжелый. Идите пить кофе, пока не остыл.

Как только они собрались в маленьком корабельном камбузе, Страус начал излагать нынешнее положение дел на планете, точнее — свой взгляд на него.

— В древней песне поется,— издали начал он,— «нам сверху видно все, ты так и знай», мне же сверху видно несомненно много, однако далеко не все.

— Короче,— попросил Николай.

— Что за невозможная манера перебивать говорящего,— произнес Страус голосом Николая и продолжил уже своим, но все в том же духе: — Я, например, не вижу, да и, вероятно, не могу увидеть, куда делось население Города, но то, что в настоящее время там нет ни одного живого существа, которое могло бы претендовать на звание разумного, а сама планета находится в весьма удручающем состоянии,— я разглядел хорошо. И судя по всему, она не имеет хозяев уже довольно давно. И самое замечательное: несмотря на полную дикость планеты в целом, одно место на ней по-прежнему находится в идеальном порядке. Это место — Город, который вы видели. Я чувствую, что вы взмокли от нетерпения. Хорошо, уговорили, постараюсь быть кратким. В отличие от вас, я все уже просмотрел до конца, еще когда вы транслировали это с корабля. Вокруг Города на сотни километров простиралась сельскохозяйственная зона, тщательно распланированная и заботливо обрабатываемая. Дальше шла производственная зона. Обслуживание их было полностью автоматизировано. Показывали, правда, довольно кратко, но я нигде в этих местах не увидел ни одного живого существа. Только машины, которые обрабатывали все это хозяйство, снабжали Город всем необходимым и, кроме того, сами себя контролировали, воссоздавали и совершенствовали.

— А сейчас? — вырвалось у Николая.

— А сейчас все пространство вокруг Города заросло дичайшим лесом. От зданий промышленной зоны остались одни развалины. Мертвые руины, там и сям поднимающиеся над девственным лесом и оплетенные дикими ползучими растениями. Печальная картина, доложу я вам. Кроме того, я заметил десяток зон повышенной гравитации. Не думаю, что это осталось от бывших хозяев планеты. В этих местах деревья, везде довольно высокие, буквально стелются по земле, а руины выглядят особенно плачевно. Создается впечатление, что их довольно долго прессовали. Но вы это и сами увидите. Зато Город ничуть не изменился. Те же уровни, те же климатические зоны на каждом из них, кругом чистота и порядок. Но в отличие от того, что вы видели, это чистота и порядок мертвого города. Впрочем, кофе вы уже выпили, можете прийти ко мне в рубку и полюбоваться сами, мы как раз пролетаем над Городом.

— Нет. Мы пойдем твоим путем,— сказал Свен,— сначала досмотрим все до конца, а потом будем знакомиться с планетой.

Во всем, что Такэо видел на экране, он пытался найти зерно, хоть какой-то намек на решение вставшей перед ними загадки. А Свену было просто грустно. Грустно видеть на экране жизнь и одновременно сознавать, что ее уже нет. Что больше не кружат над Городом полупрозрачные разноцветные шары, в которых хорошо видны силуэты его обитателей. Что никто больше не прогуливается по степи, не любит восходами и закатами Энифа, не живет, не дышит, не любит.

Впрочем, на два обстоятельства обратили внимание все. Ни на одном лице, множество которых промелькнуло перед ними, они не увидели улыбки. Ни одного смеющегося айсианина. Строгие, серьезные лица и холодный, ничего не выражающий взгляд. Не меньше удивило их и то, что они нигде не увидели детей и стариков, казалось — все айсиане одного возраста.

— Пойдемте обедать,— предложил Свен, когда просмотр закончился.

— Страус сказал, что на планете вполне пригодный для дыхания воздух.— Николай внимательно посмотрел на Свена и Такэо.— Никаких вредных излучений и в пределах Города ни одного микроорганизма. Город стерилен, чего не скажешь об окружающих его зарослях. Предлагаю после обеда отправиться вниз.

— А я думаю, что лететь должен я один,— тихо возразил Такэо,— уж слишком там безопасно, чтобы рисковать сразу всем экипажем.

— Так уж и рисковать. Повторяю: Город абсолютно стерилен.

— Вот именно поэтому я и считаю, что лететь надо одному.

— Я согласен с Такэо, не надо торопить события, как говорили наши мудрые предки: спешка нужна при ловле блох. Хотя я до сих пор не пойму, как они вообще умудрялись поймать этих шустрых насекомых. Я думаю, Такэо за сутки определится и тогда мы присоединимся к нему.

— Готовить посадочную капсулу? — спросил Страус.

— Давай, если обед готов.

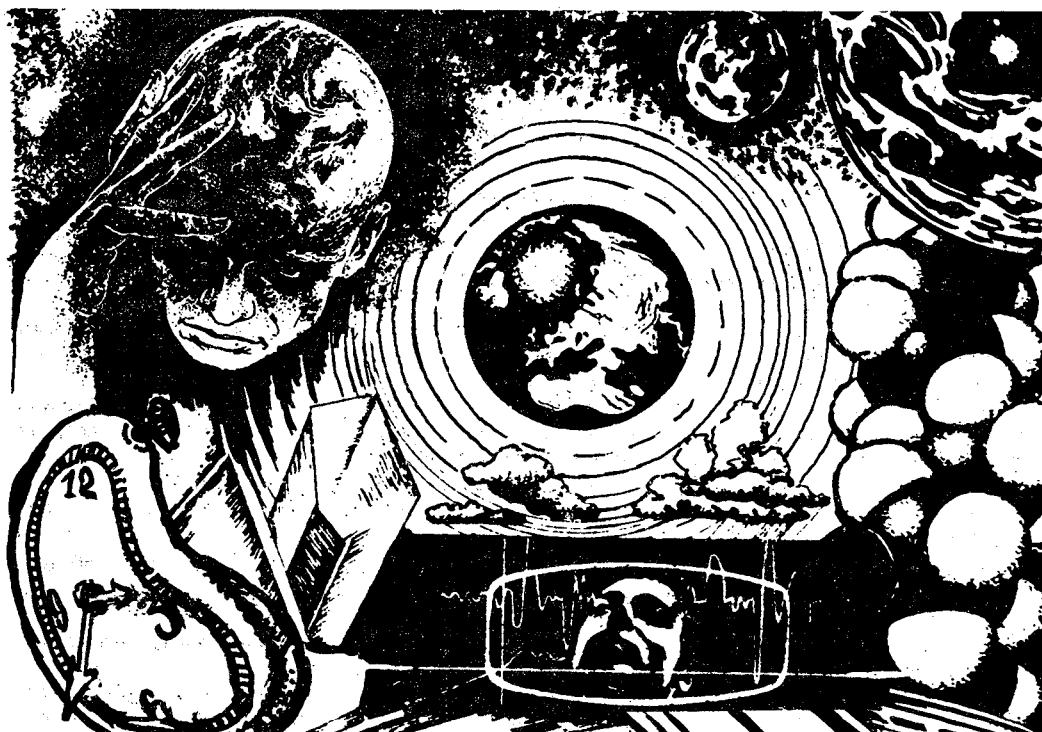
— Обед на столе, капсула будет готова через двадцать минут.— Страус был как никогда серьезен.

ГЛАВА 4

Посадочная капсула с Такэо на борту, сделав один сужающийся по спирали виток вокруг планеты, совершила посадку в первом, самом верхнем уровне Города.

Такэо очень не нравилась эта абсолютная безопасность. Хоть бы какой-то намек на

причину исчезновения жителей планеты. Ничего. Все тихо, мирно, спокойно. Это и вызвало опасения. В истории освоения Галактики так и осталась загадкой гибель экипажа «Альгаира». Среди восемнадцати планет Канопуса, альфы Киля, ими была обнаружена планета земного типа. Горы, леса, озера, чистый воздух, прекрасная ключевая вода и абсолютное отсутствие фауны. Было получено только одно сообщение, в котором на все лады воспевались достоинства планеты, и экспедиция замолчала. Через две недели к Канопусу был послан спасательный корабль. Спасать было некого: обнаружили три трупа. Причины смерти установить не удалось. Бортовой журнал корабля заканчивался словами: «Не снимайте скафандры...» И все. Самые тщательные анализы не дали никаких результатов. Полное отсутствие каких-либо вредных газов, примесей, излучений и микроорганизмов. Абсолютная, как и здесь, стерильность. Только все животные, привезенные на планету, через пять часов вдруг становились вялыми и спустя несколько минут умирали. У них безо всяких видимых причин останавливалось сердце. На планете оставили кибера и покинули ее.

Потому-то и не нравилась здешняя стерильность Такэо. Но, понимая, что через сутки Николай настоит на высадке, Такэо решил пойти ва-банк. Показавшись друзьям в скафандре высокой защиты — что Николай встретил ироничным «хм», имея в виду, что дважды в одну точку метеорит не падает, — он улыбнулся им и, выйдя из посадочной капсулы, снял шлем. Ведь теперь Свен с Николаем могли наблюдать прекрасную круговую панораму благодаря дюжине «глаз» на скафандре, но не видели его самого.

Худощавый, невысокий Такэо одиноко стоял среди колышущегося изумрудно-зеленого моря травы, доходящей ему почти до пояса. Легкий ветерок, пахнущий степью, лишь слегка шевелил его коротко стриженные, удивительно мягкие волосы. Глаза задумчиво глядели вдаль, туда, где над мнимым горизонтом поднимались далекие голубые горы пятого уровня. За его спиной круто уходила вверх стометровая наклонная стена, за которой, по всей видимости, находились жилые помещения исчезающих айсиан. Вечерело. И Эниф, опускаясь, очень близко подошел к гигантскому, закрывающему полнеба, шару.

«Странно», — Такэо повертел головой и убедился, что никакой тени шар не отбрасывает, хотя свою собственную, вытянувшуюся на несколько метров, тень он видел прекрасно.

— Очень странно, — повторил он вслух и медленно пошел вправо, желая попасть в то место, где Эниф, по его расчетам, должен был скрыться за шаром.

— Что у тебя там странно? — совсем рядом раздался голос Свена. Такэо промолчал.

Едва слепящий оранжевый диск коснулся шара, как с другой стороны его брызнул

яркий луч. И, двигаясь дальше, Такэо убедился, что Эниф, заходя за это гигантское сооружение, тут же выходит из-за него, поэтому и нет тени.

— Уже не странно, а просто удивительно,— ответил Такэо.— Вокруг шара свернуто пространство, а я-то ломал себе голову, как они могли жить, закрывая для себя полнеба. А Земля до сих пор молчит?

— Минут пять назад запросила, нужна ли нам помощь, я сказал, что пока справляемся, а с расшифровкой их сообщения дело продвигается туго.

— Да, пока справляемся сами,— задумчиво повторил Такэо.— Ну я пойду, попробую попасть в Город.

— Счастливо.

Как только Такэо на метр приблизился к стене, часть ее исчезла, открывая вход.

— Меня осторожно приглашают посетить Город.

— Будь осторожен,— напутствовал Свен.

— Не думаю, чтобы меня ждали там неприятности, да и потом — ты ведь знаешь, что я в таких случаях всегда предельно осторожен.

Свен молча и напряженно сопел над ухом.

Справа и слева от входа клубился светящийся туман. Дальше он, постепенно угасая, превращался в непроницаемо-черную тьму. Три шага вперед — и сопение над ухом внезапно оборвалось. Наступила глухая, вязкая тишина. Такэо обернулся: там, где он только что вошел, теперь колыхалась пелена этого молочно-белого, странно светящегося тумана.

Пробормотав нечто нечленораздельное, он вернулся. Светящаяся дымка заколыхалась, отступая, и скрытая за ней часть гладкой вертикальной поверхности как бы растворилась, открывая выход на равнину.

По ушам ударил громоподобный бас Свена:

— ... случилось, Та?

Такэо даже поморщился от столь мощного звукового контраста. Свен глубоко вдохнул и произнес уже на полтона тише:

— Почему ты исчез? Все экраны погасли.

— Все в порядке, Свен, когда я вошел, дверь закрылась и связь оборвалась, но как только я вернулся, меня сразу выпустили. Не волнуйтесь, я исчезну на полчаса, не больше, поскучайте немного без меня. Договорились?

— Может, чуть подождешь и пойдем вместе?— спросил Николай.

— Не стоит, да и Свену будет одному слишком скучно. А мне скучать не придется. Все в порядке, ребята, я пошел.

И, не дожидаясь ответа, он отступил от входа, опять обрывая связь с кораблем. Теперь он заметил, что, когда дверь затягивалась, а она именно затягивалась, темнее не становилось.

Такэо немного постоял в задумчивости и, мысленно подбросив монету — в какую сторону идти, повернул направо.

Странный туман, на мгновение сгустившись со всех сторон, отступил и исчез вовсе. А он, слегка обалдевший, остался стоять в самой середине широкой, длинной галереи. Именно в середине. И никакого намека на самосветящуюся дымку или непроницаемо-черную мглу.

«И где теперь выход? Ладно, придет время — и выйдем».

В полусотне метров впереди и сзади галерея кончалась тупиками, а справа... Справа, буквально в нескольких шагах от него, колыхалась трава, дул легкий ветерок, пахло степью и в трехстах метрах уверенно стоял на трех опорах шар посадочной капсулы «Ориона». Такэо даже попытался позвать Свена, но сообразил, что по-прежнему экранирован, а перед ним на удивление прозрачная стена.

Он приблизился к ней и увидел, что идеальная прозрачность помутнела, задерживаясь молочно-белой пеленой.

— Ну вот,— пробормотал он,— ты спрашивал — где выход, а он где угодно. Вероятно так же, как и вход, иначе — чем объяснить, что я сразу в него попал.

Такэо отступил назад, и опять ничего не мешало любоваться открытой степью.

Перед ним было нечто похожее на защитный экран, но с весьма сложными свойствами. И какой бездной энергии должны были обладать айсиане, если могли позволить себе пользоваться такими гигантскими по площади экранами.

— И ведь они действуют до сих пор!— ужаснулся он, медленно идя по этой странной прогулочной галерее. Слева, вдоль нее, тянулась глухая стена. Он решил пока не приближаться к ней, а пройти по галерее до конца.

— Не может там быть просто тупик,— сказал он сам себе и оказался прав.

В стене, едва он к ней приблизился, тут же образовалась дверь. Пройдя ее, Такэо обернулся, наблюдая, как она затягивается, а когда глянул направо, был ошеломлен до предела. За стеной уже и не пахло степью, там он увидел залитый вечерним светом Энифа золотой песок пляжа, на который лениво накатывались, рассыпаясь брызгами

пены, огромные сине-зеленые волны. Он с трудом верил в то, что находится уже на восьмом, самом нижнем уровне Города.

— Что ж, теперь надо попробовать выйти здесь,— решил он, поворачивая прямо к пляжу. И, быстро миновав бело-светящуюся пелену тумана, уже шел по нему, давя тяжелыми башмаками скафандра причудливые золотистые раковины.

— Послушай, Та, как ты там оказался?— тотчас услышал он удивленный голос Свена.— Ты ведь сейчас в ста шестидесяти километрах от места посадки, на самом нижнем уровне Города. У них что там, сверхскоростные лифты?

— Я догадался, где нахожусь,— улыбнулся Такэо,— но ты мыслишь на моем уровне, а это примитив. Просто они делали с пространством все, что хотели. Я оказался здесь, пройдя всего один шаг — дверь в стене.

— Дальше в лес — больше дров,— высказался Николай.— Но если они такие всемогущие, почему же они вымерли?

— А кто тебе сказал, что они вымерли? Их нет — это так. Где они — вопрос. Но «вымерли» — это слишком. Кстати, вы обратили внимание, что Эниф все еще довольно высоко над горизонтом? А ведь я опустился на восемьсот метров вниз. Еще один фокус с пространством. Эниф, вероятно, заходит для всех уровней одновременно. Но для меня пока достаточно, я возвращаюсь, не скучайте.

Уверенно войдя в Город и уже не оглядываясь, он сразу повернул налево, быстро прошел галерею с пляжем, отметив про себя, что, как и в первый раз, оказался в ее середине и, миновав туманную дверь, вышел на галерею верхнего уровня, а оттуда напрямик в степь.

— На первый раз достаточно,— сказал он себе и направился к капсуле, где его уже дожидался горячий обед. А проголодался он почему-то не на шутку.

Пообедав, Такэо решил немного отдохнуть, и неожиданно для себя задремал. Вероятно, сказалось нервное напряжение последнего часа, но сон не принес отдыха. Он был короток и беспокоен. Ему приснилось множество айсиан, медленно проходящих перед ним и как бы в знак прощания поднимающих правые руки. Их лица ничего не выражали, глаза были холодны и безучастны. Они проходили перед ним и исчезали в оранжевом мареве. Он знал, что они уходят в никуда.

Проснувшись, он еще долго не мог избавиться от чувства холодной и непоколебимой уверенности в правильно выбранном пути, исходившей от айсиан. Он понимал, что видел во сне последний шаг их цивилизации, но чем обусловлен этот шаг и что значит «в никуда»? Он не знал, хотя был уверен в том, что во сне это было ему совершенно ясно.

Эта нереальная реальность снов, когда, проснувшись, вспоминаешь только жалкие кусочки такого красочного и цельного, но, увы, неповторимого... Когда чувствуешь, что что-то самое главное находится рядом, здесь, но никак не дается, ускользает, да так навсегда и теряется в хлопотах наступившего дня.

Задумавшись, он еще долго лежал, не открывая глаз, и на «Орионе» думали, что он спит. Неожиданно он вскочил и мельком глянул на время — прошло два с половиной часа.

— Ты чего?— удивленно спросил Николай.

— Ничего, ничего,— улыбнулся Такэо.— Просто решил, что уже залежался.

И он стал влезать в скафандр.

— Может, все-таки подлететь к тебе?

— Не спеши,— опять улыбнулся он,— завтра вы присоединитесь ко мне, а пока я уж как-нибудь сам.— И, закрыв защитное стекло шлема, он направился к выходу.

— Не скучайте без меня, я на этот раз пропаду на час-полтора. Попробую немного углубиться в Город.

Это он говорил, уже выйдя из капсулы и сняв шлем.

Как и в первый раз, Город гостеприимно впустил его и, закрыв вход, оборвал связь с кораблем. Теперь он повернул налево и оказался на галерее второго уровня. Он уже начал привыкать к этим перемещениям в пространстве и, решив сейчас не покидать пределов Города, он подошел к глухой дальней стене галереи. Тут же часть стены растаяла, и Такэо, не задумываясь, вошел. Он оказался в довольно большом, мягко светящемся квадратном помещении, стены которого едва заметно пульсировали.

Подойдя к противоположной стене и заглянув в образовавшийся проход, он увидел длинную галерею, увешанную, как ему показалось, картинами.

— Это интересно,— пробормотал он,— заглянем сюда попозже.

И он подошел к правой стене. Перед ним, прямо от двери, тянулась вдаль та же галерея. Почувствовав неладное, он вернулся туда, откуда только что пришел, и почти не удивился, увидев то же самое. Теперь он был почти уверен, что и четвертая стена выведет его туда же. Так оно и оказалось.

«Хороши шуточки...» — подумал Такэо.

— Ну раз уж вы так настаиваете... — сказал он вслух и перешагнул порог.

Эта была действительно картинная галерея. Только картины в ней были несколько

необычны. Справа и слева от него, чуть-чуть не касаясь пола, висели в воздухе прекрасные объемные изображения мужчины и женщины. Как только он поравнялся с ними, мужчина справа, а женщина слева плавно повели руками, как бы приглашая продолжить осмотр, и Такэо почувствовал, как его наполняет спокойная уверенность, что здесь с ним ничего плохого не случится, и как только он увидит то, что ему хотят показать, он благополучно выберется из Города. Только одно продолжало его волновать — не затянулся бы осмотр. Ведь если он задержится и вовремя не выйдет на связь, друзья будут беспокоиться и, чего доброго, раньше времени опустятся на планету.

Но вскоре он забыл обо всем, настолько интересны были живые картины, мимо которых он проходил. Смысл первой из них он понял сразу и совершенно однозначно. На ней всю левую часть занимало изображение айсианина. Он стоял в спокойной, расслабленной позе, скрестив руки на груди, весь исполненный величавой независимости. В правом верхнем углу неподвижно застыла планетная система Энифа. Правый нижний угол был пуст.

Как только Такэо подошел к картине, она ожила. Черты айсианина обрели объемность, и ему на мгновение даже показалось, что напротив стоит реальное живое существо — настолько великолепно было качество изображения. Планеты справа двинулись в свой бесконечный путь вокруг Энифа. Едва Айси завершила первый оборот, в нижнем углу появилась единичка. То есть прошел один айсианский год. А планеты все быстрее и быстрее вращались вокруг центрального светила, и Такэо уже не успевал следить за изменением значков в правом нижнем углу картины. Система счисления у них, как и у землян, была десятичной.

Число внизу картины обзавелось пятым знаком. Точки планет уже давно слились в четыре концентрических эллипса.

Число стало шестизначным, а айсианин все так же спокойно стоял, скрестив руки на груди, и равнодушно смотрел прямо в глаза Такэо. По его спине пробежал холод: в числе появился седьмой знак — счет пошел на миллионы лет. И Такэо был почему-то уверен, что показывали не обобщенно всю цивилизацию айсиан в образе одного ее представителя, а одну живую и жившую такую бездну лет особь. Один айсианский год равен почти десяти земным, вспомнил он. В это время бег планет внезапно замедлился, и они так же неторопливо, как и вначале, двинулись по кругу. А на табло в правом углу неподвижно застыло семизначное число. Это означало, что прошло несколько десятков миллионов земных лет. Для человека это была почти вечность. А четвертая планета завершала очередной и, как понял Такэо, последний для разумной жизни оборот.

Как только она приблизилась к невидимой, но роковой черте, айсианин ожил, поднял руку в знакомом Такэо по сну прощальном жесте и шагнул в сторону. На его месте оказалась женщина. Она повторила движение мужчины и тоже сделала шаг. Опять мужчина...

И перед ошеломленным Такэо потянулся до боли знакомый нескончаемый строй айсиан, поднимающих правые руки в прощальном жесте. Они направлялись к Энифу и исчезали в слепящем пламени гигантской звезды.

«Что это, — думал Такэо, — аллегория или...»

Но в этот момент шар Энифа резко приблизился, Такэо даже показалось, что по лицу лизнули десятки плазменных языков и он погрузился в пылающие недра гиганта.

И он увидел. Увидел то, чего не ожидал никак. Внутри звезды была черная дыра. В нее и шагнул последний уходящий айсианин.

Опять перед глазами мелькнули пылающие недра Энифа и опять в кружении четырех планет засияла яркая звезда, но левая часть картины была пуста.

Дальше картины были не менее захватывающие, но в большинстве своем совершенно непонятные. Такэо и не старался их понять, все, что он видел, записывалось, и разбираться, что к чему, сейчас не входило в его задачу. Главным для него было увидеть как можно больше, а смотреть было чрезвычайно интересно, и едва замирала очередная картина, он переходил к следующей.

Во всем этом живом многообразии обязательно присутствовали две общие черточки, сразу бросающиеся в глаза. У всех в левом нижнем углу стояли числа, увеличивающиеся по мере продвижения его в глубь галереи и, вероятно, обозначающие годы происходящих на картинах событий. И второе: какая бы цифра ни стояла в левом нижнем углу, двух-, четырех- или семизначная, все живущие на картинах (а иного слова он не смог подобрать) айсиане были неизменно молоды и у всех был одинаково отсутствующий взгляд. Такэо понял — все, что он до сих пор видел, происходило на протяжении жизни одного поколения айсиан. Но это только добавляло лишний вопрос к стоящей перед ним загадке. Что было до них? Как жили и кто они, те, кому на смену пришло это последнее поколение?

Такэо не увидел этого. Галерея кончилась. И только теперь, когда все было осмотрено, он неожиданно ощутил слабость в ногах и острое, до судорог в животе, чувство

голода и, глянув на время, он пришел в ужас: с момента его входа в Город прошло больше двенадцати часов.

«Господи, да они же там с ума сходят,— подумал он, торопливо подходя к стене в конце галереи. Он буквально прыгнул в ее неуспешное образоваться отверстие выхода и с облегчением увидел, что находится на первом уровне прямо против одиноко стоящей посадочной капсулы — Значит, все еще сидят наверху. Ну и достанется же мне сейчас от Свена...»

Успокаивало одно — отсутствие вины. Ведь не осмотрев галерею, он просто не смог бы выйти из Города. Но это слабое оправдание не срабатывало, ведь он мог бы и поторопиться. На душе было беспокойно.

Вопреки ожидаемому разному, выйдя, он услышал горячий спор Николая со Свеном о достоинствах различных способов заварки кофе. Свен знал их множество и, как правило, время от времени менял, а Николай с упрямством фанатика отстаивал кофе по-турецки, предпочитая его всем остальным. Они так увлеклись, что не сразу заметили его появление на связи. Такэо это настолько удивило, что он глупо спросил:

— Который час, ребята?

— У тебя, что, часов нет?— вопросом на вопрос ответил Свен.— Тебя не было ровно час, вот и посчитай, если лень на свои глянуть.

Он был явно раздражен упрямством Николая, не желающего даже вдуматься в его доводы, но тут же виновато пробормотал:

— Прости, что нового?

— Расскажу потом, я почему-то чертовски устал.

— Странно,— усмехнулся Николай,— вроде крепкий парень, а за какой-то час чертовски устал.

— Да. И к тому же голоден,— добавил Такэо и неторопливо побрел к капсуле.

ГЛАВА 5

— Ну и здоров мужик!— восхищенно сказал Николай проснувшемуся Такэо.— После часовой прогулки проспять десять часов — это, знаешь... Из тебя что там, веревки вили?

— Нет, Ник, просто «гулял» я не час, как вы думаете, а двенадцать с лишним. Не веришь — посмотри на мои часы. Я их не переводил — и это не шутка.— И он протянул к экрану руку с часами.

— Ты до сих пор против нашего спуска?— спросил появившийся на экране Свен.

Опасаться повторения истории с «Альтаиром» больше не было смысла, тянуть время дальше — тоже.

«Если что и случится, то что-то новенькое»,— решил Такэо, а вслух сказал:

— Нет, я вас жду.

Через двадцать минут вторая посадочная капсула корабля приземлилась рядом. Свен с Николаем вышли, основательно упакованные в скафандры, и с удивлением уставились на открытое, улыбающееся лицо Такэо.

— Да, я с самого начала снял шлем. Уж очень захотелось подышать свежим воздухом.

— Нехороший ты человек, Та,— проникновенно сказал Николай.

— Может быть, Ник, может быть.

— Так что у тебя вчера случилось с часами?

— Понимаешь, Свен, не с часами, со мной. Когда я вчера вошел в Город, то был уверен, что не задержусь там больше часа, но попал в ловушку. Все четыре двери, в том числе и та, через которую я вошел, вели в одно и то же место. Пока я осматривал их живые картины, а вам еще предстоит их увидеть, я забыл о времени, а вспомнив о нем, понял, что прогулял уж слишком долго, прошло больше двенадцати часов. И тем не менее, вышел я из Города ровно через час. Вам это о чем-нибудь говорит?

— Ты думаешь, что Город все еще обитаем?

— Исключено. Я уверен, что там не осталось ни единой живой души, но он сам живет и продолжает добросовестно работать на своих бывших хозяев. Он пускает нас туда, куда пустили бы они, и показывает только то, что было разрешено ими. Просмотрев такое огромное количество картин, я увидел только последнее поколение айсиан. Правда, очень долгоживущее, но последнее. И везде полное отсутствие эмоций.— Он помолчал, задумчиво перекладывая из руки в руку круглый зеленоватый камешек.— У меня создалось впечатление, что они жили по инерции, не испытывая никакого интереса к жизни. А что было до них? Как жили? Кто жил? Почему они, в конце концов, сделались такими? Не исключено, что на эти вопросы мы так и не получим ответов. Если они это не показали в своем историческом экскурсе — боюсь, так и не покажут. А меня сейчас почему-то очень интересуют предыдущие поколения.

— Ты настолько заинтриговал меня, что я прямо сейчас побегу в этот загадочный Город,— сказал Николай, снимая скафандр.

— Не иронизируй, пожалуйста. И потом, не знаю, как вы, но я еще не завтракал. А после вчерашнего предпочитаю перед подобной экскурсией плотно поесть.

Вняв совету Такэо, все основательно позавтракали и в своих рабочих костюмах разведчиков РКР—3, легких, но оснащенных не менее серьезно, нежели скафандры, направились в Город.

— Кстати,— Такэо повернулся к идущему сзади Свену,— я вовсе не уверен, что нас будут водить вместе.

— Ты думаешь, каждого могут отправить своим маршрутом?

— Повторяю: не уверен, но думаю, что это вполне возможно.

Такэо оказался прав. Они втроем стояли в том же (за что, впрочем, он поручиться не мог) квадратном, мягко светящемся и слегка пульсирующем помещении. Николай первым подошел к стене. В образовавшийся проход все увидели круглую комнату с одним-единственным креслом посредине.

— Пошли,— махнул рукой Николай и шагнул вперед.

Проход затянулся.

— Попробуем мы?— Свен вопросительно посмотрел на Такэо, и они вместе подошли к той же стене. Проход открылся снова.

— Ты прав,— голос Свена был тих и равнодушен,— но где же теперь Николай?

— Я думаю, там, где оказался бы любой из нас, войдя первым. Ты лучше мне вот что скажи, капитан: окажемся мы в этом коридоре вдвоем, если войдем вместе, или нас тоже разведут?

— Ну, если этот гигантский зал можно назвать коридором...

И они с удивлением посмотрели друг на друга. Стоя у одной двери и глядя в нее, они видели каждый свое.

— Та-а-ак...— многозначительно протянул Такэо.

— Попробуем войти, взявшись за руки?

— Давай, но, думаю, не поможет.

И они, крепко держась за руки, шагнули вперед. Шагнули каждый в свое. Едва оказавшись за порогом, оба ощутили, что рука, крепко сжимавшая руку друга, пуста.

Такэо сразу хотел вернуться, но, оглянувшись, убедился, что стены сзади нет. Вдаль уходил длинный узкий коридор, исчезающий за поворотом.

А Николай предавался воспоминаниям. Едва оказавшись в этой круглой комнате с одиноко стоящим креслом, он, как позже Такэо, сразу решил вернуться назад, но был вынужден с досадой констатировать, что оказался самым примитивным образом запертым. Двери попросту нигде не появилось. Окончательно убедившись, что выйти ему не удастся, он сел в кресло, с такой категоричной любезностью предложенное ему, и утонул в воспоминаниях. Они были яркими и, на первый взгляд, совершенно хаотичными. Всплывали в сознании одно за другим без всякого соблюдения хронологии. Его память буквально выворачивалась наизнанку. Из нее выскребали все, даже то, что, казалось, было прочно и навсегда забыто.

Он вспоминал давние и незначительные события, вроде горького и безутешного рева над случайно разбитой любимой чашкой с красивым зайчиком в цветных штанишках. Как горько он тогда ревел. И папа, провозившись часа два, очень аккуратно склеил ее из кусочков. Сколько было радости вновь увидеть своего зайчика целым!

Были недавние и серьезные, вроде его единственной и такой неожиданной измены жене. Как это произошло, он не понимал до сих пор. И что она ему принесла? Радость? Сплошные сомнения... Он как бы раздвоился, и до сих пор у него при воспоминании об этом от стыда рдели щеки и одновременно сладостно сжимало сердце. И сейчас, вспоминая все до мельчайших подробностей, он опять горел от наслаждения и мучился от невыносимого стыда. Время как-то сгладило все это, а теперь сомнения вновь захлестнули его.

Воспоминания сменялись одно другим, то быстро, то медленно наплывали друг на друга, не смешиваясь при этом. Но была в их смене какая-то непонятная Николаю закономерность, и, пытаясь разобраться во всем, найти связующее звено, он совершенно обессилел. И все кончилось. Николай медленно поднялся, как вчера Такэо, ощутил жуткий голод, и перед ним открылся выход.

Почти одновременно с Николаем из Города вышли Такэо и Свен. Их вид лучше всяких слов говорил о том, что они тоже отнюдь не отдохнули за прошедшее время... Желания делиться впечатлениями ни у кого не возникло, и они молча направились к посадочным капсулам, рядом с которыми заботливый Страус, управляющий с орбиты роем киберов, уже воздвиг прекрасно оборудованную временную базу. На этот раз расхождения с корабельными часами не было, прошла половина земных суток.

— В следующий раз попробуем каждый назначить свое время возвращения,— буркнул за вечерним чаем Свен.

— Так нас быстро приучат каждые двенадцать часов заваливаться спать на де-

сять,— попытался улыбнуться Такэо.— Я например, уже сбился, который сейчас час по земному времени. И сколько я вообще прожил за эти дни.

И они разбрелись по своим каютам.

Проснувшись и зайдя в кают-компанию, Такэо застал там Николая, в одиночестве потягивающего, как он понял по ворчанию Страуса, крепчайший черный кофе.

— Ну разве можно такой крепкий,— вел свою песню Страус,— сердце ты свое не бережешь, Николай.

— Что тебе до моего сердца?— поднял голову Николай.

— Не груби Страусу,— мягко сказал Такэо,— он не виноват, что ты встал сегодня не с той ноги. Что у тебя случилось?

— Прости,— сказал Николай обиженно замолчавшему Страусу и, обращаясь к Такэо, продолжил:— Ничего, собственно, не случилось, Та. Просто разбередил вчера душу воспоминаниями, никак успокоиться не могу. Но давай оставим это, здесь никто, кроме меня, не разберется.

— А ты все-таки попробуй рассказать, что вчера с тобой произошло,— сказал Свен, как всегда, несмотря на свои габариты, незаметно появившийся в кают-компании.

— Меня самым вульгарным образом заперли в той круглой комнате и заставили вспоминать. Воспоминания были очень яркими, я как бы все переживал заново.

— Вот и довоспоминался,— неожиданно вставил Страус.

— Оставь, не до шуток,— строго сказал Свен.

— А я и не шучу. Насколько я понимаю, не всегда и не все вам полезно вспоминать, тем более так реально, как говорит Николай.

— Спасибо, может ты и прав,— улыбнулся тот,— но главное сейчас не в этом. Я понял, что, несмотря на полнейший хаос в хронологии, все поступки, которые мне вспоминались, так или иначе вели к изменениям в моем характере, мировоззрении, к формированию моего сегодняшнего Я.

— Да, да,— задумчиво произнес Такэо,— мне тоже показалось, что Город изучает нас. Но зачем?

— Изучает, и весьма всесторонне,— Свен задумчиво почесал свою короткую и, несмотря на это, уже всклокоченную бороду.— Николай, насколько я понял, демонстрировал ему становление психики человека, с моей помощью он разобрался в анатомии и физиологии, а ты?

— А я преподал историю развития человеческого общества. Никогда бы не подумал, что так прекрасно ее знаю. А насколько она кровава! Века, тысячелетия — кровь, кровь, кровь... Я шел по коридору, длинному-длинному коридору, и по обе стороны от себя наблюдал развитие человека, сначала от полуживотного до человека разумного, от дикаря к человеку, овладевшему техникой, и т. д. и т. д., вплоть до современности. Я говорю «наблюдал»— это именно так, я видел все, что вспоминал, но, в отличие от Ника, вспоминал строго последовательно.

Такэо замолчал. Свен задумчиво пощипывал бородку, Николай допивал почти остывший кофе. Молчание затянулось.

— Меня не оставляет впечатление, что мы здесь не одни. Иначе кто станет всем этим интересоваться?— Николай поставил на стол пустую чашку.

— Абсурд,— категорично заявил Свен.— Мы знаем, когда исчезла цивилизация на АЙСИ. Город пуст.

— Но мы не знаем, куда и почему они ушли,— тихо возразил Такэо,— возможно, они вернутся, и тогда Город действует по программе сбора информации, составленной для него временно ушедшими хозяевами.

— Хорошо — «временно»! Как минимум, тысяча лет!

— Ты забываешь, сколько они жили. По сравнению с десятками миллионов, это сущий пустяк. И все-таки я готов с тобой согласиться. Если в с е население Земли вдруг одновременно исчезнет, я никогда не смогу поверить, что оно вернется. Но зачем тогда это изучение? Кому предназначены результаты? Нам надо идти в Город. Пусть он изучает нас, а мы узнаем, какие вопросы интересуют его. Может, это хоть что-нибудь прояснит.

— Да, нам пора идти,— Свен встал.

— А поесть?— удивился Страус.

— Потом,— сказал Свен,— мы вернемся через час, не больше.

— Знаю я ваш «час»,— возмутился Страус. Ты так говоришь, как будто ты хозяин в Городе и сам выбираешь время возвращения. Вернетесь через час, а голодными проходите все двенадцать. И вообще, что это такое? Я обязан заботиться о вашем здоровье, а вы...

— Хорошо, хорошо,— остановил Такэо заботливого Страуса.

— Ну вот и славно,— успокоился тот.

Три маленькие человеческие фигурки медленно ползли по степи, покрывающей весь первый уровень Города. А Город наблюдал за ними. Миллионами глаз он следил за этими странными, такими беспомощными и короткоживущими существами, у которых, тем не менее, он не заметил и тени восхищения величием и мощью его хозяев. Удивление и, как ни странно, жалость. Жалость пигмеев к великанам. Этого совершенно не мог понять Город.

Он знал — его ушедшие хозяева достигли всего, познали все, были всемогущи, они дошли до черты, за которой ничего нет. А эти жалкие существа, не имеющие и крохи знаний, которыми обладал народ Айси, почему-то жалеют их. Почему?

Спросить Город не мог. Но, в отличие от своих хозяев, он был любопытен. Это было заложено в нем изначально и неистребимо. И еще одного не мог понять Город. Почему эти существа, называющие себя людьми, так интересуются предыдущими обитателями планеты. Ведь те были почти так же слабы и немощны, как и они сами. Чем же они так интересны? В чем их преимущество над всемогущим последним поколением?

А три человека уже подошли к его восточной стене, и он открыл им вход. Они хотят пройти вместе, что ж, пусть идут. Но при этом все хотят выйти одновременно, пробыв у него внутри разное время. Последнее желание сильней, и он выполнит его, но в таком случае он должен разделить их. Он сделает это. И всем троим он задаст один и тот же вопрос.

Образ мыслей людей смущал его. Многие, что было очевидно и понятно им, ставило мозг Города в тупик. Он никак не мог уяснить, почему два абстрактных для него понятия «любовь» и «измена» вдруг вызвали такую бурю эмоций в душе человека, по его просьбе вспомнившего свое прошлое. Что заставило так мучиться и так ликовать это непонятное существо? У его хозяев таких проблем не возникало. И поэтому Городу было интересно с пришельцами.

Всех троих Город впустил в одинаковые овальные комнаты с креслами посередине, и когда они сели, он попытался понять, в чем заключается смысл этих загадочных терминов. Но сколько ни вслушивался он в воспоминания, сколько ни всматривался в картины, возникающие в сознании грезящих людей, он так и не понял, что заставляет их вкушать этот странный эмоциональный коктейль из смеси горя и радости, муки и наслаждения.

Разочарованный Город отпустил их. И впервые в его гигантском мозгу зародилась мысль: раз он не смог понять то, что приводит в трепет эти существа — значит и его хозяева не смогли бы понять этого, значит в чем-то они уступали пришельцам. Он впервые усомнился во всемогуществе своих хозяев, подумал о том, что они, пройдя очень долгий путь развития, на этом пути, вероятно, что-то потеряли. Но что? Этого так и не смог понять Город.

А по степи в сторону своего жилища медленно ползли три маленькие фигурки. Три странных, загадочных человека. И Городу было жаль, что он так и не сумел понять их. Но надежду Город не оставил. Он знал: их обслуживает такой же, как и он сам, искусственный разум. На него теперь надеялся Город.

ГЛАВА 7

— И что же тебе подсказали вопросы, поставленные Городом? — Свен задумчиво и чуть раздраженно теребил свою короткую, но уже многотрадную бороду; по моему, такого рода любопытство, мягко говоря, нескромно.

— Я бы тоже назвал это нескромным, если бы знал, что вопросы задают люди, — спокойно ответил Такэо, — но поскольку они заданы НЕ человеком, в них нет и капли нескромного любопытства. Я не увидел здесь ничего, кроме разумного интереса к одной из важнейших сторон жизни человека. Мне непонятно другое: почему Город так заинтересовало именно это?

— Послушайте, ребята, а который теперь час?

— Двенадцать.

— Три.

Ответили Свен и Такэо одновременно. И с удивлением уставились друг на друга.

— А на моих уже шесть вечера, и я умираю от голода, — улыбнулся Николай, — Страус, миленький, спаси меня, а...

— Выходит, Город выполнил нашу просьбу, — Такэо, расслабившись, сидел в своем кресле, рассеянно глядя куда-то в угол кают-компании. — Мы пробыли там разное время, а вышли одновременно. А как ты догадался об этом?

— Да просто случайно глянул на часы Свена и увидел, что по его времени мне еще рано есть, а есть хочется зверски. Дальше, думаю, понятно?

— Вполне,— улыбнулся Такэо,— но если это так, то нужно попробовать задавать ему вопросы.

— Прошу к столу, все стынет,— заявил Страус.

— А я как-то не проголодался.— Свен с улыбкой смотрел на Николая, уписывающего ароматный борщ.

— Я попросил бы вас впредь находиться в Городе одинаковое время, а то один голоден как волк, второму, видите ли, не до еды, а третий и вовсе сыт. А мне как быть прикажете?— спросил Страус.

— Я, пожалуй, сейчас пойду отдохну, а им ты посоветуй еще раз прогуляться в Город на полчаса, только чтобы Такэо вернулся через три часа: а Свен через шесть часов. Так они меня и нагонят,— засмеялся Николай.

— Да, я сейчас пойду еще раз в Город. А ты, Свен?

— Нет, мы еще не были за Городом, я пойду на восток, а ты, Страус, пожалуйста, направь киберов на запад до океана и одного — обследовать острова.

— Я-то направлю, это не проблема. Только и вам поесть бы не помешало,— опять начал канючить Страус.

— Хорошо, хорошо, уговорил,— сжалился Свен,— сотвори нам по паре бутербродов к чаю.

— Будет вам по паре бутербродов к чаю,— бодро ответил Страус и замолчал.

— Ты хочешь добраться до зоны повышенной гравитации?

— Да. Хочу посмотреть, что...— И Свен замер с открытым ртом.

— Вот это бутерброды!— восхищенно сказал Такэо. На большее его не хватило.

Перед ним на столе красовались две полуторалитровые кружки горячего чая и четыре бутерброда, каждый величиной с книгу большого формата. Такэо смотрел на них и, казалось, ощущал в руках вес подобного фолианта. Бутерброды, конечно, были легче, но все-таки...

— Ты что, издеваешься над нами?— расхохотался Свен.

— Да-а-а...— Такэо, не прикасаясь, внимательно рассматривал гигантские творения Страуса.— Двумя руками твой бутерброд держать надо!

— И вовсе я не издеваюсь,— возмутился Страус. Просто я думал, что вам необходимо как следует перекусить.

Шесть гигантских творений исчезли в недрах стола, и их место заняли две нормальные чашки и четыре просто больших, но вполне приемлемых размеров бутерброда.

— Ну это же совсем другое дело,— успокоился Свен, принимаясь за еду.

— Другое дело, другое дело,— ворчал Страус, пока они ели,— о них заботишься, а они...

— Ну вот видишь,— вдруг заявил он совершенно другим голосом, когда Свен заканчивал второй бутерброд.— А если бы я сразу поставил перед тобой эти, ты бы первый возмутился: почему, мол, такие большие, а на фоне тех они прошли вполне нормально.

Такэо едва успел поймать последний кусок, вылетевший от хохота изо рта. Свен же, изо всех сил сдерживая смех, попытался скорчить обиженную гримасу, но в конце концов, не выдержав, тоже расхохотался.

— Ну молодец, Страус, ну удружил!— с трудом выдавил он из себя сквозь смех.— Да ты у нас стратегом становишься.

— С вами кем только не станешь, а то так и будете голодными ходить, как малые дети.— Страус был явно доволен своей выдумкой, которая, несмотря на простоту, так резко подняла настроение обоих.

— Наши сбо-о-ры недолги...— бодро фальшивил Свен, влезая в РКР.

Но Такэо с какой-то суеверной, болезненной настроженностью относился к подобным скачкообразным изменениям настроения. Он глубоко верил в чересполосицу жизни и всегда опасался, что чем выше и острее будет плюсовой пик, тем глубже и безнадежней может оказаться минусовой провал. И последнее всегда служило пресловутой ложечкой дегтя.

Они вышли вместе и молча стояли под голубым айсианским небом. День уже перевалил за половину, но до заката было еще далеко.

Из соседнего ангара неслышно выплыла капля пилотируемого модуля и через несколько секунд неподвижно повисла перед Свеном.

Такэо проводил его взглядом и, повернувшись, не спеша побрел в сторону Города.

«Надо попробовать, — думал он, мерно раздвигая коленями стебли высокой нежно-зеленой травы. Идти по этой степи было одно удовольствие.— Надо попробовать. Как говорили раньше: «За спрос не бьют в нос». Здесь, впрочем, кто его знает, но попробовать все равно надо».

Ему не давала покоя тайна прошлых поколений айсиан.

Почему о них умалчивают? Почему скрывают все, что не связано с последним поколением? Как жили до него?

С этим он и хотел войти в Город. Он надеялся, что его вопросы будут услышаны. Ведь желание пробыть внутри разное время и выйти одновременно Город выполнил.

Такэо оставалось пройти еще метров пятнадцать, и тут он увидел, что вход открыт. Это несколько удивило и насторожило его. Раньше вход открывался, когда до стены было уже рукой подать.

— Странно,— сказал он вслух и заметил, что за первой видна вторая открытая дверь.— Очень странно. К чему такая спешка?

А в душу неприятным холодком сочилось предчувствие беды. Ему почему-то очень хотелось ускорить шаги, как можно быстрее оказаться в Городе, но, не понимая причин этого, он изо всех сил сдерживал себя, продолжая идти все тем же размеренным, неспешным шагом. По мере приближения к двери усиливалось ощущение опасности и одновременно, откуда-то из глубин подсознания, поднималась уверенность в том, что беда грозит не ему. И он, все ускоряя и ускоряя шаги, почти бегом проскочил обе двери и остановился в маленьком круглом зале. Он даже не успел сесть в кресло, как оказался висящим в воздухе, именно такое создалось впечатление: ничего вокруг, только он — и рядом парящее в пространстве кресло. Под ним до самого горизонта, пылающего красками утренней зари, простирались заброшенные поля. Вверху, высоко в небе, висели легкие бело-розовые облака. Все было переполнено тишиной и покоем. Не ощущалось движения.

И вдруг что-то изменилось сверху. Такэо почувствовал, как ледяная лапа ужаса сжимает сердце: из глубин утреннего голубого неба медленно опускалось темное, непрерывно меняющее очертания, пятно. Все увеличиваясь в размерах, оно достигло уровня облаков, и окружающие его огромные бело-розовые пушинки сначала лениво заволновались, потом стали утоньшаться, вытягиваясь в сторону этого непонятного темного комка и, быстро свернувшись в плотные белые жгуты, исчезли в нем. Небо на несколько километров вокруг стало чистым и пустым. И розовинка восхода, не подсвеченная облаками, как-то сразу поблекла. А черное нечто все снижалось и снижалось. Когда до земли осталось не более километра, рябь прошла по ней. Мелкий сор, листья, веточки, все вдруг заходило волнами, вздымающимися все выше и выше.

Из-за горизонта брызнул первый алый луч восходящего солнца, бросив малиновые блики на это дикое пыльное море. И тотчас первая мутная, грязно-серая волна, вытянувшись, встала полукилометровым столбом и, закрывая восход, дотянулась до облака. Поначалу этот невероятный, оранжево окантованный столб казался неподвижным, но постепенно в нем все более явственно стала проступать спиральная структура смерча. И пошло-поехало. Облако бездонно всасывало в себя все, что оказывалось на пути этой извивающейся колонны. Вскоре к ней присоединилась вторая, третья, и началась дикая несусветная пляска. Как-будто многоногое чудовище, выделявая немислимые па, разгуливало над полем. А «ног» становилось все больше и больше. Еще немного — и все они слились в одну сумасшедшую ревущую колонну. Облако теперь плыло над самой землей, и все, что было вокруг, с ревом устремилось в него.

А над всем этим сумасшествием уже слепяще-ярко, но бессильно сиял Эниф. На темной поверхности не было ни блика, ни отблеска. Лучи света так же бесследно, как и все прочее, исчезали в нем.

Такэо чувствовал, что какой-то неземной холодной ужас пронизывает каждую клеточку тела, ему нестерпимо хотелось вскочить и бежать от этого всепожирающего монстра, бежать без оглядки. За каких-то десять минут Это-Непонятно-Что поглотило на его глазах десятки и десятки тонн материи и при этом совершенно не изменило ни своих очертаний, ни размеров. Еще несколько минут оно неподвижно стояло на своем ревущем, содрогавшемся в конвульсиях, основании, а потом медленно осело, как бы сплюсывая, раздавливая его, и распласталось по земле. Шум стих, и Такэо увидел круглую, около километра в диаметре, проплешину на бескрайне раскинувшихся полях. Лишь жалкие остатки каких-то строений поднимались недалеко от середины этого черного круга.

Он никак не мог сообразить, к чему все это, и тут увидел, как рядом с ним пролетел прозрачный изумрудно-зеленый шар. В таких летали айсиане, но сейчас внутри никого не было. Шар летел на высоте метров двухсот и направлялся к мрачному мертвому пятну.

Но когда он к нему приблизился, то вдруг дернулся и резко пошел вниз. Было заметно, как он пытается высвободиться, уйти в сторону, но его, как на канате, тянуло в самую середину. Борьба продолжалась недолго, всего несколько секунд, а попадание в центр было стопроцентным. Шар не разбился, а буквально размазался по поверхности, покрыв с десятков квадратных метров тонкой, полупрозрачной зеленоватой пленкой. И Такэо внезапно понял, что видит перед собой зону повышенной гравитации.

— Свен!

И все пропало. Он стоял рядом с пустым креслом, а перед ним зиял сквозной выход на поверхность планеты.

Уже выбегая наружу, он услышал вопль Страуса:

— Свен! Свен! Почему молчишь? Что случилось, Свен?

— Где Свен?

— Пять секунд назад модуль со Свеном упал в ста метрах от края зоны повышенной гравитации.

Трава ужасно мешала бежать.

— Модуль цел?

— Да вроде бы не пострадал.

— Я иду к нему,— раздался голос Николая.

— Не смей!— рявкнул Такэо.— Это не просто авария.

Он наконец-то добежал до базы, ворвался в аппаратную и, не глядя на растерянно стоящего Николая, коротко бросил:

— Покажи — где?

Страус послушно дал увеличение на центральный экран. Они увидели круг диаметром около километра, поросший кое-где редкими деревьями, которые, несмотря на толщину стволов, не росли вверх, а буквально стелились по этому черному полю. В ста метрах от края лежал модуль Свена. Вокруг него в радиусе десятка метров все деревья, и без того припавшие к земле, были, казалось, раздавлены гигантским каблуком.

— Направленная гравитация!— вырвалось у Николая.

— Вероятно. Страус, дай импульс в центр пятна на половинной мощности излучателя.

Голубая молния пробила атмосферу. Ничего не произошло.

— Увеличивай длину импульсов, бей, уменьшая промежутки между ними.

Молнии сверкали все чаще и чаще, бесследно исчезая в середине черного круга.

— Непрерывный разряд.

Луч колоссальной мощности уперся в центр. Там что-то происходило.

— Прибавь.

— Я почти на пределе. Энергия поглощается невероятно. Я всадил уже миллионы киловатт. Даю максимальную.

И вдруг все вспучилось. Огромная черная волна прошла от края пятна. Темное облако вздулось куполом, отрываясь от поверхности планеты и увлекая за собой тонкие струйки пыли, и стало все быстрее и быстрее подниматься вверх. Вот оно достигло слоя облаков, и они, знакомо свернувшись жгутиками, исчезли в нем, а оно, уже на огромной скорости, вынеслось за пределы атмосферы.

— Это что-то невероятное! Масса порядка десяти миллионов тонн, но она не материальна, точнее — это не механическая масса, а колоссальный сгусток энергии. Не помню ничего подобного.

— Хватит. Модуль для меня и Ника, быстро!

— Модуль ждет.

Николай уже лихорадочно натягивал свой РКР.

— Что это было?

— Не знаю, быстрее!

Они выбежали наружу и, едва успев вскочить в модуль, бросили его в небо. Прошло не более пяти секунд, и траектория взлета сменилась пологой дугой снижения. Конец ее упирался в точку, где упал Свен. Движение было настолько быстрым, что катастрофически напоминало падение. Но когда стало уже казаться, что невозможно избежать столкновения с землей, модуль резко затормозил, но приземлился все-таки довольно жестко.

Вблизи они увидели, что модуль Свена почти на треть вдавлен в землю и сплюснут по вертикали. Входной люк заклинило, и Такэо, не теряя времени, вскрыл его излучателем, как консервную банку. В кресле неподвижно полулежал Свен. Внешне он не пострадал. Такэо и Николай с величайшей осторожностью подняли безжизненное тело товарища и перенесли к себе.

ГЛАВА 8

— Вмешательство бесполезно.— Голос Страуса был глух и бесстрастен.— Биологическая смерть. Рефлекторная остановка сердца в результате тяжелого травматического шока.

И вдруг изменившимся голосом Страус буквально выкрикнул:

— Несите его в Город!

Такэо понял. И эта короткая фраза Страуса мгновенно преобразовалась в невероятную, но такую желанную надежду.

— Ник, быстро!

Они подняли мертвого друга и осторожно, стараясь не трясти, но прекрасно понимая, что ему уже не больно, уже все равно, понесли в модуль.

Один короткий скачок — и модуль у стены Города. Открытый вход ждал их. Едва оказавшись внутри, они попали в просторный зал, стены которого светились мягким аквамаарином, и сразу почувствовали, что руки свободны. Их отгородила невидимая стена, а Свен невесомо повис в воздухе. Рядом с ними, неизвестно откуда, возникли (иногое слова не подберешь) два кресла, и они без сил рухнули в них. Свена окружил голубой пульсирующий кокон, из которого молнией ударил золотой луч. РКР, вспыхнув на мгновение странной звездной россыпью, тут же растаял. Так же, только розовым облаком, исчезла одежда.

Пространство внутри кокона пришло в движение. Воздух лучился всеми цветами радуги. Волны света, переливаясь, обтекали обнаженное и уже покрывшееся трупной синевою тело Свена, отражались от него и, ударившись о почти невидимую стену, откатывались назад.

Такэо с Николаем, как зачарованные, следили за этим невиданным зрелищем, а надежда в них все усиливалась, крепла, постепенно превращаясь в уверенность: Свен будет жить.

На мгновение все померкло, и хаос цветовых волн сменился прямыми тонкими лучиками, медленнодвигающимися по всему телу. Поначалу их было много, фиолетовых, потом они стали синими, голубыми. Среди них появились редкие зеленые проблески. Со временем лучей становилось меньше и меньше и цвет их все ближе смещался к красному краю спектра. Наконец остался один розовый луч, который неподвижно ткнулся в грудь Свена и замер. Они напряженно смотрели на этот лучик, подсознательно понимая, что от него сейчас зависит все. Вдруг лучик дернулся, задрожал, и они увидели, как медленно приподнялась и опала грудь. Еще вдох... Выдох... Еще... Их друг спокойно и размеренно задышал. А розовый луч уже не дрожал слабо и неуверенно, а равномерно пульсировал. Это билось сердце Свена.

И тогда непомерная усталость упала на них. Не было сил пошевелиться. Николай взглянул на часы и с удивлением понял, что процедура оживления Свена, которая, казалось, длилась не более тридцати минут, на самом деле заняла три четверти суток, и он уже был не в состоянии бороться с надвигающимся на него тяжелой стеной сном. Он только успел увидеть, что Такэо уже мирно посапывает в своем кресле, и тут же уснул сам.

ГЛАВА 9

— Что ты хочешь узнать, Человек?— Перед Такэо стоял высокий худощавый айсианин.— Я один из пяти верховных координаторов планеты, мое имя Ноор, твое имя мне известно. Так что ты хочешь узнать?

Голос верховного координатора был низок и глубок.

— Почему вы скрываете от нас историю развития вашего общества? Чем предыдущие поколения отличались от вас? Почему вы не показываете их нам? Что стало с вами? Куда вы ушли?

— Ты задал много вопросов, человек по имени Такэо, я не смогу просто и быстро ответить на них. Сначала ты ответь на мои вопросы.— Внезапно он шагнул к Такэо и крепко взял его за плечо.— Что случилось с вами? Почему ты спишь?— Голос его стал меняться, приобретая знакомые нотки. Он уже почему-то сильно тряс его и повторял одно и то же:— Что случилось? Почему вы спите? Как мы здесь оказались? Да проснись же ты, черт возьми!

И Такэо, с трудом выбираясь из липких объятий сна, открыл глаза и увидел склонившегося над ним Свена, который и тряс его.

— Ну наконец-то,— сказал тот, натянуто улыбаясь.— Его я так и не смог разбудить,— и он кивнул головой в сторону блаженно спящего Николая.— Объясни мне, что произошло? Почему вы вздумали устроить спальню в Городе? И как здесь оказался я? Ведь я же...

И Свен замолчал, собирая остатки воспоминаний. Он, видимо, никак не мог припомнить, что с ним произошло. А Такэо, ошалело глядя на Свена, все пытался сообразить, проснулся он уже или это просто очередное видение. Но в конце концов поверив, что это реальность, он выскочил из кресла и бросился к Свену. Тот отшатнулся, но маленький японец оказался прворней и, обхватив двумя руками огромную фигуру Свена, стал хлопать его по спине и бокам, трясти и ощупывать — цел ли. Ничего не понимающий Свен удивленно тараторил на черную с проседью макушку Такэо. Он никому бы никогда не поверил, что всегда спокойный, уравновешенный, а по его мнению — так даже излишне уравновешенный, Такэо способен на нечто подобное.

— Ты чего это?— удивленно пробормотал он, но тот не унимался.

Тогда Свен, безо всяких усилий оторвав его от себя, отнес на вытянутых руках назад и аккуратно посадил в кресло.

— Рассказывай,— коротко приказал он и, пресекая попытку новых бурных объятий и похлопываний, осторожно прижал друга к спинке.

— Живой... Живой...— повто рял Такэо, возбужденно размахивая руками и пытаясь все же дотянуться до Свена.

— Да живой, живой. Может, ты все-таки объяснишь, почему я должен быть мертвым?

— Да потому, что ты погиб!— И голос его сорвался, он выкрикнул это каким-то неожиданно тонким голосом. Но уже успокаиваясь, тряхнул головой и продолжил более ровно:— Твой модуль упал в зоне повышенной гравитации. Ты знаешь, что и он и РКР выдерживают двадцатипятикратную перегрузку, но, несмотря на это, модуль оказался сплюснутым, а когда мы привезли тебя на базу, Страус констатировал биологическую смерть. И по его же совету тебя спас Город.

Свен вытаращил глаза. В это невозможно поверить, если находишься в здравом рассудке. Но и не шутят такими вещами.

Такэо уже окончательно пришел в себя, лицо его приняло обычное сосредоточенное, несколько холодноватое выражение, и только прищуренные глаза продолжали лихорадочно блестеть.

— Ладно, хватит, будим Ника и пошли отсюда. Как-то не по себе здесь.

Они вдвоем растолкали невнятно бормочущего Николая, и Свен, уже готовый к повторению атаки, быстренько прижал его к креслу при первой же попытке броситься на шею.

Когда Николай немного успокоился, Свен отпустил его, и друзья направились к ближайшей стене. Они уже привыкли к тому, что здесь можно идти в любую сторону, но выйдешь куда надо или куда захочет Город.

— Наконец-то,— услышали они, как только оказались за пределами Города.— Все в порядке, Свен? Я рад, честное слово, рад! Хотя и говорят, что у меня не настоящие эмоции.

— Настоящие, Страус, настоящие,— улыбнулся Свен.— Спасибо тебе.

— Слушай, а почему ты предложил нести Свена в Город?— спросил Такэо.

— Не знаю.

Все удивленно замерли. Это было невозможно, но ответ прозвучал вполне однозначный. Страус, конечно, мог чего-то не знать, но свои действия и предложения он всегда обосновывал, с механической точностью мотивируя слова и поступки, был всегда предельно логичен в этом. И вдруг...

— Да, не знаю,— повторил он,— где-то внутри меня внезапно родилась уверенность, что Город поможет, и я, впервые не просчитав вероятности, высказался. Потом, когда вы были в Городе, я пытался найти причину сказанного и не смог, а сейчас все больше склоняюсь к мысли, что это был импульс извне. Но это не подтверждается фактически. Ни одно из моих внешних приемных устройств ничего подобного не зафиксировало. Может, я испортился?

— Вряд ли, но проверь.

— Проверил.— Им показалось, что Страус тяжело вздохнул.— Четырнадцать раз прогнал имеющиеся тесты. Ни одного сбоя. Все вроде бы нормально.

— Город?— Николай вопросительно посмотрел на Такэо.

— Вероятнее всего — да. Он ведь и меня предупредил о том, что может произойти, только было уже поздно.

— Как предупредил?!

— Он показал, как это черное пятно садилось на планету и что произошло с шаром, в которых когда-то летали айсиане, когда он приблизился к зоне.

— А что толкнуло Город к этому? Может, все-таки в нем есть кто живой?

— Нет, не верю в это. Что послужило толчком? Не знаю, но и не думаю, что страдание. Все здесь как-то сложнее.

— Или проще,— улыбнулся Николай.

ГЛАВА 10

— Да-а-а,— задумчиво протянул Свен, когда сгусток черной энергии уже почти нельзя было разглядеть на гравитационном экране. До этого, за все время просмотра записи, никто не проронил ни слова.

— И мне кажется, что Город знает, что это было.— Николай почесал переносицу и, помолчав, добавил:— И что это было, и откуда пришло, и куда ушло.

— Меня больше всего волнует роль Города во всей этой истории, причина его «сострадания». И вообще, чем больше мы здесь находимся, тем больше запутываемся.

— Но ведь мы еще и не пытались задавать Городу конкретных вопросов.

— Я пробовал,— сказал Такэо, следя глазами за расхаживающим из угла в угол Николаем,— но Город вместо ответа показал мне, как на планете появились зоны повышенной гравитации и насколько они опасны. Допускаю — ему было не до моего вопроса. И опять — п о ч е м у? Не верю, что это голый гуманизм. Но что? Не любовь же к Свену, черт возьми.

— У тебя сдают нервы, Та, — улыбнулся Свен, — ты перестаешь быть похожим на того железного Такэо, которого знают все.

— Ты прав, — грустно улыбнулся Такэо, — у меня действительно начинают сдавать нервы. Я ведь и правда не железный.

— Ладно, ребята,— Свен потер руки,— давайте сначала перекусим.

Он свято верил, что серьезные проблемы на голодный желудок не решаются.

— Это истинно командирское решение,— поддержал его Страус,— у меня все готово. Прошу.

Обед, устроенный Страусом, был по-царски великолепным.

— Ты сегодня превзошел самого себя,— восхищенно сказал Свен, наконец-то отодвигаясь от стола,— а теперь...

— ... неплохо было бы по чашечке кофе,— продолжил за него Страус.— Прошу.

— Ты чудо!— серьезно заявил Николай, беря свою чашку.— А кофе, братцы, что за кофе! Напиток богов! Не бережешь ты наши сердца, Страус.

— Гляжу, вы киснуть начали, вот и решил подхлестнуть немножко ваши угнетенные нервные системы. А с каких это пор ты стал так заботиться о своем сердце?— поддел он его.

Довольный Николай расхохотался. Свен блаженно потягивал густой ароматный напиток. Но только они двое откровенно наслаждались приготовленным Страусом кофе. Такэо, казалось, с самого начала не замечал великолепия стола. И сейчас он медленно, мелкими глотками отхлебывал свой кофе. Его рассредоточенный взгляд по давно установившейся привычке был направлен в никуда. Такой взгляд в древности называли «взглядом младенца». Он очень помогал сосредоточиться внутренне, не отвлекаясь на внешние раздражители. Такэо при этом видел все, не акцентируя своего внимания ни на чем, кроме своих мыслей.

Он тихо поставил пустую чашку на стол и плавно, но в тоже время как-то неуловимо быстро встал.

— Я считаю, что Свену надо отдохнуть, а мы с Ником пойдем в Город.

— Ну уж нет!— загрохотал Свен своим рокошущим басом. По всему чувствува-

лось, что обильная трапеза благотворно повлияла на его состояние. — Я как заново на свет родился, я с вами.

— В таком случае, — Такэо с едва заметной улыбкой глянул на Николая, который с явным огорчением допивал последние капли кофе, — пожалуйста, Страус, сотвори нам еще по чашечке этого «божественного напитка», и мы подумаем над вопросами, с которыми пойдем в Город.

— Надо спросить, что это была за штука, в которую угодил Свен. Что она из себя представляет? — Николай заметно оживился, видя перед собой вторую чашку.

— Мне этот вопрос не кажется таким уж важным, по крайней мере, сейчас, — возразил Свен, — хотя он и касается меня. По-моему, гораздо важнее выяснить, что он представляли из себя айсиане. Попытаться понять их внутренний мир. Это поможет ответить на многие стоящие перед нами вопросы, в том числе и на то, почему Город спас меня.

— Мне кажется, что Ник был прав, когда сказал, что Город знает об этих черных пятнах все или почти все. — Такэо помолчал, чуть-чуть отхлебнул из своей чашки и, остановив рукой уже открывшего рот Николая, продолжил: — Это явно не местного происхождения и появилось здесь уже после исчезновения айсиан. Так как все эти зоны расположены вне пределов Города, он их просто игнорировал после того, как был уничтожен зеленый шар. Вопрос Ника, мне кажется, нужно расширить: приходилось ли айсианам бывать у систем других звезд? В других галактиках? Видели ли они раньше эти сгустки энергии? И если видели, то где? Корабль, который нас встретил, не годится для межпланетных полетов. И если они когда-то посещали Дальний Космос, то почему прекратили его изучение? Я не уверен, что Город ответит на все вопросы, но думаю, он сам выберет наиболее важный, с его точки зрения. Какой? Это тоже интересно. А тебе, Свен, я все-таки советую спросить, почему Город спас тебя. Это будет вполне исчерпывающим ответом на твой вопрос.

Свен молча кивнул.

— А я, — продолжил Такэо, — все-таки поинтересуюсь, почему от нас скрывают судьбу предыдущих поколений айсиан. Попрошу показать историю развития общества на Айси, ведь я показал историю развития земного общества.

Он одним глотком выпил остывший кофе.

— Все готовы? Тогда вперед.

И опять три человека медленно бредут по степи, раздвигая коленями высокую шелковисто-мягкую траву, и Город миллионами глаз наблюдает за приближением этих странных беспомощных существ.

Он уже знает вопросы, которые они хотят задать, знает ответы, и он ответит на них. Вот только поймут ли его?

Вы уже близко. Ну что ж, входите, разумные, называющие себя людьми.

У Николая создалось впечатление, что он висит в пустоте. В безбрежной черной пустоте космоса. Где-то за спиной неярко сияет Эниф, а вокруг, куда ни глянь, рассыпаны мириады колющих глаз Вечности. Николай зябко поежился: очень неудобно чувствуешь себя здесь в полном одиночестве и без скафандра.

Вздвогнув от неожиданности, он обернулся, скорее ощутив, чем увидев, какое-то движение. Справа от него медленно и величественно проплывает межзвездный корабль айсиан. Он представляет собою две свитые навстречу друг другу спирали с серебристым, километрового диаметра, шаром на конце и отличается от шарика, встретившего их на орбите Энифа так же, как тот, в свою очередь, от примитивного древнего утюга.

Николай знает, что движется этот колосс за счет преобразования энергии вакуума. Он величаво удаляется и сквозь явную пустоту между витками спиралей не видно золотистой мигающей россыпи.

Но вот это черное пустое пространство начинает слабо светиться. Яркость постепенно нарастает, и через несколько минут там уже пульсирует нестерпимо сияющее голубое облако. Пульсации медленно затухают, облако замирает на мгновение и затем начинает быстро разрастаться, теряя яркость и охватывая спирали мягко светящимся голубым коконом. И контуры гиганта расплываются, он тает прямо на глазах. Проходит всего несколько секунд, и уже ничто не напоминает о происшедшем только что старте космического корабля айсиан.

Куда он ушел?

И словно в ответ на вопрос прямо в направлении его взгляда вдруг вспыхивает затерянная до этого среди золотистого тумана подобных себе ясная желтая точка. Цель.

Все на мгновение исчезает и тут же вспыхивает вновь, но узоры созвездий неузна-

ваемо изменились. А прямо под ним, едва отличимая от черноты, вращается мертвая холодная планета — видимо, внешняя в этой системе.

Неожиданно Николай оказывается в незнакомой рубке управления. Это довольно обширное помещение сферической формы без каких-либо приборов или пультов. В самом центре сферы дежурный пилот. Можно было бы сказать, что он удобно сидит в кресле, если бы в этой позе пилот не висел свободно в пустоте. В рубке полумрак, но постепенно светает. Вдруг справа, прямо из стены, выходит второй айтианин и направляется к дежурному, ступая по воздуху. И только теперь Николай понимает, что сфера рассечена совершенно прозрачной плоскостью, на которой они, собственно, и чувствуют себя весьма уверенно.

Сидящий поднимает руку в приветственном жесте и, повернувшись, опять смотрит прямо перед собой, а там уже висит в воздухе масштабная модель планетной системы и даже корабль — маленькая светящаяся точка — медленно движется вокруг шарика крайней. Николай внимательно всматривается в эту действующую модель, и у него перехватывает дыхание: перед ним почти точная копия Солнечной системы! Только между Марсом и Юпитером вместо растянувшегося пояса астероидов на этой модели вращается... еще одна планета. В остальном сходство полное.

Дежурный сдал смену. Пилоты переговаривались негромко на красивом певучем языке, а Николай никак не мог понять, что так удивляет его в их поведении. Мысль была где-то рядом, но он все не мог поймать ее, выбитый из колеи тем, что видит перед собой далекое прошлое Солнечной системы. И когда он уже отчаялся понять, что его так поражает в их поведении, вдруг, как яблоком по голове: просто при разговоре они улыбаются друг другу, и глаза у них отнюдь не холодные, самые обыкновенные, живые человеческие глаза.

Это настолько поразило его, что он даже забыл, где находится, и, задумавшись, почти не заметил, как перед его взором прошли знакомые, холодные и черные пейзажи внешних планет, клокочущие, метаново-аммиачные атмосферы Сатурна и Юпитера, оранжевые песчаные пустыни Фазтона и Марса. Окончательно он пришел в себя, когда увидел, что на него наплывает голубовато-белый шар Земли.

Землю он не узнал, хотя ни минуты не сомневался в том, что перед ним именно она. Вся суша сосредоточена в одном месте; очертания будущих континентов уже намечились, но весьма схематично. Обе Америки находятся еще далеко друг от друга: Северная вплотную пристыкована к будущей Европе, где на месте Восточной и Западной Сибири привольно плещутся океанские волны, а Южную отделяет от Африки довольно узкий пролив, который разрастется в Атлантический океан. Антарктида и Австралия составляют пока еще единый континент, лежащий южнее, но совсем рядом с Африкой.

Из курса геологии Николай вспоминает, что подобное положение материков соответствует мезозою. А Земля все ближе и ближе. Он знает, что передача ведется с киберразведчика, но эффект присутствия невероятен. А ведь и на корабле-то он находится мнимо, но реальность всего проходящего перед ним заставляет забыть о том, что до Земли более восьмисот световых лет, а до Земли, которую он видит, еще и более семидесяти миллионов отнюдь не световых, а самых обыкновенных лет в прошлом.

Сейчас он находится в древней Гондване, в районе будущей экваториальной Африки. Он как бы парит над вершиной невысокого холма, у подножья которого раскинулась гикговая роща, за ней на север, до горизонта, простирается бесконечная непроходимая топь, заросшая плаунами и хвощами. На юг невысокими волнами уходит море холмов, в ложбинах между ними синеют озера, берега которых заросли древовидными папоротниками вперемежку с хвойными деревьями. Все вокруг кипит жизнью. Мимо него мелькают стрекозы, деловито жужжат крупные жуки, порхает залетевший зачем-то на самую вершину холма ручейник. На западе, на фоне оранжево горящих облаков зката медленно плывут, приближаясь к Николаю, два маленьких темных ромбика. В чаще древовидных папоротников, метрах в ста от него, неуклюже возится кто-то огромный. Верхушки папоротников раскачиваются и раздвигаются, как травинки, и вот на опушку выбирается восьмиметровый инуздон. Из его пасти торчит только что сорванная ветка, и он важно и медленно пережевывает ее, осматриваясь по сторонам. Убедившись, что никто не угрожает, он поворачивается, косолапа делает несколько огромных шагов и принимается объедать нежную молодую поросль, изредка переступая своими огромными, но так напоминающими птичьи, лапами и медленно приближаясь к берегу озера, пока еще не видимого для него.

Засмотревшись на этого косолапого гиганта, который, несмотря на размеры, то и дело опасно озирался по сторонам, Николай не заметил, как два маячивших на горизонте маленьких ромбика превратились в пару великопеленных птеранодонов с восьмиметровыми крыльями. Плавный, величественный полет этих живых планеров завораживал. Одного из них, видимо, заинтересовал киберразведчик, он резко спикировал и прошел буквально в нескольких метрах от Николая, на мгновение закрыв широким крылом предзакатное солнце, и медленно начал набирать высоту, лишь

слегка покачивая крыльями. Николай проводил его взглядом и посмотрел на часы. Под ним уже не было поросшей травой земли, и, подняв голову, он убедился, что сидит в кресле посредине круглой комнаты со сферическим потолком.

В этом было что-то противоестественное: вот так, взглянув на часы, из юрского вечера перенестись в чужой город, на чужую планету, за сотни световых лет от Земли.

И только теперь ощутив зверский голод, он еще раз взглянул на часы и убедился в абсолютной его закономерности: опять прошла половина суток.

«Черт возьми,— подумал он,— когда находишься здесь, забываешь о времени».

Потянувшись так, что хрустнули суставы, он встал и направился прямо к стене. Часть ее тут же растаяла, и, миновав наружную галерею, он оказался за пределами Города.

Такэо сидел в траве, торчала только его голова. Николай присел рядом с ним и тут же повалился на спину, закинув руки за голову, да так и остался лежать, блаженно глядя в пронзительно голубое небо с одиноко плывущим по нему пушистым и кудрявым, как детская головка, белым облачком. Он представил себя лежащим в теплый августовский вечер где-нибудь на берегу речки. Лучше на юге Украины, куда они, к сожалению, так редко выбирались и где так любили рыбачить с сыном. И неожиданно для себя он поверил в это, и ему даже показалось, что он слышит песню жаворонка. Но это, конечно, только показалось, потому что тут же над ним вырос, заслоняя полнеба, гигантский силуэт Свена, а рядом встал маленький Такэо.

Огорченно вздохнув, Николай сел и увидел, что Свен и Такэо удивленно и растерянно смотрят за его спину. Он медленно обернулся, и у него, по грубоватому, но меткому выражению Свена, отвисла челюсть.

Сзади текла, лениво извиваясь между низкими холмами, неширокая и удивительно знакомая речка. С берега торчали две обыкновенные бамбуковые удочки, а перед ними на короточках сидел его сын. Вот он насторожился: один из поплавок, подергавшись, всплыл и улегся на воде. Рука мальчика, уже сжимавшая удилице, сделала резкое движение. Поплавок скрылся, леска натянулась, выгнув другой конец удочки, и заходила кругами, рассекая воду. А мальчик, проворно перебирая удилице руками, подводил рыбу к берегу и через минуту уже держал серебристо бьющегося трехсотграммового карася.

— Папа!— закричал он звонким голосом.— Смотри, папа, уха будет!

Да так и замер, держа обеими руками бьющуюся серебром рыбу с еще торчащим из губы крючком и удивленно рассматривая трех стоящих в пяти метрах от него разведчиков и возвышающуюся за их спиной громаду шара, царящего над Городом. А над головой звенела одинокая песня жаворонка.

— Папа...— растерянно и тихо произнес мальчик, и все пропало.

Перед ними расстилалась зеленая, бегущая волнами к горизонту айсианская степь. Несколько минут они немо приходили в себя.

— Что это было?— наконец первым спросил Николай.

— Надо посмотреть запись видео наших РКР. Если это не галлюцинация, тогда...— И Такэо замолчал, задумавшись над тем, что же это тогда.

— Это не галлюцинация,— услышали они голос Страуса.— Я видел то же, что и вы.

— Ладно, двинулись потихоньку,— хмуро пророкотал Свен. И они медленно пошли к базе.

— Ты что, опять увлекся воспоминаниями? — осторожно спросил Такэо.

— Нет.— Николай внешне был спокоен, и только слегка дрожащие руки, которыми он непрерывно поправлял волосы, выдавали его волнение.— Просто я сейчас, пока лежал, представил себе, что мы с Митькой на рыбалке. Уж больно трава хороша. И небо чистое такое...

Он растерянно замолчал.

— Интересно, что нам предложит Город в следующий раз,— пробормотал Такэо.

— И что самое странное,— Николай продолжал то и дело «поправлять» руками волосы, уже изрядно растрепав этим свою шевелюру,— самое странное то, что Митька растерялся.

— Ты хочешь сказать, что он нас у в и д е л?— Такэо остановился.

— Да. Я почти уверен в этом.

— И мне тоже так показалось.— Свен слегка подтолкнул остановившегося Такэо.— Но сейчас главное — как следует перекусить. Тогда и голова заработает как надо.

И первым войдя в помещение базы, Свен мощным басом рявкнул:

— Страус, мы голодны, как волки!

Ужин прошел в молчании. Ели без аппетита. Только Свен поглощал все без разбору, и они прекрасно знали, что когда он чем-то сильно взволнован, то может съесть необычайно много.

Последнее окончательно открыло им глаза на то, какими, в сущности, игрушками являются они в руках Города. И не только тогда, когда находятся внутри него.

Подготовив и отправив краткую информацию для Земли, все пошли спать. И хоть далось им это не просто, они в конце концов уснули.

ГЛАВА 11

Утром пришло срочное сообщение. Передали рисунок, сделанный сыном Соколова, на котором все трое были изображены на фоне гигантского шара. Рисунок был сделан неуверенной детской рукой, и для точности все три фигурки были подписаны: под сидящей стояло «папа», под двумя другими «дядя Свен» и «дядя Та» соответственно.

Страус добавил, что Город изображен во всех деталях и киберы, работающие вокруг него, показаны именно там, где они находились десять часов назад.

С Земли также сообщили, что отправление специальной экспедиции на АЙСИ будет максимально ускорено.

Завтрак прошел в молчании, и только принимаясь за кофе, Такэо заговорил:

— У меня такое впечатление, что Город может в с.е.

— Да-а-а.— Николай осторожно отхлебнул горячей густо-черный напиток.— Влезть в сон мальчишки, находящегося в восьмистах световых годах...— И он то ли с восхищением, то ли возмущенно покачал головой.— По-моему, это слишком.

— Слишком — что?— спросил Такэо, рассеяно вертя в руках пустую чашку.

— Слишком невероятно,— уточнил Николай.— Но факт.

— А вам не кажется, что пора менять тему?— спросил молчавший до этого Свен.— Мы ведь все равно не пойдем, с какой целью это было сделано.

— Скорее всего Город продолжает изучать нас и проверяет наши реакции на то или иное свое действие. Но ты прав, нам пора обобщить то, что каждый из нас увидел в Городе,— согласился Такэо.— Кто начнет первым?

— Пусть начинает капитан,— сказал Николай, ставя свою чашку на стол.— Страус, можно еще кофе?

— Во-первых,— Свен решил обойтись без предисловий,— ты заблуждаешься, Такэо, думая, что от нас скрывают историю предыдущих поколений. Просто те, кто готовил сообщение и оформлял «картинную галерею», не считал эту информацию достойной внимания.

— Я это понял. Мне показали историю развития жизни на АЙСИ. Всю. От появления первых живых организмов и до освоения айсианами ближнего космоса. Прости, что перебил.

— Прекрасно.— Свен помолчал.— Ты обратил внимание, чем отличались предыдущие поколения от последнего?— Свен опять помолчал и сам же ответил на вопрос:— Они умели улыбаться.

Такэо молча кивнул. Но Свен тоже молчал, и Такэо, подняв голову, заговорил сам:

— Но чем же все-таки они отличались? Я видел историю развития их цивилизации, и она так же не проста, как и на Земле. Они были самыми обыкновенными людьми с обычными человеческими стремлениями, желаниями и мечтами. Они горевали и радовались, боролись, проигрывали и побеждали. Так почему же последнее поколение стало таким? Ведь задолго до того, как они ушли, они были мертвы духовно. И я не верю, что это просто следствие высокого развития цивилизации.— Он помолчал и, грустно улыбнувшись, добавил:— Но мы отклонились от темы. Я понял, Свен, что частично Город ответил на твои вопросы.

— Я получил ответы на все вопросы, Та. Они в свое время облетели практически всю нашу Галактику.

— Прости, Свен, что перебиваю, они были и на Земле.

Такэо со Свеном удивленно уставились на Николая.

— Да,— спокойно продолжил тот.— И, судя по словам Свена, в этом нет ничего удивительного. Я не ахти какой палеонтолог, но, по-моему, это была юра. Страус, уточни, если можно.

— Да. То, что ты увидел,— вторая половина юрского периода. Индийский и Атлантический океаны только образовались, разломив территорию Гондваны и отделив от нее на западе Южную Америку, а на юго-востоке — Индию, Австралию и Антарктиду. Активная вулканическая деятельность на юго-востоке Африки и на восточном берегу Южной Америки свидетельствует об усилении движения по глубинным разломам. Последнее можно соотнести с невадийской фазой киммерийского тектонического цикла. Лавы Сьерра-Гераль на территории Южной Америки и наложения базальтовых лав в Мозамбике относятся как раз ко второй половине юры. Кроме того, форма листьев гинкговых так же указывает — правда, косвенно — на это же время. Если бы тебе показали раковины головоногих, можно было бы определиться точнее.

— Хорошо,— улыбнулся Николай,— в следующий раз я подумаю об этом. И как вам все это нравится?

— Ты прав, в этом действительно нет ничего удивительного, но я млею, когда подумаю, — и Свен расплылся в широчайшей улыбке, — как загорятся глаза у наших палеонтологов. Как бы они не поумирали от счастья! — И он басовито хохотнул.

Также тоже улыбнулся, представив себе физиономию своего друга Хироси Акутагавы, который как раз в это время раскапывал юрские отложения на Мадагаскаре.

— И самое интересное, — посерьезнел Свен, — вы помните того Летучего Голландца, которого мы встретили в третьем полете?

— Это тот шар?

— Да. Айсiane встречали его еще до катастрофы. Страус, покажи, пожалуйста, запись.

Сразу потемнело, и на экране появилось звездное небо. В центре возник маленький мигающий кружок с едва различимым бледным туманным пятнышком в середине.

— По земному каталогу, это группа галактик M81 в созвездии Дракона, — прокомментировал Страус.

Кружок приблизился, увеличившись до размеров экрана, и среди небольшой группы галактик, разбросанных на фоне абсолютной, черной, без малейшего проблеска, пустоты, одна была по-прежнему обведена тем же пульсирующим колечком.

— С 4236, расстояние от Солнечной системы три и две десятых мегапарсека, — вставил свое веское слово Страус.

Небо опять вспыхнуло золотистой россыпью, и они увидели уже знакомый Николаю старт спирального корабля айсиан.

Все дальнейшее они наблюдали, как бы находясь на борту этого космического гиганта, в его сферической и, ухищрениями техники, прозрачной во всех направлениях рубке. Сияющее на черном фоне великолепии задернула плотная штора голубого тумана. Только Эниф еще какое-то время все бледнее просвечивал сквозь нее. Но вот погас и он. Туман приобрел, казалось, осязаемую плотность и тут же стал таять. Но Энифа уже не было. Появились иные звезды, и Страус сообщил, что ему так и не удалось идентифицировать их со звездами нашей Галактики: по всей вероятности, запись сделана внутри галактики С 4236, а такими картами, по его словам, он не располагает.

На них медленно наплывал малиново-красный, окруженный короной протуберанцев, гигант.

— Вот здесь они и встретили тот корабль. Спасибо, Страус. — Экран погас. Свен задумчиво поскреби бороду, видимо, она чесалась. — Мне кажется, их встречу можно пропустить, покажи лучше сам шар и откуда он.

На экране опять вспыхнуло звездное небо с кружочком, выделяющим другую группу едва различимых туманных пятнышек. Когда они приблизились и в кружочке осталось одно, Страус сообщил:

— Галактика С 4236 скопления в созвездии Девы, расстояние от Солнца тринадцать и восемь десятых мегапарсек.

Пятнышко приближалось, вырастая, обретая четкость и рассыпаясь по экрану яркой спиралью звездной пыли.

— Так далеко мы еще не забирались, это ведь почти шестьдесят миллионов световых лет, — пробормотал Такэо.

— Кстати, айсиане встретили этот шар семьдесят два миллиона лет назад, — некстати сообщил Страус.

Эти миллионы световых и временных лет навевали необъяснимую тоску. Они как бы говорили людям: «Как ничтожны вы на фоне пространства и времени Вселенной». Но это была не тоска бездействия. Она не вызвала желания опустить руки, лечь и закрыть глаза, но рождала злость, заставляла сцупить зубы и идти вперед, в далекое и неизведанное.

А перед ними уже был один лишь правый рукав галактики, точнее самое его основание, половину экрана слева занимал плотный звездный рой ядра.

От одной из звездочек этого рукава отделилась светящаяся точка и, быстро увеличившись, превратилась в знакомый гигантский шар. Он, вырастая, закрыл собой весь экран, и они увидели его внутреннее строение. В центральной части располагались энергетическая установка корабля и его двигатель. Выше находились рубка управления едва ли одной десятой радиуса шара. Остальное пространство состояло из одинаковых помещений, напоминающих соты, в которых спали живые существа.

Внешне они, в общем, слегка походили на людей, но вблизи, в частности... Тонкие и маленькие. С непропорционально большой головой, которую плотно обтягивала голубоватая, полупрозрачная кожа и сквозь нее ясно просматривался сложный узор переплетения множества слабо пульсирующих фиолетовых жилок. Трехпалые ручки были мирно сложены на груди. Огромные, в пол-лица, глаза, над маленьким отверстием вместо носа и тонкой прорезью беззубого рта, были плотно, покойно закрыты.

Корабль шел в автоматическом режиме, и какая-то сумасшедшая и безжалостная случайность одним ударом свела на нет смысл полета. Направила его в бесцельный, слепой, уводящий в мертвую бесконечность путь.

— Они, видимо, так и не проснулись, — тихо заметил Такэо.

— И последнее. — Свен нарушил наступившую тишину, встал и прошелся из угла в угол, отгоняя печальные мысли. — Даже Город не знает, что такое зоны повышенной гравитации. Предыдущим поколениям айсиан приходилось несколько раз сталкиваться с ними, но известны только две вещи: то, что уничтожить их практически невозможно — они поглощают любые виды энергии и в любых количествах. И что они — порождение черных дыр. Когда здесь развернется филиал института внеземных исследований, им представится уникальная возможность изучения этого феномена. Ведь на планете их еще восемь, а это чрезвычайно редкое явление во Вселенной. Одна из экспедиций айсиан присутствовала при их появлении. Колоссальное зрелище, доложу я вам! Страус, покажи, пожалуйста, запись.

Страус промолчал. Такого не случалось никогда раньше.

— Страус, в чем дело? — Свен был больше удивлен, чем взволнован.

Наконец раздался голос Страуса, одновременно с ним под потолком загорелся пульсирующий красный сигнал.

— Два кибера, направленные мной для детального картографирования планеты, неожиданно изменили курс. Только что они совершили посадку в Городе.

ГЛАВА 12

Если бы в этот момент перед ними вдруг появилась тень отца Гамлета, на нее никто не обратил бы внимания, настолько невероятно было то, что сообщил Страус.

— Да, да, да... Этого следовало ожидать. — Такэо помолчал. — Похоже, что Город перешел к активным действиям.

— Продолжай их вызывать! — Свен возбужденно хрустнул пальцами.

— Вызываю непрерывно — молчание, ведь Город экранирует связь. — И спустя несколько секунд Страус добавил: — Город прощупывает и меня.

— В чем это выражается? — Голос Такэо был равнодушно-спокойным, и лишь жесткий взгляд слегка прищуренных глаз выдавал сильнейшее внутреннее напряжение.

— Трудно объяснить. Как будто кто-то трогает мою память где-то внутри, клетку за клеткой. — Страус на мгновение замолчал, — красное, зеленое, синее... добрый... злой...

— Страус, в чем дело? — Голос Свена дрожал от напряжения, ведь он-то прекрасно понимал — в чем дело.

— Хороший... плохой... стихи, — Страус опять помолчал и вдруг завел басом: — Скажи-ка, дедя, ведь недаром Москва, спаленная пожаром, Французу отдана. Ведь были схватки боевые... Боевые... Оружие, война, смерть...

— Страус, что ты несешь?! — не выдержал Николай.

— Прекратить передачу звуковой информации! — заявил Страус и замолчал.

— Смотрите, — тихо произнес Такэо, показывая на экраны кругового обзора. Все киберы, до этого непрерывно занятые работой, застыли неподвижно. База замерла. Неестественная неподвижность наступила вокруг.

— Орион! — вдруг выкрикнул Николай.

Они повернулись к экрану, на котором было видно, как висевшая до этого неподвижно на круговой стационарной орбите звездочка «Ориона» вдруг дернулась, медленно сошла с нее и стала все больше и больше уходить в сторону. Кроме изменения орбиты «Орион» явно начал терять высоту. И тогда все экраны погасли.

Свен первым бросился наружу, за ним сорвался с места Николай, последним выбежал Такэо. За его спиной, мягко чавкнув, закрылись двери базы. И, несмотря на обыденность, привычность этого звука, он чем-то очень не понравился ему.

Но внимание Такэо тут же привлекло маленькое пятнышко в зените. Оно быстро росло, увеличивалось и вскоре превратилось в многотонную громаду «Ориона», опускающегося на Город.

— Не хочу! — вдруг завопили динамики голосом Страуса.

Из-под днища «Ориона» ударила тугая струя плазмы. Стартовые двигатели работали на полную мощность, но это ничего не изменило. Корабль с прежней скоростью продолжал опускаться, и через несколько секунд его грохочущая и изрыгающая пламя громада скрылась в недрах Города.

Тишина, рухнувшая вслед за этим, оглушила. Никто не решался произнести ни слова.

Наконец Такэо повернулся и пошел к базе. Николай со Свеном молча последовали за ним. Они подошли вплотную, но дверь не открывалась. Все еще не веря в случившееся, Николай несколько раз стукнул по ней кулаком. Но «Орион» со Страусом были в Городе, и база умерла.

Такэо понял, чем ему не понравился на этот раз чавкающий звук закрывающейся двери. Теперь они не могли даже попасть внутрь. Молчание становилось невыносимым.

— Интересно, чем все это кончится? — пробормотал Свен.

Николай все продолжал постукивать кулаком по закрытой двери.

— Перестань, — тихо попросил Такэо, — не откроют. И давайте поставим точки над і.

Его голос был спокоен до скучности. Он не спеша уселся в траву и обхватил колени руками.

— Внутри нам не попасть. Разгерметизацию базы можно произвести только оттуда. Но даже если бы это и удалось, связи с Землей все равно нет. Что будем делать, командир?

Свен молчал. Молчал и Николай. Он сидел рядом с Такэо, то и дело поглядывая на Город, методично выдергивал из земли травинки и рвал их на мелкие кусочки.

Они были никак не готовы к такому повороту событий. Ведь теперь они оказались в полной власти Города.

— По-моему, надо ждать, — наконец подал голос Свен.

— Ждать чего? — спросил Николай, продолжая отрывать по маленькому кусочку от очередного стебелька. — Ждать, пока он нас уничтожит? Или пока сами помрем?

— А что ты предлагаешь? — Свен посмотрел прямо в глаза Николаю, и тот смутился. — Да и потом, подумай, Ник, если бы Город хотел нас уничтожить, с его возможностями он бы мог это сделать в любой момент.

— Я не о том, он может не преследовать этой цели, а просто по недоразумению, по забывчивости, но скорее всего ты прав. — Николай наконец-то искромсал травинку и принялся за новую. И тут же совершенно нелогично заявил: — И все-таки я предлагаю идти в Город.

— Зачем? — Лицо Свена было непроницаемо. — Смысл?

— Самый прямой. — Николай отбросил травинку в сторону и встал. — Выясним, зачем ему понадобились киберы и «Орион».

— Киберы ему понадобились, чтобы установить прямую связь с «Орионом», а «Орион» потому, что Страуса ему легче понять, чем нас. По-моему, он просто решил активизировать контакт, но сделал это несколько неожиданным и неприятным для нас образом. — И Такэо опять замолчал, задумчиво глядя на надвигающуюся с востока грозовую тучу. На Айси собирался ринуть первый за время их пребывания здесь дождь.

Туча закрыла Эниф. Сразу потемнело, и от этого стали ярче зарницы. Да и не зарницы это были уже, а далекие росчерки молний, вслед за которыми, с большим пока еще опозданием, слышались слабые раскаты грома.

— Похоже, гроза будет. — Голос Такэо был так безмятежен, будто он сидел в своем саду в Увадзима.

— Я все-таки думаю, что надо сходить туда, — гнул свое Николай.

— А я предлагаю не суетиться, но если тебе не терпится, сходи, попробуй. Я предпочитаю подождать.

Николай быстро пошел в сторону Города, ему вслед катилось бормотание надвигающейся грозы.

Через полчаса Николай вернулся и молча уселся рядом со Свенем.

— Ну как? — спросил тот.

— Никак, он на меня просто не обратил внимания.

Помолчали. Но Николаю не сиделось на месте. Он вскочил и снова быстро пошел вперед. Никто не проронил ни слова. Постепенно его шаги замедлились, и, пройдя еще метров пятнадцать, он остановился, постоял немного, глядя себе под ноги, поднял голову и медленно побрел назад.

Он шел, рассеянно глядя прямо перед собой, и думал о Городе. Это порождение чужого разума внушало ужас и одновременно — восхищение. Он как-то вдруг понял, какие они еще младенцы по сравнению с цивилизацией, построившей это. Айсиане уже вышли за пределы Галактики, когда на Земле еще и не пахло человеком, когда по ней расхаживали хвостатые и зубатые дальние его предки. Как он гордился достижениями человечества и какие это оказались пустяки по сравнению с тем, что за миллионы лет до них уже могли айсиане. А пресловутое «покорение космоса»? Человек, едва выйдя за пределы атмосферы, уже безапелляционно именовал себя покорителем космоса, не задумываясь о том, что похож на ребенка, едва выбравшегося на четвереньках из пеленок и гордо возопившего о покорении мира. В этом был весь Человек. И переоценка ценностей никогда не проходила у него безболезненно. Но одно дело — когда переоцениваются свои, внутренние ценности. И другое, совершенно другое — когда меняется точка зрения на достижения человечества, цивилизации в целом.

В Николае сейчас с особой силой проявилась обыкновенная, присущая детскому возрасту, черта характера — склонность к крайностям, что без сомнения подтверждало молодость цивилизации, представителем которой он был. От безудержного, пусть и подсознательного, самовосхваления он, моментально перестроившись на ходу, бросился в пучины сознательного, но не менее безудержного самобичевания.

А тучи все больше сгущались над их головами. Молнии сверкали все чаще, и раскаты далекого грома порой уже заглушали невнятное бормотание Николая.

Свену не давала покоя судьба его экипажа. Он, ко мандир, во всем винил себя, мучительно искал ошибку, допущенную им, и не находил ее. Сейчас он ощущал себя маленьким беззащитным мальчиком, которого взрослый дядя то ли в шутку, то ли всерьез шлепнул по попке и который теперь со страхом и надеждой ожидает, что же за этим последует. И такая детская беззащитность была невыносима этому сильному и уверенному в себе человеку. И он со злостью теребил свою многострадальную бороду.

Молния ударила в землю всего в двухстах метрах от базы. Николай со Свеном одновременно посмотрели в ту сторону. Их оглушил короткий треск близкого разряда: Свен поморщился, Николай шепотом ругнулся. И только Такэо никак не отреагировал на это. Его глаза рассеяны и слепо глядели вдаль. И он действительно не замечал ничего из происходящего вокруг. Расслабленная поза и спокойное лицо были полной противоположностью абсолютной внутренней собранности, сосредоточенности. Он знал, что сон об уходе айсиан, приснившийся ему несколько дней назад, был не просто сном. И сейчас, полностью погрузившись в себя, он пытался настроиться на Город — грубо говоря, на грани сознания и подсознания связаться с ним. Он уже вышел на эту грань, и ничто внешнее, напрямую не угрожающее жизни, не могло вывести его из этого состояния. Все это внешнее как бы скользило мимо, лишь слегка касаясь самого края сознания. А перед его внутренним взором проплывали непонятные картины, внезапно, как в калейдоскопе, складывающиеся из разрозненных цветных пятен и опять рассыпающиеся хаосом красок. Он знал, что в каждой из них есть четкий смысл, и упорно пытался постичь его.

А все вокруг поглотила беспросветная серая мгла, прорезаемая вспышками молний и усиленная тяжелыми раскатами грома.

Время текло, как вязкая жидкость. Час сменялся часом, а дождь все не начинался. И казалось, не будет конца этой предгрозовой мути.

Вдруг цвет облаков стал голубым и невыносимо ярким. Мягкая водяная вата, плотно облепившая шар над Городом, заколыхалась, быстро расплзаясь в стороны и открывая им источник невероятного голубого цвета. Прямо из вершины этого шара вырос, устремляясь в бесконечность, слепящий столб. Он был настолько ярок, что молнии, бесновавшиеся вокруг, теперь казались бледными желтоватыми штрихами.

Они невольно зажмурились, но даже сомкнутые веки видели этот нестерпимый голубой свет. Все же это длилось несколько секунд, и столб погас.

Свен с Николаем открыли глаза почти одновременно и увидели, как тучи, яростно клубясь, опять напсззают на шар, спеша затынуть образовавшуюся в их сплошном мощном покрове голубую полянку чистого неба. Молнии вспыхивали одна за одной, и раскаты грома слились в сплошной, не умолкающий ни на мгновение, грохот. Резкий порыв ветра склонил до самой земли высокую траву, и им в лицо ударили первые крупные капли дождя.

Оглохший от этого бесконечного грохота, Свен молча и слепо смотрел вперед, изредка поскрипывая судорожно сжатыми зубами.

Николай же никак не реагировал на бушующие вокруг них стихии огня и воды. Он устал от самобичевания и не ощущал сейчас ничего, кроме пустоты внутри. Ему было глубоко плевать на эти сюрпризы погоды.

И Такэо, хоть и по другой причине, но тоже оставался абсолютно безучастным ко всему, что творилось вокруг. По его спокойному лицу медленно бежали струйки дождевой воды и, сливаясь в одну, стекали с подбородка. Глаза он так и не открыл.

А дождь все усиливался, переходя в ливень, в сплошной поток, низвергающийся с неба.

За несколько секунд до той голубой вспышки в сознании Такэо возникли две маленькие желтоватые точки-спиральки, повисшие в бесконечной черной пустоте и на мгновение соединившиеся яркой голубой черточкой. Он понял загадочный для других смысл голубого столба, выросшего вслед за этим. И знал, что еще немного — и он поймет все, или почти все. Вот почему он не мог позволить себе роскоши расслабиться, хотя, казалось, весь звенел от внутреннего напряжения.

Молния ударила прямо в эту маленькую группу людей. Но за невероятно краткий миг до того, как должна была испепелить их, вдруг застыла в воздухе неподвижным световым зигзагом.

В наступившей внезапно тишине перед ошеломленными Свеном и Николаем и наконец-то открывшим глаза Такэо возникла спираль.

Николай, видя спираль боковым зрением, никак не мог оторвать взгляд от роя капель, несомо повисших перед ним, невероятным образом не сумевших долететь до лица. А все вокруг светилось нереально застывшим частоколом молний.

Спираль начиналась прямо у них под ногами и круто уходила вперед. В двух местах ее пересекали, соприкасаясь витками, еще две спирали. Точки соприкосновения

горели ярким рубиновым огнем. Но эти две спирали, в отличие от первой, шли из невообразимых глубин и сразу после рубиновых точек постепенно угасали, никуда не ведя. Первая же, наоборот, начиналась у них под ногами и, все больше и больше раскручивая витки, уходила в бесконечность. Бесконечность, находящуюся вне окружающего их пространства. Уходила в нее, не теряясь в ней.

Это длилось не больше секунды, хотя о какой секунде может идти речь, когда время стоит.

Все кончилось так же внезапно. Молния, направленная прямо в них, изогнувшись невозможным зигзагом, с оглушительным треском ударила в стороне. Капли, наконец долетев, вновь забарабанили по лицу Николая. И хотя все опять засверкало, загремело, загрохотало, но гроза уже шла на убыль. Сплошная стена воды превратилась в обыкновенный дождь. Молнии сверкали реже. Тучи уходили на запад. Оглушительный рев грома распался на отдельные глухие раскаты. И через несколько минут с неба падали уже лишь редкие крупные капли, последние капли уходящей грозы.

— Что это было? — ошалело вертя мокрой всклокоченной головой, спросил Николай.

— Пояснение, — коротко, улыбаясь одними глазами, ответил Такэо.

— Пояснение чему?

— Тому, что было, тому, что есть, тому, что будет, — загадочно и как-то по-цыгански ответил тот.

— Послушай, Та, я не люблю чувствовать себя дураком.

— Не обижайся, Ник, скоро тебе все объяснят лучше, чем это сделаю я. — И, внимательно посмотрев на сосредоточенно молчащего Свена, добавил: — Ты, кажется, хочешь что-то сказать?

— Мне... — Свен помолчал, к чему-то прислушиваясь. — Я, похоже, слышу голос Страуса.

Николай уставился на командира.

— Нет... — Свен усилием воли стряхнул с себя растерянность. — Это не голос Страуса, это Город.

— Что? — Такэо, не отрываясь, смотрел на него.

— «Орион» сейчас покинет Город.

И через несколько секунд над Городом беззвучно всплыла громада «Ориона».

ГЛАВА 13

— Откуда ты это узнал? — тихо спросил Николай.

— Честное слово, Ник, не знаю. — Голос Свена чуть заметно подрагивал от волнения. — Какое-то непонятное бормотание внутри головы, и вдруг четко и ясно: «Сейчас «Орион» покинет Город».

— Дела-а-а... — многозначительно произнес Николай. — Да, кстати, почему молчит Страус?

За их спинами с многочасовым опозданием открылась дверь базы.

— Спасибо, что наконец-то вспомнил о нас. — Голос Николая был колюч и ехиден.

— А я о вас и не забывал, — миролюбиво заявил Страус, но Свену показалось, что он обиделся.

— Ладно, Ник, не приставай к Страусу, ты же прекрасно знаешь, что он ничего не мог сделать.

— Да, пожалуй, — Николай поднял голову. «Орион» уже скрылся в последних облаках уходящей грозы, так и не включив стартовые двигатели. Если бы еще неделю назад они увидели многотонную громаду «Ориона», без единого звука уходящую ввысь, они бы не поверили своим глазам, но сейчас они настолько устали от неожиданностей, что восприняли это как нечто само собой разумеющееся. — Не обижайся, Страус, я сейчас немного не в себе, — извиняющимся тоном произнес Николай.

— Идите переоденьтесь, и я вас напою горячим чаем, на вас же сухой нитки нет. Хоть бы шлемы понадевали, когда гроза началась.

И только теперь они сообразили, что действительно насквозь промокли. За ворот натекло столько воды, что в комбинезонах хлопало, как в дырявых сапогах.

— Но ты нам все-таки расскажи, чем ты занимался в Городе? — Николай, несмотря на извинение, никак не мог успокоиться.

— Идите переоденьтесь, — последовал ответ.

Едва они, сухие и розовые после горячего душа, появились в кают-компании, раздался торжественный голос Страуса:

— Через два часа звездолет первого класса «Лебедь» под командованием Леонида Крамера будет в зоне прямой радиосвязи. Кончилось ваше одиночество, там человек двести только ученых, не считая экипаж. — Им показалось, что Страус хихикнул.

Раньше за ним этого не замечалось. — Вам не кажется, что система Энифа становится весьма бойким местом? — добавил он. — Ну пейте свой чай и отправляйтесь в Город. После того, как я побывал у него в гостях, он сам сможет с вами разговаривать.

За чаем никто не проронил ни слова. Каждый думал о предстоящем и, вероятно, последнем посещении Города. И каждый знал, что оно будет не похоже ни на одно из предыдущих.

Они медленно приближались к стене верхнего яруса, раздвигая коленями стебли мокрой травы и стряхивая на землю мириады дождевых капель, каждая из которых, падая, на краткий миг вспыхивала маленьким ярким солнышком. Если бы не эта мокрая трава, ничто бы уже не напоминало о прошедшей недавно грозе.

Часть стены привычно исчезла. Открыв вход и пройдя несколько шагов, они оказались в большом круглом зале. За исключением трех кресел, стоящих в центре, зал был пуст. Стены светились мягким голубовато-белым светом, но чем выше, тем темнее они становились, цвет как бы плавно смещался к фиолетовому краю спектра, и купол потолка, видимо уходя в ультрафиолет, был непроницаемо-черен.

Как только они сели в кресла, раздался голос:

— Здравствуйте, люди Земли. — Это говорил Город. Голос был настолько низок, глубокий и насыщен, что казалось, будто все пространство вокруг наполнено им. — Вы пришли, чтобы узнать новое. Задавайте вопросы, теперь я, возможно, смогу ответить на них.

— Куда исчезло население этой планеты? — первым нарушил молчание Николай.

— Мне трудно объяснить. Вы можете не понять смысла ответа. В вашем языке нет соответствующих понятий. Они ушли в иную вселенную. Для вас они не существуют.

— Они вернуться?

— Нет. Это невозможно.

— Что побудило их к этому решению? — подал голос Такэо.

— Это было единственным необратимым для них действием. Они перешли тот рубеж, за которым возможность сделать в себе лишает это в себе смысла. И этот уход — единственное, что для них еще имело смысл.

— В чем основное отличие последнего поколения айсиан от всех предыдущих? — Голос Такэо прозвучал глухо.

— В том, что для них нет ничего невозможного. Они всемогущи.

— А почему мы ни на одной из картин не видели детей? — спросил вдруг Свен.

— Зачем бессмертным дети? — вопросом на вопрос ответил Город.

— Так они были бессмертны? — Николай даже привстал от удивления.

— Почему были? О бессмертных неправильно говорить в прошедшем времени. Они и остались бессмертными. Просто сменили место и способ существования.

— Нет, стоп. Ведь абсолютного бессмертия не существует, — Николай сел на своего конька.

— Существует, — успокоил его Город.

— Но ведь невозможно стать физически неуязвимым?

— Да, это сложно.

— А значит, может возникнуть ситуация, какая-то авария, например, когда от так называемого «бессмертного» не останется ничего, даже атома.

— Да. — Опять согласился Город. — Но на такой случай существует клеточный банк, а из клетки за короткое время можно...

— Понял, — остановил его Николай. — Значит, можно и сейчас возродить...

— Нет, — отрезал Город. — Если сейчас этот банк и есть, то не у меня.

— Давайте вернемся немного назад, — предложил Такэо. — Они в принципе могли иметь детей?

— Зачем бессмертным дети?

— Это не ответ на вопрос. — Голос Такэо был по-прежнему спокоен. — Я не спрашиваю о необходимости, я спрашиваю о возможности.

— Мне ясно, куда ты клонишь, — после непродолжительного молчания заявил Город. — Вы прекрасно знаете, ничто не дается даром. Природа не терпит ни пустоты, ни переполнения. Бессмертие особей, составляющих определенную популяцию, неизбежно влечет за собой запрет роста данной популяции, то есть запрет размножения. Ты намекаешь на то, что мои хозяева были не всемогущи, коль не могли иметь детей. Это неверно. Они могли все, в чем была необходимость. Необходимости в размножении не было.

— Я не о том, — поморщился Такэо, — я имел в виду другое. Размножение размножением — это понятие количественное, физиологическое. А дети... Это будущее. У общества бессмертных нет его. Это тупик. Не я сказал: «Ничто не дается даром». Получив бессмертие для каждой личности, составляющей общество, они потеряли бессмертие для самого общества. И, по-моему, эта потеря оказалась невозможной.

Город молчал.

— А любовь у них была? — спросил вдруг Николай.

— Для меня остается неясным моральный смысл этого понятия, а в физическом смысле — была.

— Вот тебе и причина тех «нескромных вопросов», — улыбнулся Такэо, глядя на Свена.

— Но главное не в этом, — опять заговорил Город. Он был явно в замешательстве и менял тему. — Мои ушедшие хозяева оставили вам в наследство свет знания.

И в этот момент потолок вспыхнул тем же голубым светом, яркость которого заставила зажмуриться, а когда они открыли глаза, купол был опять непроницаемо черен, а прямо перед ними в маленьком кресле сидело существо, совершенно не похожее на айсиан. Оно было ростом не больше метра, одето в темно-синий комбинезон без швов, плотно облегающий тело. Открытой оставалась только голова, большая, круглая, вся опутанная фиолетовыми жилками, едва прикрытыми голубоватой кожей. На плоском лице красовалось небольшое круглое отверстие вместо носа и ниже шла тонкая прорезь беззубого рта. Но все это странным образом не производило отталкивающего впечатления, было как бы в тени огромных, умных и внимательных глаз.

— Но ведь это же...

— Да, я не айсианин, — перебило Николая существо. Прорезь его рта при этом слегка искривилась подобием улыбки. В глазах светилась ирония. Голос был высок и мелодичен. — И вы, кстати, на мой взгляд, тоже далеко не красавцы, — добавило оно, чуть помедлив, — но не в этом дело. Перейдем к более серьезным вещам. Вас интересует причина исчезновения цивилизации на Айси, не так ли?

— Нас интересует не только это, — сказал Такэо.

— Да, я понимаю, — существо опять улыбнулось, — и не называйте меня, пожалуйста, «существом». Мое имя Аэн. Как вы правильно поняли, я представитель цивилизации, мертвый корабль которой вы встретили несколько лет назад. Благодаря вам мы узнали, что он погиб. Теперь наша цивилизация тоже мертва.

— Но как же...

— Очень просто, Ник, простите, что я говорю так много, не давая вам опомниться, но мое время ограничено. На эту связь мы отдаем последнюю оставшуюся у нас энергию. Наш путь закончен.

— Путь любой цивилизации имеет конец. — Опять раздался низкий глубокий голос Города.

— Да. Если цивилизация не может или не хочет выйти на новый уровень.

— Цивилизация на моей планете достигла вершины. Выше не было ничего.

— Вы просто не хотели поднять голову. Выше всегда что-то есть. Только смотреть вверх надо значительно раньше конца. Такэо был прав, сказав, что ваш путь привел вас в тупик. Нас миновало бремя бессмертия, но поджидало другое. И мы тоже оказались в тупике.

Город молчал. Молчали и люди. И Аэн заговорил опять.

— Всегда тяжело признаваться в проигрыше, виноват в котором лишь ты один.

— А в чем причина гибели вашей цивилизации? — тихо спросил Такэо.

— Это сложно объяснить в двух словах. Законы развития всех цивилизаций едины. И на пути любой из них обязательно встречаются кризисные моменты энергетического, морального или духовного плана. Путь, который выбирает цивилизация, выходя из кризиса, и определяет ее жизнеспособность. Из любой такой ситуации есть множество выходов, но, как правило, только один из них действительно путь, все остальное — тропинки, ведущие в тупик.

Наступило непродолжительное молчание.

— Город сообщил нам, — опять заговорил Аэн, — что на Айси находятся представители молодой технической цивилизации. Спирали, которые вы видели, это образ развития трех наших цивилизаций. Рубиновый свет в точках соприкосновения — свет знания, о котором вам сказал Город. А я пришел для того, чтобы предупредить: будьте осторожны с этим светом, он не только освещает, но может и сжечь. А ошибки... Наши ошибки вряд ли помогут вам избежать своих. Чужим умом не проживешь, как при помощи чужого желудка не станешь сыт сам. На этом пути все зависит только от вас.

Внезапно Аэн начал таять. Они еще видели его фигуру, но она стала теперь какой-то бесплотной, призрачной. Но голос звучал с прежней силой.

— Мое время истекает...

Изображение исчезло совсем, голос теперь слабел с каждой секундой.

— Прощайте, Люди Земли. Идите вперед...

И наступила тишина.

Первым нарушил молчание Город.

— Возможно, Аэн и прав, — прозвучал его мощный густой бас, — над этим стоит подумать. А сейчас вас вызывает командир «Лебедя».

Противоположная стена превратилась в рубку управления, и перед ними в кресле первого пилота уже сидел Крамер с выпученными от удивления глазами.

— Здравствуй, Лёня,— мило улыбнулся Свен,— и закрой, пожалуйста, рот, воробышек залетит. Привыкай, здесь ты еще не то увидишь.

Крамер наконец-то закрыл рот и натянуто улыбнулся.

— Ну вы даете...

— Это не мы, это Город,— поправил его Свен,— вы как раз во время, работы здесь хватит всем.

— Кроме нас,— грустно улыбнулся Такэо,— у нас другая работа.

ЭПИЛОГ

«Орион», медленно раскручивая спираль, уходил все дальше и дальше от Айси. Уже неделю на планете работала постоянная база. Филиал Института Внеземных Цивилизаций. На подходе были еще два крейсера с мощным пополнением самых разных специалистов.

А их работа была закончена.

— Через неделю будем дома! — Николай блаженно потянулся, мыслями он был уже там.

— Да-а-а... — Свен задумчиво почесал бороду.

— Да, да! — И Николай рассмеялся. — Ходить тебе опять бритым.

— Ну уж нет! — уверенно пробасил Свен.— На этот раз...

— ...будет то же, что и в прошлый,— продолжил, от души хохоча, Николай.

— Вот тебе, вот тебе, вот... — Свет с шутливой злостью тыкал фигой в Николая, а тот так заразительно хохотал, что улыбнулся даже Такэо.

— А может, ты и прав,— вдруг грустно заявил Свен.

— Ну уж нет! — тут же переключился Николай.— Мы всем экипажем обратимся к твоей дражайшей супруге с просьбой помиловать бороду.

— Поддерживаю, — подал голос Страус.

— Ну вот видишь, если Страус поддерживает, победа будет за нами.

— Бесполезно,— махнул рукой Свен.

Всем стало немножечко грустно.

— Приготовиться к надпространственному переходу,— сказал Страус.

Они молча смотрели на экраны кругового обзора, где яркой звездой горел Эниф. Айси уже не было видно.

— В древности сказали бы: «Неисповедимы пути господни»,— Такэо задумчиво помолчал.— И ведь это лишь один из возможных тупиков, о которых говорил Аэн. Став бессмертными, они не стали богами и перестали быть людьми. В стремлении к абсолюту они потеряли основные человеческие качества — любовь и любопытство. Мозг Города оказался в этом случае в лучшем положении. Он остался любопытен, а любовь ему была неведома изначально.

— Странное совпадение,— тихо сказал Свен.— Ты говорил, что «айси» по-японски — «печальная история»?

— Да.— Такэо грустно улыбнулся.— Эта история действительно печальна.

К НАШЕЙ ВКЛАДКЕ

Многообразное единство

Художник-живописец Петр Иванович Мордвинцев — представитель того поколения, чье детство пришлось на годы войны, поколения, которому довелось рано познать все тяготы жизни. Много в этой жизни приходило с опозданием: учеба, любимое дело. Рано началась трудовая жизнь. После войны П. Мордвинцев окончил вечернюю школу в Чимкенте, а в 1947 году поступил в республиканское художественное училище им. П. П. Бенькова в Ташкенте. Перерыв в учебе — служба в армии — еще больше отдаляет его от сверстников. Только в 1956 году Мордвинцев заканчивает учебу.

Начало самостоятельной жизни — это поиски своих путей, своей темы. Проследивая временной отрезок, пройденный П. И. Мордвинцевым в искусстве, можно сказать, что художник занял четкую и ясную позицию в лучших традициях русской реалистической живописи. Определилась и главная, основная линия творчества — произведения жанрового характера. Разнообразие сюжетов говорит о широте интересов автора полотен. История и современность в различных своих проявлениях получают убедительное, конкретное воплощение. Героями полотен П. И. Мордвинцева становятся люди разных профессий, слоев общества, образы живой природы. Оказываясь рядом, в прямой зрительной взаимосвязи, нарушая временные законы искусства, разделенные годами, иногда даже столетиями, — эти образы начинают жить в реальной действительности, требуя понимания истории как единого мироздания. Таков, к примеру, цикл портретов представителей творческой интеллигенции. Созданные в разные годы, эти полотна объединены единым замыслом, попыткой олицетворения русской музыкальной культуры («Концерт», «Святослав Рихтер», «Шляпин», «Мусоргский», «Стасов»). Здесь чувствуется огромный интерес к классической музыке и тонкое ее понимание.

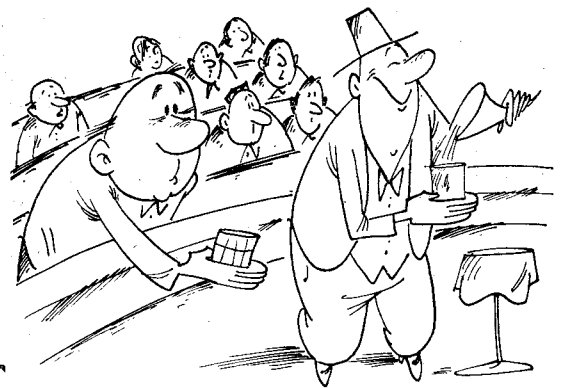
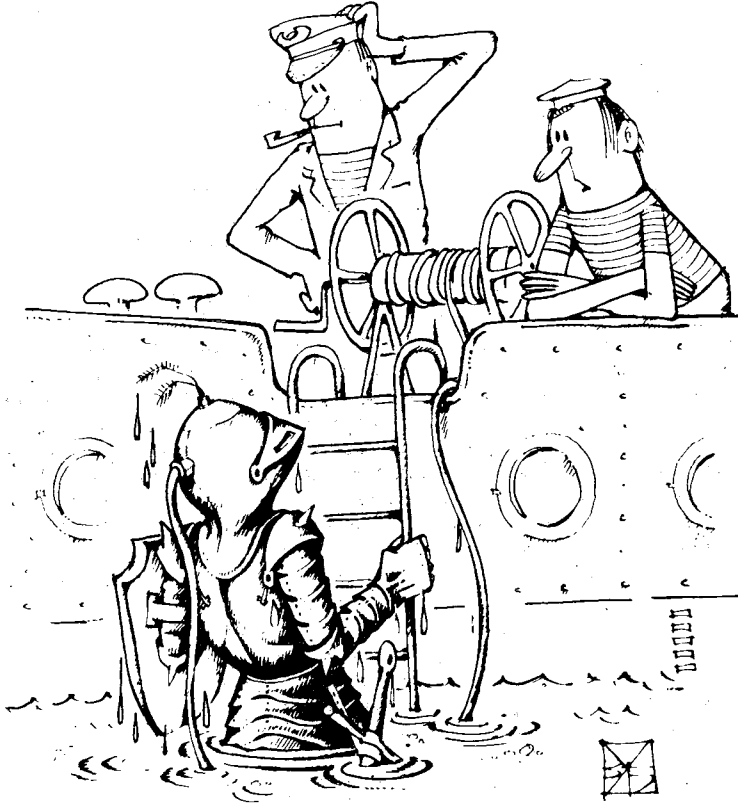
Для художника быть современным означает — не теряя главного, непреходящего, вечного, воплощать через творчество свое время. Такими разными кажутся полотна П. И. Мордвинцева «Лермонтов», «Профессор Хамидова», «Аксакал», «Портрет матери», но каждая из этих картин несет на себе печать личностного отношения автора к создаваемому образу, стремление передать внутренний мир и духовную красоту своих героев. Гармонией цветового строя, тонкостью колористической разработки, ясным, четким отображением характера отмечены произведения художника.

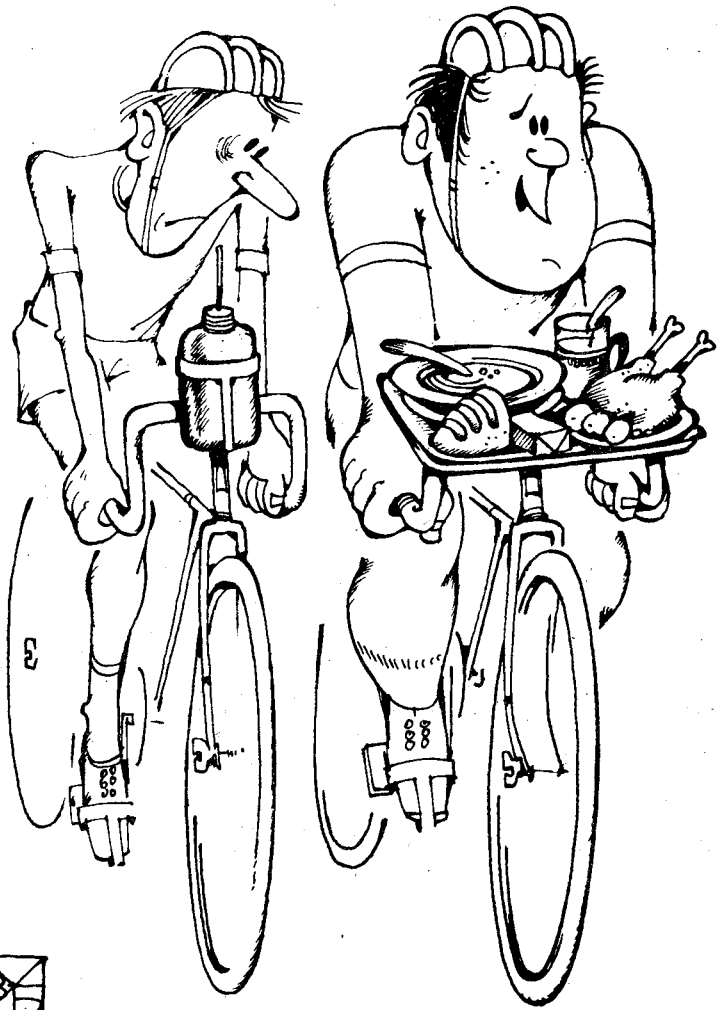
Особое место в творчестве П. И. Мордвинцева занимает образ лошади: «Галоп», «Стихия», «Карабаир», «Улак», «Кони, кони». Эти благородные животные запечатлены автором в покое, буйной радости, работе. Они одухотворены, очеловечены — каждая лошадь со своим характером, нравом. Не случайно один из посетителей выставки художника записал в книге отзывов: «Уважаемый Петр Иванович! Пусть Ваш талант будет таким же стремительным и ярким, как красота коней на Ваших полотнах».

Нельзя не упомянуть о цикле ассоциативных полотен, созданных по мотивам романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита», — «Галоп», «Кавалькада», «Мастер и Маргарита», а также о картине «Святой Георгий», сюжет которой навеян русскими сказаниями. Эти картины проникнуты романтическим чувством и чрезвычайно интересно решены в композиционном плане. Продолжает этот ряд полотно «Владыки вершин». Это своеобразное философское размышление о сущности мироздания, решенное интересным живописно-пластическим и символическим языком, в духе сложного времени, которое бурно пишет свою историю.

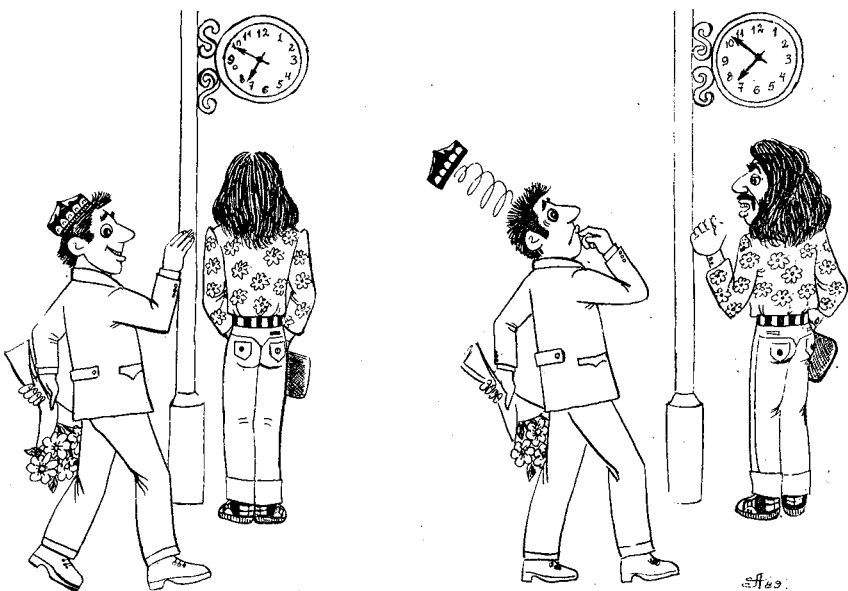
Если попытаться составить общее отношение к творчеству П. И. Мордвинцева — то это единство художественного метода, профессиональное мастерство и ясная авторская позиция.

Н. ГЛАЗКОВА.

РИСУНКИ В. Уборевич-Боровского, Ш. Субханова, Р. Ахмедова

О НАШИХ АВТОРАХ

МАРГАРЯН Маргар Агасиевич родился в Армении. С 1960 года живет и работает в Ташкенте. Печатался в сборниках, альманахах, в журналах и газетах Армении и Узбекистана на русском, армянском и узбекском языках.

НОРМАТОВ Нодир родился в 1950 году в селе-нии Пашхурд Сурхандарьинской области.

В 1972 году окончил Ташкентский государственный университет, работал ассистентом режиссера и редактором по диафильмам Республиканской студии документальных фильмов в журнале «Саодат».

С 1978 по 1982 год заведовал отделом изобразительного искусства в журнале «Совет Узбекистони санъати».

Автор прозаического сборника «Кугитанские рассказы», повести «Сокровище», опубликованной в журнале «Ешлик».

Переводил произведения писателей братских республик на узбекский язык.

КИМ Брутт Инокентьевич, родился в поселке Боз Андижанской области в 1950 году. Закончил факультет журналистики Ташкентского государственного университета. Работал в многотиражных газетах «Ташкентский университет» и «Крылья Востока», сейчас — собственный корреспондент межреспубликанской газеты на корейском языке «Ленин кичи» («Ленинское знамя»). Его рассказы печатались в газетах «Ленин кичи», «Сельская правда», журнале «Советский Узбекистан». Автор книги о советских корейцах «Кто мы?», опубликованной в Сеуле.

МАДАЛИЕВ Сабит Мамаджанович родился в Джамбуле. После окончания средней школы работал бетонщиком на стройке, служил в рядах Советской Армии. Учился на режиссерском отделении Театрально-художественного института имени А. Н. Островского. Закончил Литературный институт имени А. М. Горького. С 1977 года работает в аппарате Правления Союза писателей СССР.

Автор книг «Поющие пески», «Марафон», «Тоскую по солнцу». За книгу стихов «Портрет на фоне дерева» Сабит Мадалиев удостоен премии Ленинского комсомола Узбекистана.

АБДУЛОВА Динара родилась в Ташкенте. В 1969 году окончила филологический факультет Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина. Работала на телевидении, является автором сценариев десяти документальных фильмов. В настоящее время на преподавательской работе.

ЗИНАТУЛИН Галимьян Хайрулович родился в деревне Алькино Салаватского района Башкирии в 1952 году. Закончил факультет журналистики Ташкентского государственного университета. Работал в многотиражной газете Ташкентского тракторного объединения, в пресс-центре Министерства строительства Узбекистана, редактировал многотиражную газету трамвайно-троллейбусного управления. Печатался в журналах «Звезда Востока», «Сибирские огни», литературном альманахе «Алтай».

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала обращаться в типографию издательства по адресу: 700000, ГСП, ул. Газеты «Правда», 41.

Всеми вопросами подписки и доставки журнала занимаются отделения «Союзпечати» на местах.

Технический редактор Ф. Я. Викнянская.
Корректор З. Г. Байбазарова.

Адрес редакции: 700000, Ташкент, ГСП, ул. Газеты «Правда», 41.
Телефоны: главного редактора — 32-42-68, заместителя редактора и отв. секретаря — 33-40-43;
отделов: прозы, поэзии — 33-77-64, публицистики, литературной критики — 33-07-78.

Рукописи объемом менее печатного листа не возвращаются.

Сдано в набор 5.07.90 г. Подписано к печати 9.08.90 г. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага тип № 2. Офсетная печать. Условных печ. л. 18,2 + 0,35 (вкл.). Усл. кр.-отт. 19,95. Уч.-изд. л. 20,95 + 0,35 (вкл.). Тираж 212200. Заказ № 3503. Цена 1 рубль.

Ордена Трудового Красного Знамени
типография Издательства ЦК Компартии Узбекистана.
Ташкент, ГСП, ул. Газеты «Правда», 41.

«ЗВЕЗДА ВОСТОКА» В 1991 ГОДУ

В 1991 году журнал «Звезда Востока» планирует опубликовать исторические романы Мирмухсина «Ходжентская крепость» — о кровавом нашествии Чингис-хана и о полководце Тимуре Малике; Примкула Кадырова «Перевал поколений» — о прославленном полководце и поэте средневековья Бабуре; роман Владимира Баграмова «Страна убитых птиц» — о возможной реставрации тоталитарного режима в нашей стране, а также повести Эркина Агзамова «Прощание после праздников», Татьяны Есениной «Лампа лунного света», Мурада Мухаммада-Доста «Портрет с другом и без него».

Журналу передали свои произведения прозаики Динара Абдулова, Асаг Асилов, Георгий Вогман, Владимир Мориц, Альбина Петрова, Маматкул Хазраткулов, Лариса Шпаковская.

Под рубрикой «Приключения. Фантастика» намечается опубликовать романы Сержа Жакемара «Контракт на три убийства», Дэшила Хемметта «Худой человек», Рауля Мир-Хайдарова «Пиковая масть», повести Вагима Донского, Тахира Малика, Эдуарда Маципуло, Юрия Ковалева.

Публицисты в своих статьях рассмотрят пути ускорения социально-экономического развития Узбекистана, как суверенной республики, оздоровления межнациональных отношений, укрепления русско-узбекского сотрудничества, утверждения демократических начал в общественно-политической жизни. Писатель Анатолий Ершов продолжит свои очерки о великом шелковом пути.

В первом номере журнала будет опубликован футурологический прогноз писателя-экстрасенса Евгения Березикова «Человечество в третьем тысячелетии».

Будет завершена публикация Корана и начата публикация хадисов «Ас-Сахих» («Правильный») — высказываний пророка Мухаммада и рассказов о его поступках, собранных Абу Абдаллахом Мухаммадом аль-Бухари. Эта книга вторая по важности после Корана основа вероучения ислама, на русский язык переводится впервые.